

Змест

**Галоўны
рэдактар:**
В. В. Валетаў

**Намеснік
галоўнага
рэдактара:**
В. М. Наўныка

**Рэдакцыйная
калегія:**
В. В. Шур
(адказны
за рубрыку
“Філалагічныя
навукі”)
І. У. Журлова
(адказны
за рубрыку
“Педагагічныя
навукі”)
І. В. Катовіч
(адказны
за рубрыку
“Біялагічныя
навукі”)
В. С. Болбас
Н. У. Зайцава
У. І. Коваль
Г. У. Кулак
С. Б. Кураш
В. І. Парфёнаў
В. Ф. Русецкі
У. С. Савенка
А. У. Сузько
У. У. Усеня
В. В. Шапялёвіч

Заснавальнік
Установа адукацыі
“Мазырскі
дзяржаўны
педагагічны
ўніверсітэт
імя І. П. Шамякіна”

БІЯЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

- Бодяковская Е. А., Кошечая К. О.* Вода из колодцев деревень Лельчицкого района по сезонам года 3
- Валетов В. В., Гуминская Е. Ю., Букиневич Л. А., Камай Е. Н.* Видовое разнообразие травянистой растительности лесов сосновой формации юго-восточной части Центральноберезинской равнины 9
- Воробьева М. М.* Выявление гаплотипов COI методом ПИР-ПДРФ анализа у тлей-полифагов 14
- Дегтярёва Е. И., Медведев М. А., Лазаренко Т. А., Губко А. Ю.* Эпидемиологические, патоморфологические и терапевтические аспекты рака шейки матки, ассоциированного с папилломавирусом человека 20
- Качур Д. А.* Антропометрические особенности спортсменов-армрестлеров различного уровня спортивного мастерства 26
- Котович И. В., Позывайло О. П., Баран В. П., Ярошевич Т. М.* Показатели липидного обмена, пероксидного окисления липидов и антиоксидантной системы крови коров-первотелок на начальном этапе лактации 33
- Крикало И. Н., Луполова Т. А.* Соматотип и гармоничность физического развития школьников среднего и старшего возраста 40

ПЕДАГАГІЧНЫЯ НАВУКІ

- Блоцкий С. М., Горовой В. А.* Особенности прогнозирования подготовки бегунов на средние и длинные дистанции 45
- Дубовец Е. Н.* Структурно-логический подход к обоснованию содержания представлений воспитанников детских домов и школ-интернатов о семейных ценностях 51
- Карпинская Т. В.* К вопросу преподавания учебной дисциплины «Охрана труда» в процессе подготовки будущих педагогов-инженеров агропромышленного комплекса 58
- Мартынова Е. И., Сучков А. К., Казимиров Е. П.* Интеграция средств оздоровительной аэробики в профессионально-прикладную физическую подготовку студентов специального учебного отделения 63
- Новицкая Н. Г.* Пути формирования у обучающихся навыков коммуникативной самопрезентации в рамках межкультурной коммуникации 69
- Сердюкова Е. Н.* Самооценка здоровья студентами экономического факультета УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины» 74
- Усова Ю. Н., Журлова И. В.* Система управления учебной деятельностью студентов-инофонов в процессе изучения иностранного языка на основе организационной модели 79
- Чечко Т. Н.* Ключевые компетенции студента-филолога на этапе ранней профессионализации 85
- Шантарович В. В., Каллаур Е. Г.* Методология развития силовых характеристик спортсменов-гребцов на байдарках и каноэ 91
- Щур Л. М.* Оценка эффективности методики подготовки студентов педагогических специальностей к осуществлению личностно-ориентированной образовательной деятельности 96

Адрас рэдакцыі:
вул. Студэнцкая, 28,
247777, Мазыр,
Гомельская вобл.
Тэл.: +375 (236) 32-46-29
E-mail:
vesnik.mgpru@mail.ru

Карэктары:
С. І. Жураўлёва,
У. В. Кузьміч
Камп'ютарная
вэрстка
А. В. Юніцкая

Падпісана да друку
12.11.2018 г.
Фармат 60 x 90 1/8.
Папера афсетная.
Рызграфія.
Ум. друк. арк. 20,75.
Тыраж 100 экз.
Заказ № 294к.

Установа адукацыі
“Мазырскі дзяржаўны
педагагічны
ўніверсітэт
імя І. П. Шамякіна”.
Вул. Студэнцкая, 28,
247777, Мазыр,
Гомельская вобл.
Пасведчанне
аб дзяржаўнай
рэгістрацыі сродку
масавай інфармацыі
№ 1233 ад 08.02.2010,
выдадзенае
Міністэрствам
інфармацыі
Рэспублікі Беларусь.

Установа адукацыі
“Беларускі гандлёва-
эканамічны ўніверсітэт
спажывецкай
кааперацыі”.
Пр-т Кастрычніка, 50,
246029, Гомель
ЛП № 02330/463
ад 23.03.2014 г.

Меркаванні,
выказаныя
аўтарамі, могуць
не супадаць
з пунктам погляду
рэдакцыі

© УА МДПУ
імя І. П. Шамякіна, 2018

ФІЛАЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

Ван Цин. Частеречная трансформация при переводе текста художественного стиля с русского языка на китайский (на материале романа Ф. М. Достоевского «Идиот»)	104
Гируцкий А. А., Трутенько В. В. Дискурсивно-диалогическое пространство малой прозы Л. Улицкой в социокультурном аспекте	111
Гребень Т. Н. Парентетические конструкции в научном и медийном англоязычном дискурсе	117
Дорош Н. Л. Глаголы-отсубстантивы, соотносимые с отвлеченными именами существительными, в русском и белорусском языках	122
Ковалевич И. О. Игровое словообразование в разговорной речи детей и взрослых	126
Крыштон І. С. Раслінныя і анімалістычныя вобразы ў паэзіі Канстанцыі Буйло і Эдны Мілей	131
Налётава Н. М. Мастацкая інтэрпрэтацыя асобы і дзейнасці К. М. Міцкевіча ў прозе С. Х. Александровіча	136
Скоробогатая Т. И. Производные глаголы в немецком языке с полупрефиксом <i>ab-</i> и их неоднословные соответствия	141
Суколен А. Г. Средства выражения оценочной характеристики ‘трусливый’ (на материале зоонимической лексики русского и китайского языков)	145
Тимошенко Е. И. Типология семантических связей в этимологических гнездах со значением созидания (на материале русского языка).....	151
Шаколо А. В. Сказочные онимы в репрезентации концептуальной оппозиции «свой – чужой»	156
Якушава А. М. Лексіка-граматычная спалучальнасць займеннікаў у творах мастацкай літаратуры (на прыкладзе твораў І. Шамякіна)	160
РЭЦЭНЗІІ	164

УДК 556.11 (476.2)

Е. А. Бодяковская¹, К. О. Кошевая²

¹Кандидат ветеринарных наук, доцент, доцент кафедры биологии и экологии,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

²Выпускник технолого-биологического факультета
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

ВОДА ИЗ КОЛОДЦЕВ ДЕРЕВЕНЬ ЛЕЛЬЧИЦКОГО РАЙОНА ПО СЕЗОНАМ ГОДА

В статье представлены результаты определения химических показателей качества колодезной воды из деревень Лельчицкого района по сезонам года. Все показатели качества воды за период исследования соответствовали санитарно-гигиеническим требованиям к качеству воды источников нецентрализованного питьевого водоснабжения, за исключением уровня хлорид-ионов и ионов железа. Уровень хлорид-ионов в пробах воды из деревни Буда-Софиевка осенью превысил санитарный норматив на 4,6 %. В этой же деревне летом и осенью уровень ионов железа превысил требования соответственно на 10 % и 13 %. Превышение норматива по данному показателю в деревне Милошевичи осенью составило 3,2 раза и в деревне Боровое летом – 3,1 раза.

Ключевые слова: питьевая вода, общая жесткость, сухой остаток, уровень хлорид-ионов, сульфат-ионов, ионов железа.

Введение

Пресные подземные воды являются важнейшим полезным ископаемым нашей страны. Жизнеобеспечение в Беларуси и работа ее народно-хозяйственного комплекса на 95 % основаны на эксплуатации пресных подземных вод. Общий статистический объем естественных ресурсов пресных подземных вод в пределах Республики Беларусь достигает порядка 44 млн м³ в сутки, а прогнозные эксплуатационные ресурсы – почти 50 млн м³ в сутки. Это весьма значительные запасы, которые многократно превышают современные объемы водопотребления в нашей стране. Мощность (или толщина) слоя пресных подземных вод на территории Беларуси варьируется от 50–150 до 1000–1200 м, средняя составляет 300–350 м. При этом имеются участки, где мощность слоя пресных подземных вод минимальна. К примеру, в зоне Полесья (долина рек Припять и Птичь) встречаются выходы подземных вод на поверхность. Они представляют собой соленые озера с небольшой минерализацией – 4–5 г на 1 л воды. Аналогичные зоны есть и в долине реки Западная Двина. В настоящее время используется только незначительная часть их прогнозных ресурсов (4–8 %). В отличие от поверхностных вод подземные воды хорошо защищены от различного рода антропогенного загрязнения. Благодаря этому они способны длительное время сохранять стабильное качество [1]–[3].

По своему качеству пресные подземные воды Беларуси удовлетворяют основным требованиям европейских стандартов. Единственная природная проблема – повышенное содержание в них железа и нередко марганца. Максимальное содержание указанных химических элементов в подземных водах характерно для зоны Полесья, где вода в 90 % эксплуатационных скважин имеет повышенное содержание железа. Как правило, использование таких вод в системах водоснабжения и для бутилирования возможно только после соответствующей водоподготовки. Однако такая ситуация характерна для пресных подземных вод глубинной зоны многих стран мира. К примеру, высокое содержание железа в подземных водах наблюдается в России, особенно в Западной Сибири, а также Швеции, Финляндии, Германии [4], [5].

Сегодня на качество пресных подземных вод Беларуси все большее влияние оказывает хозяйственная деятельность человека. Наиболее масштабным загрязнением подземных вод является сельскохозяйственное. Оно охватывает практически все пахотные земли, территории животноводческих ферм и комплексов. На таких участках в грунтовых водах растет содержание

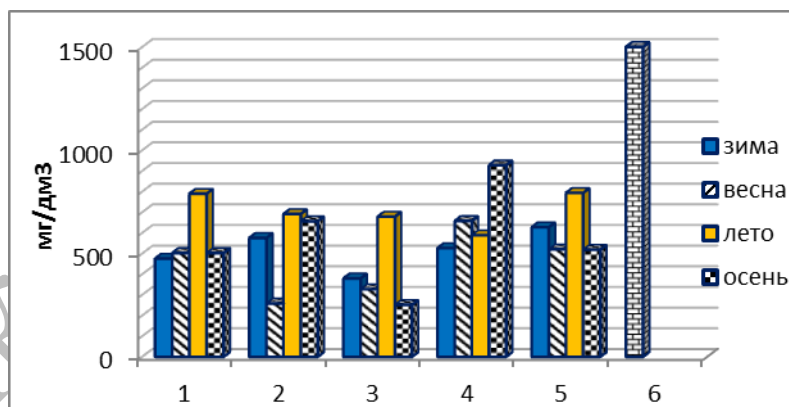
нитратов, хлоридов, сульфатов, калия, натрия и некоторых других компонентов. Загрязнение в районах пахотных земель проникает на глубину до 14–16 м и прослеживается по течению потока грунтовых вод на расстояние до 1,5 км от источника загрязнения [6], [7]. В связи с этим становится актуальным постоянное исследование употребляемой в пищу человеком воды, особенно нецентрализованного водоснабжения.

Цель работы – изучить динамику химических показателей качества колодезной воды населенных пунктов Лельчицкого района по сезонам года.

Методы исследований. Исследования по определению химических показателей качества колодезной воды проводились в зимний, весенний, летний и осенний периоды в деревнях Лельчицкого района: Боровое, Буда-Софиевка, Дзержинск, Буйновичи и Милошевичи. Пробы колодезной воды отбирались в соответствии с СТБ ГОСТ Р 51593-2001 Вода питьевая. Отбор проб [8]. Нормативные показатели качества воды приведены согласно Санитарных норм, правил и гигиенических нормативов «Гигиенические требования к источникам нецентрализованного питьевого водоснабжения населения» [9]. Определение гидрохимических показателей выполнено согласно стандартным методикам [10] в ГУ «Республиканский центр аналитического контроля в области охраны окружающей среды», аккредитованной для выполнения подобных исследований. В воде определялись сухой остаток, общая жесткость, уровень сульфат- и хлорид-ионов, ионов железа. Статистическая обработка данных выполнена в стандартном пакете Excel.

Результаты исследования и их обсуждение

Сухой остаток является одним из основных критериев определения качества воды, который выявляет степень ее минерализации. В качестве основных ионов, благодаря которым можно определить сухой остаток, выступают: сульфаты, хлориды, карбонаты, нитраты, бикарбонаты. Сухой остаток подразумевает наличие в воде растворенных нелетучих твердых веществ. Норматив данного показателя для питьевой колодезной воды не должен превышать 1500 мг/дм³ [9]. При ее определении было установлено, что все пробы воды, взятые во все периоды года, соответствовали требованиям СанПиН к качеству воды источников нецентрализованного питьевого водоснабжения населения (рисунок 1). Минимальное содержание сухого остатка в воде за весь период исследований отмечено в деревне Дзержинск осенью (251 мг/дм³) и деревне Буда-Софиевка весной (258 мг/дм³), а максимальный – в деревне Буйновичи осенью (927 мг/дм³).

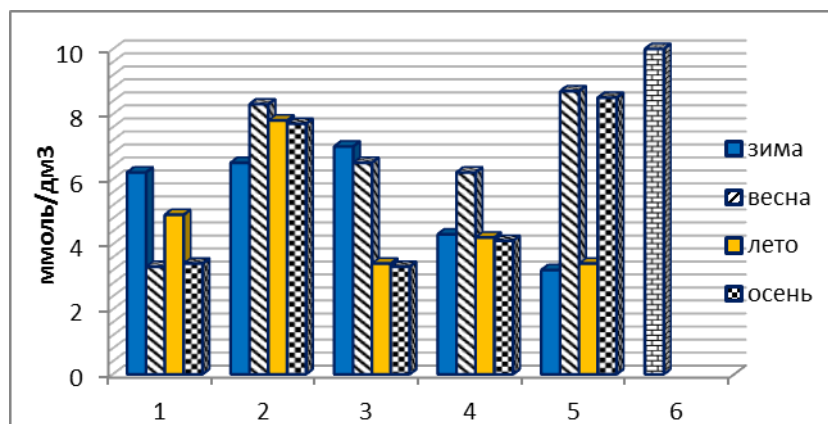

1 – д. Милошевичи; 2 – д. Буда-Софиевка; 3 – д. Дзержинск; 4 – д. Буйновичи; 5 – д. Боровое; 6 – СанПиН

Рисунок 1. – Уровень сухого остатка в колодезной воде населенных пунктов Лельчицкого района по сезонам года

Общая жесткость определяется суммарной концентрацией ионов кальция и магния. Представляет собой сумму карбонатной (временной) и некарбонатной (постоянной) жесткости. По санитарным нормам жесткость питьевой воды из колодцев не должна быть выше 10 ммоль/дм³ [9]. При анализе данного показателя было установлено, что все образцы питьевой воды, взятой в разные периоды, соответствовали нормативу (рисунок 2). При этом минимальный уровень мы наблюдали в разных деревнях и в разные сезоны года: в деревне Боровое зимой и летом (соответственно 3,2 ммоль/дм³ и 3,4 ммоль/дм³), в деревне Милошевичи весной и осенью (соответственно 3,3 ммоль/дм³ и 3,4 ммоль/дм³), в деревне Дзержинск летом и осенью

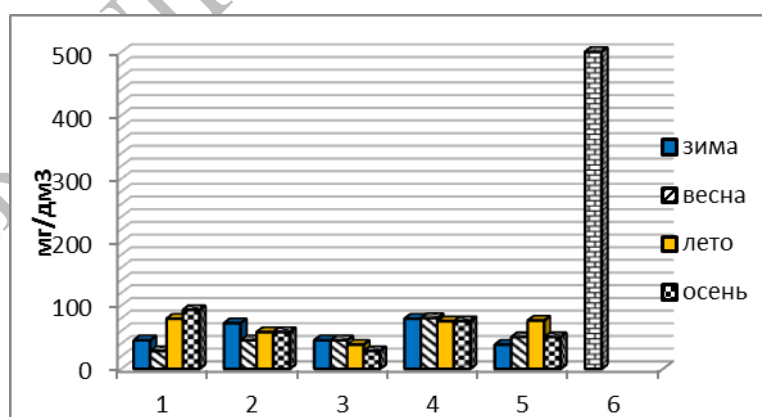
(соответственно $3,4 \text{ ммоль/дм}^3$ и $3,3 \text{ ммоль/дм}^3$). Максимальный уровень отмечен весной и осенью в деревне Боровое – $8,7 \text{ ммоль/дм}^3$ и $8,5 \text{ ммоль/дм}^3$. Следует также отметить, что в деревне Боровое наблюдалось значительное варьирование данного показателя по сезонам года. Мы можем предположить, что весной талые воды внесли соли кальция и магния в колодезную воду, а накопившиеся в почве сухим летом данные соли с наступлением дождливой осени попали в питьевую воду.

1 – д. Милошевичи; 2 – д. Буда-Софиевка; 3 – д. Держинск; 4 – д. Буйновичи;
5 – д. Боровое; 6 – СанПиН

Рисунок 2. – Уровень общей жесткости в колодезной воде населенных пунктов Лельчицкого района по сезонам года

Сульфаты поступают в водную среду со сточными водами многих отраслей промышленности. Атмосферная двуокись серы (SO_2), образующаяся при сгорании топлива, может вносить вклад в содержание сульфатов в поверхностных водах. Трехокись серы (SO_3), образующаяся при окислении двуокиси серы, в сочетании с парами воды образуют серную кислоту, которая выпадает в виде «кислого дождя» или снега. Большинство сульфатов растворимы в воде. Вода, в 1 дм^3 которой сульфат-ионов больше 500 мг , считается опасной для здоровья [9]. При определении уровня сульфат-ионов в колодезной воде населенных пунктов Лельчицкого района было установлено, что все пробы воды, взятые во все сезоны, соответствовали санитарно-гигиеническим требованиям (рисунок 3). Стоит отметить, что на протяжении всего исследования значения уровня сульфатов находились значительно ниже предельно допустимого значения.

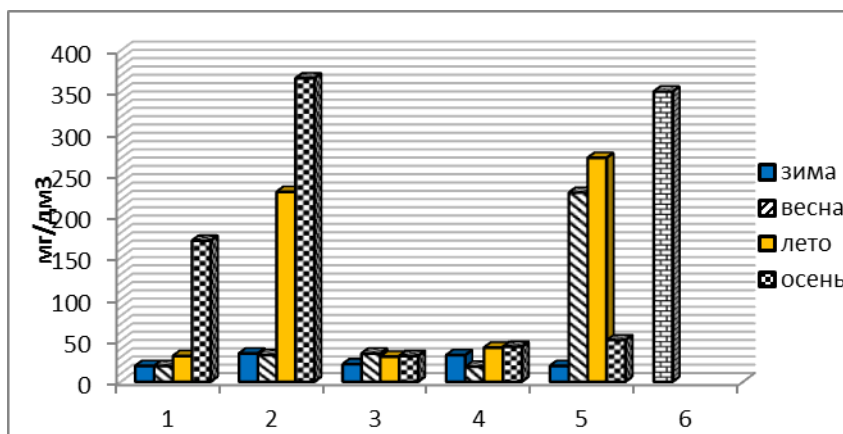

1 – д. Милошевичи; 2 – д. Буда-Софиевка; 3 – д. Держинск; 4 – д. Буйновичи;
5 – д. Боровое; 6 – СанПиН

Рисунок 3. – Уровень сульфат-ионов в колодезной воде населенных пунктов Лельчицкого района по сезонам года

Присутствие хлоридов в природных водах может быть связано с растворением отложений солей, загрязнением, обусловленным нанесением соли на дороги для борьбы со снегом и льдом, сбросом стоков промышленными предприятиями, нерациональным внесением минеральных

удобрений на сельскохозяйственные поля. Каждый из этих источников может вызвать загрязнение поверхностных и подземных вод. Высокая растворимость хлоридов объясняет широкое распространение их во всех природных водах. Согласно СанПиН, безвредной считается вода, в которой уровень хлорид-ионов ниже 350 мг/дм^3 [9]. Можно отметить, что данный показатель имел невысокие значения, за исключением колодезной воды в деревне Буда-Софиевка в осенний период. Он превысил норматив на 4,6 %. Также следует заметить, что в этой деревне уровень хлорид-ионов значительно возрос уже летом относительно весеннего показателя. Мы предполагаем, что возрастание данного показателя связано с нерациональным внесением минеральных удобрений на сельскохозяйственные поля вблизи деревни. Стоит отметить возрастание концентрации хлорид-ионов и в деревне Боровое в весенний и летний периоды и в деревне Милошевичи осенью.

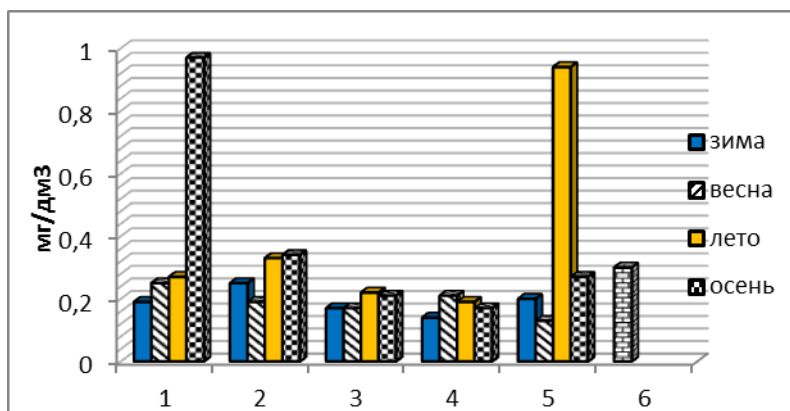
1 – д. Милошевичи; 2 – д. Буда-Софиевка; 3 – д. Дзержинск; 4 – д. Буйновичи;
5 – д. Боровое; 6 – СанПиН

Рисунок 4. – Уровень хлорид-ионов в колодезной воде населенных пунктов Лельчицкого района по сезонам года

Железо широко распространено в подземных водах Восточно-Европейской платформы, четвертичный осадочный комплекс в пределах которой в значительной мере сложен ледниковыми и постледниковыми образованиями. На территории Беларуси железистое загрязнение подземных вод указанного комплекса прослеживается практически повсеместно, что серьезно осложняет их хозяйственно-питьевое использование. При содержании железа в воде более $0,3 \text{ мг/дм}^3$ последняя нуждается в обезжелезивании. Высокое содержание железа в водах является важнейшей проблемой, которую приходится решать при эксплуатации многих групповых водозаборов и одиночных скважин. Более 70 % артезианских скважин на территории Беларуси имеют воду с содержанием железа, превышающим уровень ПДК ($0,3 \text{ мг/дм}^3$), а в зоне Полесья доля этих скважин достигает 90–95 %. Концентрация соединений железа составляет в них от 1 до 10 мг/дм^3 и более [11]. При определении данного показателя в колодезной воде населенных пунктов Лельчицкого района было установлено, что не все пробы воды соответствовали санитарно-гигиеническим требованиям (рисунок 5). При этом минимальный уровень ионов железа за весь период отмечен зимой в деревне Буйновичи – $0,14 \text{ мг/дм}^3$. В деревне Буда-Софиевка пробы воды, взятые летом и осенью, незначительно превысили норматив – соответственно на 10 % и 13 %. Чего нельзя сказать о пробах воды из деревни Милошевичи осенью и деревни Боровое летом. Так в деревне Милошевичи данный показатель превысил норматив в 3,2 раза, а в деревне Боровое – в 3,1 раза.

Ученые объясняют такое наличие железа в подземных водах процессами вымывания его из водовмещающих пород потоками воды, особенно при повышенном содержании диоксида углерода. Под действием диоксида углерода труднорастворимые соединения переходят в растворимые, образуя при этом бикарбонаты. В условиях Беларуси железо в подземных водах находится, как правило, в бикарбонатной форме, реже – в хлоридной и сульфатной. При наличии в подземных водах железосодержащих гуминовых комплексов их процентное содержание (по общему железу) не превышает 30–40 %, остальное железо находится в других формах. В отдельных случаях гуминовые вещества могут присутствовать в подземных водах и в более значительных концентрациях. Низкие значения окислительно-восстановительного потенциала и

активной реакции подземных вод объясняются, в основном, наличием в них достаточно больших количеств свободного диоксида углерода и отсутствием окислителей. В этих условиях железо в воде будет находиться в виде ионов растворенного железа. Гомогенное окисление закисных форм железа, присутствующих в воде, происходит при введении в нее окислителей, в частности кислорода воздуха. При этом идет связывание свободного диоксида углерода, повышение окислительно-восстановительного потенциала и в конечном итоге, переход растворенных закисных форм железа в нерастворимые окисные [11].

1 – д. Милошевичи; 2 – д. Буда-Софиевка; 3 – д. Дзержинск; 4 – д. Буйновичи;
5 – д. Боровое; 6 – СанПиН

Рисунок 5. – Уровень ионов железа в колодезной воде населенных пунктов Лельчицкого района по сезонам года

В связи с высоким содержанием железа в колодезной воде в отдельные периоды года жителям вышеперечисленных деревень можно порекомендовать несколько способов снижения его уровня в воде. И хотя на сегодняшний день не существует единого универсального метода комплексной очистки воды от всех существующих форм железа, используя ту или иную схему водоподготовки, можно добиться желаемого результата в каждом конкретном случае.

Наиболее простые и доступные способы:

- отстаивание воды, правда, процесс осаждения коллоидных частиц гидроксида трехвалентного железа происходит медленно;
- кипячение воды, тем самым еще и обеззараживая ее;
- заморозка воды – это наиболее действенный метод, но, к сожалению, трудоемкий и длительный.

Традиционные методы обезжелезивания воды основываются на окислении двухвалентного железа кислородом воздуха (аэрация) и сильными окислителями (хлор, перманганат калия, перекись водорода) до трехвалентного состояния, с образованием нерастворимого гидроксида железа (III), который впоследствии удаляется отстаиванием или фильтрацией. Окисление железа аэрацией может проводиться переливанием воды из одной емкости в другую несколько раз, фонтанированием, душированием. Во многих случаях вода, прошедшая обезжелезивание аэрацией с последующим отстаиванием и фильтрацией, уже оказывается пригодной к употреблению в качестве питьевой. Добавление в воду сильных окислителей значительно интенсифицирует процесс окисления двухвалентного железа. Наиболее широко применяется для очистки воды от железа хлорирование, позволяющее также решить проблему дезинфекции воды. Что касается современных систем очистки воды, то, если верить специалистам, самыми эффективными являются фильтры [12].

Анализируя полученные результаты можно отметить, что все показатели качества колодезной воды из деревень Лельчицкого района в разные сезоны года, за исключением уровня хлорид-ионов и ионов железа, соответствовали санитарно-гигиеническим требованиям. В пробах воды из деревни Буда-Софиевка, взятых летом и осенью уровень ионов железа незначительно превысил норматив, осенью не соответствовала санитарным нормам также концентрация хлорид-ионов. В деревне Милошевичи осенью уровень ионов железа превысил требования в 3,2 раза, а в деревне Боровое летом – в 3,1 раза. Такое наличие железа в подземных водах объясняется

процессами вымывания его из водовмещающих пород потоками воды, особенно при повышенном содержании диоксида углерода.

Выводы

Все химические показатели качества воды, отобранной из колодцев населенных пунктов Лельчицкого района в разные сезоны года, за исключением уровня хлорид-ионов и ионов железа, соответствовали санитарно-гигиеническим требованиям к качеству воды источников нецентрализованного питьевого водоснабжения населения.

Уровень хлорид-ионов в пробах воды из деревни Буда-Софиевка в осенний период превысил санитарный норматив на 4,6 %. Концентрация ионов железа в пробах воды, взятых в деревне Милошевичи осенью превысила санитарные требования в 3,2 раза, а в деревне Боровое летом – в 3,1 раза. В пробах воды, взятых летом и осенью в деревне Буда-Софиевка, уровень ионов железа превысил норматив соответственно на 10 % и 13 %.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ясовеев, М. Г. Пресные питьевые воды Беларуси: ресурсы и качество / М. Г. Ясовеев // Вести БГПУ. – 2007. – № 1. – С. 62–66.
2. Геоэкологические критерии качества пресной питьевой воды / М. Г. Ясовеев [и др.] // Региональная физическая география в новом столетии. – Минск : БГУ, 2012. – Вып. 5. – С. 77–79.
3. Зуев, В. Н. Изучение и охрана водных объектов / В. Н. Зуев. – Минск : Орех, 2006. – 70 с.
4. Кудельский, А. В. Пресные подземные воды как основной источник питьевого водоснабжения в Республике Беларусь: ресурсы, качество, проблемы водопользования / А. В. Кудельский // Стратегические проблемы охраны и использования водных ресурсов. – Минск : Минсктиппроект, 2011. – С. 7–29.
5. Эльпинер, Л. И. Медико-экологические аспекты кризиса питьевого водоснабжения / Л. И. Эльпинер // Гигиена и санитария. – 2013. – № 6. – С. 38–43.
6. Позин, С. Г. О качестве воды открытого источника хозяйственно-питьевого водоснабжения города / С. Г. Позин, А. А. Черноморец // Военная медицина. – 2007. – № 4. – С. 90–92.
7. Позин, С. Г. Качество воды источников нецентрализованного хозяйственно-питьевого водоснабжения в 1994 и 2009 годах / С. Г. Позин // Военная медицина. – 2011. – № 2. – С. 92–95.
8. Вода питьевая. Отбор проб : СТБ ГОСТ Р 51593-2001 – Введ. 01.11.2002. – Минск : Гос. комитет по стандартизации Респ. Беларусь, 2001. – 12 с.
9. Санитарные нормы, правила и гигиенические нормативы «Гигиенические требования к источникам нецентрализованного питьевого водоснабжения населения»: Постановление № 105. – Введ. 02.08.2010. – Минск : М-во здравоохранения Респ. Беларусь, 2011. – 20 с.
10. Вода питьевая. Общие требования к организации методам контроля качества: СТБ 1188-99. – Введ. 01.07.2000. – Минск : Гос. стандарт Респ. Беларусь, 2006. – 20 с.
11. Анискевич, А. В. Повышенное содержание железа в воде // ГУ «Минский областной центр гигиены, эпидемиологии и общественного здоровья [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://gigiena.minsk-region.by/ru/obraz/statyi.html>. – Дата доступа: 09.09.2016.

Поступила в редакцию 16.07.2018

E-mail: bea5555@yandex.by

E. A. Bodyakovskaya, K. O. Koshevaya

WATER FROM THE WALLS OF THE VILLAGE IN LELCHITSKY DISTRICT FOR THE SEASONS OF THE YEAR

All indicators of the quality of well-water during the research period satisfied to the health stipulations to the quality of water sources of non-centralized drinking water supply of the population, except for the level of chloride ions and The level of chloride ions in water samples from the village of Buda-Sofievka in the autumn exceeded the health stipulations by 4.6 %. The level of iron ions in the samples of water taken in the summer and autumn in the village of Buda-Sofievka exceeded the standard by 10 % and 13 %. This indicator exceeded the standard by 3.2 times in autumn in the village Milosevici, and in Bоровое village in summer – by 3.1 times.

Keywords: drinking water, total hardness, dry residue, level of chloride ions, sulfate ions, iron ions.

УДК 581.526.3

В. В. Валетов¹, Е. Ю. Гуминская², Л. А. Букиневич³, Е. Н. Камай⁴

¹Доктор биологических наук, профессор, профессор кафедры биологии и экологии, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

²Кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, заведующий кафедрой биологии и экологии, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

³Старший преподаватель кафедры биологии и экологии, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

⁴Учитель биологии и химии, ГУО «Волосовичский детский сад – средняя школа», аг. Волосовичи, Октябрьский р-н, Республика Беларусь

ВИДОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ТРАВЯНИСТОЙ РАСТИТЕЛЬНОСТИ ЛЕСОВ СОСНОВОЙ ФОРМАЦИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ЦЕНТРАЛЬНОБЕРЕЗИНСКОЙ РАВНИНЫ

Описан 31 вид растительности, представленный 24 семействами. Наиболее многочисленные по разнообразию семейства Rosaceae и Ranunculaceae, Poaceae. Они представлены 6 видами деревьев, 1 видом мха, 1 видом папоротника, 23 видами растений. Описано фенотипическое состояние, проективное покрытие, обилие и жизненность видов. Выявлены место обитания 1 охраняемого вида Pulsatilla patens, 4 категории охраны.

Ключевые слова: лесная растительность, формация, ассоциация, вегетативное состояние, генеративное состояние, мезофиты, гигрофиты, мезотрофы, мегатрофы, светолюбивые, теневыносливые.

Введение

В почвенном покрове юго-восточной части Центральнoбeрeзинскoй равнины доминируют дерново- слабо- и среднеподзолистые почвы с двумя подрядами ландшафтов с покровом водно-ледниковых супесей и суглинков, которые в сочетании с выровненным рельефом обусловили достаточно высокое освоение территории. Произрастают широколиственно-еловые зеленомошно-кисличные и широколиственно-сосновые орляково-зеленомошно-кисличные леса. Растительность принадлежит к Березинско-Предполесскому геоботаническому округу подзоны грабово-дубово-темнохвойных [1].

В результате осушения покрытых лесом болот, широкой распаханностью, на месте коренных лесов образуются производно-мелиоративные типы и ассоциации растительности. Полностью изменяются их флористический состав и геоботаническая структура. Наряду с деградацией нижних ярусов (травяного и мохового) меняется состав древесно-кустарникового яруса, повышается либо понижается их продуктивность.

Цель исследования: изучить видовое разнообразие травянистой растительности лесов сосновой формации юго-восточной части Центральнoбeрeзинскoй равнины.

Материалы и методы исследования

Исследования проводились на территории Бобруйского лесхоза маршрутным методом путем заложения пробных площадок. Фенотипическое состояние видов в сообществе описывали по Б. А. Быкову. Определяли проективное покрытие. Обилие описывали по шкале Друде. Жизненность видов фитоценоза оценивали глазомерно по 3-балльной шкале жизненности. Определены экологические группы травянистых растений по отношению к свету, влаге, трофности [2], [3]. Охраняемые виды определяли согласно Красной книге РБ [4].

Выделено 3 типа леса: сосняк мшистый, сосняк зеленомошный, сосняк кисличный. В каждом типе выявлено по одной ассоциации: чернично-мшистая, травяно-зеленомошная, чернично-кисличная соответственно. Всего было описано 31 вид растительности, представленных 24 семействами. Наиболее многочисленными по разнообразию семейства Rosaceae и Ranunculaceae, Poaceae. Представлены 6 видов деревьев, 1 вид мха, 1 вид папоротника, 1 кустарничек, 22 вида травянистых растений.

Результаты исследования и их обсуждение

В ассоциации травянистых растений сосняка чернично-мшистого (рисунок 1) преобладающим видом по проективному покрытию являются *Fragaria vesca* и *Festuca pratensis* – 100 %. *Poa trivialis* и *Poa pratensis* занимают по 35 % и 40 % проективного покрытия от всех видов в ассоциации. Встречаются кустарничек – *Vaccinium myrtillus* (рисунок 2), травянистые растения – *Festuca pratensis*, *Fragaria vesca*, *Poa pratensis*, *Hypericum perforatum*, *Vicia cracca*, *Carex sylvatica*, *Dactylis glomerata*, *Campanula patula*.

Рисунок 1. – Сосняк чернично-мшистый. Сосновый бор

Рисунок 2. – Сосняк чернично-мшистый (кустарничек *Vaccinium myrtillus*)

Веgetативное состояние *Fragaria vesca* находится на стадии формирования зачатков, одновременно присутствуют растения, генеративное состояние которых в фазе появления соцветий. Веgetативное состояние *Festuca pratensis* – на стадии мертвого растения. Генеративное – осыпание плодов, семян.

Произрастает кустарничек *Vaccinium myrtillus*, жизненность которого находится как на стадии всходов, так и на стадии бутонизации.

Веgetативное состояние для видов растений в исследуемой ассоциации характеризовалось как стадией роста, так и стадией отмирания. Генеративное состояние растений находится как на стадии появления соцветий для *Campanula patula*, так и на стадии осыпания плодов, окончании генерации для *Dactylis glomerata*, *Carex sylvatica*, *Poa pratensis*. Жизненность *Campanula patula* полная. Большинство видов находятся в угнетенном состоянии: *Poa pratensis*, *Dactylis glomerata*, *Carex sylvatica*.

Веgetативное и генеративное состояние *Hypericum perforatum* характеризуется как мертвое растение, *Vicia cracca* – находится в зачатках. Жизненность у *Vicia cracca* полная. У вида *Poa pratensis* она находится на стадии угнетения.

На исследуемой территории преобладают растения светолюбивые (62,5 %): *Festuca pratensis*, *Hypericum perforatum*, *Vicia cracca*, *Dactylis glomerata*, *Campanula patula*, так как основной породой деревьев, находящихся на данном участке, является сосна обыкновенная. Крона сосен расположена в верхней части ствола, следовательно, света будет больше. Так как сосна обыкновенная обладает стержневой корневой системой и хорошо развитыми боковыми поверхностными корнями, она поглощает много влаги, следовательно, в растительном покрове будут преобладать растения, не требующие большого количества влаги и питательных веществ. По отношению к влаге преобладают мезофиты (100 %): *Festuca pratensis*, *Poa trivialis*, *Hypericum perforatum*, *Vicia cracca*, *Carex sylvatica*, *Dactylis glomerata*, *Campanula patula*. По отношению к трофности преобладают мезотрофы (87,5 %): *Festuca pratensis*, *Fragaria vesca*, *Poa trivialis*, *Hypericum perforatum*, *Vicia cracca*, *Carex sylvatica*, *Dactylis glomerata*. Вследствии нарушения подроста, вырубки леса и дальнейшей рекреации большую часть территории занимают злаки. Ассоциация приурочена к супесчаным, умеренной влажности почвам.

В ассоциации травянистой растительности сосняка травяно-зеленомошного (рисунок 3) преобладающим видом по проективному покрытию является *Melampyrum nemorosum* L. – 31 %. Также встречаются травянистые растения: *Vicia cracca*, *Dactylis glomerata*, *Hypericum perforatum*, *Thalictrum flavum*, *Vaccaria hispanica*, *Tanacetum vulgare*, *Pulsatilla patens*, *Pyrola rotundifolia*, *Impatiens noli-tangere*, *Convallaria majalis*, *Campanula patula*, *Chamerion angustifolium*, *Festuca pratensis*, *Hieracium umbellatum*.

Рисунок 3. – Сосняк травяно-зеленомошный (злаковые культуры)

Веgetативное состояние *Melampyrum nemorosum* L. и *Impatiens noli-tangere* находится в начале вегетации, *Convallaria majalis* – на стадии мертвого растения. Генеративное состояние – бутонизация, начало цветения, в фазе осыпания плодов и семян соответственно.

Fragaria vesca занимает 20–22 % проективного покрытия всего участка. Веgetативное состояние *Fragaria vesca* и *Dactylis glomerata* – на стадии мертвого растения. *Pulsatilla patens*, *Hieracium umbellatum*, *Vaccaria hispanica* находится на стадии вегетации. Генеративное состояние *Fragaria vesca* и *Dactylis glomerata* находится в фазе осыпания плодов и семян. *Pulsatilla patens* – полное цветение, *Hieracium umbellatum*, *Vaccaria hispanica* – появление соцветий.

Pulsatilla patens составляет 18 % проективного покрытия ассоциации.

Pyrola rotundifolia – на стадии вегетации, а *Tanacetum vulgare* – на стадии мертвого растения. Генеративное состояние *Pulsatilla patens* – фаза полного цветения, *Pyrola rotundifolia* – в фазе появления соцветий, *Tanacetum vulgare* – в фазе осыпания плодов и семян.

Chamerion angustifolium занимает 18 % проективного покрытия ассоциации. Веgetативное состояние *Chamerion angustifolium*, *Dactylis glomerata* отмечено на стадии мертвого растения, *Campanula patula* находится на стадии начала вегетации. Генеративное состояние *Chamerion*

angustifolium, *Dactylis glomerata* – в фазе осыпания плодов и семян, *Campanula patula* – появление соцветий и спороносных листьев.

На исследуемой территории встречаются одиночные виды *Hypericum perforatum*, *Festuca pratensis*, вегетативное состояние которых характеризуется как мертвое растение, генеративное состояние – в фазе осыпания плодов и семян.

Dactylis glomerata составляет 11 % проективного покрытия исследуемого участка. Вегетативное состояние *Dactylis glomerata*, *Hypericum perforatum* – на стадии мертвого растения, *Vaccaria hispanica*, *Thalictrum flavum*, *Vicia cracca* находится на стадии начала вегетации. Генеративное состояние *Dactylis glomerata*, *Hypericum perforatum* – в фазе осыпания плодов и семян, *Vaccaria hispanica*, *Thalictrum flavum*, *Vicia cracca* – в фазе появления соцветий.

На территории травяно-зеленомошной ассоциации преобладают светолюбивые травянистые растения (75 %): *Vicia cracca*, *Dactylis glomerata*, *Hypericum perforatum*, *Thalictrum flavum*, *Vaccaria hispanica*, *Tanacetum vulgare*, *Pulsatilla patens*, *Convallaria majalis*, *Campanula patula*, *Chamerion angustifolium*, *Festuca pratensis*, *Hieracium umbellatum*, так как основной лесообразующей породой является сосна обыкновенная. Встречаются небольшие насаждения лиственных пород, поэтому изредка появляются теневыносливые и тенелюбивые растения. Так как среди сосновых насаждений присутствуют лиственные породы, бедность почвы будет уменьшаться и могут появляться растения более требовательные к влаге и питательным веществам. По отношению к влаге преобладают мезофиты (93,75 %): *Melampyrum nemorosum* L., *Vicia cracca*, *Dactylis glomerata*, *Hypericum perforatum*, *Thalictrum flavum*, *Vaccaria hispanica*, *Tanacetum vulgare*, *Pulsatilla patens*, *Pyrola rotundifolia*, *Convallaria majalis*, *Campanula patula*, *Chamerion angustifolium*, *Festuca pratensis*, *Hieracium umbellatum*; по отношению к трофности – мезотрофы (62,5 %): *Fragaria vesca*, *Vicia cracca*, *Dactylis glomerata*, *Hypericum perforatum*, *Pulsatilla patens*, *Pyrola rotundifolia*, *Convallaria majalis*, *Chamerion angustifolium*, *Festuca pratensis*, *Hieracium umbellatum*.

Преобладающим видом ассоциации травянистой растительности сосняка чернично-кисличного по проективному покрытию является *Anemone nemorosa*. Также встречаются из моховидных *Sphagnum palustre* L., папоротник – *Athyrium filix-femina*, кустарничек *Vaccinium myrtillus*, травянистые растения: *Chrysosplenium alternifolium*, *Oxalis acetosella*, *Convallaria majalis*.

Anemone nemorosa занимает 54–65 % проективного покрытия ассоциации. Вегетативное состояние *Anemone nemorosa* находится в начале вегетации, *Convallaria majalis* – на стадии зачатков. Генеративное состояние *Anemone nemorosa* – начало цветения и спороношения, *Convallaria majalis* – появление соцветий. Вегетативное состояние *Vaccinium myrtillus* – вегетация. Генеративное состояние – бутонизация.

На исследуемой территории был выявлен один вид мха *Sphagnum palustre* L., средняя высота – 4 см, проективное покрытие 10 %, на стадии в начале вегетации, генеративное – появление спороносных листьев. Жизненность составила 3 балла.

Также был отмечен один вид папоротника – Кочедыжник женский (*Athyrium filix-femina*). Средняя высота растения составила 30 см, проективное покрытие 20 %. Вегетативное состояние находится на стадии мертвого растения, нет признаков генерации. Жизненность составила 3 балла.

На территориях главной лесообразующей породой является сосна обыкновенная, но нередко встречаются и еловые насаждения. Так как ель обыкновенная имеет крону, расположенную почти от земли, то по отношению к свету преобладают теневыносливые виды (75 %): *Anemone nemorosa*, *Chrysosplenium alternifolium*, *Oxalis acetosella*. Участок находится в понижении, рядом располагается болото, следовательно, преобладающие виды будут требовательны к влаге и питанию. По отношению к влаге – мезофитов и гигрофитов по 50 % соответственно: *Anemone nemorosa*, *Convallaria majalis*, *Chrysosplenium alternifolium*, *Oxalis acetosella*; по отношению к трофности – мегатрофов (75 %); *Anemone nemorosa*, *Chrysosplenium alternifolium*, *Oxalis acetosella*.

Кочедыжник женский (*Athyrium filix-femina*) теневыносливый, мезогигрофит, мегатроф.

Сфагнум болотный (*Sphagnum palustre* L.) теневыносливый, гигрофит, мегатроф.

Черника обыкновенная (*Vaccinium myrtillus*) теневыносливый вид, мезофит, олиготроф.

Выводы

При составлении списка флоры исследуемой территории доминирующее положение по числу видов занимают семейства Ranunculaceae, Poaceae, Rosaceae.

По отношению к свету в чернично-мшистом и травяно-зеленомошном сосняках преобладают светолюбивые 55,6 % и 75 % соответственно. В чернично-кисличном – теневыносливые (80 %).

По отношению к влаге в чернично-мшистом и травяно-зеленомошном сосняках преобладают мезофиты 100 % и 93,75 % соответственно, в чернично-кисличном – мезофиты и гигрофиты по 50 % соответственно.

По отношению к трофности в чернично-мшистом и травяно-зеленомошном сосняках преобладают мезотрофы 77,8 % и 62,5 % соответственно. В чернично-кисличном – мегатрофы (60 %).

Такое соотношение экологических групп по отношению к влаге и трофности связано с геоморфологическими особенностями, а также на большей территории супесчаным механическим составом почв.

Выявлены место обитания 1 охраняемого вида *Pulsatilla patens*, 4 категории охраны (Красная книга РБ, 2015).

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Исаченко, А. Г. Ландшафтоведение и физико-географическое районирование / А. Г. Исаченко. – М. : Высшая школа, 1991. – 366 с.
2. Бученков, И. Э. Методы изучения растительности / И. Э. Бученков. – Минск : БГПУ, 2003. – 16 с.
3. Булохов, А. Д. Учебно-полевая практика по ботанике с основами фитоценологии : учеб. пособие / А. Д. Булохов, Н. Н. Панасенко, Ю. А. Семенищенков. – Брянск : РИО БГУ, 2010. – 172 с.
4. Парфенов, В. И. Красная книга Республики Беларусь; редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды дикорастущих растений / М. Е. Никифоров, В. И. Парфенов. – Минск : «Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі», 2015. – 448 с.

Поступила в редакцию 27.07.2018

E-mail: elena.huminskaya@yandex.ru

V. V. Valetov, E. Yu. Huminskaya, I. A. Bukinevich, K. N. Kamai

SPECIES DIVERSITY OF HERBACEOUS VEGETATION OF THE PINE FOREST FORMATIONS OF THE SOUTH-EASTERN PART OF THE CENTRAL BEREZINA PLAIN

A total of 31 species of vegetation, represented by 24 families, were described. The most numerous in the diversity of the family are Rosaceae, Ranunculaceae, and Poaceae. They are represented by 6 species of trees, 1 species of moss, 1 species of fern, 23 species of plants. Their phenotypic state, projective cover, abundance and vitality of species are described. Identified habitat 1 protected species *Pulsatilla patens*, 4 categories of protection.

Keywords: forest vegetation, formation, association, vegetative state, generative state, mesophytes, hygrophytes, mesotrophs, megatrophs, light-loving, shade-tolerant.

УДК 577.212:595.753

М. М. Воробьева

Кандидат биологических наук, старший преподаватель кафедры биолого-химического образования,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

**ВЫЯВЛЕНИЕ ГАПЛОТИПОВ COI МЕТОДОМ ПЦР-ПДРФ АНАЛИЗА
У ТЛЕЙ-ПОЛИФАГОВ**

Проанализировано 1779 нуклеотидных последовательностей гена субъединицы 1 цитохромоксидазы *c* (COI) тлей с широким перечнем кормовых растений (*Acyrtosiphon malvae* Kalt., *Aphis craccivora* Koch, *Aphis fabae* Scop., *Aphis gossypii* Glov., *Aphis spiraecola* Patch, *Aulacorthum solani* (Kalt.), *Brachycaudus helichrysi* Kalt., *Myzus persicae* (Sulz.) и *Macrosiphum euphorbia* Thorn.). Результаты анализа показали, что тли-полифаги обладают высоким внутривидовым полиморфизмом гена COI. На основе полученных данных построили рестрикционные карты и разработали ПЦР-ПДРФ ключи для идентификации конкретных гаплотипов COI у анализируемых видов тлей-полифагов.

Ключевые слова: тли-полифаги, рестрикционные карты, ПЦР-ПДРФ ключи, *A. malvae*, *A. craccivora*, *A. fabae*, *A. gossypii*, *A. spiraecola*, *A. solani*, *B. helichrysi*, *M. persicae*, и *M. euphorbia*.

Введение

Настоящие тли (Homoptera; Aphidoidea) – сравнительно небольшое надсемейство насекомых, включающее на сегодняшний день более 5000 видов, многие среди которых являются опасными вредителями сельскохозяйственных и иных возделываемых культур [1]. Благодаря таким особенностям биологии и экологии как гетерогония, морфологический полиморфизм, быстрая смена генераций, способность к эффективному расселению, высокий уровень адаптации к растениям-хозяевам, широкая экологическая валентность и др., эти насекомые успешно адаптировались к разнообразным условиям окружающей среды и освоили в качестве кормовых объектов практически все группы семенных растений [2].

Адаптации тлей к новым природно-климатическим условиям свидетельствует о высоком уровне экологической пластичности этого таксона насекомых, которая генетически детерминирована и поддерживается естественным отбором. Как известно, внутривидовая генетическая вариабельность, также как и морфологическая изменчивость, и экологическая пластичность является ключевым фактором, обеспечивающим выживание популяций в динамичных условиях окружающей среды и способствующим противостоянию давления естественного отбора [3], [4]. В связи с этим изучение внутривидового полиморфизма у тлей имеет важное научно-теоретическое и практическое значение для понимания механизмов, обеспечивающих высокую экологическую пластичность насекомых этого таксона и составления прогнозов оценки стабильности популяций и переносчиков заболеваний растений.

Особого внимания среди тлей заслуживают виды, обладающие способностью питаться более чем на 100 видах растений, принадлежащих к разным ботаническим семействам. Согласно литературным данным, к числу таких видов принадлежат *Acyrtosiphon malvae* Kalt., *Aphis craccivora* Koch, *Aphis fabae* Scop., *Aphis gossypii* Glov., *Aphis spiraecola* Patch, *Aulacorthum solani* (Kalt.), *Brachycaudus helichrysi* Kalt., *Myzus persicae* (Sulz.) и *Macrosiphum euphorbia* Thorn. [5]. Перечисленные выше тли являются рецетными видами фауны Беларуси и опасными вредителями сельскохозяйственных и иных хозяйственно ценных растений [2], в связи с чем были выбраны в качестве модельных объектов в рамках настоящего исследования.

Важными критериями, отражающими уровень внутривидового генетического полиморфизма, являются такие параметры, как, например, число и дивергенция гаплотипов, рассчитанные путем сравнения нуклеотидных последовательностей ортологических и паралогических генов. Результаты исследований показали, что у тлей конкретные гаплотипы генов субъединицы 1 цитохромоксидазы *c* (COI) и цитохром *b* (*cyt b*) ассоциированы с линиями тлей, питающимися на

разных кормовых растениях, что свидетельствует о приуроченности гаплотипов к конкретным растениям-хозяевам [6], [7], в связи с чем логично предположить, что тли-полифаги должны иметь большое число гаплотипов, а значит обладать высоким уровнем внутривидовой генетической вариабельности и, соответственно, высоким потенциалом выживаемости.

Поскольку генетическая вариабельность является залогом успешной адаптации видов к изменяющимся условиям окружающей среды и реализации их репродуктивного потенциала, как было сказано выше, в рамках настоящего исследования ставилась задача провести сравнительный анализ нуклеотидных последовательностей гена COI тлей-полифагов и разработать ПЦР-ПДРФ ключи для изучения гаплотипического разнообразия с целью оценки внутривидового генетического полиморфизма.

Методы исследования

В исследование включены собственные расшифрованные нуклеотидные последовательности гена COI, полученные в рамках проведения курсов Глобальной таксономической инициативы «Быстрая идентификация инвазивных видов для достижения целевой задачи Айти 9, используя техники и методы ДНК-штрихкодирования» при финансовой поддержке Секретариата Конвенции о биоразнообразии и Фонда биоразнообразия Японии, а также последовательности этого гена, представленные в Международных генетических базах данных NCBI (GenBank) и BOLDv.4 [8], [9] (рисунок 1).

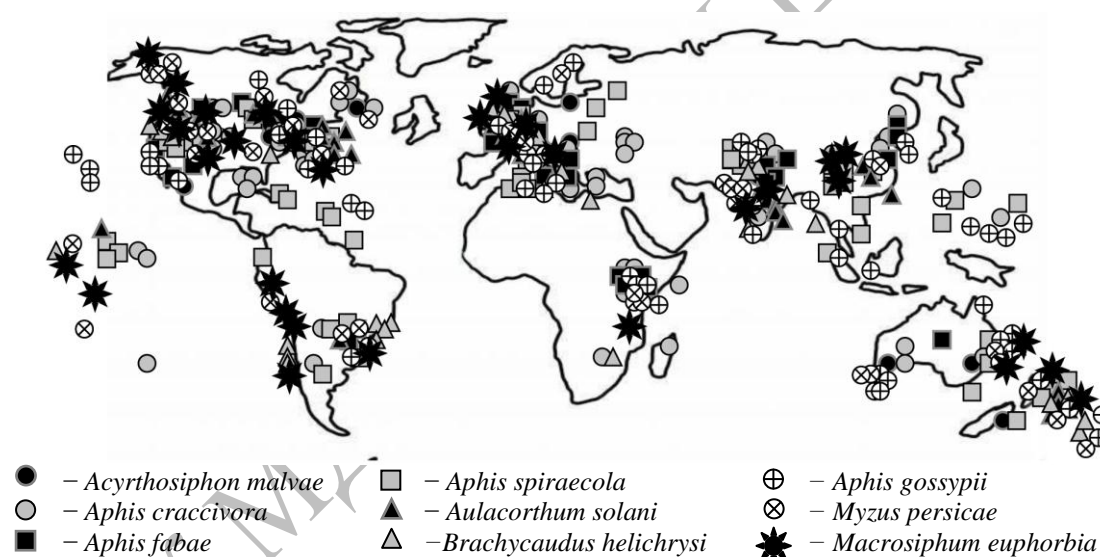

Рисунок 1. – Регионы происхождения нуклеотидных последовательностей гена COI тлей, используемых в рамках настоящего исследования

Общая выборка составила 1779 нуклеотидных последовательностей гена COI, среди которых 44 принадлежали *A. malvae*, 202 – *A. craccivora*, 402 – *A. fabae*, 419 – *A. gossypii*, 227 – *A. spiraeicola*, 77 – *A. solani*, 135 – *B. helichrysi*, 98 – *M. persicae* и 175 – *M. euphorbia*. Для каждого вида тлей в отдельности было проведено множественное выравнивание нуклеотидных последовательностей гена COI и рассчитаны парные внутривидовые генетические дистанции (GD) в программе MEGA8, а число (h) и дивергенцию (Hd) гаплотипов – в программе DNAsp. Поиск сайтов рестрикции осуществлен в программе BioEdit. Графические рестрикционные карты построены в программе pDRAW32 1.1.112 с использованием всех известных ферментов рестрикции и их изоизомеров. По результатам анализа рестрикционных карт разработаны ПЦР-ПДРФ ключи.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ литературных данных [5], [10] показал, что в перечень кормовых растений *A. malvae* входит 109 видов растений, принадлежащих к 26 ботаническим семействам, *A. craccivora* – 804 вида растений, принадлежащих к 77 ботаническим семействам, *A. fabae* – 1433 видов растений, принадлежащих к 108 ботаническим семействам, *A. gossypii* – 1227 видов растений, принадлежащих к 119 ботаническим семействам, *A. spiraecola* – 511 видов растений, принадлежащих к 81 семейству, *A. solani* – 708 видов растений, принадлежащих к 80 ботаническим семействам, *B. helichrysi* – 647 видов растений, принадлежащих к 58 ботаническим семействам, *M. persicae* – 1327 видов растений, принадлежащих к 109 ботаническим семействам и *M. euphorbia* – 527 видов растений, принадлежащих к 74 ботаническим семействам. Как было сказано выше, конкретные гаплотипы COI у тлей в большей или меньшей степени соответствуют линиям тлей, ассоциированным с определенными растениями-хозяевами, в связи с чем анализируемые виды тлей должны обладать высоким уровнем внутривидового генетического полиморфизма.

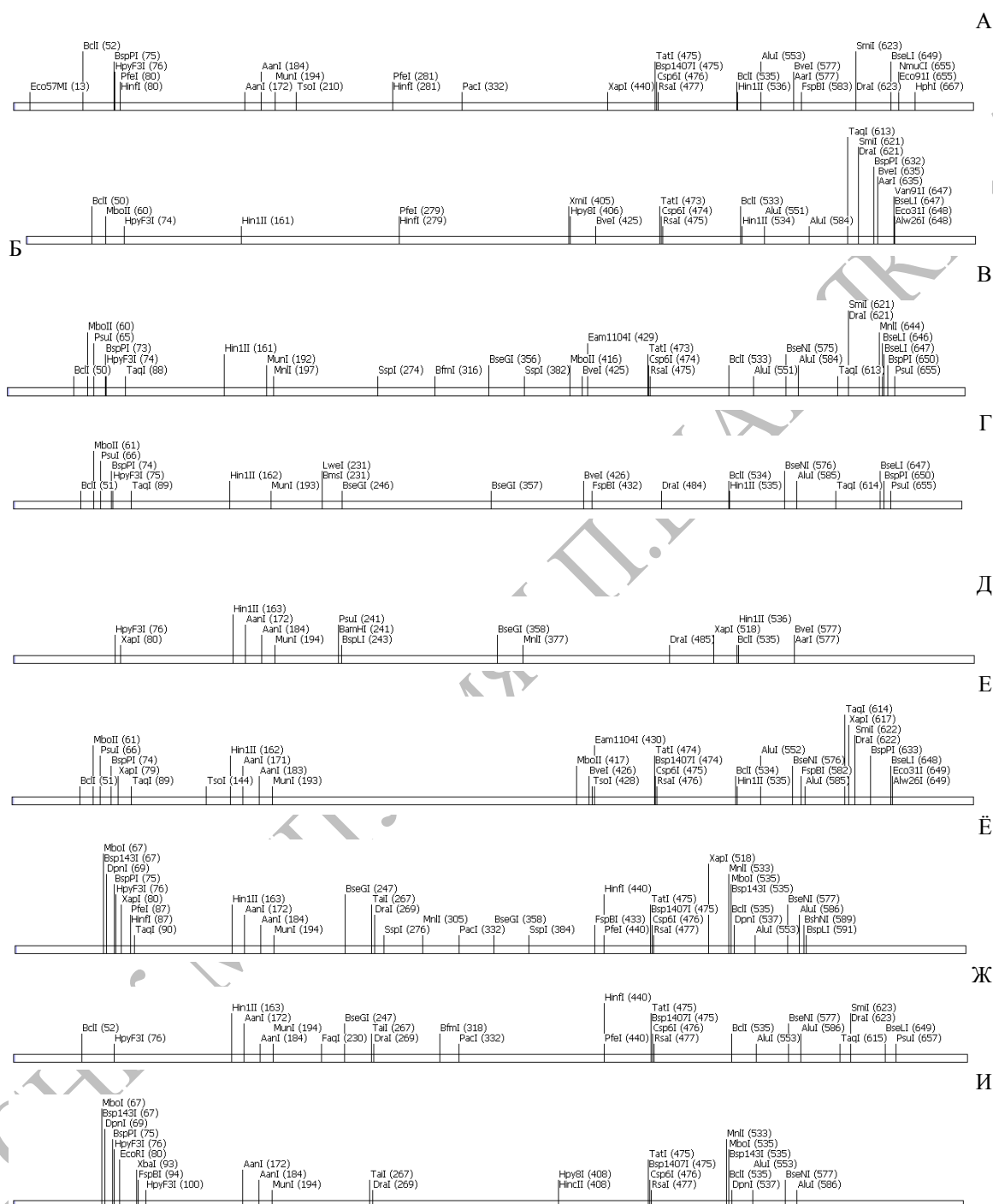
Для оценки внутривидового полиморфизма у видов тлей, охваченных настоящим исследованием, проведен сравнительный анализ нуклеотидных последовательностей гена COI в области с 17 по 722 нуклеотид полного гена. Оказалось, что значения парных внутривидовых генетических дистанций у тлей *A. craccivora* варьировали от 0,000 до 0,086 (со средним значением равным 0,004) и *M. persicae* (от 0,000 до 0,070, со средним значением равным 0,001) значительно различались со значениями, рассчитанными для *A. gossypii* (от 0,000 до 0,032, со средним значением равным 0,002), *A. fabae* (от 0,000 до 0,023, со средним значением равным 0,001), *B. helichrysi* (от 0,000 до 0,034, со средним значением равным 0,014), *A. spiraecola* (от 0,000 до 0,022, со средним значением равным 0,002), *M. euphorbia* (от 0,000 до 0,015, со средним значением равным 0,001) и в особенности со значениями, рассчитанными для *A. malvae* (от 0,000 до 0,004, со средним значением равным 0,001) и *A. solani* (от 0,000 до 0,009, со средним значением равным 0,002).

Число гаплотипов COI у анализируемых видов тлей значительно варьировало, в частности, у *A. craccivora* всего было выявлено 20 гаплотипов COI (со значением дивергенции равным 0,739), у *M. persicae* – 14 гаплотипов COI (со значением дивергенции равным 0,298), у *A. gossypii* – 58 гаплотипов COI (со значением дивергенции равным 0,488), у *A. fabae* – 21 гаплотипов COI (со значением дивергенции равным 0,596), у *B. helichrysi* – 12 гаплотипов COI (со значением дивергенции равным 0,789), у *A. spiraecola* – 18 гаплотипов COI (со значением дивергенции равным 0,433), у *M. euphorbia* – 20 гаплотипов COI (со значением дивергенции равным 0,662), у *A. malvae* – 2 гаплотипов COI (со значением дивергенции равным 0,206), а у *A. solani* – 9 гаплотипов COI (со значением дивергенции равным 0,266). Однако при пересчете на 100 нуклеотидных последовательностей число гаплотипов COI оказалось одинаковым у *M. euphorbia*, *A. solani* и *A. craccivora* (по 11 гаплотипов), у *A. malvae* и *A. fabae* (по 5 гаплотипов), у *M. persicae* и *A. gossypii* (по 3 гаплотипа), кроме того у *B. helichrysi* и *A. spiraecola* число гаплотипов COI на 100 последовательностей оказалось близким (у *B. helichrysi* 9 гаплотипов, а у *A. spiraecola* 8 гаплотипов). На основе полученных данных мы попробовали выявить, возможна ли разработка ПЦР-ПДРФ ключей для определения конкретных гаплотипов гена COI у рассматриваемых видов тлей.

Для каждого вида тлей в отдельности были построены рестрикционные карты с использованием всех известных ферментов рестрикции. Оказалось, что всего для последовательностей *A. craccivora* был обнаружен 31 сайт рестрикции, *M. persicae* – 30, *A. gossypii* – 26, *A. fabae* – 23, *B. helichrysi* – 17, *A. spiraecola* – 33, *M. euphorbia* – 39, *A. malvae* – 27, а у *A. solani* – 28 (рисунок 2).

По результатам анализа рестрикционных карт были выбраны ферменты рестрикции, позволяющие выявлять конкретные гаплотипы COI у каждого из анализируемых видов тлей в отдельности. В частности, для идентификации гаплотипов COI у тлей *A. craccivora* можно использовать четыре рестриктазы, *M. persicae* – четыре рестриктазы, *A. gossypii* – пять рестриктаз, *A. fabae* – две рестриктазы, *B. helichrysi* – четыре рестриктазы, *A. spiraecola* – семь рестриктаз, *M. euphorbia* – пять рестриктаз и *A. solani* – четыре рестриктазы. Для тлей *A. malvae* не было выявлено ферментов рестрикции, позволяющих выявлять конкретные гаплотипы COI.

На основе полученных данных были разработаны ПЦР-ПДРФ ключи, позволяющие выявлять конкретные гаплотипы COI у тлей *A. craccivora*, *M. persicae*, *A. gossypii*, *A. fabae*, *B. helichrysi*, *A. spiraecola*, *M. euphorbia* и *A. solani* (таблица 1).

А) *A. craccivora*; Б) *M. persicae*; В) *A. gossypii*; Г) *A. fabae*; Д) *B. helichrysi*;
 Е) *A. spiraeicola*; Ё) *M. euphorbia*; Ж) *A. malvae*; И) *A. solani*

Рисунок 2. – Рестрикционные карты, построенные на основе анализа нуклеотидных последовательностей гена COI тлей-полифагов, содержащие информацию о наличии сайтов узнавания для всех ферментов рестрикции

Таблица 1. – ПЦР-ПДРФ таблица для диагностики конкретных гаплотипов у тлей-полифагов, построенная на основе анализа нуклеотидных последовательностей фрагмента гена COI

Вид	Идентифицируемые гаплотипы	Название фермента рестрикции	Сайт узнавания фермента рестрикции	Длины образующихся фрагментов
<i>Aphis craccivora</i>	2	Hpy188III	TC^NNGA	54+654 245+463
	1	MaeIII	^GTNAC	148+560
	2	BstII	CTCGAG	646+62 647+61
	1	AquIII	GAGGAG (20/18)	676+32
<i>Myzus persicae</i>	1	MunI	C^AATTG	192+516
	1	TatI	W^GTACW	473+235
	1	CviQI	G^TAC	474+234
	1	CviRI	TG^CA	318+390
<i>Aphis gossypii</i>	1	AbaI	T^GATCA	50+658
	1	HpyF3I	C^TNAG	74+634
	1	AgsI	TTS^AA	150+558
	1	CviRI	TG^CA	318+390
	1	четырьParI	T^GATCA	553+155
<i>Aphis fabae</i>	1	TaqI	T^CGA	614+94
	1	ParI	T^GATCA	51+657
<i>Brachycaudus helichrysi</i>	1	PsuI	R^GATCY	241+467
	1	BspLI	GGN^NCC	243+465
	1	MnII	CCTC (7/6)	377+331
	1	XapI	R^AATTY	439+269
<i>Aphis spiraecola</i>	1	PsuI	R^GATCY	66+642
	2	BspPI	GGATC	74+634 633+75
	1	XapI	R^AATTY	79+629
	1	TaqI	T^CGA	89+619
	2	TsoI	TARCCA (11/9)	144+564 428+280
	1	Eam1104I	CTCTTC (1/4)	430+278
	1	DraI	TTT^AAA	622+86
<i>Macrosiphum euphorbia</i>	1	PfeI	G^AWTC	87+621
	1	Hinfl	G^ANTC	440+268
	1	FspBI	C^TAG	433+275
	1	BshNI	G^GYRCC	589+119
	1	BspLI	GGN^NCC	591+117
<i>Aulacorthum solani</i>	1	EcoRI	G^AATTC	80+628
	1	HincII	GTY^RAC	408+300
	1	MnII	CCTC (7/6)	533+175
	1	BclI	T^GATCA	535+173

Примечание – ^ – точка разрезания молекулы ДНК

Выводы

Сравнительный анализ нуклеотидных последовательностей гена COI тлей-полифагов показал, что *A. craccivora*, *M. persicae*, *A. gossypii*, *A. fabae*, *B. helichrysi*, *A. spiraecola*, *M. euphorbia*, *A. malvae* и *A. solani* характеризуются высоким внутривидовым генетическим полиморфизмом. На основе полученных данных были разработаны ПЦР-ПДРФ ключи для выявления конкретных гаплотипов COI у тлей *A. craccivora*, *M. persicae*, *A. gossypii*, *A. fabae*, *B. helichrysi*, *A. spiraecola*, *M. euphorbia* и *A. solani*.

Исследования выполнены при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Б18МВ-008).

Благодарность

Автор выражает огромную признательность заведующему кафедрой зоологии БГУ, доктору биологических наук, профессору С. В. Буге за предоставленный биологический материал, а также кандидату биологических наук ГНПО НПЦНАН Беларуси Т. П. Липинской за участие в получении результатов.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Species identification of aphids (Insecta : Hemiptera : Aphididae) through DNA barcodes / R. G. Foottit [et al.] // *Molecular Ecology Resources*. – 2008. – Vol. 8, iss. 6. – P. 1189–1201.
2. Буга, С. В. Дендрофильные тли Беларуси / С. В. Буга. – Минск : БГУ, 2001. – 98 с.
3. Insect morphology and phylogeny / R. Beutel [et al.]. – Berlin : Walter de Gruyter GmbH, 2013. – 533 p.
4. Vilcinskas, A. Biology and ecology of aphids / A. Vilcinskas. – London : Taylor & Francis Group, 2016. – 282 p.
5. Aphids on the World's Plants: An online identification and information guide [Electronic resource] / Ed. R. Blackman. – London : Natural History Museum, 2012. – Mode of access: <http://www.aphidsonworldsplants.info>. – Date of access: 25.03.2018.
6. Anstead, J. A. Mitochondrial DNA sequence divergence among *Schizaphis graminum* (Hemiptera: Aphididae) clones from cultivated and non-cultivated hosts: haplotype and host associations / J. A. Anstead, J. D. Burd, K. A. Shufran // *Bulletin of Entomological Research*. – 2002. – Vol. 92, № 1. – P. 17–24.
7. Large-scale phylogeographic study of the cosmopolitan aphid pest *Brachycaudus helichrysi* reveal shost plant associated lineages that evolved in allopatry / M. Popkin [et al.] // *Biological Journal of the Linnean Society*. – 2017. – Vol. 120, № 1. – P. 102–114.
8. BOLD Systems v4 [Электронный ресурс] / BOLD Systems v4. – Ontario, 2017. – Режим доступа: <http://www.barcodinglife.org/index.php/TaxBrowser/Home>. – Дата доступа: 25.03.2018.
9. GenBank Overview [Electronic resource] / GenBank Overview. – USA, 2017. – Mode of access: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/genbank/>. – Data of access: 25.03.2018.
10. Holman, J. Host plant catalog of aphids. Palaearctic region / J. Holman. – Berlin : Springer Science, 2009. – 1216 p.

Поступила в редакцию 18.07.2018

E-mail: masch.89@mail.ru

M. M. Varabyova

DETECTION OF HAPLOTYPES POLYPHAGOUS SPECIES OF APHIDS
OF PCR-RFLP ANALYSIS METHOD

The 1779 nucleotide sequences of the COI gene from *Acyrtosiphon malvae* Kalt., *Aphis craccivora* Koch, *Aphis fabae* Scop., *Aphis gossypii* Glov., *Aphis spiraecola* Patch, *Aulacorthum solani* (Kalt.), *Brachycaudus helichrysi* Kalt., *Myzus persicae* (Sulz.) and *Macrosiphum euphorbia* Thorn were analyzed. The results of the analysis indicated aphids-polyphagous possess a high captive polymorphism COI gene. On the basis of the obtained data the restriction maps were constructed and the PCR-RFLP keys were created to identify some haplotypes of COI genes the polyphagous species of aphids.

Keywords: polyphagous species, restriction maps, PCR-RFLP keys, *A. malvae*, *A. craccivora*, *A. fabae*, *A. gossypii*, *A. spiraecola*, *A. solani*, *B. helichrysi*, *M. persicae* and *M. euphorbia*.

УДК 618.146-022.6-006.52-036.22-08

Е. И. Дегтярёва¹, М. А. Медведев², Т. А. Лазаренко², А. Ю. Губко²¹Кандидат биологических наук, доцент кафедры микробиологии, вирусологии и иммунологии, УО «Гомельский государственный медицинский университет», г. Гомель, Республика Беларусь²Студенты лечебного факультета, УО «Гомельский государственный медицинский университет», г. Гомель, Республика Беларусь**ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ, ПАТОМОРФОЛОГИЧЕСКИЕ
И ТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАКА ШЕЙКИ МАТКИ,
АССОЦИИРОВАННОГО С ПАПИЛЛОМАВИРУСОМ ЧЕЛОВЕКА**

В статье изложен вопрос изучения встречаемости папилломавируса человека у пациенток с раком шейки матки в Гомельской области. Проведен анализ заболеваемости рака шейки матки по статистическим данным РНПЦРМиЭЧ за период 2011–2016 гг. Представлены основные патоморфологические изменения в шейке матки 410 обследованных женщин в возрасте от 30 до 60 лет в зависимости от тяжести процесса и основы иммуномоделирующей терапии при данной патологии.

Ключевые слова: папилломавирус человека (ПВЧ), рак шейки матки (РШМ), дисплазия, иммуномоделирующая терапия.

Введение

Ежегодно заболеваемость папилломавирусной инфекцией во всем мире и Республике Беларусь увеличивается. Объясняется это высокой контагиозностью штаммов вируса папилломы человека и наблюдающейся тенденцией роста частоты данного заболевания, а также способностью некоторых типов вируса папилломы человека (ВПЧ) инициировать предопухольные и злокачественные процессы в органах-мишенях. В группу риска по папилломавирусной инфекции включены женщины, которым ранее проводилось лечение влагалищной части шейки матки, женщины с ранним началом половой жизни и с частой сменой половых партнеров, пациентки с перенесенными инфекциями, передающимися половым путем, в анамнезе, а также женщины с заболеваниями, сопровождающимися нарушением иммунитета [1]. В настоящее время насчитывается более 100 типов ВПЧ. Однако 16 и 18 типы ВОЗ в 1996 году признала основными возбудителями рака шейки матки. Передача этих вирусов осуществляется половым путем. Папилломавирусы являются просто организованными вирусами, относящимися к семейству Papovaviridae. Вирион состоит из капсида, построенного по кубическому типу симметрии, диаметром 55 нм, в котором заключена двухцепочная ДНК кольцевой формы. Геном включает 8 ранних Е-генов и 2 поздних гена, детерминирующих синтез капсида. В раковых клетках вирусная ДНК интегрирована в клеточную. Канцерогенез связан с экспрессией белков ранних генов Е6 и Е7, которые инактивируют супрессирующие опухолевый рост белки р53 и Rb. Чрезвычайно характерным для многих ДНК-содержащих вирусов является формирование внутриядерных и цитоплазматических включений, вакуолей. Возможно, в основе механизма образования вакуолизированных клеток лежат процессы нарушения водного и энергетического обмена клеток. Динамика формирования включений, их форма, величина, содержание в них нуклеиновых кислот и белков имеют большое диагностическое значение, так как различаются у вирусов разных групп. В связи с тем, что ВПЧ не культивируется в искусственных условиях, диагностика рака шейки матки и других новообразований, вызванных ВПЧ, осуществляется различными модификациями ПЦР, методом молекулярной гибридизации и гистохимическим анализом. Длительный период инфекции ПВЧ, а также сопутствующие заболевания урогенитального тракта: хламидиоз, микоплазмозы и гонорея способны вызвать изменения клеточной пролиферации в шейке матки [2]. Вирус папилломы человека является биологическим агентом, способным видоизменять рост, дифференцировку и морфологию клеток. Проникая в клетку, вирус вызывает изменения ее структурной, биохимической и генетической организации, вносит в нее чужеродную генетическую информацию. Образование двуядерных и многоядерных клеток является характерной особенностью проявления цитодеструктивного действия вируса. При цитопатогенном действии вирусов деструкция клетки прямо или косвенно связана с проникновением в нее и функционированием в ней генома вируса. Развивающиеся вследствие этого изменения морфологии клетки могут быть результатом действия одного или нескольких факторов: угнетения синтеза клеточных ДНК, РНК и белков [3]. Синтез вирусного онкобелка Е7 прямо зависит

от концентрации женских половых гормонов в тканях. Состояние иммунитета организма хозяина играет ключевую роль в развитии инфекции и прогнозе заболевания. Механизм действия вирусных генов E6 и E7 стал понятен после того, как была открыта их связывающая способность по отношению к p53 и Rb-гену. Продукты этих генов при взаимодействии с продуктами генов-супрессоров (E6 с p53, а E7 с Rb 105) вызывают инактивацию последних.

Цель работы

Изучить макро и микроскопические особенности изменений в шейке матки при инфицированности папилломавирусом человека, а также возможности применения иммуномодуляторов при данной патологии.

Материал и методика исследований

Проведен анализ заболеваемости рака шейки матки по статистическим данным РНПЦРМиЭЧ (Республиканский научно-практический центр радиационной медицины и экологии человека) за период 2011–2016 гг. Обследованы 410 женщин (возрастом от 30 до 60 лет) с фоновой патологией шейки матки, которые обратились в различные учреждения здравоохранения для выявления заболеваний, передающихся половым путем. Материал для исследования – соскобы эпителия из эндо- и экзоцервикса, полученные с помощью цервикального комбинированного зонда в пробирку со специальной транспортной средой. Полученные образцы анализировали методом ПЦР на наличие ДНК ВПЧ, а также использовались (ВПЧ-тест) и/или ПАП-тест (тест Папаниколау) с целью определения изменений в клетках, связанные с вирусом.

Все пациентки получали сочетанное химиолучевое лечение. Женщины получали стандартную лучевую терапию в СОД 49.3 Гр (РОД 1.7 Гр, 29 фракций) в течение пяти недель. Суммарная доза облучения на параметрий составляла 75 Гр и на стенки таза – 55 Гр. Инфузию 5-фторурацила в дозе 1000 мг/м² и цисплатина в дозе 40 мг/м² проводили еженедельно на фоне лучевой терапии. В основной группе одновременно иммунокорректирующий препарат Лавомакс назначался внутрь в первые два дня по одной таблетке (0,125 г) один раз в сутки, затем 0,125 г один раз в два дня.

Статистический анализ полученных данных осуществлялся с применением компьютерной программы «Excel».

Результаты исследования и их обсуждение

Преобладающим типом вируса папилломы человека при моноинфекции среди пациенток с цервикальными неоплазиями и раком шейки матки г. Гомеля и Гомельской области является ВПЧ 16. Среди пациенток ВПЧ 16 встречался в 80 %, при инвазивном РШМ (рак шейки матки) – в 74,1 % случаев, что согласуется с данными литературы о повсеместном широком распространении 16 типа ВПЧ [3]. На втором месте по частоте встречаемости среди вирус-ассоциированной патологии шейки матки в г. Гомеле и Гомельской области находится ВПЧ 18 типа. В то же время у каждой четвертой женщины выявлен 56-й тип ВПЧ. На рисунках 1–3 представлено процентное соотношение женщин различного возраста г. Гомеля и Гомельской области, страдающих раком шейки матки ВПЧ-ассоциированным за период 2011–2016 гг.

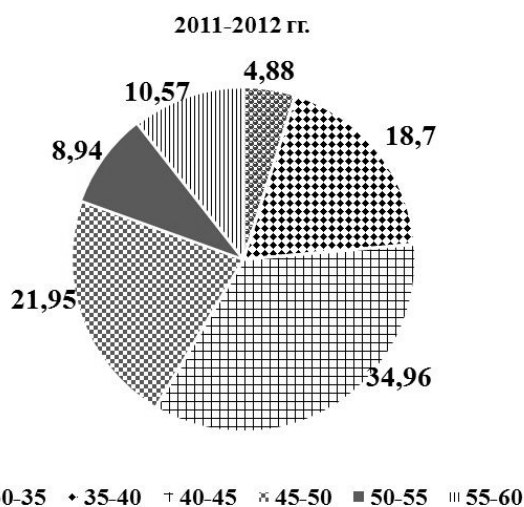

Рисунок 1. – Частота встречаемости женщин, страдающих РШМ ВПЧ-ассоциированным за период 2011–2012 гг.

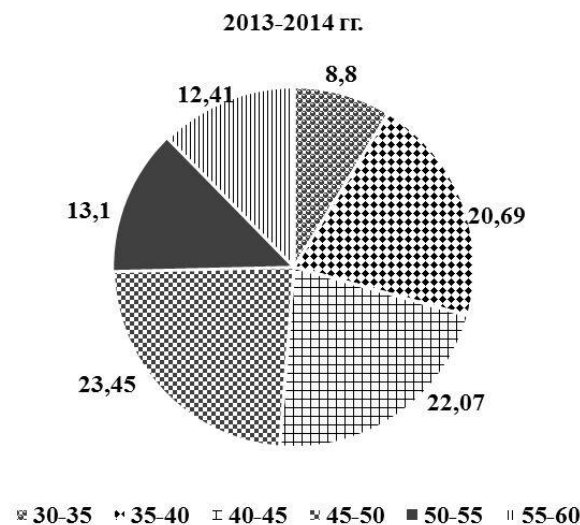

Рисунок 2. – Частота встречаемости женщин, страдающих РШМ ВПЧ-ассоциированным за период 2013–2014 гг.

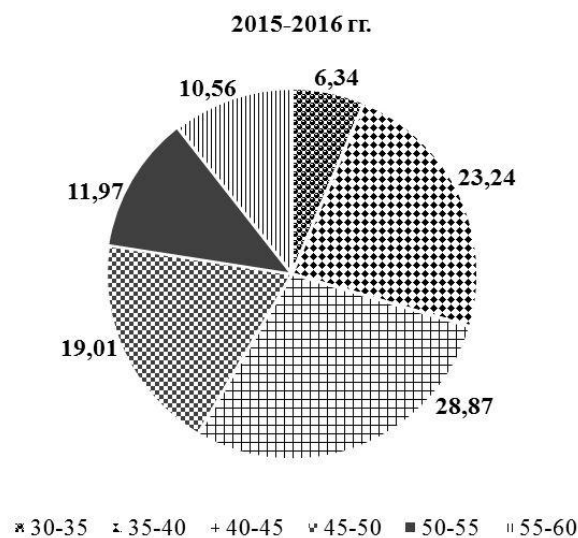

Рисунок 3. – Частота встречаемости женщин, страдающих РШМ ВПЧ-ассоциированным за период 2015–2016 гг.

Из полученных данных следует, что наибольшее количество женщин, страдающих раком шейки матки, ассоциированным с ВПЧ, за период 2011–2016 гг. находится в возрастном периоде от 40 до 50 лет (34,96 % – 2011–2012 гг.; 23,45 % – 2013–2014 гг.; 28,87 % – 2015–2016 гг.), поскольку это связано с тем, что хронический воспалительный процесс является патологическим состоянием, в результате которого происходит снижение местного иммунитета, а это облегчает проникновение вируса через микротрещины в эпителии и длительное его персистенция. Ранняя сексуальная активность, количество половых партнеров, сопутствующие урогенитальные инфекции, снижение иммунитета, стрессы, курение, а также этнические особенности являются дополнительными

факторами риска для данной патологии. Причины подобного повышения активно исследуются и могут быть связаны с изменениями в сексуальном поведении (наличие новых партнеров), приводя к новой или повторной инфекции, или реактивации латентной ВПЧ-инфекции в связи с возрастными изменениями иммунной системы.

К одним из видов изменения пролиферативной активности относится дисплазия. Дисплазия – это структурные патологические изменения слизистой оболочки шейки матки на клеточном уровне [4]. Дисплазию шейки матки относят не просто к патологиям половой системы, а к предраковым состояниям. Опасность его в том, что под часто невыраженной симптоматикой кроется потенциальная опасность и высокий риск образования рака шейки матки. Данную патологию обнаруживают у женщин в детородном возрасте. На возникновение влияет ряд факторов, один из которых – инфицированность папилломавирусом человека.

Дисплазия встречается главным образом при воспалении и регенерации. Она отражает нарушение пролиферации и дифференцировки клеток. Дисплазия имеет 3 степени:

1. Дисплазия шейки матки 1 степени (слабая). При ней определяют следующие изменения: невыраженная модификация базального слоя; симптомы присутствия папилломавируса – дискератоз и койлоцитоз в анализах; изменения проникают на глубину не ниже 1/3 эпителия.

2. Дисплазия шейки матки 2 степени (средняя). При ней диагностируют более глубокие изменения строения тканей: выраженные структурные поражения; патологический процесс затрагивает 1/2 эпителия.

3. Дисплазия шейки матки 3 степени (тяжелая). При данной степени дисплазии процесс распространяется максимально глубоко: при ней атипичные поражения отмечаются на 2/3 слизистой оболочки шейки; сильно выражены структурные изменения; присутствует патологический митоз клеток; в клетках обнаруживают гиперхромные ядра большого размера; патологические клетки существуют исключительно в слизистой и не распространяются на сосуды, мышцы и соседние ткани.

Тяжелая дисплазия 3 степени редко подвергается обратному развитию, ее рассматривают как предрак.

Начальная патология железистого эпителия представлена еще большим разнообразием: эндоцервикальный полип, папилломы мюллеровых клеток, наботовы кисты, микрожелезистая гиперплазия, дольчатая эндоцервикальная железистая гиперплазия, диффузная гиперплазия мезонефроидных остатков в эндоцервиксе, реакция гиперплазии Ариас-Стеллы, эндоцервикоз, эндометриоз, тубоэндометриоидная метаплазия, эктопическая ткань предстательной железы. При кольпоскопии такие фоновые процессы могут иметь внешний вид измененной зоны трансформации с нежной ацетобелой реакцией, нежной пунктуацией, мозаикой, «пестрой» йодной пробой [5]. На микроуровне наблюдается: нарушение слоистости и созревания клеток во всех слоях эпителия, количество клеточных контактов (десмосом) снижается, в клетках увеличивается количество рибосом и митохондрий, что говорит о повышении активности роста клетки. Также появляются аномальные митохондрии, патологические фрагменты ДНК, в слоях эпителия плоские эпителиальные клетки видоизменяют свою форму – становятся цилиндрическими и округлыми. В клинической практике выделяют несколько видов нарушений пролиферации: эпителиальная и папиллярная. При эпителиальной дисплазии поля имеют белесовато-розовые участки полигональной формы, разграниченные линиями ярко-розового или красного цвета. Гистологически поля определяются в виде комплексов дисплазированного многослойного сквамозного эпителия. При папиллярной дисплазии поля имеют вид бело-розовых участков слизистой оболочки шейки матки с четкими контурами и множеством мономорфных красных точек одинаковой формы, величины и уровня расположения.

В зависимости от степени дисплазии применяют разные иммуномодуляторы. Изменения выражаются, главным образом, в снижении количества и функциональных показателей клеток иммунитета, затрагивающих Т-лимфоциты, NK-клетки, цитотоксические моноциты и макрофаги, ЛАК-клетки, в нарушении баланса субпопуляций Т-лимфоцитов, появлении в циркуляции незрелых Т-клеток, нарушении функции Т-хелперов, усилении продукции противовоспалительных цитокинов [6]. При этом показатели гуморального иммунитета практически соответствуют нормальным даже на поздних стадиях развития опухоли.

В комплексной терапии послеоперационного наблюдения всем пациенткам было выполнено дообследование в объеме взятия цитологических мазков с влагалищной порции шейки матки, кольпоскопическое исследование, клинические анализы крови и анализ крови на иммунологические показатели. Иммунологические показатели представлены в таблице.

Таблица – Иммунологические показатели у пациенток с диагнозом рак шейки матки

Показатели	Показатели в норме	Химиолучевое лечение и иммунотерапия	Химиолучевое лечение
CD 3	60.0±5,0%	55.5±0,6	39.2±0,4
CD 4	40.0±3,0%	39.0±0,5	25.0±0,2
CD 8	20.0±2,0%	18.9±0,6	16.3±0,3
CD 20	24.0±2,0 %	24.0±0,8	24.0±0,6
CD 16	10.0±2,0%	10.1±0,5	10.6±0,4
CD 95	24.0±4,0%	24.5±0,6	21.3±0,8
CD 25	25.0±3,0%	23.4±0,3	13.6±0,9
CD 71	20.0±2,0%	21.5±0,5	20.1±1,1
Ig A	197.0±24 мг%	189.0±3,0	156±2,5
Ig M	105.0±9 мг%	140.7±2,4	166.2±1,9
Ig G	1320.0±119 мг%	1403.1 ± 31,2	1633.3±20,2

Иммуностимулирующий эффект препарата Лавомакс обусловлен γ -интерферон-индуцирующим действием, что вызывает активацию Т-лимфоцитов, усиление антителообразования и стимуляцию фагоцитоза макрофагами. Согласно клиническим наблюдениям, лечение пациентки переносило хорошо, побочных явлений в процессе лечения не было выявлено.

Выводы

1. Носительство HPV свидетельствует не о злокачественном процессе как таковом, а о многократно повышенном риске возникновения последнего. Факторы, модифицирующие патогенность HPV и, как следствие, провоцирующие опухолевый рост у зараженных женщин, остаются неизвестными. Характерно, что 56-й тип HPV превалировал в более старшем возрасте (в среднем 52 года), а в более молодом присутствовали 16-й и 18-й типы HPV-инфекции. Также было установлено, что у больных с различными вариантами течения инфекции были выявлены признаки недостаточности факторов естественной защиты при встрече с вирусом высокого онкогенного риска, которые проявляются снижением концентрации лизоцима в сыворотке крови. Высокая частота сопутствующих гинекологических заболеваний, вирусная инфекция, частая смена половых партнеров и гормональных нарушений у молодых женщин с развившимися диспластическими процессами шейки матки свидетельствуют о необходимости ранней диагностики изменений в эпителии шейки матки с целью предотвращения развития злокачественных новообразований.

2. В группе риска по раку шейки матки, ассоциированного с ВПЧ, находятся пациентки возрастной группы 40–45 лет, так как на этот возраст приходится 116 случаев заболевания из 410 (28,29 %).

3. Применение Лавомакса в лечении рака шейки матки в сочетании с химиолучевой терапией позволяет усилить противоопухолевый эффект химиопрепаратов и лучевого воздействия за счет активизирующего влияния препарата на функции иммунной системы. Стоит отметить, что после иммуномодулирующей терапии препаратом Лавомакс, наблюдается положительная динамика со стороны клеточного иммунитета, что нельзя сказать по состоянию гуморального. Препарат Лавомакс в комплексной терапии при ВПЧ – ассоциированном РШМ позволяет снизить рецидивы в первые 12 месяцев после операции без развития нежелательных побочных эффектов. Стоит отметить отсутствие негативных эффектов от применения Лавомакса в ходе всего курса лечения.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Василевская, Л. Н. Гинекология / Л. Н. Василевская. – Ростов н/Д : Феникс, 2002. – 576 с. – (Серия «Учебники, учебные пособия»).

2. Новикова, Е. Г. Диагностика предраковых заболеваний и начальных форм рака шейки матки / Е. Г. Новикова // Заболевания шейки матки, влагалища и вульвы / под ред. В. Н. Прилепской. – М. : МЕДпресс, 2000. – С. 153–159.

3. Кулаков, В. И. Гинекология : учеб. для студентов медицинских вузов / В. И. Кулаков, В. Н. Серов, А. С. Гаспаров. – М. : Медицинское информационное агентство, 2005. – 616 с.

4. Грицук, Т. М. Вирусные и клеточные гены, вовлеченные в HPV-ассоциированный канцерогенез шейки матки : автореф. дис. ... канд. биол. наук / Т. М. Грицук. – М., 1999. – 20 с.

5. Berzofsky, J. A. Strategies to use immune modulators in therapeutic vaccines against cancer / J. A. Berzofsky, M. Terabe, L. V. Wood // *Semin Oncol.* – 2012. – № 39 (3). – P. 357.

6. Gajewski, T. F. Cancer immunotherapy / T. F. Gajewski // *Mol Oncol.* – 2012. – № 6 (2). – P. 250.

Поступила в редакцію 19.02.2018

E-mail: elena.degtyaryova@tut.by

E. I. Degtyareva, M. A. Medvedev, T. A. Lazarenko, A. Y. Gubko

EPIDEMIOLOGICAL, PATHOMORPHOLOGICAL AND THERAPEUTIC ASPECTS OF THE HUMAN PAPILLOMAVIRUS ASSOCIATED CERVICAL CANCER

Article provides the analysis of the occurrence of human papillomavirus among cervical cancer sufferers in the Gomel region. Statistical data of RSPCRM&HE (Republican Scientific-Practical Centre for Radiation Medicine and Human Ecology) for the period 2011–2016 related to the incidence of cervical cancer among women were analyzed. Main pathomorphological changes of the cervix, four hundred and ten women in the age group from 30 to 60 years, depending on the brunt of the process and the basis of immuno-modulating therapy in these pathologies are presented.

Keywords: human papilloma virus (HPV), cervical cancer (CC), dysplasia, immuno-modulating therapy.

ВЕСНІК МДШУ імя І.П.ШАНШКІНА

УДК 796.89+796.015.86

Д. А. Качур

Старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта,
УО «Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого», г. Гомель,
аспирант кафедры физического воспитания и спорта,
УО «Белорусский государственный университет», г. Минск, Республика Беларусь.
Научный руководитель: В. А. Медведев, доктор педагогических наук, профессор

**АНТРОПОМЕТРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СПОРТСМЕНОВ-АРМРЕСТЛЕРОВ
РАЗЛИЧНОГО УРОВНЯ СПОРТИВНОГО МАСТЕРСТВА**

В статье представлены результаты исследования антропометрических особенностей спортсменов, занимающихся армрестлингом. Проведен анализ основных и специальных антропометрических показателей, что позволило выявить значимые для армрестлинга показатели. Установлены существенные различия в антропометрических показателях в исследуемых группах. Выявлены антропометрические особенности спортсменов в зависимости от уровня спортивного мастерства.

Ключевые слова: антропометрия, армрестлинг, спортивное мастерство, мышечная сила кисти.

Введение

Армрестлинг, активно развиваясь во всем мире как спортивная дисциплина, на сегодняшний день вышел на такой уровень спортивных достижений и конкуренции среди спортсменов, при котором актуальность решения задач по повышению уровня спортивного мастерства, управлению и контролю тренировочного процесса, отбору и прогнозу результативности в этом виде спорта из года в год только увеличивается. Это ведет к необходимости изучения и оценки потенциала всех систем организма спортсмена-армрестлера в их взаимосвязи, а также индивидуальных особенностей и их влияния на спортивные достижения. В связи с этим среди множества показателей индивидуальных особенностей большой интерес представляют антропометрические признаки [1].

Как известно, специфика вида спорта накладывает свой отпечаток на организм спортсмена. Типичное телосложение, пропорция тела, особенности развития основных систем – неотъемлемые признаки принадлежности к определенному виду спорта, и, по нашему мнению, армрестлинг не является исключением. В результате длительных занятий спортом происходит не только формирование специфических морфометрических признаков, но и отбор индивидуумов, обладающих наиболее благоприятными для данного вида спорта антропометрическими признаками и физическими качествами [2, с. 589], [3, с. 524].

Кроме того, для спортсменов армрестлеров высокой квалификации в сравнении со спортсменами массовых разрядов характерно владение большим арсеналом технических действий. Реализация определенного технического арсенала возможна при условии соответствующих антропометрических характеристик спортсменов.

Исходя из вышесказанного, выдвигается следующая гипотеза: уровень спортивного мастерства в армрестлинге в значительной степени определяется антропометрическими особенностями развития спортсмена.

Анализ литературных источников показал, что уже проводился ряд исследований в этой области. Основными антропометрическими характеристиками, которые используются в данных исследованиях, являются – мышечная сила кисти (МСК), длина предплечья, окружность предплечья, длина плеча, окружность плеча, длина тела, масса тела.

Так, Selcuk Akpınar и Raif Zileli [4] в своих исследованиях построили регрессионную модель на основе МСК, скорости реакции, длины предплечья и окружности предплечья. МСК для обеих рук и окружность левого предплечья оказались решающими факторами для вхождения в тройку победителей у мужчин на национальном чемпионате Турции. У женщин же решающими факторами стали МСК и длина предплечья, что вполне закономерно, учитывая статистически достоверную

зависимость между этими показателями [5], [6]. Однако, по нашему мнению, в представленной модели были рассмотрены далеко не все антропометрические признаки спортсменов-армрестлеров.

Более комплексно и разносторонне рассмотрена тема антропометрии в армрестлинге авторами Подригало Л. и Галашко М. В их исследованиях рассматриваются гониометрические и эргономические особенности борьбы на руках [7]–[9]. Авторами разработана методика прогнозирования спортивного результата на основе последовательных процедур по методике Вальда, с вычислением прогностических коэффициентов и их информационного потенциала [10]. Проведенный авторами факторный анализ показал, что высококвалифицированных армрестлеров отличает длина предплечья, толщина кисти, окружность предплечья, окружность плеча, МСК [11]. Сравнительная оценка антропометрического развития спортсменов силовых видов спорта указывает на значимость показателей МСК для спортивного результата не только в армрестлинге [1].

Согласно опросу тренеров по армрестлингу высшей квалификации, 68,4 % специалистов считают ведущими в армрестлинге мышцы-сгибатели пальцев и кисти, 18,4 % – плечелучевую и 10,5 % – двуглавую мышцу плеча [12]. Это подтверждает необходимость максимального развития мышц предплечья и кисти в армрестлинге.

Проведенный анализ литературных источников и научных исследований подтверждает нашу гипотезу о значимости МСК как достаточно информативного показателя силы сгибателей кисти и предплечья, что в определенной степени влияет на исход в поединке. Учитывая тесную связь МСК с другими антропометрическими характеристиками верхних конечностей, она может быть информативна как в прогнозировании спортивного результата [10], [11], так и в контроле подготовленности спортсменов-армрестлеров [12]–[14]. Т. е. можно предположить, что МСК тесно связана с уровнем спортивного мастерства у армрестлеров [15]–[17].

Однако, несмотря на достаточную актуальность и освещенность исследуемой темы, взаимосвязь антропометрии с уровнем спортивного мастерства раскрыта не полностью. Так же комплексного корреляционно-регрессионного анализа с использованием параметрических характеристик в этой области еще не проводилось.

Цель исследования заключается в установлении значимых различий в антропометрических показателях спортсменов различного уровня спортивного мастерства.

Методы исследования. Основными методами исследования являются педагогические (анализ научно-методической литературы, констатирующий эксперимент, контрольно-педагогическое тестирование) и математико-статистический анализ.

В рамках исследования особенностей специальной физической подготовки армрестлеров нами были проведены антропометрические измерения спортсменов по следующим показателям: масса тела, длина тела, длина верхних конечностей, окружность грудной клетки, окружности верхних конечностей, МСК. Все измерения производились с учетом необходимых требований по унифицированной методике непосредственно на взвешивании перед кубком Республики Беларусь по армрестлингу [18, с. 15–21], [19, с. 33].

Окружность плеча и предплечья измерялась в расслабленном и напряженном состояниях. Измерения МСК проходили на обеих руках с помощью кистевого динамометра ДК-140 в трех положениях – стандартная кистевая динамометрия стоя (положение 1), кистевая динамометрия в стартовом положении за столом для армрестлинга (положение 2) и кистевая динамометрия в положении 0,1 м до стола (положение 3). В каждом положении предлагалось выполнить по 2–3 максимальных изометрических сокращения по 3 с. С целью избежать эффекта утомления, участникам исследования предоставлялся отдых не менее 30 с между каждым сжатием кистевого динамометра. Фиксировались максимальные значения в каждом из положений.

Полученные в ходе исследования данные были обработаны методами математической статистики с помощью лицензированных пакетов электронных таблиц Excel. Проверка достоверности различий величин изучаемых признаков производилась по двустороннему t-критерию Стьюдента.

Исследуемая выборка представлена мужчинами одного возрастного диапазона с различным уровнем спортивного мастерства ($n = 88$).

Результаты исследования и их обсуждение

Средний возраст исследуемой выборки составил $24,9 \pm 0,6$ лет ($\bar{X} \pm m_{\bar{x}}$), тренировочный стаж $5,5 \pm 0,5$ лет ($\bar{X} \pm m_{\bar{x}}$). Показатели весоростового индекса (ИК) и индекса массы тела (ИМТ) заметно

выше нормы, что в нашем случае может свидетельствовать о хорошем развитии мускулатуры, характерной для спортсменов, занимающихся армрестлингом. Индекс Пинье (показатель крепости телосложения) для данной выборки значительно ниже нормы в 10 единиц, что подтверждает вышесказанное (таблица 1).

Таблица 1. – Антропометрические показатели исследуемой выборки

Показатели выборки, n=88	$\bar{X} \pm m_{\bar{x}}$
Масса тела, кг	79,7±1,8
Длина тела, м	1,79±0,01
Окружность грудной клетки, м	1,02±0,01
Весоростовой индекс Кетле, гр/см	443,2±8,5
Индекс массы тела, ед.	24,7±0,4
Индекс Эрисмана, ед.	12,1±0,9
Индекс Пинье, ед.	-2,2±2,3
Мышечная сила левой кисти, кГ	53,1±1
Силовой индекс левой кисти, %	68±1,2
Мышечная сила правой кисти, кГ	57±1,1
Силовой индекс правой кисти, %	72,7±1,3

Исследуемая выборка была разделена на три однородные по составу группы (таблица 2). В первую группу вошли спортсмены массовых спортивных разрядов – имеющие I взрослый разряд и II взрослый разряд, а также юношеские разряды (группа 1, n = 28). Во вторую группу вошли спортсмены, имеющие разряд кандидат в мастера спорта (группа 2, n = 30). Третья группа (группа 3, n = 30) представлена мастерами спорта, мастерами спорта международного класса и заслуженными мастерами спорта. Как было выяснено, тренировочный стаж взаимосвязан со спортивной квалификацией и находится в прямой зависимости ($P < 0,05$). Так, для группы 1 стаж тренировок составляет в среднем $2,4 \pm 0,4$ года ($\bar{X} \pm m_{\bar{x}}$), для группы 2 уже $4,2 \pm 0,5$ года ($\bar{X} \pm m_{\bar{x}}$), а для группы 3 – $9,9 \pm 1,0$ лет ($\bar{X} \pm m_{\bar{x}}$). Пропорционально с учетом стажа в группе 3 увеличивается и средний возраст ($P < 0,05$) – $29,3 \pm 0,9$ лет ($\bar{X} \pm m_{\bar{x}}$), по сравнению с $22,5 \pm 0,9$ лет ($\bar{X} \pm m_{\bar{x}}$) в группах 1 и 2.

Таблица 2. – Антропометрические показатели исследуемых групп

Показатели	Группа 1	Группа 2		Группа 3		
	n=28	n=30	1-2	n=30	2-3	1-3
	$\bar{X} \pm m_{\bar{x}}$	$\bar{X} \pm m_{\bar{x}}$	P	$\bar{X} \pm m_{\bar{x}}$	P	P
Масса тела, кг	79,6±3,5	78,5±3,3	P>0,05	81±2,4	P>0,05	P>0,05
Длина тела, м	1,79±0,02	1,81±0,01	P>0,05	1,78±0,01	P>0,05	P>0,05
Окр. грудной клетки, м	1,01±0,02	1,01±0,02	P>0,05	1,04±0,01	P>0,05	P>0,05
Индекс Кетле, гр/см	444±17,1	432,5±16,2	P>0,05	453,2±10,7	P>0,05	P>0,05
Индекс массы тела, ед.	24,8±0,8	23,9±0,8	P>0,05	25,4±0,5	P>0,05	P>0,05
Индекс Эрисмана, ед.	11,4±1,7	10,3±1,8	P>0,05	14,6±1,0	P<0,05	P<0,1
Индекс Пинье, ед.	-1,8±4,6	1,6±4,7	P>0,05	-6,6±2,7	P>0,05	P>0,05

Достоверных различий в массе и длине тела, а также окружности грудной клетки в исследуемых группах выявлено не было (таблица 2). Большинство рассматриваемых индексов развития также не показали значимых различий. Зафиксирован достоверно больший ($P < 0,05$) показатель индекса Эрисмана в группе 3 равный $14,6 \pm 1$ ед. ($\bar{X} \pm m_{\bar{x}}$).

Достоверных отличий в длине верхних конечностей (ДВК) между исследуемыми группами выявлено не было. Средняя ДВК составила $79,3 \pm 0,4$ см и $79,6 \pm 0,4$ см ($\bar{X} \pm m_{\bar{x}}$) для левой и правой руки соответственно. Однако более детальный анализ результатов антропометрических измерений пояса верхних конечностей (ПВК) спортсменов показал ряд существенных различий в исследуемых группах (таблица 3). Так, соотношение длин правой руки в группе 3 достоверно сдвигается в сторону уменьшения длины плеча и составляет $36,9 \pm 0,3$ см или $46,6 \pm 0,2$ % от ДВК, что достоверно меньше ($P < 0,05$), чем в группе 2 и значительно меньше, чем в группе 1 ($P < 0,1$).

Таблица 3. – Специфические антропометрические показатели исследуемых групп

Показатели	Группа 1, n=28			Группа 2, n=30			Группа 3, n=30		
	ЛР	ПР	1<2	ЛР	ПР	1<2	ЛР	ПР	1<2
	$\bar{X} \pm m\bar{x}$	$\bar{X} \pm m\bar{x}$	P	$\bar{X} \pm m\bar{x}$	$\bar{X} \pm m\bar{x}$	P	$\bar{X} \pm m\bar{x}$	$\bar{X} \pm m\bar{x}$	P
Длина верхних конечностей, см	79,2±0,8	79,6±0,8	P>0,05	80,2±0,7	79,9±0,7	P>0,05	78,8±0,6	79,1±0,7	P>0,05
Длина верхних кон., % от ДТ	44,4±0,3	44,6±0,3	P>0,05	44,3±0,2	44,2±0,2	P>0,05	44,3±0,2	44,4±0,2	P>0,05
Длина плеча, см	36,9±0,4	37,5±0,4	P>0,05	37,2±0,4	37,2±0,4	P>0,05	36,8±0,3	36,9±0,3	P<0,05
Длина плеча, % от ДТ	20,7±0,2	21±0,2	P>0,05	20,6±0,1	20,6±0,1	P>0,05	20,6±0,1	20,7±0,1	P>0,05
Длина плеча, % от ДВК	46,6±0,2	47,1±0,2	P>0,05	46,6±0,2	47,4±0,2	P>0,05	46,6±0,2	46,6±0,2	P<0,05
Длина предплечья, см	29,4±0,4	29,4±0,4	P>0,05	29,3±0,3	29,3±0,3	P>0,05	29,4±0,3	29,4±0,4	P>0,05
Длина предплечья, % от ДТ	16,5±0,1	16,5±0,1	P>0,05	16,2±0,1	16,2±0,1	P>0,05	16,5±0,1	16,5±0,2	P≤0,1
Длина предплечья, % от ДВК	37,2±0,3	36,9±0,3	P>0,05	36,7±0,2	36,5±0,3	P>0,05	37,3±0,3	37,2±0,4	P>0,05
Окружность плеча*, см	35,7±0,9	35,9±0,9	P>0,05	35,5±0,9	35,5±0,9	P>0,05	37,7±0,6	38,2±0,6	P<0,05
Окружность плеча**, см	36,8±0,9	37±0,9	P>0,05	37,1±1	37,6±0,9	P>0,05	39,3±0,6	39,7±0,5	P<0,05
Окружность плеча***, %	1,2±0,1	1,1±0,1	P<0,05	1,6±0,1	1,4±0,1	P>0,05	1,7±0,1	1,5±0,1	P>0,05
Окружность предплечья*, см	3,3±0,3	3,3±0,4	P>0,05	4,5±0,4	4,5±0,4	P>0,05	4,4±0,3	4±0,4	P<0,05
Окружность предплечья**, %	30,1±0,6	30,6±0,6	P>0,05	29,8±0,6	29,8±0,6	P>0,05	31,5±0,4	32±0,4	P<0,05
Окружность предплечья***, см	32,9±0,6	33,5±0,7	P>0,05	32,8±0,6	33,3±0,6	P>0,05	34,7±0,4	35±0,4	P<0,05
Окружность предплечья****, см	2,9±0,2	3±0,2	P>0,05	3±0,1	3±0,1	P>0,05	3,2±0,1	3±0,1	P>0,05
Окружность предплечья****, %	9,6±0,7	9,7±0,5	P>0,05	9,9±0,5	9,7±0,6	P>0,05	10±0,4	9,5±0,5	P>0,05
МСК положение 1, кг	51,4±1,6	55,1±2,3	P>0,05	51,8±1,4	56±1,6	P>0,05	56,1±1,8	59,6±2	P>0,05
СИ положение 1, %	66,1±2	70,6±2,5	P>0,05	67,7±2	72,9±1,9	P>0,05	70±2,1	74,5±2,3	P>0,05
МСК положение 2, кг	46,8±1,7	48,5±2	P>0,05	45±1,4	49,7±1,5	P>0,05	49,5±1,5	52,7±1,6	P>0,05
СИ положение 2, %	59,8±1,6	62,2±2,3	P>0,05	58,8±1,8	64,5±1,6	P>0,05	61,9±1,8	65,9±2	P>0,05
Разница СИ 1 и 2 положения	-8,9±1,7	-11,8±0,9	P<0,05	-13,1±1,2	-11,2±1,2	P>0,05	-11,4±1,3	-11,1±1	P>0,05
МСК положение 3, кг	43±1,6	44,9±1,7	P>0,05	43±1,4	47,1±1,8	P>0,05	47,3±1,7	50,5±1,7	P<0,05
СИ положение 3, %	55,3±2	57,7±2,1	P>0,05	56±1,7	61±1,9	P>0,05	58,9±1,9	63,1±2,1	P>0,05
Разница СИ 2 и 3 положения	-15,7±2,8	-17,8±1,6	P>0,05	-16,9±1,7	-16,2±1,9	P>0,05	-15,3±2,1	-14,8±2	P>0,05
Сумма МСК всех положений	141,1±4,5	148,5±5,7	P>0,05	139,9±4	152,8±4,6	P>0,05	152,9±4,7	162,8±5	P<0,05
Сумма СИ всех положений	181,2±5,1	190,5±6,5	P>0,05	182,4±5,1	198,4±5	P>0,05	190,8±5,3	203,5±6	P>0,05

Примечание – * в расслабленном состоянии; ** в напряженном состоянии; *** разница расслабленного и напряженного состояния

Окружность плеча в расслабленном и напряженном состоянии на левой и на правой руке в группе 3 достоверно больше ($P < 0,05$), чем в первой и второй группе (таблица 3). Окружность плеча у мастеров спорта (группа 3) в среднем на 2 см больше, чем у остальных испытуемых. Разница в окружностях плеча левой руки (между расслабленным и напряженным состоянием) достоверно увеличивается уже в группе 2 ($P < 0,05$) и продолжает тенденцию к росту в группе 3. Тот же показатель на правой руке достоверно проявляется только в группе 3 ($P \leq 0,05$).

Развитость мышц предплечья характерна именно для спортсменов группы 3. В расслабленном и в напряженном состояниях, на обеих руках, испытуемые в группе 3 доминируют в окружности предплечья ($P < 0,05$) по сравнению с массовыми разрядами более чем на 1,5 см (таблица 3).

Средние показатели мышечной силы кисти (МСК) исследуемой выборки составляют $53,1 \pm 1,1$ кГ для левой и $57 \pm 1,1$ кГ для правой руки ($\bar{X} \pm m_{\bar{x}}$), средние показатели силового индекса (СИ) – $68 \pm 1,2$ % для левой и $72,7 \pm 1,3$ % для правой руки ($\bar{X} \pm m_{\bar{x}}$). Наибольшие личные показатели были зафиксированы в группе мастеров. Показатели МСК и СИ в стартовом положении (положение 2) и в положении 10 см до стола (положение 3), относительно стандартного положения (положение 1) закономерно меньше у всех испытуемых.

МСК в положении 1 на левую руку в группе 3 значительно больше, чем в группах массовых разрядов ($P < 0,1$). МСК левой руки в положении 2 в группе 3 достоверно выше ($P < 0,05$), чем в группе 2. Также МСК правой руки в положении 3 в группе 3 достоверно выше ($P < 0,05$), чем в группе 1. Силовой индекс имеет явную тенденцию к росту, что подтверждается отличием в показателях СИ на правую руку в положении 3 между 1 и 3 группами ($P < 0,1$). Средняя сумма МСК в трех положениях достоверно больше в группе 3, чем в группе 2 ($P < 0,05$ левая рука, $P < 0,1$ правая рука). Проведенный анализ МСК и СИ в исследуемых группах позволяет говорить о значимости этих показателей в армрестлинге.

Актуальным вопросом в армрестлинге является вопрос асимметрии в физическом развитии спортсменов-армрестлеров [20]. Наши исследования антропометрии дают возможность наглядно увидеть изменчивость данного явления в зависимости от спортивного мастерства (таблица 4).

Таблица 4. – Асимметрия верхних конечностей исследуемых групп.

Показатели	Группа 1, n=28	Группа 2, n=30		Группа 3, n=30		
	$ \text{ЛП} - \text{ПР} $	$ \text{ЛП} - \text{ПР} $	1-2	$ \text{ЛП} - \text{ПР} $	2-3	1-3
			P			
Длина верхних конечностей, см	$1,1 \pm 0,2$	$1 \pm 0,2$	$P > 0,05$	$0,9 \pm 0,2$	$P > 0,05$	$P > 0,05$
Длина плеча, см	$1,2 \pm 0,1$	$1 \pm 0,1$	$P > 0,05$	$1 \pm 0,2$	$P > 0,05$	$P > 0,05$
Длина предплечья, см	$1 \pm 0,2$	$0,8 \pm 0,1$	$P > 0,05$	$0,6 \pm 0,1$	$P > 0,05$	$P < 0,05$
Окружность плеча*, см	$0,8 \pm 0,1$	$0,8 \pm 0,1$	$P > 0,05$	$0,7 \pm 0,1$	$P > 0,05$	$P > 0,05$
Окружность плеча**, см	$0,8 \pm 0,1$	$0,8 \pm 0,1$	$P > 0,05$	$0,8 \pm 0,1$	$P > 0,05$	$P > 0,05$
Окружность предплечья*, см	$0,7 \pm 0,1$	$0,8 \pm 0,1$	$P > 0,05$	$0,6 \pm 0,1$	$P > 0,05$	$P > 0,05$
Окружность предплечья**, см	$1 \pm 0,1$	$0,9 \pm 0,1$	$P > 0,05$	$0,6 \pm 0,1$	$P < 0,05$	$P < 0,05$
Мышечная сила кисти, кГ	$6,9 \pm 1,1$	$4,7 \pm 0,7$	$P \leq 0,1$	$4,8 \pm 0,6$	$P > 0,05$	$P < 0,1$
Силовой индекс, %	$8,7 \pm 1,4$	$5,8 \pm 0,7$	$P < 0,1$	$5,9 \pm 0,8$	$P > 0,05$	$P < 0,1$

Примечание – * в расслабленном состоянии; ** в напряженном состоянии

Асимметрия антропометрии верхних конечностей достоверно видна в разнице длины левого и правого предплечья, которая в группе 3 достоверно меньше, чем в группе массовых разрядов ($P < 0,05$). Разница в окружности предплечья в напряженном состоянии между левой и правой рукой достоверно меньше в группе 3 ($P < 0,05$). Диспропорция в показателях МСК и СИ в группе 2 и 3 заметно меньше, чем в группе 1 ($P < 0,1$). Таким образом, можно сказать, что чем выше мастерство спортсмена-армрестлера, тем меньше асимметрия и диспропорция развития ПВК. Другими словами, «одноруких» спортсменов среди массовых разрядов значительно больше, что на фоне устоявшейся практики двоеборья может отрицательно сказываться на спортивном результате.

Выводы

Полученные в ходе нашего исследования результаты позволяют сделать следующие выводы.

1. Для спортсменов армрестлеров характерно крепкое мускулистое телосложение с хорошо развитыми мышцами пояса верхних конечностей. С ростом спортивного мастерства (группы КМС и МС) окружность мышц плеча и предплечья достоверно увеличиваются. Можно предположить, что в процессе многолетней подготовки первичное развитие получают мышцы плеча. Затем, с повышением спортивного мастерства и увеличением доли специальных упражнений, вторичное развитие получают мышцы предплечья.

2. В группе высшей спортивной квалификации (МС, МСМК) наблюдается перераспределение длин верхних конечностей в пользу предплечья и кисти (в большей степени это касается левой руки). Более длинное предплечье и кисть создает предпосылку для преимущества при борьбе с менее длинными рычагами соперника. При прочих равных условиях (в первую очередь касается техники борьбы «верх»), длинное предплечье будет способствовать установке доминирующего захвата и реализации атакующего движения (пронации кисти соперника по направлению к подушке).

3. Уровень спортивного мастерства в армрестлинге достоверно выражается также в увеличенных показателях МСК и СИ. Для спортсменов высшей спортивной квалификации характерны более высокие и стабильные показатели вне зависимости от положения кисти в пространстве (разница показателей в исходных положениях 1, 2 и 3 является наименьшей). Это может свидетельствовать о сохранении силового потенциала мышц предплечья и кисти на протяжении всего атакующего движения.

4. Важное значение в спорте высших достижений имеет симметричное развитие пояса верхних конечностей. Меньше всего асимметричность ПВК проявляется в группе высшей спортивной квалификации, где мастерский состав имеет минимальные различия в длинах и окружностях верхних конечностей, а естественная диспропорция показателей МСК и СИ на левой и на правых руках наименьшая.

Таким образом, с ростом спортивного мастерства внешние его проявления в виде антропометрических особенностей могут быть пригодны для использования в спортивном отборе, а также в определенной степени в прогнозировании результата. Следующим этапом нашего исследования явилось выявление наиболее значимых антропометрических показателей, влияющих на спортивный результат в каждой из исследуемых групп. Поставленная задача будет решаться посредством корреляционно-регрессионного анализа.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Подригало, Л. В. Сравнительная оценка антропометрического развития спортсменов силовых видов спорта / Л. В. Подригало, А. И. Галашко, А. Д. Лозовой // ППМБ ПФВС. – 2007. – № 3. – С. 107–111.

2. Иваницкий, М. Ф. Анатомия человека (с основами динамической и спортивной морфологии) : учебник для институтов физической культуры. – Изд. 7-е / М. Ф. Иваницкий ; под ред. Б. А. Никитюка, А. А. Гладышевой, Ф. В. Судзиловского. – М. : Олимпия, 2008. – 624 с.

3. Платонов, В. Н. Система подготовки спортсменов в олимпийском спорте. Общая теория и ее практические приложения / В. Н. Платонов. – М. : Олимпийская литература, 2004. – 808 с.

4. Anthropological and perceptual predictors affecting the ranking in armwrestling competition / Selcuk Akpinar [et al.] // Int. J. Morphol. – 2013. – № 31 (3). – P. 832–838.

5. Nicolay, C. W. Grip strength and endurance: Influences of anthropometric variation, hand dominance, and gender / C. W. Nicolay, A. L. Walker // International Journal of Industrial Ergonomics. – 2005. – № 35 (7). – P. 605–618.

6. The correlation between strength and anthropometric characteristics in arm wrestling athletes with performance / Raif Zileli [et al.] // Tojras. The Online Journal of Recreation and Sport. – 2012. – Vol. 1, iss. 4. – P. 18–20.

7. Подригало, Л. В. Гониометрическое исследование спортсменов армспорта / Л. В. Подригало, М. Н. Галашко, Н. И. Галашко // Физическое воспитание студентов. – 2013. – № 1. – С. 45–48.

8. Подригало, Л. В. Использование эргономических подходов для повышения эффективности подготовки в армспорте / Л. В. Подригало, Н. И. Галашко, М. Н. Галашко // Физическое воспитание студентов. – 2012. – № 1. – С. 87–90.

9. Подригало, Л. В. Мониторинг функционального состояния спортсменов в армспорте: медико-гигиенические и спортивно-педагогические аспекты / Л. В. Подригало, А. Г. Истомин, Н. И. Галашко. – Харьков : Изд. ХНМУ, 2010. – 120 с.

10. Prognostication of successfulness in arm-wrestling on the base of morphological functional indicators' analysis / L. V. Podrigalo [et al.] // Physical Education of Students. – 2017. – № 1. – P. 46–51.

11. Галашко, А. И. Определение морфометрических показателей для прогнозирования успешности спортивной деятельности в армспорте / А. И. Галашко, В. В. Мулик, Л. В. Дугина // Слобожанський науково-спортивний вісник. – 2012. – № 1 (29). – С. 25–28.

12. Воронков, А. В. Особенности развития силы мышц-сгибателей кисти и пальцев в армспорте / А. В. Воронков, И. Н. Никулин, М. С. Филатов // Культура физическая и здоровье. – 2010. – № 4. – С. 18–20.

13. Воронков, А. В. К вопросу о контроле совершенствования силовой подготовленности студентов, занимающихся армспортом / А. В. Воронков, И. Н. Никулин, Ф. И. Собянин // Физическое воспитание студентов. – 2014. – № 2. – С. 3–7.

14. Никулин, И. Н. Силовая подготовка армрестлеров высших разрядов в подготовительном периоде / И. Н. Никулин, А. В. Воронков, Т. Ш. Мамедов // Психолого-педагогические проблемы воспитания силы : материалы междунар. электронной науч.-практ. конф. – Тирасполь : Изд-во Приднестр. ун-та, 2012. – С. 24–29.

15. Исследование показателей силы и выносливости рук у спортсменов армспорта разного уровня мастерства / Л. В. Подригало [и др.] // Физическое воспитание студентов. – 2014. – № 2. – С. 37–40.

16. Терзи, К. Г. Взаимосвязь силовых показателей с результатами соревновательной деятельности армрестлеров различной квалификации / К. Г. Терзи // Символ науки. – 2016. – № 2. – С. 186–189.

17. The Effects of Unit Exercises on the Hand Grip Strength of Arm Wrestlers / Sezer S. Yonca [et al.] // Redfame. Journal of education and training studies. – 2017. – Vol. 5. – № 6. – P. 196–201.

18. Травмотология и ортопедия : учебник / Г. С. Юмашев [и др.] ; под ред. Г. С. Юмашева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Медицина, 1990. – 576 с.

19. Коледа, В. А. Основы мониторинга функционального и физического состояния студентов / В. А. Коледа, В. А. Медведев, В. И. Ярмолинский. – Минск : БГУ, 2005. – 127 с.

20. Методика коррекции асимметрии в физическом развитии спортсменов, занимающихся армспортом / Д. Н. Черногоров [и др.] // Вестник МГПУ. Серия: Естественные науки. – 2016 – № 3 (23). – С. 56–70.

Поступила в редакцию 17.05.2018

E-mail: dekachur@yandex.ru

D. A. Kachur

ANTHROPOMETRIC PECULIARITIES OF ARM WRESTLING SPORTSMEN OF VARIOUS LEVEL OF SPORTSMANSHIP

The article presents the results of anthropometric study of athletes engaged in arm wrestling. An analysis of the basic and special anthropometric measurements was carried out, which made it possible to reveal the indices significant for arm wrestling. There were significant differences in the anthropometric parameters in the study groups. The anthropometric features of athletes have been determined depending on the level of athletic skill.

Keywords: anthropometry, arm wrestling, sportsmanship, muscular strength of the hand.

УДК 599.735.51:577.115

И. В. Котович¹, О. П. Позывайло², В. П. Баран³, Т. М. Ярошевич⁴

¹Кандидат биологических наук, доцент, заведующий кафедрой биолого-химического образования, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

²Кандидат ветеринарных наук, доцент, декан технолого-биологического факультета, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

³Кандидат биологических наук, доцент, заведующий кафедрой химии УО «Витебская ордена “Знак почета” государственная академия ветеринарной медицины», г. Витебск, Республика Беларусь

⁴Студент магистратуры технолого-биологического факультета, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

ПОКАЗАТЕЛИ ЛИПИДНОГО ОБМЕНА, ПЕРОКСИДНОГО ОКИСЛЕНИЯ ЛИПИДОВ И АНТИОКСИДАНТНОЙ СИСТЕМЫ КРОВИ КОРОВ-ПЕРВОТЕЛОК НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ЛАКТАЦИИ

Исследованы показатели липидного обмена, состояние прооксидантной и антиоксидантной систем, уровень гемоглобина, железа, меди и кобальта крови коров-первотелок ГСХУ «Мозырская сортоиспытательная станция» Мозырского района Гомельской области в начальный период лактации. Установлено, что на фоне избытка жира и дефицита витаминов-антиоксидантов в рационе первотелок, отмечается увеличение содержания в сыворотке крови ТБК-активных соединений, являющихся вторичными продуктами пероксидного окисления липидов и железа. Показатели антиоксидантной системы (активность церулоплазмينا, содержание аскорбиновой кислоты) не соответствуют норме. В цельной крови выявлен повышенный уровень гемоглобина и низкое содержание кобальта. Для устранения разбалансированности прооксидантной и антиоксидантной систем организма первотелок рекомендуется скорректировать их рацион по жиру, клетчатке, кобальту и витаминам-антиоксидантам.

Ключевые слова: общие липиды, триацилглицеролы, общий холестерол, диеновые конъюгаты, кетодиены, триенкетоны, ТБК-активные продукты, основания Шиффа, церулоплазмин, аскорбиновая кислота, гемоглобин, железо, кобальт, медь, сыворотка крови, коровы-первотелки.

Введение

Одной из приоритетных задач, стоящих перед агропромышленным комплексом Республики Беларусь на 2016–2020 годы в соответствии с Государственной программой развития аграрного бизнеса, является максимальная реализация потенциала продуктивности сельскохозяйственных животных. К 2020 году планируется довести объемы производства молока по стране до 9200 тыс. тонн, а продуктивность в племенных хозяйствах от одной коровы за лактацию – до 8000 кг молока [1]. Традиционная для республики черно-пестрая порода молочного скота имеет высокий генетический потенциал продуктивности (в пределах 8000 кг молока за лактацию). Однако он реализуется не более чем на 55 % [2]. Установлено, что коровы с высоким уровнем генетического потенциала молочной продуктивности в период физиологического раздоя испытывают значительное влияние экологических, биологических и технологических факторов среды, в результате чего в организме развиваются адаптационные процессы, направленные на компенсацию возрастных энергетических потребностей за счет пластических резервов, что дестабилизирует метаболический гомеостаз, активизирует свободно-радикальные реакции, снижает иммунитет и является причиной развития различных патологий [3]–[8].

Пероксидное (перекисное) окисление липидов (ПОЛ) является необходимым звеном в обновлении мембранных клеточных структур в здоровом организме животных. В норме оно

протекает на относительно низком уровне. Однако при длительных воздействиях на организм различных факторов, инициирующих процессы липопероксидации, ПОЛ нарушается и на фоне низкой активности антиоксидантной системы (АОС) приводит к возникновению и развитию различных заболеваний.

В таких условиях одной из наиболее актуальных задач является своевременный и объективный мониторинг метаболического статуса организма крупного рогатого скота на разных этапах его развития. Это позволит своевременно выявлять нарушения протекания обменных процессов, проводить необходимые лечебные и профилактические мероприятия, корректировать кормление и содержание животных в различные периоды их промышленной эксплуатации.

Среди показателей, характеризующих липидный обмен, определяют содержание общих липидов (ОЛ), триглицеридов (триацилглицеролов, ТАГ), общего холестерина (ОХ). Состояние прооксидантной системы оценивают по уровню диеновых конъюгатов (ДК), кетодиенов и триенкетонов (КД+ТК), активных продуктов, реагирующих с тиобарбитуровой кислотой (ТБК-АП), оснований Шиффа (ОШ) в плазме (сыворотке) крови, а для оценки антиоксидантной системы (АОС) исследуют содержание аскорбиновой кислоты (АК) и активность церулоплазмينا (ЦП) [9]–[13].

Цель и задачи исследования

Целью работы явилось исследование показателей липидного обмена, пероксидного окисления липидов и антиоксидантной системы сыворотки крови у коров-первотелок на начальном этапе (2-й–3-й месяцы) лактационного периода.

В связи с этим были поставлены следующие *задачи*:

- определить содержание общих липидов, триацилглицеролов и общего холестерина в сыворотке крови коров-первотелок;
- установить содержание гемоглобина, меди, кобальта в цельной крови, железа в сыворотке крови коров-первотелок;
- оценить состояние прооксидантной и антиоксидантной систем сыворотки крови указанных животных.

Методы исследования

Работа проведена на базе молочного комплекса государственного сельскохозяйственного учреждения «Мозырская сортоиспытательная станция» Мозырского района Гомельской области (д. Прудок). Для решения поставленных задач были отобраны 10 коров-первотелок живой массой 480–500 кг и суточным удоем 14–18 кг молока. Животные находились в одной секции с беспривязным содержанием.

Исследование химического состава кормов, входивших в состав рациона коров-первотелок, проводилось в НИИ прикладной ветеринарной медицины и биотехнологии учреждения образования «Витебская ордена «Знак Почета» государственная академия ветеринарной медицины». В кормах рассчитывали обменную энергию и определяли содержание сухого вещества, сырого и переваримого протеина, сырой клетчатки, сахаров и сырого жира.

Кровь от животных брали из яремной вены утром до кормления в стерильные пробирки с соблюдением правил асептики и антисептики.

Биохимические исследования проводили в лаборатории кафедры химии и НИИ ПВМиБ УО ВГАВМ, а также в научно-исследовательской лаборатории «Экология животных и биомониторинг» технолого-биологического факультета учреждения образования «Мозырский государственный университет имени И. П. Шамякина».

В сыворотке крови определяли показатели обмена липидов – содержание общих липидов, триацилглицеролов, общего холестерина, прооксидантной системы – уровень диеновых конъюгатов, кетодиенов, триенкетонов, ТБК-активных продуктов, оснований Шиффа и неферментативного звена антиоксидантной системы – содержание аскорбиновой кислоты и активность церулоплазмينا.

Для более полной характеристики состояния пероксидного окисления липидов и антиоксидантной системы первотелок исследовали уровень гемоглобина, меди и кобальта в цельной крови, железа – в сыворотке крови.

Содержание общих липидов, триацилглицеролов и общего холестерина определяли фотометрическим методом с использованием наборов НТК «Анализ-Х» (Республика Беларусь) и «Витал Дигностикс СПб» (Российская Федерация).

Продукты пероксидного окисления липидов в сыворотке крови экстрагировали гептан-изопропанольной смесью (соотношение 2:1). Оптическую плотность гептанового экстракта регистрировали на спектрофотометре РВ 2201 (Республика Беларусь). Показания абсорбции при 232 нм (A_{232}) соответствовали содержанию диеновых конъюгатов, при 278 нм (A_{278}) – суммарному уровню кетодиенов и триенкетонов, а при 400 нм (A_{400}) – содержанию оснований Шиффа [14], [15]. Уровень ТБК-активных продуктов определяли по реакции с тиобарбитуровой кислотой. Оптическую плотность бутанольного экстракта регистрировали при 535 нм (специфическое поглощение) и при 580 нм (неспецифическое поглощение) [16].

Значения абсорбции A_{232} , A_{278} и A_{400} , а также содержание ТБК – активных продуктов рассчитывали на мл сыворотки крови и на мг липидов сыворотки крови.

Показатели АОС определяли с использованием фотометрического метода: активность церулоплазмينا (ферроксидаза; КФ 1.16.3.1) по реакции окисления парафенилендиамина, а содержание аскорбиновой кислоты – по реакции с α, α' -дипиридиллом [11].

Концентрацию гемоглобина в цельной крови определяли гемиглобинцианидным методом с использованием набора НТК «Анализ-Х», железа – фотометрическим методом (по образованию комплекса Fe^{2+} с хромогеном) с применением набора «Витал Дигностикс СПб», а кобальта и меди – атомно-абсорбционным методом на спектрофотометре Nova 300.

Обработка экспериментальных данных осуществлена с использованием пакета статистического анализа для «MSExcel».

Результаты исследования и их обсуждение

Высокая продуктивность коров-первотелок связана с большим напряжением метаболических процессов в их организме животных. Поэтому к организации полноценного кормления данных животных предъявляются повышенные требования [17], [18].

Проведенный нами анализ рациона первотелок показал, что по кормовым единицам, уровню сырого и переваримого протеина он в целом соответствовал норме (таблица 1).

Таблица 1. – Содержание элементов питания в рационе коров-первотелок в заключительный период лактации

Показатели	Фактическое содержание	Норма	% обеспеченности
Кормовые единицы, кг	17,6	12,60	139,68
Обменная энергия, МДж	186,16	148,00	125,78
Сухое вещество, кг	18,62	15,70	118,60
Сырой протеин, г	2502,1	1980,00	126,37
Переваримый протеин, г	1719,56	1310,00	131,26
Сырая клетчатка, г	3910,24	4080,00	95,84
Сырой жир, г	565,38	435,00	129,97
Каротин, мг	84,00	565,00	14,87
Медь, мг	109,11	118,00	92,47
Кобальт, мг	1,82	8,60	21,16

Однако по ряду компонентов рацион первотелок был не сбалансирован и имел отклонения от нормативных критериев – установлен дефицит сырой клетчатки (5,16 %) каротина (85,13 %), меди (7,53 %), кобальта (78,84 %) на фоне повышенного содержания жира (29,97 %).

При анализе силоса кукурузного, входившего в рацион первотелок, выявлено пониженное содержание каротина и повышенный уровень органических кислот, что может способствовать развитию кетоза.

Несбалансированность в кормлении животных отразилась на состоянии липидного обмена, ПОЛ и АОС, показатели которых приведены в таблице 2.

Таблица 2. – Показатели липидного обмена, пероксидного окисления липидов и антиоксидантной системы сыворотки крови коров-первотелок на начальном этапе лактационного периода

Исследованные показатели	Min–Max	M ± m	Норма
<i>Показатели липидного обмена</i>			
ОЛ, г/л	2,85–7,01	3,81 ± 0,38	2,80–6,00
ТАГ, ммоль/л	0,020–0,150	0,057 ± 0,013	0,22–0,60
ОХ, ммоль/л	0,80–5,53	4,28 ± 0,45	1,30–4,42
<i>Показатели ПОЛ</i>			
ДК, A ₂₃₂ /мл сыворотки	0,990–1,550	1,193 ± 0,049	–
КД+ТК, A ₂₇₈ / мл сыворотки	0,110–0,410	0,208 ± 0,026	–
ДК, A ₂₃₂ /мг липидов	0,152–0,417	0,332 ± 0,024	0,100–0,300
КД+ТК, A ₂₇₈ / мг липидов	0,037–0,100	0,058 ± 0,007	0,050–0,100
ТБК-АП, мкмоль/л	2,44–9,96	6,69 ± 0,70	0,25–1,00
ТБК-АП, мкмоль/мг липидов	0,68–3,21	1,85 ± 0,23	–
ОШ, A ₄₀₀ /мл сыворотки	0,050–0,335	0,136 ± 0,025	–
ОШ, A ₄₀₀ / мг липидов	0,017–0,082	0,037 ± 0,006	–

Содержание общих липидов в сыворотке крови коров-первотелок имело большую вариабельность ($C_v = 32\%$), но в целом соответствовало норме [11]. Аналогичная картина была установлена и для общего холестерина.

У всех первотелок уровень триацилглицеролов сыворотки крови был незначительным, что, возможно, связано с низким уровнем эндогенного синтеза данной группы липидов.

Определение диеновых конъюгатов, которые являются первичными продуктами ПОЛ, используют для обнаружения в биологическом материале ацилгидроперекисей полиненасыщенных жирных кислот [14]. Анализ проведенных нами исследований показал, что содержание диеновых конъюгатов в сыворотке крови коров-первотелок незначительно превышает верхнюю границу нормативных критериев.

Аналогичная картина получена и по уровню диенкетонов и триенкетонов, суммарный уровень которых не превысил норму [11], [12]. Содержание ТБК-активных продуктов, основным компонентом которых является малоновый диальдегид, у всех животных оказалось выше нормы, что свидетельствует об усилении процессов свободно-радикального окисления и накоплении вторичных продуктов липопероксидации [12]. Повышение интенсивности ПОЛ в определенной степени может быть связано с избыточным количеством жиров и органических кислот в рационе, так как ненасыщенные жирные кислоты фосфолипидов клеточных мембран являются субстратами для активных форм кислорода.

Основания Шиффа представляют собой конечные продукты ПОЛ. Они обладают высокой реакционной способностью и токсичностью. Увеличение их уровня в организме указывает на изменения в структуре клеточных мембран, связанные с образованием полимерных сшивок белков, а также с нарушением функционирования ферментов и других биомолекул [11], [14]. В тоже время необходимо отметить, что в литературе не указаны нормативы по данному показателю для крупного рогатого скота с использованием спектрофотометрических методов. Учитывая тот факт, что мы исследовали клинически здоровых животных, полученные нами результаты можно использовать в качестве ориентировочных для оценки состояния ПОЛ у коров-первотелок.

Железо, кобальт и медь являются компонентами ряда ферментов и необходимы для процессов жизнедеятельности организма (кровотворение, окислительное фосфорилирование и др.). В тоже время ионы Fe^{2+} и Cu^+ могут вовлекаться в процессы ПОЛ. Вступая с пероксидом водорода в реакцию Фентона, они являются источниками наиболее реакционной из активных форм кислорода –

2. Установлен высокий уровень гемоглобина в цельной крови и железа в сыворотке крови первотелок. Содержание меди соответствует нормативным величинам, а кобальта находится в пределах нижней границы нормы.

3. Увеличение содержания ТБК-активных продуктов на фоне низкого уровня антиоксидантов плазмы крови (церулоплазмину, аскорбиновой кислоты) связано с избытком жиров и органических кислот в рационе животных. Для восстановления сбалансированности нарушенного в начальный период лактации прооксидантно-антиоксидантного соотношения у коров-первотелок необходимо скорректировать рацион животных по жиру, клетчатке, кобальту и витаминам-антиоксидантам.

4. Полученные результаты исследований могут быть использованы в оценке состояния липидного обмена и прооксидантно-антиоксидантного статуса организма коров-первотелок, а в комплексе с другими биохимическими показателями плазмы крови – для мониторинга физиологического состояния данных животных на разных этапах лактационного периода.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Государственная программа развития аграрного бизнеса в Республике Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mshp.gov.by>. – Дата доступа: 01.06.2018.

2. Коваленок, Ю. К. Совершенствование способов лечения и профилактики микроэлементозов продуктивных животных / Ю. К. Коваленок // Ученые записки Витебской ордена «Знак Почета» гос. акад. ветеринар. медицины. – 2007. – Т. 43, вып. 1. – С. 105–108.

3. Венцова, И. Ю. Показатели антиоксидантного статуса у высокопродуктивных коров в динамике сухостойного и послеродового периодов / И. Ю. Венцова // Доклады Российской академии сельскохозяйственных наук. – 2012. – № 4. – С. 46–48.

4. Высокогорский, В. Е. Пероксидация липидов и окислительная модификация белков молока и крови коров, больных эндометритом / В. Е. Высокогорский, Т. Д. Воронова, Н. А. Погорелова // Успехи современного естествознания. – 2014. – № 3. – С. 81–85.

5. Каширина, Л. Г. Перекисное окисление липидов и антиоксидантная защита организма у молочных коров разной продуктивности / Л. Г. Каширина, А. В. Антонов, И. А. Плющик // Вестник РГАТУ им. П. А. Костычева. – 2013. – № 1. – С. 8–12.

6. Копылов, С. Е. Перекисное окисление липидов у коров / С. Е. Копылов, Е. В. Пименов // Ветеринарная медицина. – 2012. – № 1. – С. 45–47.

7. Кушнир, И. Ю. Перекисное окисление липидов и антиоксидантная защита организма у высокопродуктивных молочных коров в предродовой и послеродовой периоды : автореф. ... дис. канд. биол. наук : 03.00.04, 16.00.07 / И. Ю. Кушнир ; Всерос. НИИ патологии, фармакологии и терапии. – Воронеж, 2002. – 26 с.

8. Никанов, А. Ю. Биохимические и экологические аспекты формирования продуктивного здоровья первотелок и получения молока с высокими биологическими и гигиеническими свойствами : автореф. ... дис. канд. биол. наук : 03.01.04 / А. Ю. Никанов ; Всерос. НИИ животноводства им. акад. К. Э. Эрнста. – Дубровицы, 2015. – 22 с.

9. Камышников, В. С. Справочник по клинико-биохимическим исследованиям и лабораторной диагностике / В. С. Камышников. – М. : МЕДпресс-инфо, 2004. – 920 с.

10. Новикова, И. А. Коррекция биохимического статуса у высокопродуктивных коров при кетозах в условиях промышленного комплекса : автореф. ... дис. канд. биол. наук : 03.01.04 / И. А. Новикова ; ФГБОУ ВПО КГСХА им. проф. И. И. Иванова. – Курск, 2013. – 19 с.

11. Методы ветеринарной клинической лабораторной диагностики : справочник / И. П. Кондрахин [и др.] ; под ред. проф. И. П. Кондрахина. – М. : КолосС, 2004. – 520 с.

12. Перекисное окисление липидов и эндогенная интоксикация у животных (значение в патогенезе внутренних болезней животных, пути коррекции) : монография / С. С. Абрамов [и др.]. – Витебск : УО ВГАВМ, 2007. – 208 с.

13. Холод, В. М. Справочник по ветеринарной биохимии / В. М. Холод, Г. Ф. Ермолаев. – Минск : Ураджай, 1988. – 168 с.

14. Перекисное окисление липидов при неврологической патологии у детей / Е. М. Васильева [и др.] // Клинич. лаборатор. диагностика. – 2005. – № 2. – С. 8–12.

15. Гаврилов, В. Б. Измерение диеновых конъюгатов в плазме крови по УФ-поглощению гептановых и изопропанольных экстрактов / В. Б. Гаврилов, А. Р. Гаврилова, Н. Ф. Хмара // Лаборатор. дело. – 1988. – № 2. – С. 60–64.

16. Гаврилов, В. Б. Анализ методов определения продуктов перекисного окисления липидов в сыворотке крови по тесту с тиобарбитуровой кислотой / В. Б. Гаврилов, А. Р. Гаврилова, Л. М. Мажуль // Вопросы мед. химии. – 1987. – № 1. – С. 118–122.

17. Разумовский, Н. П. Высокопродуктивные коровы: обмен веществ и полноценное кормление : практическое пособие для ветеринарных врачей, зооинженеров, студентов факультета ветеринарной медицины, зооинженерного факультета и слушателей ФПК / Н. П. Разумовский, В. В. Ковзов, И. Я. Пахомов. – Витебск : УО ВГАВМ, 2007. – 290 с.

18. Валеев, А. Н. Молочная продуктивность и качество молока коров-первотелок черно-пестрой породы при использовании в рационах энергетических добавок : автореф. ... дис. канд. с.-х. наук : 06.02.10 / А. Н. Валеев ; ФГБОУ ВПО ИГСХА. – Ижевск, 2011. – 22 с.

19. Gutteridge, J. M. Inhibition of the Fenton reaction by the protein caeruloplasmin and other copper complexes. Assessment of ferroxidase and radical scavenging activities / J. M. Gutteridge // Chem. Biol. Interact. – 1985. – Vol. 56. – P. 113–120.

20. Калиман, П. А. Метаболизм гема и оксидативный стресс / П. А. Калиман, Т. В. Баранник // Укр. биохим. журнал. – 2001. – Т. 73, № 1. – С. 5–15.

21. Васин, А. В. Идентификация молекулярной формы церулоплазмينا, локализованной в митохондриях крысы : автореф. ... дис. канд. биол. наук : 03.00.04 / А. В. Васин ; ГУ НИИ эксперимент. медицины РАМН. – СПб., 2005. – 24 с.

22. Мжельская, Г. И. Биологические функции церулоплазмينا и их дифференциация при мутации генов, регулирующих обмен меди и железа / Т. И. Мжельская // Бюлл. эксперимент. биологии и медицины. – 2000. – Т. 130, № 8. – С. 124–133.

23. Stoj, C. Cuprous oxidase activity of yeast Fet 3 p and human ceruloplasmin : implication for function / C. Stoj, D. J. Kosman // FEBS Lett. – 2003. – Vol. 554. – P. 422–426.

Поступила в редакцию 27.07.2018

E-mail: ivkotovich@mail.ru

I. Kotovich, O. Pozyvailo, V. Baran, T. Yaroshevich

INDEX FOR LIPID EXCHANGE, PEROXIDE OXIDATION AND ANTIOXIDANT SYSTEM OF FIRST-CALF COWS DETERMINED IN THEIR EARLY LACTATION CYCLE

The article is focused on the index of lipid exchange, peroxide oxidation and antioxidant system, Hb level, iron, copper and cobalt content found in blood of first-calf cows who are kept in State Agricultural Establishment “Mozyr grade-testing station” located in Mozyr district (Gomel region) in their early lactation cycle. Fat abundance and deficiency of vitamins-antioxidants were typical for food ration of first-calf cows. It was found out that the level of TBA-active substances in secondary products contained peroxide oxidation of lipids and ferrum. Indicators for antioxidant system i.e. caeruloplasmin, ascorbic acid fell short of accepted standards. Higher level of hemoglobin and low level of cobalt were defined in the whole blood of first-calf cows. With the aim to eliminate misbalanced pro-oxidant and antioxidant systems functioning in first-calf cows' bodies the authors recommend to correct food ration i.e. to balance the amount of consumable fat, dietary fibre, cobalt and vitamins-antioxidants.

Keywords: general lipids, triacyglycerole, general cholesterol, diene conjugates, ketodien, trienketon, TBA-active substances, Schiff's base, caeruloplasmin, ascorbic acid, hemoglobin, ferrum, cobalt, copper, blood serum, first-calf cows.

УДК 610.3

И. Н. Крикало¹, Т. А. Луполова²

¹Старший преподаватель кафедры биологии и экологии,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

²Кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, доцент кафедры биологии и экологии,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

СОМАТОТИП И ГАРМОНИЧНОСТЬ ФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ШКОЛЬНИКОВ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Представлены результаты исследования антропометрических показателей (рост, вес, окружность грудной клетки и окружности головы) школьников г. Мозыря в возрасте 11–12 и 15–16 лет. Выявлено, что у 45,4 % школьников 11–12 лет и 46,8 % школьников 15–16 лет ростовые значения выше нормы. Показатели веса превышены у 37,3 % учащихся средних классов. У большинства школьников всех исследуемых возрастов окружность головы (68,5 %) и окружность грудной клетки (90,9 %) – в пределах средних величин.

На основании данных результатов определен соматотип и гармоничность физического развития учащихся средних и старших классов. Преимущественно, у школьников (79,3 %) наблюдается макросоматотип при гармоничном развитии, что очевидно связано с процессами акселерации в современном обществе.

Ключевые слова: школьники, физическое развитие, гармоничность развития, соматотип, антропометрические показатели, рост, вес, окружность грудной клетки и окружности головы.

Введение

Физическое развитие является одним из важнейших показателей здоровья, поэтому практическое умение его правильно оценить способствует воспитанию здорового поколения. Гармоничное сочетание показателей физического развития характеризует его нормальное формирование и отражает общие закономерности роста и развития организма.

Наблюдение за физическим развитием населения в Республике Беларусь является обязательной составной частью государственной системы медицинского контроля за состоянием здоровья [1].

Изучение физического развития детей и подростков в настоящее время является одной из актуальных проблем, что связано с ухудшением экологической обстановки, широким распространением вредных привычек среди школьников, ухудшением питания и другими неблагоприятными факторами. Часто отклонение от нормы физического развития является первым важным симптомом, как нарушения функционального состояния, так и уже имеющегося заболевания [2].

Под влиянием длительно действующих неблагоприятных факторов уровень физического развития снижается, и, наоборот, улучшение условий, нормализация образа жизни способствуют повышению уровня физического развития [3].

В своей работе мы попытались оценить соматотип и гармоничность физического развития детей 11–12 лет и подростков 15–16 лет г. Мозыря, используя антропометрические показатели и сравнивая их со средними значениями принятых стандартов для данной группы.

Цель работы – изучение и анализ антропометрических показателей школьников среднего и старшего возраста для определения их соматотипа и гармоничности физического развития.

Материал и методы исследования. Исследование проводилось поперечным методом на базе ГУО «Средняя школа № 9 г. Мозыря» в период ноябрь – декабрь 2015–2017 гг. В нем приняли участие 358 школьников из них: 164 учащихся 11–12 лет (девочек – 99, мальчиков – 65) и 194 учащихся 15–16 лет (девушек – 105, юношей – 89).

Для оценки физического развития детей и подростков использовались антропометрические методы: измерение роста (см), веса (кг), окружности грудной клетки (см) и

окружности головы (см) учащихся. Соматотип и гармоничность физического развития определялись в зависимости от отклонений в нормативных значениях по центильным таблицам.

При сумме баллов до 10 ребенок относится к микросоматическому типу (физическое развитие ниже среднего), при сумме от 11 до 15 баллов – к мезосоматическому (физическое развитие среднее), при сумме от 16 до 21 балла – к макросоматическому (физическое развитие выше среднего) (таблица 1). Определение гармоничности развития проводилось на основании тех же результатов центильных оценок. В случае, если разность номеров областей («коридоров») между любыми двумя из трех показателей не превышает 1, то это свидетельствует о гармоничном развитии, если эта разность составляет 2 – развитие ребенка следует считать дисгармоничным, а если разность превышает 3 и более – резко дисгармоничное развитие [4], [5].

Таблица 1. – Гармоничность физического развития

Центиль	3	10	25	50	75	90	97
Баллы	1	2	3	4/5	6	7	8
Оценка изучаемого параметра	очень низкая	низкая	ниже среднего	средняя	выше среднего	высокая	очень высокая

Статистическая обработка данных выполнена в стандартном пакете Microsoft Exel 2016 и включала в себя получение описательных данных (средние значения, стандартные отклонения). Достоверность различий оценивали по t-критерию Стьюдента.

Результаты исследования и их обсуждение

Основные антропометрические данные нами оценивались по центильным таблицам, колонки которых показывают качественные границы признака у определенной доли или процента (центиль) детей данного возраста и пола. При этом принимались средние, или условно-нормальные значения, свойственные половине здоровых детей данного пола и возраста – в интервале от 25 до 75 центилей. Каждый измерительный признак (рост, масса тела, окружность головы и грудной клетки) соответственно помещался в свой «коридор» центильной шкалы.

Нами выбраны центильные интервалы средних величин (от 25 до 75 центиля) по возрастным и половым критериям школьников (таблица 2).

Таблица 2. – Центильные интервалы средних величин (от 25 до 75 центиля) по возрастным и половым критериям

Антропометрические показатели	Девочки 11 лет	Девочки 12 лет	Девушки 15 лет,	Девушки 16 лет	Мальчики 11 лет	Мальчики 12 лет	Юноши 15 лет	Юноши 16 лет
Рост (см)	140,2–148,8	145,9–154,2	157,2–166,0	158,0–166,8	138,5–148,3	143,6–154,5	162,5–173,5	166,9–177,8
Вес (кг)	30,7–38,9	36,0–45,4	50,6–60,4	52,0–61,3	31,0–39,9	34,4–45,1	48,3–62,8	54,0–69,6
Окружность головы (см)	51,8–53,7	52,3–54,0	53,4–54,9	53,6–55,0	52,1–54,1	52,5–54,6	53,8–55,8	54,0–56,0
Окружность грудной клетки (см)	64,4–74,5	67,1–77,6	76,3–85,6	78,8–87,1	66,0–74,9	68,0–72,1	76,3–85,7	80,0–89,9

Используя центильные таблицы, нами также выбраны средние значения основных антропометрических показателей (рост, вес, окружность головы, окружность грудной клетки) учащихся средних и старших классов (таблица 3).

Таблица 3. – Средние значения антропометрических показателей учащихся средних и старших классов ($p = 95\%$)

Антропометрические показатели, $m \pm \sigma$	Девочки 11 лет, $n = 66$	Девочки 12 лет, $n = 33$	Девушки 15 лет, $n = 60$	Девушки 16 лет, $n = 45$	Мальчики 11 лет, $n = 37$	Мальчики 12 лет, $n = 28$	Юноши 15 лет, $n = 39$	Юноши 16 лет, $n = 50$
Рост (см)	150,76 ± 0,96	154,73 ± 1,38	166,6 ± 0,60	167,91 ± 0,63	152,54 ± 0,98	156 ± 1,19	173,36 ± 0,80	177,44 ± 0,89
Вес (кг)	39,76 ± 1,09	42,91 ± 2,02	55,29 ± 0,93	58 ± 1,56	44,41 ± 1,89	49,39 ± 1,87	59,85 ± 1,84	70,58 ± 1,98
Окружность головы (см)	54,41 ± 0,17	55,82 ± 0,34	54,93 ± 0,24	56,07 ± 0,34	55,59 ± 0,45	54,61 ± 0,25	55,26 ± 0,21	56,06 ± 0,28
Окружность грудной клетки (см)	74,18 ± 1,00	75,76 ± 1,70	79,63 ± 0,76	82,16 ± 1,24	72,68 ± 1,39	71,89 ± 1,61	78,33 ± 0,82	87,76 ± 1,24

Проанализировав значение таблицы 3 и сравнив со значениями таблицы центильных интервалов (таблица 2), установлено, что антропометрические средние показали роста девочек 11 лет составляет 150,76 ± 0,96 см, что выше значений центильных таблиц на 1,96 см. Показатели роста девочек 12 лет также выше значений центильных интервалов и составляют 154,73 ± 1,70 см. У девушек в возрасте 15 и 16 лет рост превышает средние нормативные значения на 0,6 см и 1,11 см соответственно.

У девочек 11 лет показатель массы тела превышен и равен 39,76 ± 1,09 кг. В 12 лет девочки имеют массу тела, соответствующую значениям средних величин – 42,91 ± 2,02 кг. И у девушек 15 и 16 лет показатель массы тела находится в пределах нормы (55,29 ± 0,93 кг и 58 ± 1,56 кг).

Показатели окружности груди у девочек исследуемых возрастов находятся в пределах нормативных значений: в 11 лет – 74,18 ± 1,00 см, в 12 лет – 75,76 ± 1,70 см, в 15 и 16 лет – 79,63 ± 0,76 см и 82,16 ± 1,24 см соответственно.

Проведен анализ антропометрических показателей мальчиков и юношей (таблицы 2, 3). Установлено, что рост у мальчиков 11 лет выше нормативных значений центильных таблиц и равен 152,54 ± 0,98 см. Ростовые показатели в 12 лет также превышены и составляют 156 ± 1,19 см. Рост юношей 15 и 16 лет – в пределах нормы и равен 173,36 ± 0,80 см и 177,44 ± 0,89 см соответственно.

Показатели веса у мальчиков 11 и 12 лет выше нормы на 4,51 кг и 4,29 кг, соответственно. Масса тела у юношей 15 лет соответствует нормальным значениям (59,85 ± 1,84 кг), а в 16 лет этот показатель превышен на 0,68 кг и равен 70,58 ± 1,98 кг.

Превышены значения нормы окружности головы только у мальчиков в возрасте 11 лет: 55,59 ± 0,45 см. В возрасте 12 лет у мальчиков данный показатель равен 54,61 ± 0,25 см, у юношей 15 лет – 55,26 ± 0,21 см и 16 лет – 56,06 ± 0,28 см, что соответствует нормативным значениям центильных таблиц.

Показатели окружности грудной клетки у мальчиков 11 лет в пределах нормы – 72,68 ± 1,39 см, в 12 лет данные значения превышены и равны 73,89 ± 1,61 см. У юношей 15 лет окружность грудной клетки – 78,33 ± 0,82 см, что ниже средних значений, а в 16 лет – показатель 87,76 ± 1,24 см принадлежит области средних величин.

Полученные основные антропометрические данные нами использованы для определения соматотипа и гармоничности развития школьников старшего и среднего возраста (таблицы 4, 5).

Таблица 4. – Соматотип и гармоничность развития школьниц средних и старших классов

Возраст	Соматотип	Гармоничность развития
11 лет	макросоматотип	гармоничное
12 лет	мезосоматотип	дисгармоничное
15 лет	макросоматотип	гармоничное
16 лет	макросоматотип	гармоничное

Таблица 5. – Соматотип и гармоничность развития школьников средних и старших классов

Возраст	Соматотип	Гармоничность развития
11 лет	макросоматотип	гармоничное
12 лет	макросоматотип	гармоничное
15 лет	мезосоматотип	гармоничное
16 лет	макросоматотип	гармоничное

Соматотип и гармоничность развития определяли на основании центильных оценок (таблица 2) и антропометрических показателей школьников (вес, рост, окружность грудной клетки) (таблица 3), в том числе центильных коридоров которым принадлежат данные значения.

Таким образом, у девочек 11 лет вес – выше среднего и принадлежит 6 номеру области центильных таблиц; рост – также выше средних значений – 6 «коридор»; окружность грудной клетки находится в пределах средних значений – 5 «коридор». Суммарный показатель составляет 17 баллов, что соответствует макросоматотипу при гармоничном физическом развитии. По такому же принципу определялся соматотип у всех остальных детей и подростков.

У девочек 12 лет определен мезосоматотип при дисгармоничном развитии: общее количество баллов – 15 (вес – 6, рост – 4 и окружность грудной клетки – 5 «коридоры»).

Макросоматотип при гармоничном развитии – у девушек 15 и 16 лет, так как их масса тела – в пределах средних величин, рост и окружность грудной клетки выше нормальных значений.

У мальчиков 11, 12 лет наблюдается макросоматотип при гармоничном развитии. Показатели веса и роста высокие, окружность грудной клетки – в зоне средних значений.

Мезосоматотип при гармоничном развитии (сумма баллов 15) отмечается у юношей 15 лет. Показатели веса, роста и окружности грудной клетки относятся к области средних величин.

У юношей 16 лет отмечается макросоматотип при гармоничном развитии. Показатели роста и окружности грудной клетки относятся к области средних значений, а масса тела – к области высоких величин при общей сумме в 16 баллов.

Таким образом, по результатам исследования выявлено, что у 83,8 % девочек в возрасте 11, 15 и 16 лет наблюдается макросоматотип (физическое развитие выше среднего) при гармоничном типе развития. У 16,2 % девочек 12 лет – мезосоматический тип развития (средний), и при этом наблюдается дисгармоничное развитие.

Нами выявлено, что мальчики 11, 12 и 16 лет (74,7 %) относятся к макросоматотипу с гармоничным развитием. У юношей 15 лет (25,3 %) – мезосоматотип при гармоничном типе физического развития.

Макросоматический тип развития детей и подростков тесно связан с процессами акселерации в современном обществе. Акселерация большинства детей во многом определяется экологическими, социально-экономическими и социально-гигиеническими условиями жизни, а в особенности – образом жизни, улучшением питания, витаминизацией, повышенным употреблением белковой и углеводной пищи. Высокое физическое развитие отдельных школьников напрямую зависит от рационального и сбалансированного питания, занятий спортом, отказом от вредных привычек и др.

Дисгармоничность физического развития при мезосоматотипе девочек 12 лет, возможно, связана с более ранним пубертатным периодом.

Изменения в физическом развитии могут быть связаны с наследственными заболеваниями, генетической предрасположенностью к высокому росту и избыточному весу и др.

Выводы

1. По результатам исследования, выявлено, что ростовые значения девочек 11–12 лет (48,6 %) и девушек 15–16 лет (51,4 %) находятся в зоне высоких величин. Показатели веса превышены только у девочек в возрасте 11 лет (32,4 %), а у девочек 12 лет и девушек 15, 16 лет (67,6 %) – в пределах нормы. Окружность головы выше нормативных значений у девочек в возрасте 11–12 лет (48,6 %) и у девушек 16 лет (22 %), а у девушек 15 лет (29,4 %) – находится в зоне средних значений. Окружность грудной клетки у 100 % школьниц всех исследуемых возрастов соответствует пределам средних величин.

2. У мальчиков 11 и 12 лет (42,2 %) показатели роста – выше нормы, а у юношей 15, 16 лет (57,8 %) – находятся в области средних значений. Показатели веса у мальчиков 11–12 лет

(42,2 %) и юношей шестнадцатилетнего возраста (32,5 %) относятся к области высоких величин. У юношей 15 лет (25,3 %) этот показатель в пределах нормативных значений. Окружность головы превышена только у школьников одиннадцатилетнего возраста (24 %), у школьников 12, 15, 16 лет (76%) – в пределах нормы. Окружность грудной клетки у школьников 11, 15, 16 лет (81,8 %) – в пределах нормальных значений, а в 12 лет (18,2 %) этот показатель ниже средних величин.

3. По результатам исследования установлено, что девочки в возрасте 11, 15 и 16 лет (83,8 %) относятся макросоматотипу при гармоничном типе развития. У девочек 12 лет (16,2 %) – мезосоматический тип развития, однако наблюдается дисгармоничное развитие.

Макросоматотип при гармоничном развитии наблюдается у 74,7 % мальчиков 11, 12, 16 лет, а мезосоматотип при гармоничном развитии выявлен у 25,3 % юношей 15 лет.

4. Макросоматотип (физическое развитие выше среднего) отмечается у большинства школьников (79,3 %) преимущественно за счет превышенных показателей роста, что очевидно связано с активными процессами акселерации.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О здравоохранении : Закон Респ. Беларусь 18 июня 1993 г. № 2435-ХП : в ред. Законов Республики Беларусь от 11.01.2002 № 91-3, от 29.06.2006 № 137-3, от 20.07.2006 № 162-3, от 14.06.2007 № 239-3 // Зарегистрировано в Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь 16 марта 2001 г. № 2/399 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 1994.

2. Актуальность оценки физического развития детей // Cyberleninka [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnost-otsenki-fizicheskogo-razvitiya-detej>. – Дата доступа: 21.04.2018.

3. Валетов, В. В. Антропометрические показатели развития школьников г. Мозыря / В. В. Валетов, Е. Ю. Гуминская, В. Г. Богатко // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ўн-та імя І. П. Шамякіна. – 2014. – № 3. – С. 11–15.

4. Методика антропометрических исследований / В. В. Бунак [и др.] ; под общ. ред. В. В. Бунака. – М. : Аристель, 2001. – 151 с.

5. Методика морфофизиологических исследований в антропологии / Н. С. Смирнова [и др.] ; под общ. ред. Н. С. Смирновой. – М. : Академия, 1999. – 349 с.

Поступила в редакцию 16.07.2018

E-mail: irinakrikalo@mail.ru

I. N. Krykalo, T. A. Lupolova

SOMATOTYPE AND HARMONICITY OF PHYSICAL DEVELOPMENT OF SCHOOLBOYS OF THE AVERAGE AND SENIOR AGE

The results of the study of anthropometric parameters (height, weight, circumference of the thorax and head circumference) of the schoolchildren of Mozyr at the age of 11–12 and 15–16 years old. It was revealed that 45.4 % of schoolchildren aged 11–12 years and 46.8 % of schoolchildren aged 15–16 years had growth rates higher than normal. Weight indicators were exceeded in 37.3 % of middle-class students. In most schoolchildren of all ages studied, the head circumference (68.5 %) and the chest circumference (90.9 %) are within the average.

Based on these results, the somatotype and harmony of the physical development of middle and high school students have been determined. Predominantly, in schoolchildren (79.3 %) there is a macrosomatotype with a harmonious development, which is obviously associated with the processes of acceleration in modern society.

Keywords: schoolchildren, physical development, development harmony, somatotype, anthropometric indices, height, weight, circumference of thorax and head circumference.

УДК 796.015.1

С. М. Блоцкий¹, В. А. Горовой²

¹Кандидат педагогических наук, декан факультета физической культуры,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

²Кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики физического воспитания,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПОДГОТОВКИ БЕГУНОВ НА СРЕДНИЕ И ДЛИННЫЕ ДИСТАНЦИИ

В статье проведен анализ применения тренировочных нагрузок в годичном цикле и основных компонентов целостной системы подготовки спортсменов, в значительной степени обуславливающих рост спортивных достижений и повышение эффективности тренировочного процесса на основе определения величины соотношения и динамики тренировочных нагрузок на различных этапах многолетней тренировки легкоатлетов.

Ключевые слова: спортивная тренировка, прогноз, бег на средние и длинные дистанции, годичный цикл тренировки, общая физическая подготовка, специальная физическая подготовка.

Введение

Основной целью спортивной подготовки на этапе совершенствования высшего мастерства является повышение спортивных показателей, поэтому прогнозирование результатов ведущих спортсменов-бегунов на средние и длинные дистанции, осуществляющих подготовку к определенным соревнованиям, дает информацию специалистам для принятия конкретных решений.

Спортивные достижения во многом зависят от характера тренировочной и соревновательной деятельности спортсменов высокой квалификации. Средние величины нагрузки позволяют получать общее представление о настоящем уровне достижений в любом виде спорта.

Большое значение в многолетней подготовке бегунов на средние и длинные дистанции имеет оптимальное построение учебно-тренировочного процесса, который должен базироваться на результатах анализа предыдущих этапов подготовки, программных и квалифицированных требований и преемственности в процессе многолетней тренировки.

При составлении программных требований спортивных школ необходимо опираться на ранее обоснованные и наиболее важные методические положения, на основе которых строится вся многолетняя подготовка спортсменов в циклических видах [1]–[3].

Планируя систему тренировки в многолетнем и годичном циклах, спортсмены и тренеры должны точно определить спортивные достижения, к которым они готовятся, т. е. поставить конкретную цель своей подготовки. Имея такую цель и точный прогноз, исходя из имеющихся сегодня научных данных, мы можем определить нормативные требования к бегу и разработать модельные характеристики и саму структуру тренировочного процесса.

Для оценки состояния готовности спортсменов к ответственным стартам, формирования высокодостоверного прогноза необходим анализ системы подготовки по тем факторам и признакам, которые формируют это состояние.

Цель исследования – определить наиболее значимые показатели объема и интенсивности тренировочных нагрузок в годичных циклах подготовки бегунов на средние и длинные дистанции в группах спортивного совершенствования и изучить применение ведущих факторов, определяющих спортивные достижения.

Организация и методы исследования. Исследование проводилось на базе Мозырского филиала УО «Гомельское государственное училище олимпийского резерва», учреждения «Специализированная детско-юношеская школа олимпийского резерва» (СДЮШОР) № 2

г. Мозыря и УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина» (всего 40 спортсменов). Был проведен анализ многолетней подготовки бегунов на средние и длинные дистанции на основе теоретических, экспериментальных исследований, обобщения практического опыта работы ведущих тренеров Гомельской области, изучения дневников и анкетного опроса спортсменов. Были определены величины и интенсивность нагрузки по трем зонам интенсивности в группах спортивного совершенствования.

В связи с тем, что спортивный путь бегунов начинается в детско-юношеской спортивной школе и СДЮШОР, где работа распределяется по группам начальной подготовки, учебно-тренировочной, спортивного совершенствования и высшего спортивного мастерства, мы в своем исследовании придерживались этих же этапов многолетней тренировки.

В работе обобщен и проанализирован фактический материал этапа спортивного совершенствования, на котором осваивается широкий диапазон тренировочных и соревновательных скоростей, необходимых для успешного участия в соревнованиях; совершенствуется техника и достигается экономизация в мышечной деятельности; применяются значительные объемы продолжительного и непрерывного бега. Анализ тренировочных нагрузок осуществлялся по следующим параметрам (за год): общий объем бега (км), объем бега по трем зонам интенсивности (в % от общего объема бега). Первая зона – нагрузка аэробного энергообеспечения – направлена на развитие общей выносливости; вторая зона – нагрузки смешанного аэробно-анаэробного энергообеспечения – направлена на развитие специальной выносливости; третья зона – высокоинтенсивные нагрузки гликолитического энергообеспечения.

Результаты исследования и их обсуждение

Целесообразно добиваться диагностирования состояния спортсменов на всех этапах подготовки в годичном цикле по ранее разработанному набору тестов.

При подготовке спортсменов высокой квалификации первостепенное значение, по нашему мнению, будет иметь ряд факторов:

1. Факторы, ускоряющие рост достижений:

– совершенствование и оптимизация методов тренировки;

– совершенствование средств и методов восстановления;

– совершенствование материально-технического, научно-методического и медико-биологического обеспечения.

2. Факторы, определяющие уровень подготовки:

– развитие физических качеств и технического мастерства;

– уровень развития функциональных систем организма спортсменов;

– степень протекания восстановительных процессов.

Особое значение для построения процессов тренировки имеют выбор и распределение микроциклов, зависящих от объективных закономерностей развития «спортивной формы» и внутренней логики тренировочного процесса, а также от календаря соревнований. Построение процесса в мезоцикле основывается на сопоставлении проделанной работы с функциональными изменениями, произошедшими в организме бегунов. Внешнюю сторону нагрузки определяют по учету тренировочной работы, внутреннюю – по показателям комплексного педагогического контроля. Программирование нагрузки в микроцикле осуществляется и корректируется на основе сбалансированности задач отдельных занятий и функциональных возможностей спортсмена с помощью оптимального чередования работы и отдыха в тренировочном цикле.

Наряду с программой тренирующих и восстанавливающих воздействий, необходима программа внесения коррекций с учетом индивидуальных особенностей спортсмена.

Одним из важных факторов в оптимизации учебно-тренировочного процесса в спортивной тренировке, по мнению многих специалистов, является индивидуальный подход в обучении. При индивидуальном подходе, предполагается знание индивидуальности, то есть того особенного, неповторимого, что отличает одного человека от всех других и включает природные и социальные качества. Индивидуальный подход рассматривается в педагогике как один из важнейших принципов обучения и воспитания, находит прямое отражение как в тренировке высококвалифицированных спортсменов, так и начинающих легкоатлетов на первых этапах построения тренировки. На ранних этапах подготовки (этап предварительной подготовки и начальной специализации) особенно важно выявить морфологические особенности занимающихся, их соответствие конкретным требованиям вида спорта, изучить чувствительные периоды развития

основных физических качеств, способности к обучаемости на основе различных упражнений, типологические свойства нервной системы, темперамент. На более поздних этапах (этап углубленной спортивной тренировки и спортивного совершенствования) необходимо изучать индивидуальные характеристики во всей их совокупности. Результаты исследований показывают, что в развитии физических качеств спортсмены разделяются по индивидуально-групповым характеристикам, генетически заложенным в их организме [4]–[7].

Актуальной проблемой спортивной подготовки является вопрос совершенствования планирования тренировочного процесса в аспекте выбора величины и характера тренировочных нагрузок.

На первом этапе подготовительного периода – «осенне-зимнем» этапе подготовки (октябрь – середина января) решались задачи проведения комплексного совершенствования общей выносливости занимающихся, приучения их к большим объемам беговой тренировочной работы. На этом этапе подготовки бегунов преимущественно использовались средства аэробного характера: продолжительный равномерный бег на уровне порога анаэробного обмена (ПАНО), интервальный бег со значительными интервалами отдыха; упражнения, поддерживающие общий уровень развития основных физических качеств; совершенствование скоростно-силовой подготовки, постепенное увеличение объема интенсивности в скоростно-силовых циклических и ациклических упражнениях специальной и общефизической направленности.

На втором этапе подготовительного периода – «зимне-весеннем» (середина января – конец марта) решались задачи комплексного совершенствования общей и специальной выносливости. В этот период времени применялись средства преимущественно аэробной направленности в сочетании с упражнениями, развивающими локальную (мышечную) выносливость и анаэробную выносливость. Среди средств этого этапа – продолжительный бег разной интенсивности (равномерный бег, темповой бег, «фартлек», повторный бег от 1000 до 3000 м не в полную силу), средства общей физической подготовки (ОФП).

На третьем этапе подготовительного периода – этапе «весенней» подготовки (апрель – первая половина мая) в тренировочный процесс включались занятия в микроциклах на уровне анаэробного порога (частота сердечных сокращений (ЧСС) 170 уд/мин и выше). Проведение тренировок с соревновательной скоростью и повышение объема и интенсивности в скоростно-силовых упражнениях специальной направленности для перехода к соревновательной подготовке способствует совершенствованию анаэробных и скоростно-силовых способностей, оптимальному укреплению мышечных групп без снижения уровня общей выносливости. Среди средств тренировки – бег на коротких, средних и длинных отрезках преимущественно интервальным методом; бег в утяжеленных условиях в гору, прыжками в гору; средства ОФП; участие в весенних соревнованиях.

На четвертом этапе – первый этап соревновательного периода (середина мая – начало июля) основной задачей являлась реализация накопленного потенциала физической, функциональной и технической подготовленности, комплексное совершенствование специальных качеств бегуна на средние и длинные дистанции; набирался опыт участия в соревнованиях. Среди средств тренировки – бег на отрезках от 30 до 200 м (короткие отрезки), от 400 до 800 м (специальные отрезки), от 1000 до 3000 м (длинные отрезки), «фартлек», кроссы по пересеченной местности.

На пятом этапе (второй этап соревновательного периода) решались задачи подготовки и участия в основных соревнованиях.

На шестом этапе (третьем этапе соревновательного периода) решались задачи сохранения спортивной формы для участия в отдельных соревнованиях и постепенное снижение нагрузок для перехода к периоду относительного отдыха (переходному периоду).

Занятия бегом согласно предложенному плану проводились один раз в день, четыре-пять раз в неделю от одного до двух часов.

В качестве метода контроля и самоконтроля использовались приемы индивидуального контроля за уровнем усвоения учебного материала, развития физических качеств (тестирование, соревновательная деятельность), различные виды врачебного контроля: углубленный, этапный и текущий.

Важную информацию для планирования тренировочного процесса отдельных спортсменов дает прогноз о динамике роста их спортивных результатов в связи с применяемыми ими средствами и методами тренировочных воздействий, а также интенсивностью и объемом

тренировочных нагрузок. Этот вопрос тесно связан с методикой тренировки. Следует более подробно остановиться на параметрах, характеризующих состояние спортсмена, и особенно модельных характеристиках, которые соответствуют моделируемому состоянию, необходимому для достижения прогнозируемого результата в беге на средние и длинные дистанции.

Моделирование построения тренировочного процесса юных бегунов, готовящихся к высоким спортивным достижениям в категории взрослых спортсменов, имеет свои особенности. Это единство общей и специальной подготовки, взаимосвязь физической, технической, тактической, морально-волевой и теоретической подготовки на всех этапах многолетнего спортивного совершенствования; соразмерное повышение, изменение общих и специальных тренировочных нагрузок со строгим варьированием и волнообразным изменением их в зависимости от календаря соревнований, циклов, периодов и этапов подготовки. Построение процесса многолетней перспективной тренировки предусматривает систему отбора средств и методов, оптимальную структуру многолетней тренировки в рамках малых, средних и больших циклов [8]–[11].

Хорошая разносторонняя общая и специальная подготовленность закладывается в период обучения в группах начальной подготовки и учебно-тренировочных группах без узкого разделения по специализации. На данном этапе развитие физических качеств и функций юных бегунов происходит генерализировано под воздействием тренировочных нагрузок. Далее детально рассмотрим модель этапа спортивного совершенствования и высшего спортивного мастерства.

Общая динамика параметров специальных тренировочных нагрузок бегунов по годам обучения с учетом их специализации представлена в таблице.

Таблица – Динамика нагрузки на этапе спортивного совершенствования

Дистанция, м	Возраст, лет	Общий беговой объем, км	Режим в % к общему беговому объему		
			аэробный	смешанный	анаэробный
800–1500	16–17	2900 ± 100	86 ± 2	10 ± 2	4 ± 0,5
	17–18	3100 ± 200	85 ± 2	11 ± 2	4 ± 0,5
	18–19	3400 ± 300	84 ± 2	12 ± 2	4 ± 0,5
5000	16–17	3600 ± 300	86 ± 2	11 ± 2	3 ± 0,5
	17–18	4200 ± 200	85 ± 2	12 ± 2	3 ± 0,5
	18–19	4900 ± 100	84 ± 2	13 ± 2	3 ± 0,5

Условно выделяют три зоны тренировочных нагрузок, специфических по характеру. Нагрузки в этих зонах различны и имеют свою биохимическую, физиологическую и педагогическую основу и характеристику. Чем короче дистанция, тем выше средняя соревновательная скорость бега. Границей между аэробной и смешанной зонами является ПАНУ, что примерно соответствует ЧСС 170 ± 5 уд/мин. С увеличением возраста ЧСС снижается, а скорость повышается [12]–[14].

Границей между смешанной и анаэробной зонами нагрузки является критическая скорость, при которой организм бегуна выходит на уровень максимального потребления кислорода. Это ЧСС 185 ± 10 уд/мин. С увеличением возраста скорость бегуна растет, а ЧСС снижается.

На этапе спортивного совершенствования осваивается широкий диапазон тренировочных и соревновательных скоростей, необходимых для успешного участия в соревнованиях. Совершенствуется техника и достигается экономизация мышечной деятельности при беге, то есть выполнение максимальных продолжительных нагрузок с минимальной затратой энергии. Особое внимание уделяется специальной силовой подготовке, применению средних и длинных отрезков в диапазоне ПАНУ и «критической мощности», использованию значительных объемов продолжительного и непрерывного бега в кроссах и утренних пробежках.

В результате изучения величины и характера применяемых на практике тренировочных нагрузок и их воздействия на организм спортсменов детально разработана и предложена система классификации специальных тренировочных нагрузок. В предлагаемой классификации учитывается избирательное воздействие различных по мощности тренировочных нагрузок на те или иные функции организма, что позволяет целенаправленно подходить к оценке воздействия выполненной работы и планированию тренировочного процесса. Сделана попытка связать внутренние показатели, внешние критерии и методы тренировки в единую систему. На основе

экспериментального исследования дана количественная характеристика показателей, отражающих аэробную, анаэробную и смешанную зоны при различных нагрузках.

Исследования показали, что максимальные значения для ведущих параметров нагрузки значительно превосходят средние показатели и в определенной степени характеризует реальную перспективу для большинства спортсменов высокой квалификации. Отсюда вытекает большое прогностическое значение задачи изучения максимальных показателей нагрузки сильнейших спортсменов Республики Беларусь в беге на средние и длинные дистанции.

Выполнение такой объемной работы в подготовительном периоде будет способствовать повышению уровня специальной выносливости и выступления на высоком уровне в течение более длительного периода.

Представляется очевидным, что в период непосредственной подготовки к основным соревнованиям, требующим многолетней тренировочной работы, основное внимание научных работников и тренеров должно быть направлено на те модельные характеристики предполагаемых чемпионов, исследование которых в отношении процесса тренировки, соревнований и направленного восстановления может принести наибольший эффект. С нашей точки зрения, это прежде всего касается модельных характеристик соревновательной деятельности. Оценки этих характеристик должны прогнозироваться в отношении всех спортсменов высокого уровня не только на самые ответственные соревнования сезона, но и на промежуточные и контрольные.

Выводы

В результате проведенного анализа, направленного на выявление темпов роста спортивных достижений, можно отметить, что одним из первостепенных является вопрос о подготовке резерва, решение которого позволит осуществить должную преемственность при переходе из юниоров во взрослую команду и пополнить сборную команду сформировавшимися спортсменами.

Выявленные нами в результате анализа многолетней тренировки количественные параметры тренировочного процесса и их динамика могут служить одним из объективных показателей для перспективного планирования тренировки юных легкоатлетов.

Определение значимости каждого фактора в параметрах его составляющих позволило выявить наиболее весомые показатели объема и интенсивности тренировочных и соревновательных нагрузок и по ним осуществлять оценку состояния готовности, корректировать тренировочный процесс, прогнозировать возможности спортсменов:

– в подготовительном периоде выполняемая тренировочная нагрузка, тренировочные методы и средства должны поэтапно и четко воздействовать на определенные функции организма;

– предлагаемая нагрузка должна полностью соответствовать возможностям бегунов, что достигается в результате тщательного анализа предшествующей подготовки, субъективных ощущений бегунов и объективных наблюдений тренера при строгом учете индивидуальных физиологических и психологических особенностей организма.

Для высококвалифицированных спортсменов, применяющих большие объемы нагрузки (3400–4900 км в год и более), при использовании полугодичных циклов тренировки целесообразно распределить нагрузку в циклах так, чтобы она была во втором цикле меньше по объему и больше по интенсивности, чем в первом.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Зелинченко, В. Б. Критерии отбора в легкой атлетике / В. Б. Зелинченко, В. Г. Никитушкин. – М. : Терра-Спорт, 2000. – 240 с.
2. Набатникова, М. Я. Основы управления подготовкой юных спортсменов / М. Я. Набатникова. – М. : Физкультура и спорт, 1982. – 280 с.
3. Озолин, Н. Г. Настольная книга тренера: Наука побеждать / Н. Г. Озолин. – М. : Физкультура и спорт, 2002. – 387 с.
4. Бисеров, В. В. Физическая культура. Лёгкая атлетика : учеб. пособие / В. В. Бисеров, И. В. Рукина, Т. Л. Мухтарова. – Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2008. – 219 с.
5. Вакуров, С. А. Бег на средние дистанции / С. А. Вакуров. – М. : Физкультура и спорт, 1972. – 75 с.
6. Современная система спортивной подготовки / под ред. Ф. П. Сулова, В. Л. Сыча, Б. Н. Шустина. – М. : СААМ, 1995. – 337 с.

7. Филин, В. П. Проблема построения многолетней тренировки в циклических видах спорта / В. П. Филин, М. М. Линец // Теория и практика физической культуры. – 1979. – № 6. – С. 10–13.
8. Вайцеховский, С. М. Книга тренера / С. М. Вайцеховский. – М. : Физкультура и спорт, 1971. – 239 с.
9. Верхошанский, Ю. В. Основы специальной физической подготовки спортсменов / Ю. В. Верхошанский. – М. : Физкультура и спорт, 1988. – 330 с.
10. Тер-Ованесян, И. А. Подготовка легкоатлета: современный взгляд / И. А. Тер-Ованесян. – М. : Терра-Спорт, 2000. – 285 с.
11. Филин, В. П. Теория и методика юношеского спорта / В. П. Филин. – М. : Физкультура и спорт, 1987. – 129 с.
12. Запорожанов, В. М. Основы педагогического контроля в легкой атлетике : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.04 / В. М. Запорожанов ; Гос. центр. ин-т физ. к-ры. – М., 1978. – 33 с.
13. Матвеев, Л. П. Основы общей теории спорта и системы подготовки спортсменов / Л. П. Матвеев. – Киев : Олимпийская литература, 1999. – 320 с.
14. Куликов, А. М. Управление спортивной тренировкой: системность, адаптация, здоровье / А. М. Куликов. – М. : Физкультура, образование, наука, 1995. – 395 с.

Поступила в редакцию 02.02.2018

E-mail: slava.gorovoi1980@mail.ru

Sergey Blotsky, Vyacheslav Gorovoy

PECULIARITIES AND FORECASTING FOR ATHLETIC TRAINING OF MIDDLE AND LONG DISTANCE RUNNERS

The author analyzed a training load established within a circannian cycle and the basic components of a unified system of athletic training. It must be stated that the increase of sport achievements as well as the rise of training effectiveness are determined by correlation established between dynamics of sport training conducted at various stages of long-term athletic training.

Keywords: athletic training, forecasting, middle and long distance running, circannian cycle, overall physical condition, special physical training.

УДК 376.018-058.862

Е. Н. Дубовец

Аспирант кафедры педагогики и психологии,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь
Научный руководитель: Журлова Ирина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент

СТРУКТУРНО-ЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОБОСНОВАНИЮ СОДЕРЖАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКИХ ДОМОВ И ШКОЛ-ИНТЕРНАТОВ О СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЯХ

В статье на основе структурно-логического подхода определены группы семейных ценностей, представленные в виде блоков, подробно раскрыто их содержание. Выявлены диагностируемые признаки, дающие полное обоснование качественного состояния уровней развития формируемых у воспитанников детских домов и школ-интернатов представлений о семейных ценностях.

Ключевые слова: структурно-логический подход, представления о семейных ценностях, блоки семейных ценностей, уровни развития представлений о семейных ценностях, воспитанники детских домов и школ-интернатов, социальное сиротство.

Введение

Изменения в институте семьи сопровождаются такими негативными социальными явлениями, как увеличение уровня разводов, внебрачной рождаемости детей; рост количества людей, не состоящих в браке; высокий уровень аборт и родов у несовершеннолетних; отказ от детей; наличие факта безнадзорности и преступности в подростковой среде и другое.

Неблагополучие, бедность семей, высокий уровень занятости родителей, неблагоприятная психологическая атмосфера в семье пагубно влияют на воспитание детей, их нравственное и физическое развитие, формирование у них системы ценностей. Во многих семьях сегодня создается негативный нравственно-психологический климат, нарастает отчужденность между детьми и родителями, проявляется жестокость и насилие по отношению к детям, происходит их изъятие или уход из семьи и пребывание в детских учреждениях интернатного типа.

Анализ условий жизни воспитанников, находящихся в детских учреждениях интернатного типа, показал, что сложно выделить одну причину либо обстоятельство, приведшее сюда ребенка. В большинстве случаев в таких семьях имеется сочетание неблагоприятных факторов, что делает невозможным дальнейшее проживание детей, либо создает прямую угрозу их жизни и здоровью. Зачастую неблагоприятные условия существуют достаточно долго и оказывают негативное влияние на психическое и физическое здоровье несовершеннолетних. Жестокое обращение с детьми, пренебрежение их потребностями и интересами, безработица родителей – вот неполный перечень причин роста проблемы социального сиротства, ставшей в последние годы чрезвычайно актуальной.

Проведенный в области воспитания подрастающего поколения обзор научной литературы и современной практики семейного воспитания показал множество подходов к исследованию проблемы семейных ценностей. К данной проблеме обращались Т. Б. Беляева [1], С. В. Кульневич [2], И. С. Кон [3], И. И. Осипова [4] и др.

Исследователи А. И. Антонов [5], А. Г. Вишневский [6], С. И. Голод [7], М. С. Мацковский [8] и др. в своих трудах объясняют кризис семьи и невыполнение ею своих функций кризисом семейных ценностей и общим ценностным кризисом в современном обществе.

Исследования С. В. Дармодехина [9], И. Ф. Дементьевой [10], А. В. Мудрика [11] и др. свидетельствуют о том, что в обществе наблюдается очень быстрая трансформация ценностных ориентаций.

Проблемы социального сиротства рассматриваются в публикациях таких авторов, как М. С. Астоянц [12], Е. Б. Бреева [13], В. И. Брутман [14], А. К. Воднева [15], Г. И. Руденкова [16], Е. Н. Алтынцева [17], В. В. Мартынова [18], С. Н. Лихачева [19], М. Е. Кобринский [20], Л. И. Смагина [21], П. П. Украинец [22] и др.

Научные труды Л. Н. Захаровой [23], М. В. Ивановой [24], Л. Н. Одинцовой [25], Л. Я. Олиффриенко [26], Т. И. Шульги [27] и др., обобщение опыта работы государственных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, свидетельствуют, что общее физическое и психическое развитие детей, оставшихся без попечения родителей, отличается от развития их сверстников, растущих в семьях, что обуславливает специфические подходы к реализации воспитательной направленности в учреждениях интернатного типа.

Вопросы социально-психологической и социально-педагогической помощи детям, воспитывающимся в учреждениях интернатного типа, представлены в работах Т. И. Шульги [27], Л. Я. Олифференко [26], А. С. Быкова [28] и др.

Таким образом, анализу формирования ценностных ориентаций подрастающего поколения, проблеме подготовки воспитанников детских интернатных учреждений к самостоятельной жизни, их социализации посвящены работы многих авторов. Тем не менее, методология формирования представлений о семейных ценностях и подготовка воспитанников детских домов и школ-интернатов к будущей семейной жизни, на наш взгляд, не получила достаточного освещения в психолого-педагогической литературе, тем самым вызывает необходимость обращения к данной проблеме.

Результаты исследования и их обсуждение

Формирование представлений о семейных ценностях у воспитанников детских домов и школ-интернатов – это многослойный процесс, включающий в себя обретение воспитанниками знаний об институте семьи, его функциях, этапах развития, побуждение их к определенным поступкам, способам поведения в семье и ценностного к ней отношения, потребности в самореализации личности в семье. В связи с этим, он, как и любой образовательный процесс, должен происходить поэтапно, учитывая общие требования к организации процесса воспитания личности, в частности, к процессу семейного воспитания.

Проведенный анализ психолого-педагогической литературы позволил нам сделать вывод о том, что специфика структурно-логического подхода в процессе формирования представлений о семейных ценностях у воспитанников детских интернатных учреждений отражает следующие три аспекта:

- 1) ориентация на статус образовательного учреждения и режим его функционирования;
- 2) учет социально-психологических особенностей воспитанников различных типов интернатных учреждений;
- 3) организация взаимодействия на основе возрастного подхода.

На основе функционального анализа ценностных ориентаций современной семьи нами были определены группы семейных ценностей, необходимых для успешного формирования представлений о будущей благополучной семье у воспитанников детских домов и школ-интернатов. Выделенные ценности на основе структурно-логического подхода можно классифицировать по блокам и представить следующим образом.

1. Блок духовно-нравственных семейных ценностей. Содержит ценности, обеспечивающие духовное единство семьи, моральный союз между родственниками. В данный блок включены следующие категории семейных ценностей:

– *премственность поколений* как ценность составляет основу нравственного воспитания, проявляясь в виде уважительного, благородного, почтительного, благодарного, терпеливого отношения к лицам старших поколений, а также рассматривается как процесс взаимной передачи, сохранения, усвоения и использования духовных и материальных ценностей, информации и социального опыта предшествующих и существующих поколений;

– *семейные традиции, устои, обычаи* составляют основу стабильности семьи, организуют всех ее членов, способствуют укреплению связей между родителями и детьми; основным средством передачи молодому поколению общечеловеческих ценностей выступают именно семейные традиции, которые быстро воспринимаются и усваиваются детьми;

– *ответственность, уважение, забота*, подразумевающие собой ответственность друг за друга, за поведение в обществе; внутрисемейную солидарность, откровенность, отзывчивость, заботу о физическом благополучии всех членов семьи; уважительное отношение ко всем членам семьи, к старшим поколениям;

– *социальное благополучие, психическое и физическое здоровье ребенка*, предполагающие соблюдение прав и защиту интересов детей, ответственность за жизнь, здоровье и социальное благополучие ребенка в семье.

2. Блок материально-витабельных семейных ценностей. Содержит ценности, ориентированные на обеспеченность человека материальными благами, которые основаны на первичных потребностях человека как живого существа. Этот блок включает следующие ценности:

– *матеріальне благополуччє*. Являється важним аспектом формування сімейного благополуччя, складається, прежде всего, из бюджета семьи, умения им управлять, способности вести домашнее хозяйство;

– *совместный семейный труд*. Удовлетворяет потребности семьи в чистоте, порядке, пище, материальном благополучии, благоустройстве дома и тому подобное; ведение совместного семейного хозяйства необходимо для повышения финансового положения и укрепления семейных ценностей;

– *эстетика быта* как ценность рассматривается с позиции соблюдения норм, правил в системе бытовых семейных отношений; отсутствие семьи, способной дать ребенку объективные представления о быте, семейном укладе жизни в результате приводит его к неумению в дальнейшей жизни обустроить свою жизнедеятельность и своей семьи;

3. Блок личностно-эмоциональных семейных ценностей. Включает ценности, связанные с потребностями человека в эмоциональном выражении своих чувств, ощущений, переживаний. Здесь рассматриваются такие ценности, как:

– *семья, наличие детей* как ценность, что определяется социальной значимостью института семьи, потребностью человека в выполнении социальных ролей (матери, отца, бабушки, дедушки и т. д.), их ролью в становлении и развитии ребенка как продолжателя рода;

– *любовь, верность, общение* предполагают любовь к ребенку, верные, добропорядочные отношения между супругами, общение между мужем и женой, между родителями и детьми в процессе повседневных отношений. Общение в семье представляет собой отношение членов семьи друг к другу, их взаимодействие, обмен информацией между ними, их духовный контакт;

– *полоролевая идентификация* – наличие определенных гендерных стереотипов, характерных для традиционной семьи (например: отец – духовная опора, глава семьи, моральный, юридический, физический защитник семейства. Мать – хранительница очага, источник добра, любви, ласки). Сформированность гендерных представлений в семье является особо важной составляющей семейной жизни человека, тем более ребенка, оставшегося без попечения родителей;

– *семейный досуг* как ценность предстает в аспекте реализации интересов всех членов семьи и связан с рекреацией, самообразованием, самореализацией, общением, удовольствием.

На основе структурно-логического подхода и в соответствии с рассмотренными выше сущностными характеристиками содержания семейных ценностей воспитанников детских домов и школ-интернатов нами были определены диагностируемые признаки, которые, как мы полагаем, дают полное понимание о качественном состоянии формируемых представлений о семейных ценностях и определяются тремя уровнями: низким, средним и высоким.

Блок духовно-нравственных семейных ценностей

Низкий уровень характеризуется неопределенным представлением о духовно-нравственных ценностях семьи и брака. Не признается духовное единство и нравственная основа семьи. Нет представления о таких семейных ценностях, как преемственность поколений; семейные традиции, устои, обычаи; ответственность, уважение, забота и др. Не осознается необходимость создания семьи в будущем.

Средний уровень. Связан с определенными знаниями, достаточно поверхностными представлениями о духовно-нравственных ценностях семьи. Отличается слабой степенью осознанности ответственности в построении внутрисемейных отношений. На этом уровне отмечается также относительный интерес к духовно-нравственным семейным ценностям. Семья признается духовным союзом, одним из факторов социализации и важным элементом жизнеустройства человека. При этом отсутствует уверенная мотивация для заключения брака. Не имеются мотивированные требования к качествам личности будущего избранника(цы). Не сформировано на достаточном уровне личностное осмысление ценностей брака и семьи, осмысливается преемственность поколений как ценность.

Высокий уровень. Для него характерно наличие сформированных представлений о духовно-нравственных семейных ценностях и знаний о семье. Достаточный уровень развития мотивации на создание собственной семьи и укрепление внутрисемейных отношений. Присутствует представление о важности духовно-нравственных качеств будущего спутника жизни, эмоциональная отзывчивость на чувства, переживания и заботу родных, способность нести ответственность за свои поступки.

Блок материально-витабельных семейных ценностей

Низкий уровень. Характеризуется несущественными представлениями о материально-витабельных ценностях семьи, а также незначительным набором умений и навыков. Воспитанник знает о том, что необходимо делать в семейной жизни, отчетливо представляет обязанности каждого члена семьи, но в организации быта семьи не желает участвовать. Имеет потребительское

отношение к взрослым (педагогам, воспитателям), перекладывает на них свои обязанности. Не сформировано чувство сопричастности к совместной трудовой деятельности в семье.

Средний уровень. Отмечаются достаточно поверхностные представления о семейных ценностях, ориентированных на обеспеченность всех членов семьи материальными благами. Наличие определенных умений и навыков, необходимых в семейной жизни. Воспитанник вовлечен в жизнь и организацию быта учреждения интернатного типа. Обслуживает себя, оказывает помощь младшим по возрасту детям.

Высокий уровень. Для него характерно наличие сформированных представлений о материально-витальных ценностях семьи. Воспитанник оказывает ощутимую помощь взрослым. Принимает активное участие в организации быта интернатного учреждения. Умеет организовать досуг и понимает немаловажное значение этого.

Блок личностно-эмоциональных семейных ценностей

Низкий уровень. Характеризуется неудовлетворенностью жизнью в родительской семье, нежеланием в будущем создать свою собственную семью, неуверенностью в своих возможностях в воспитании детей, непониманием сущности семейного воспитания. Отсутствует система знаний о функциональных особенностях семьи, психологических особенностях мужчины и женщины. Не сформированы представления о базовых семейных ценностях, таких как семья, дети, любовь, верность, ответственность, уважение и др. Воспитанник затрудняется определить различия в полоролевом поведении супругов в семье. Интерес к получению знаний о семье и семейных ценностях практически отсутствует.

Средний уровень. На этом уровне отмечается относительный интерес к знаниям о семье как основном институте социализации личности, психологии семейных и детско-родительских отношений. Присутствует уверенность в будущем в плане создания семьи. Есть определенные потребности и желания быть любимым, любить самому. Осознание определенных усилий по созданию и сохранению семьи. Имеется психологическая установка на семью и брак и психологический настрой на преодоление трудностей в семейной жизни.

Высокий уровень. Для него характерно личностное осмысление семейных ценностей, убежденность в необходимости иметь семью и уверенность в своих силах в ее создании и сохранении. Характеризуется наличием системы знаний в области психологии семейных взаимоотношений, физиологии мужского и женского организмов, определенными знаниями принципов воспитания детей в семье и особенностей развития детского организма. Воспитанник умеет строить свое поведение в семье с учетом техники бесконфликтного общения. Характерно наличие любви, уважения и понимания к близким людям.

В соответствии с вышеизложенным структурно-логический подход к содержанию представлений о семейных ценностях у воспитанников детских домов и школ-интернатов можно представить следующим образом (рисунок 1).

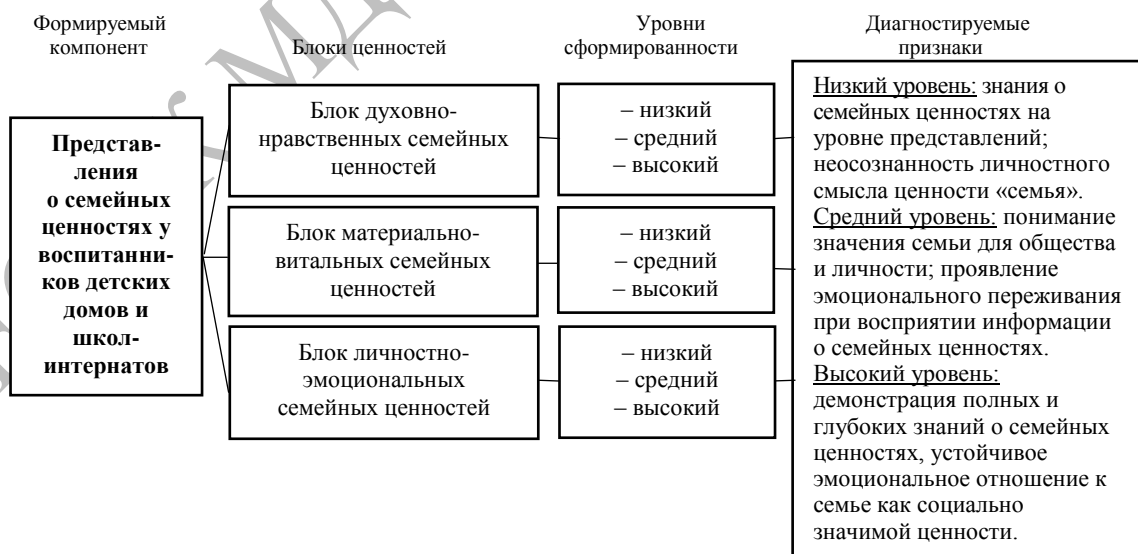

Рисунок – Структурно-логическая схема формирования представлений о семейных ценностях у воспитанников детских домов и школ-интернатов

Представленная выше схема, согласно структурно-логическому подходу, предполагает разделение представлений о семейных ценностях на следующие блоки: 1) блок духовно-нравственных семейных ценностей (включает такие ценности, как преемственность поколений; семейные традиции, устои, обычаи; ответственность, уважение, забота; социальное благополучие, психическое и физическое здоровье ребенка); 2) блок материально-витальных семейных ценностей (включает следующие ценности: материальное благополучие; совместный семейный труд; эстетика быта); 3) блок личностно-эмоциональных семейных ценностей (включает такие ценности, как семья, наличие детей; любовь, верность, общение; полоролевая идентификация; семейный досуг). Наличие уровней сформированности представлений о семейных ценностях (низкий, средний, высокий), а также диагностируемые признаки каждого уровня.

Опираясь на положение о том, что для определения уровня развития отдельных свойств личности берутся наиболее характерные их признаки, в основу определения уровней сформированности представлений о семейных ценностях у воспитанников детских домов и школ-интернатов была положена совокупность социально значимых проявлений, отражающих конкретные признаки данного явления в их объективно обусловленной взаимосвязи. Исходя из последнего, нами были разработаны следующие показатели:

- понимание ценности семьи для отдельной личности и для общества в целом, правильная мотивация на создание семьи и выполнение супружеских и родительских обязанностей;
- осознание необходимости ценностного отношения к семье, сопричастности семье и роду; понимание важности сохранения иерархичности семьи; признание главной обязанностью супругов рождение и воспитание детей; представление о нравственных качествах будущего супруга, осознание функционально-ролевых обязанностей супругов;
- эмоциональная отзывчивость на чувства, переживания и заботы членов семьи, потребность в общении, взаимопонимании, доверии; чуткость к доброте, порядочности, верности;
- умение владеть собой, управлять чувствами; способность к морально-нравственным ориентирам; проявление ответственности в дружбе, любви, семейных отношениях; активное участие в жизни семьи, оказание помощи родителям, родственникам, друзьям, способность анализировать и принимать решения в жизненных ситуациях, нести ответственность за свои поступки, добросовестно выполнять свои трудовые обязанности в семье, стремление к здоровому образу жизни.

Выводы

Таким образом, теоретический анализ психолого-педагогической литературы по проблеме исследования позволил выявить на основе структурно-логического подхода классификацию семейных ценностей; определить содержание их основных блоков; выделить уровни сформированности представлений о семейных ценностях (высокий, средний, низкий), определить соответствующие выделенным уровням диагностируемые признаки, позволяющие судить о степени сформированности у воспитанников детских домов и школ-интернатов вышеназванных представлений о семейных ценностях.

В нашем исследовании представления о семейных ценностях являются базовыми исходными понятиями, поэтому уточнение их иерархии, содержания является значимым для выяснения особенностей, последовательности и условий формирования данных представлений у воспитанников детских домов и школ-интернатов.

В ситуации кризиса воспитания, нестабильности и неблагополучия семьи система таких ценностей должна находить отражение, как в содержании образования, так и в специально реализуемых программах воспитательной работы детских интернатных учреждений, направленных на укрепление духовно-нравственных основ семьи, возрождение и пропаганду семейных ценностей и традиций.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Беляева, Т. Б. Изучение половых и возрастных особенностей в представлениях о ценностях человека / Т. Б. Беляева // Ежегодник РПО, т. 1, Вып. 2. – Москва, 1995. – С. 102–103.
2. Кульневич, С. В. Воспитательная работа в современной школе: от коллективизма к взаимодействию: учеб.-метод. пособие для учителей и классных руководителей / С. В. Кульневич, Т. П. Лакоценина. – 2-е изд., доп. и перераб. – Воронеж : ЧП Лакоценин С. С., 2006. – 272 с.

3. Кон, И. С. Ребенок и общество : учеб. пособие / И. С. Кон. – М. : Академия, 2003. – 334 с.
4. Осипова, И. И. Беспризорность детей как социальное явление / И. И. Осипова // Управление мегаполисом. – 2009. – № 1. – С. 45–56.
5. Антонов, А. И. Кризис семьи и родительство / А. И. Антонов // Проблемы родительства и планирования семьи. – М. : Ин-т социологии РАН, 1992. – С. 11–27.
6. Вишневский, А. Г. Воспроизводство населения и общество: история, современность, взгляд в будущее / А. Г. Вишневский. – М. : Финансы и статистика, 1982. – 287 с.
7. Голод, С. И. Социально-психологические и нравственные ценности семьи / С. И. Голод // Молодая семья [сб. статей] / М-во высш. и сред. спец. образования СССР, Науч.-технич. совет, Секция народонаселения ; редкол.: Д. И. Валентей (гл. редактор) [и др.]. – М. : Статистика, 1977. – С. 47–56.
8. Мацковский, М. С. Социология семьи / М. С. Мацковский. – М. : Наука, 1989. – 116 с.
9. Дармодехин, С. В. Семья и государство / С. В. Дармодехин. – М. : Гос. НИИ семьи и воспитания, 2001. – 207 с.
10. Дементьева, И. Ф. Приемная семья институт защиты детства : методические рекомендации / И. Ф. Дементьева, Л. Я. Олифиренко. – М. : Государственный НИИ семьи и воспитания, 2000. – 56 с.
11. Мудрик, А. В. Социализация и воспитание / А. В. Мудрик. – М. : Сентябрь, 1997. – 212 с.
12. Астоянц, М. С. Дети-сироты: анализ жизненных практик в условиях интернатного учреждения / М. С. Астоянц // Социологические исследования. – 2006. – № 3. – С. 54–63.
13. Бреева, Е. Б. Социальное сиротство. Опыт социологического исследования / Е. Б. Бреева // Социологические исследования. – 2004. – № 2. – С. 44–51.
14. Брутман, В. Социальное сиротство: по пути отчаяния / В. Брутман / Народное образование. – 1994. – № 9. – С. 37–49.
15. Воднева, А. К. Приемная семья: состояние проблемы и перспективы развития / А. К. Воднева, Л. А. Соглаева, Л. В. Филинская // Семья в современном мире : материалы междунар. конф., Минск, 8 апр. 2010 г. / Право и экономика ; под науч. ред. А. Н. Данилова. – Минск, 2010. – С. 132–141.
16. Руденкова, Г. И. Постинтернатное сопровождение и социальная интеграция в общество воспитанников интернатных учреждений / Г. И. Руденкова // Проблемы выхавання. – 2009. – № 5. – С. 15–21.
17. Алтынцева, Е. Н. Воспитание духовности у детей интернатных учреждений / Е. Н. Алтынцева // Сацыяльна-педагагічная работа. – 2009. – № 9. – С. 14–20.
18. Мартынова, В. В. Мониторинг положения детей в замещающих семьях : пособие для специалистов / В. В. Мартынова, В. А. Маглыш ; Белорус. гос. пед. ун-т. – Минск : Пач. шк., 2008. – 152 с.
19. Лихачева, С. Н. Социализация личности: фактор сиротства : монография / С. Н. Лихачева. – Минск : УП «Технопринт», 2004. – 164 с.
20. Кобринский, М. Е. Образ жизни как фактор формирования личности воспитанников интернатных учреждений / М. Е. Кобринский ; Упр. образования Гомел. облисполкома [и др.]. – Гомель : Сож, 1996. – 158 с.
21. Смагина, Л. И. Уроки будущим мужьям и женам: жизнь вне стен интерната : практ. пособие / Л. И. Смагина, А. С. Чернявская. – Минск : Ковчег, 2009. – 163 с.
22. Украинец, П. П. Социальное сиротство как проблема и практика ее решения в Республике Беларусь / П. П. Украинец, Н. Н. Красовская, Е. В. Шпаковская // Социология. – 2009. – № 1. – С. 82–94.
23. Захарова, Л. Н. Дитя в очереди за лаской / Л. Н. Захарова. – М. : Политиздат, 1991. – 221 с.
24. Иванова, М. В. Социально-педагогическая реабилитация детей-сирот в условиях приемной семьи : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Марина Владимировна Иванова. – СПб., 2007. – 176 с.
25. Одинцова, Л. Н. Детский дом семейного типа / Л. Н. Одинцова, Н. Н. Шамахова. – Вологда : Изд-во Вологодского института развития образования, 2000. – 56 с.
26. Олифиренко, Л. Я. Социально-педагогическая поддержка детей группы риска / Л. Я. Олифиренко, Т. И. Шульга, И. Ф. Дементьева. – М. : Академия, 2002. – 253 с.

27. Шульга, Т. И. Психологические основы работы с детьми «группы риска» в учреждениях социальной помощи и поддержки / Т. И. Шульга, Л. Я. Олиференко. – М. : УРАО, 1997. – 100 с.

28. Быков, А. С. Профессиональное самоопределение подростков в условиях детского дома семейного типа : метод. пособие / А. С. Быков, И. В. Карнаева ; Департамент образования Администрации Кемер. обл., Кузб. регион. ин-т повышения квалификации и переподготовки работников образования [и др.]. – Кемерово : КРИПКиПРО, 2003. – 92 с.

Поступила в редакцию 13.09.2018

E-mail: elenadubowets@yandex.by

E. N. Dubovets

STRUCTURAL-LOGICAL APPROACH TO JUSTIFICATION OF THE CONTENT
OF REPRESENTATIONS OF FAMILY VALUES IN THE EDUCATORS OF CHILDREN'S
AND SCHOOLS-BOARDING SCHOOLS

The groups of family values, presented in the form of blocks are revealed, their content is disclosed in detail in this article. On the basis of the structural-logical approach, diagnosable signs are determined, it gives a complete understanding of the qualitative state of the level of development of the formed ideas about family values in orphans and boarding schools.

Keywords: structural and logical approach, ideas about family values, blocks of family values, levels of development of ideas about family values, pupils of orphanages and boarding schools, social orphanhood.

УДК 378.016:331.45

Т. В. Карпинская

Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры инженерно-педагогического образования,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

**К ВОПРОСУ ПРЕПОДАВАНИЯ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «ОХРАНА ТРУДА»
В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ-ИНЖЕНЕРОВ
АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА**

В статье обозначены основные причины травматизма в сельскохозяйственных организациях, описаны требования к уровню подготовки педагога-инженера агропромышленного комплекса, определены принципы и критерии отбора содержания учебной дисциплины «Охрана труда» с учетом проблем в области охраны труда агропромышленного комплекса.

Ключевые слова: образовательный стандарт; требования к уровню подготовки педагога-инженера агропромышленного комплекса; принципы и критерии отбора содержания учебной дисциплины; проблемы агропромышленного комплекса в области охраны труда.

Введение

Содержание образования является одним из факторов экономического и социального прогресса общества и должно быть ориентировано на обеспечение самоопределения личности, создание условий для ее самореализации; развитие общества; укрепление и совершенствование правового государства.

Результаты анализа проблем агропромышленного комплекса в области охраны труда позволили определить, что преподавание дисциплины «Охрана труда» в учреждениях высшего образования должно обеспечить усиление роли мотивации трудоохранной деятельности, повышение значимости информационной обеспеченности при оценке эффективности мероприятий по оздоровлению условий труда [1].

Основанием для отбора содержания образования служат принципы, определяющие подход к его конструированию, и критерии, выступающие в качестве инструментария определения конкретного наполнения содержания учебного материала в учебных дисциплинах.

По мере развития теории и практики обучения, открытия новых закономерностей процесса обучения формулировались и новые принципы содержания образования, видоизменялись старые, поэтому они являются исторически преходящими.

Результаты исследования и их обсуждение

Обеспечение условий безопасного труда человека в различных сферах всегда является первоочередной задачей государства. В условиях формирования устойчивых рыночных отношений, в ситуации мирового финансового кризиса особенно важно поддерживать условия труда, достойные человека, заботиться о сохранении его здоровья и жизни, о его правовой защищенности в области охраны труда.

Одной из наиболее травмоопасных сфер профессионально-производственной деятельности в республике является агропромышленный комплекс. Как показывает анализ практики, во многих хозяйствах имеют место такие проблемы, как слабая материально-техническая база; плохие санитарно-технические и гигиенические условия: отсутствуют бытовые помещения, горячая вода, комнаты для приема пищи, несвоевременно и не в полном объеме выдаются средства индивидуальной защиты; отмечаются неудовлетворительная обстановка с обеспечением пожарной безопасности зданий и сооружений, снижение ответственности и требовательности руководителей, низкий уровень знаний должностных лиц в области охраны труда, отсутствие квалифицированных специалистов в этой области, формализм при обучении и проверке знаний по вопросам охраны труда как у руководителей и специалистов, так и у рабочих, несоблюдение самими работающими трудовой и производственной дисциплины, требований Правил внутреннего трудового распорядка, инструкций по охране труда и других нормативных правовых актов [2].

Анализ результатов специальных расследований несчастных случаев с тяжелыми последствиями в сельскохозяйственном производстве позволил отметить, что причины травматизма в сельскохозяйственных организациях на протяжении ряда лет не меняются. В качестве основных причин происшедших несчастных случаев с тяжелыми последствиями выявлены:

- невыполнение руководителями и специалистами обязанностей по охране труда;
- нарушение потерпевшими трудовой и производственной дисциплины, инструкций по охране труда;
- алкогольное опьянение потерпевшего;
- нарушение требований безопасности при эксплуатации транспортных средств, машин, механизмов, оборудования;
- нарушение требований безопасности труда другими работниками;
- недостатки в обучении и инструктировании потерпевших по охране труда;
- неудовлетворительное содержание и недостатки в организации рабочих мест;
- эксплуатация неисправных машин, механизмов, оборудования, инструмента;
- неприменение потерпевшим выданных ему средств индивидуальной защиты;
- привлечение потерпевшего к работе не по специальности;
- личная неосторожность потерпевшего [3].

Эффективность решения проблем безопасности непосредственно в источниках их возникновения, очевидно, будет обусловлена высоким уровнем профессионализма будущих разработчиков новой техники и технологии, руководителей производства, в том числе и агропромышленного комплекса, сформированным в процессе получения ими профессионального образования.

Педагог-инженер агропромышленного комплекса в своей профессиональной деятельности должен обеспечить безопасные условия для обучающихся по двум направлениям: в обстановке кабинетной системы учреждений профессионально-технического образования; в процессе производственного обучения. Особенно важно второе направление, т.к. усвоенные обучающимися учреждений профессионально-технического образования нормы безопасности выполнения работ в сельскохозяйственном производстве обеспечат им сохранение здоровья и работоспособности в трудовой деятельности.

Анализ требований к уровню подготовки педагога-инженера агропромышленного комплекса позволил определить, что в результате изучения дисциплины «Охрана труда» он должен:

знать:

- правовые и организационные основы охраны труда в системе образования;
- возможные источники опасностей в учебных лабораториях, кабинетах и мастерских;
- санитарные правила и нормы для средних специальных и профессионально-технических учебных заведений агротехнического профиля;
- требования электробезопасности и пожаробезопасности в учебных заведениях и на объектах сельскохозяйственного производства;
- требования безопасности при эксплуатации машин и оборудования в растениеводстве и животноводстве, при выполнении основных работ в агротехническом производстве;

уметь:

- анализировать условия учебной деятельности и производительного труда учащихся учреждений профессионально-технического и среднего специального образования;
- обеспечить безопасные и безвредные условия учебной деятельности учащихся;
- принимать решения для эвакуации учащихся в чрезвычайных ситуациях и ликвидации последствий аварий;

владеть:

- основными принципами нормирования метеорологических условий труда;
- методологией инструктирования работников по обеспечению безопасности их работы;
- приемами оказания первой помощи пострадавшему [4].

Новые подходы в преподавании дисциплины «Охрана труда» в педагогическом вузе основаны на понимании того, что для успешной деятельности в области трудоохранного менеджмента студент должен не только освоить фундаментальные основы охраны труда, овладеть навыками управления охраной труда в организации, но и осознать свою роль будущего специалиста в общегосударственной системе обеспечения безопасности и оздоровления условий труда. В связи с этим содержание дисциплины «Охрана труда» определяется конкретными принципами.

В педагогической науке существуют различные подходы к определению принципов построения содержания образования.

Так Б. Т. Лихачев выделяет две группы принципов отбора содержания образования: общеметодологические принципы формирования содержания образования и специальные принципы формирования содержания образования из области науки, из области искусства, из области труда, из области физического развития.

К общеметодологическим принципам формирования содержания образования Б. Т. Лихачев относит:

- общеобразовательный характер учебного материала;
- гражданскую и гуманистическую направленность содержания;
- связь учебного материала с практикой перемен в нашем обществе;
- основообразующий и системообразующий характер учебного материала;
- интегративность изучаемых курсов;
- развивающий характер учебного материала;
- гуманитарно-этическую направленность содержания образования;
- взаимосвязанность и взаимообусловленность смежных предметов;
- эстетические аспекты содержания обучения.

Среди специальных принципов автор выделяет: 1) принципы формирования содержания предметов науки, в числе которых значатся:

- принцип соотнесения учебного материала с уровнем развития современной науки;
- принцип политехнизма;
- принцип единства и противоположности логики науки и учебного предмета;

2) принципы формирования содержания из области искусства, куда отнесены:

- принцип единства идейного содержания и художественной формы;
- принцип гармоничного культурного развития личности;
- принцип идейной общности и взаимосвязи искусств;
- принцип учета возрастных особенностей [5].

Исходя из сказанного мы определяем следующие основные принципы, лежащие в основе формирования содержания образования по дисциплине «Охрана труда».

1. Принцип соответствия социальному заказу. Согласно этому принципу в содержание образования должны входить не только современные знания, умения и навыки. Должны учитываться и возможности самореализации. Благодаря этому человек достигает всестороннего развития и роста личности.

2. Принцип актуализации научной и практической значимости учебного материала. В соответствии с этим принципом знания, включаемые в содержание образования, должны совпадать с новейшими достижениями той или иной науки. Более того, важна и практическая значимость получаемых знаний, т. е., теория и практика должны быть едины.

3. Принцип учета реальных возможностей процесса обучения. При выборе содержания образования важны методы, средства, формы, технологии обучения, влияющие на уровни усвоения учебного материала.

4. Принцип обеспечения единства содержания образования с позиций всех учебных дисциплин специальности. В соответствии с этим принципом составляющие содержания образования по конкретной дисциплине должны быть тесно взаимосвязаны, уравновешены и пропорциональны. Учебный материал не должен дублироваться в других дисциплинах.

Рассматривая критерий выбора содержания образования как качественный или количественный показатель, на основе которого осуществляется выбор содержания образования,

С. Т. Шацкий к числу таких критериев относит:

- целостное отражение задач формирования всесторонне развитой личности;
- научная и практическая значимость;
- соответствие реальным учебным возможностям обучающихся;
- соответствие отведенному на изучение учебного материала времени;
- соответствие методической и материальной базе учреждения образования;
- тесная связь с будущей профессиональной деятельностью;
- соответствие основным направлениям развития отраслей науки и практики, определяющим будущую профессиональную деятельность [6].

При выборе содержания образования Ю. К. Бабанский предлагает руководствоваться следующими критериями.

1. Критерий целостного отражения задач формирования всесторонне развитой личности. Позволяет определить применялись ли на практике базовые виды деятельности, обеспечивающие развитие и воспитание личности и совершенствование ее познавательных интересов.

2. Критерий научной и практической значимости содержания образования, согласно которому в любой учебной программе должны применяться только самые универсальные и информативные элементы знания, необходимые для раскрытия смысла основных теорий, законов науки и ее методов.

3. Критерий соответствия сложности содержания образования реальным учебным возможностям учащихся того или иного возраста. У учащихся не должно быть повышенной утомляемости во время полного усвоения ими учебного материала за определенное время.

4. Критерий соответствия объема содержания образования времени изучения данной дисциплины.

5. Критерий соответствия содержания образования имеющейся учебно-методической и материальной базе учебного заведения [7].

Исходя из критериев, выделенных известными учеными, мы предлагаем руководствоваться следующим комплексом критериев при отборе учебного материала дисциплины «Охрана труда».

Исходным в процедуре отбора учебного материала дисциплины «Охрана труда» является ценностный критерий – *профессиональная значимость*. Бурное развитие науки и информатизация всех областей деятельности сопровождаются лавинообразным увеличением информации. Содержание учебного материала должно включать систематизированные знания об объектах, явлениях (процессах) или методах деятельности, характерных для данной профессиональной области. Необходимо излагать систему знаний изучаемой предметной области, отсекая при этом второстепенную информацию, не перегружать учебный материал частными подробностями, включать факты перспективного значения. Другими словами, обеспечить изучение дисциплины в контексте профессионально значимых знаний, умений, навыков, свойств личности, представленных в модели педагога-инженера.

Расширение масштабов и углубление знаний во всех сферах деятельности сопровождается дифференциацией науки. Формирование новых дисциплин, в частности «Охраны труда», происходит на стыке разных областей знания, исследующих анализируемые явления с различных точек зрения. И если при отборе учебного материала пренебречь принципом интеграции областей знания, то результатом станет громоздкий и лоскутный курс, состоящий из набора сведений, фактов и т. п. Поэтому в качестве важнейшего интегрирующего критерия для системного отбора учебного материала следует выделить *общность в подходах к изучению дисциплин и их разделов на методологическом и методическом уровнях*. Выявив общее, необходимо показать студентам межпредметные связи, а также излагать новый материал, опираясь на уже известный. При конструировании учебного материала это обеспечит широту профессиональной подготовки, подчеркнет важность дисциплины «Охрана труда» для освоения других учебных дисциплин. Необходимо также определить внутрипредметную значимость тем, разделов относительно друг друга, что обеспечит логику и строгую последовательность изложения учебного материала.

Необходимо подчеркнуть важность соблюдения и других дидактических критериев: *применимости* (частоты использования понятий в последующих фрагментах учебного материала), *новизны информации* (соотношения известных и неизвестных сведений и понятий в том и другом фрагменте), *доступности и пригодности выбираемых форм представления учебного материала*. Первые два критерия взаимосвязаны и регламентируют содержание учебных элементов, обеспечивая последовательность изложения, наиболее оптимальное усвоение материала, а также формирование расширенного тезауруса студентов. Критерий доступности и пригодности при отборе содержания образования следует рассматривать с учетом психолого-педагогических особенностей обучения. Выбор форм представления учебного материала, по нашему мнению, должен рассматриваться в сочетании с *критерием целесообразности введения мультимедиа*, относящимся к группе методических. Это позволяет создавать оптимальные учебные материалы с точки зрения психологии восприятия в условиях компьютерного обучения, а также в плане минимизации трудовых, временных, финансовых затрат.

Опыт показывает, что наиболее эффективным является модульный метод отбора содержания образования. Следование критерию *модульности учебного материала* позволяет четко

структурировать материал, представляя его в виде блоков, являющихся автономными, самостоятельными частями курса, представляющими собой модули целеполагания, теоретический, профессиональных умений и навыков и т. д. При этом содержательная часть модулей может видоизменяться, что позволяет учитывать требования образовательного стандарта специальности.

Высокий темп развития практически всех отраслей науки, техники и культуры обуславливает значительное увеличение и обновление информации за достаточно короткие сроки. В связи с этим возникает необходимость оперативного изменения учебной информации с учетом современных достижений в профессиональной области. Критерий модульности обеспечивает методическую основу для оперативного обновления учебной информации и поэтапного внедрения в учебный процесс.

Выводы

Существующие в агропромышленном комплексе проблемы способствуют формированию опасных и вредных факторов, приводят к заболеваниям работников, являются причинами профессионального травматизма. Обеспечить усиление роли мотивации трудовой деятельности, повышение значимости информационной обеспеченности при оценке эффективности мероприятий по оздоровлению условий труда должно преподавание в учреждениях высшего образования дисциплины «Охрана труда».

Для отбора учебного материала дисциплины «Охрана труда» можно выделить следующие критерии: профессиональной значимости; общности в подходах к изучению дисциплин и их разделов; применимости; новизны информации; доступности; пригодности форм представления учебного материала; модульности учебного материала.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Карпинская, Т. В. Социально-экономические и профессионально-производственные предпосылки оптимизации структуры и содержания дисциплины «Охрана труда» для будущих педагогов-инженеров / Т. В. Карпинская // Теория и практика инновационной подготовки инженеров-педагогов в современных условиях : сб. науч. тр. / УО МГПУ им. И. П. Шамякина ; редкол.: В. А. Васюта (отв. ред.) [и др.] – Мозырь, 2014. – С. 105–111.
2. Семич, А. В. О состоянии производственного травматизма в первом полугодии 2011 года / А. В. Семич // Охрана труда и социальная защита. – 2011. – № 8. – С. 4–18.
3. Каминский, С. В. Если игнорируются нормативные требования... / С. В. Каминский // Охрана труда и социальная защита. – 2011. – № 11. – С. 17–19.
4. Образовательный стандарт Республики Беларусь. Высшее образование. Первая ступень. Специальность – 1-08 01 01 Профессиональное обучение (по направлениям). Квалификация «Педагог-инженер» ОСВО 1-08 01 01-2013. – Введ. 27.12.2013. – Минск : М-во образования РБ, 2013. – 120 с.
5. Лихачев, Б. Т. Активное обучение в высшей школе / Б. Т. Лихачев. – М. : Высшая школа, 2001. – 341 с.
6. Шацкий, С. Т. Дидактическая эффективность / С. Т. Шацкий. – Минск : БГУ, 2000. – 42 с.
7. Педагогика : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / Ю. К. Бабанский [и др.] ; под ред. Ю. К. Бабанского. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : Просвещение, 1988. – 479 с.

Поступила в редакцию 05.07.2018

E-mail: tkarpinskaya@mail.ru

T. V. Karpinskaya

TO THE QUESTION OF TEACHING TRAINING DISCIPLINE «LABOR PROTECTION» WHILE TRAINING PROSPECTIVE TEACHERS-ENGINEERS WHO START THEIR CAREER AT AGRO-INDUSTRIAL ENTERPRISES

The article outlines the main causes of injuries in agricultural organizations, describes the requirements for the level of training of the teacher-engineer of agro-industrial enterprises, defines the principles and criteria for selecting the content of the discipline "Labor Protection", taking into account the problems in the field of labor protection of the agro-industrial complex.

Keywords: educational standard; requirements for the level of training of the teacher-engineer of agro-industrial enterprises; principles and criteria for selecting the content of the academic discipline; problems of the agro-industrial complex in the field of labor protection.

УДК 796.0

Е. И. Мартынова¹, А. К. Сучков², Е. П. Казимиров³

¹Старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта,
УО «Витебская государственная академия ветеринарной медицины»,
г. Витебск, Республика Беларусь

²Кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой физического воспитания и спорта,
УО «Витебская государственная академия ветеринарной медицины»,
г. Витебск, Республика Беларусь

³Доцент кафедры физического воспитания и спорта,
УО «Витебская государственная академия ветеринарной медицины»,
г. Витебск, Республика Беларусь

ИНТЕГРАЦИЯ СРЕДСТВ ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ АЭРОБИКИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРИКЛАДНУЮ ФИЗИЧЕСКУЮ ПОДГОТОВКУ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОГО УЧЕБНОГО ОТДЕЛЕНИЯ

Физическая готовность студентов с отклонениями в состоянии здоровья к предстоящей профессиональной деятельности достигается более сложным путем вследствие ограничений в занятиях физическими упражнениями. В статье рассматривается возможность использования комплекса упражнений для укрепления здоровья человека – оздоровительной аэробики как средства профессионально-прикладной физической подготовки студентов специального учебного отделения.

Ключевые слова: студенты, физическая культура, физическая подготовленность, профессионально-прикладная физическая подготовка, специальное учебное отделение.

Введение

Актуальность исследования подтверждают данные, приведенные в работах известных исследователей вопросов профессионально-прикладной физической подготовки (ППФП) студентов учреждений высшего образования к предстоящей производственной деятельности. Так, Р. Т. Раевский [1] и В. А. Кабачков [2] отмечают малое количество комплексных научно-методических обоснований и описаний положительного опыта ППФП. На встречающийся в специальной литературе фрагментарный характер разработок указывает В. И. Ильинич [3]. О нередко встречающейся недостаточно целенаправленной профессионально-прикладной физической подготовке говорят В. М. Наскалов [4] и А. В. Дубровский [5], которые заключают, что следствием этого является ограниченная психофизическая подготовленность выпускников к профессиональной деятельности. Г. Г. Саноян [6] обращает внимание специалистов на тот факт, что формы и методы ППФП необходимо совершенствовать в соответствии с интенсивно меняющимися внешними и внутренними условиями производства. Так, по утверждению Ю. Д. Железняк [7], условия производственной деятельности в настоящее время требуют быстро ориентироваться в получаемой информации, точно ее квалифицировать и принимать верные практические решения. Специалисту любого профиля необходимо уметь предвидеть возможные дальнейшие действия, иметь чувство ритма, владеть синхронными быстрыми и точными движениями обеих рук, ограничивать их функциональную асимметрию. Вышеуказанные способности можно эффективно развивать с помощью гимнастических комплексов, состоящих из аэробных движений под ритмичную музыку, помогающую задать и поддерживать нужный такт для правильного выполнения упражнений. Такими комплексами могут являться тренировочные средства аэробики, которая рекомендована в типовой учебной программе «Физическая культура» для практических занятий студентов специального учебного отделения, следовательно, существует возможность ее эффективного использования как средства профессионально-прикладной физической подготовки при приоритетном развитии физических качеств, наиболее профессионально значимых в будущей профессиональной деятельности студентов.

Необходимыми условиями для занятий аэробикой являются продолжительность выполнения (не менее 40 минут) и аэробный режим упражнений. Поскольку в настоящей статье рассматривается профессионально-прикладная подготовка студентов, имеющих отклонения в состоянии здоровья, проходящих обучение по дисциплине «Физическая культура» в специальном учебном отделении (для студентов с ограничениями в применении физических упражнений), логично использовать для этого средства оздоровительной аэробики. Кроме того, учебные группы специального отделения должны комплектоваться по нозологическим нормам (группам заболеваний А, Б и В) с учетом пола, уровня физического и функционального состояния студентов. Физическая нагрузка для таких студентов регламентируется индивидуально, исключая упражнения с натуживанием и напряженными интервалами отдыха. Однако, как показывает практика, зачастую в одной группе вследствие дефицита специалистов, мест занятий, инвентаря, других более или менее значимых факторов представлен смешанный контингент занимающихся. Учебная программа «Физическая культура» в отдельных случаях допускает возможность комплектования учебных групп по уровню функциональной подготовленности студентов. Вышеуказанное также свидетельствует о необходимости применения в профессионально-прикладной физической подготовке студентов, имеющей жесткие временные рамки учебного занятия, оздоровительного варианта аэробики с подбором специальных упражнений, мотивацией и индивидуальным подходом к занимающимся.

Результаты исследования и их обсуждение

Для использования тренировочных средств определенного вида спорта в профессионально-прикладной физической подготовке необходимо определить, насколько эффективно будут решаться ее задачи с учетом следующих показателей будущей профессиональной деятельности:

- профессионально значимые физические качества;
- двигательные умения и навыки;
- двигательная активность, физическая нагрузка и ее направленность;
- основные и вспомогательные рабочие движения, рабочая поза;
- типичные трудовые действия, операции;
- типичные ошибки;
- профессионально значимые психические качества и способности;
- характер психической и психофизической нагрузки;
- климатические и метеорологические производственные условия;
- санитарно-гигиенические производственные условия;
- профессиональные вредности и заболевания.

Для определения специфики будущей профессиональной деятельности студентов Витебской государственной академии ветеринарной медицины (УО ВГАВМ) мы провели наблюдения за прохождением учебно-производственных практик студентами, беседы с преподавателями учреждения и специалистами, работающими в агропромышленном комплексе – выпускниками УО ВГАВМ.

Деятельность специалистов зооветеринарного профиля не предусматривает тяжелого физического труда, тем не менее, ряд их производственных операций требует определенно высокого уровня физической подготовленности.

Применение указанных методов исследования позволило нам составить профессиографические характеристики специалистов зооветеринарного профиля (таблицы 1, 2).

Таблица 1. – Профессиографические характеристики специалистов зооветеринарного профиля (данные получены методами опроса, беседы)

ПРОФЕССИОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	ОБОБЩЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ
Рабочий график	нестабильный
Применение ручного труда	частое
Степень двигательной нагрузки	высокая
Величина усилий	переменная
Характер психической нагрузки	переменный

Таблица 2. – Профессиографические характеристики специалистов зооветеринарного профиля (данные получены методом наблюдений)

ПРОФЕССИОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	ОБОБЩЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ
Структура движений при производственной деятельности	ациклическая и циклическая
Фиксированная рабочая поза	отсутствует
Количество рабочих операций за 1 час интенсивной работы	45–60
Частота сердечных сокращений во время интенсивных рабочих операций	131 ± 14 уд/мин
Степень усталости (субъективно)	большая

В рабочих операциях врача ветеринарной медицины и зоотехника широко представлены ациклические движения, выполняемые с различной амплитудой в различных положениях, с различными усилиями и различной интенсивностью. В течение всего рабочего дня высокое психофизическое напряжение в различных временных и технических комбинациях сменяется расслаблением (восстановлением), что требует быстрой адаптации к изменившимся условиям, высокой психофизической, эмоциональной устойчивости. При непосредственном контакте с животными необходимо проявлять самообладание, выдержку, организованность. При изменчивости ситуации, сочетаемой зачастую с дефицитом времени, важное значение имеют процессы восприятия и переработки информации в короткие временные интервалы. Работа врача ветеринарной медицины и зоотехника нередко бывает связана с передвижениями, в том числе пешком и по пересеченной местности (циклическая структура движений), по крупномасштабным объектам агропромышленного комплекса, что вследствие производственной необходимости и отдаленности объектов не всегда укладывается в рамки фиксированного рабочего дня.

Резюмируя вышесказанное, можно заключить, что работа специалистов зооветеринарного профиля требует проявления в различных соотношениях всех физических качеств и способностей. В тоже время можно выделить физические качества, которые, по мнению студентов, являются наиболее профессионально значимыми. Результаты проведенного опроса студентов УО ВГАВМ (n = 1753) позволили следующим образом расставить приоритеты (таблица 3).

Таблица 3. – Обобщение результатов анкетирования (вопрос о физических качествах)

Развитие физических качеств	Курсы			
	1-й	2-й	3-й	4-й
1. Выносливость	28,0 %	41,3 %	45,0 %	46,9 %
2. Ловкость	26,1 %	26,2 %	26,7 %	29,1 %
3. Сила	25,1 %	22,8 %	18,5 %	15,1 %
4. Гибкость	10,2 %	6,5 %	6,3 %	5,4 %
5. Быстрота	10,6 %	3,2 %	3,5 %	3,5 %

Приведенные в таблице 3 обобщенные результаты анкетирования показывают, что студенты первого курса не вполне четко представляют, какие из физических качеств являются для них наиболее профессионально значимыми. К четвертому курсу студенты накопили определенный опыт, приобрели теоретические знания, освоили практические умения, необходимые для их последующей профессиональной деятельности. Участвующие в анкетировании студенты четвертого (заклужительного для освоения учебной дисциплины «Физическая культура») курса УО ВГАВМ считают, что для эффективной подготовки к работе в агропромышленном комплексе приоритет в развитии физических качеств следует отдавать выносливости (46,9 %), а также ловкости (29,1 %).

С целью выявления мнений студентов специального учебного отделения о факторах, влияющих на организацию профессионально-прикладной физической подготовки, мы опросили студентов 1–4 курсов специального учебного отделения УО ВГАВМ (n = 452). Анализ данных, полученных при анкетировании, определил, что 67,1 % студентов 1-х курсов и 54,4 % 2-х курсов затрудняются ответить на вопрос «Считаете ли Вы занятия физической культурой как составляющую часть подготовки к условиям Вашей будущей профессиональной деятельности?», тогда как 67,2 % студентов 3-х и 69,7 % студентов 4-х курсов дали положительный ответ.

При ответе на вопрос «Какой компонент физической подготовки к условиям Вашей будущей профессиональной деятельности Вы считаете наиболее важным?» мнения опрашиваемых разделились следующим образом (таблица 4).

Таблица 4. – Обобщение результатов анкетирования (вопрос о компонентах подготовки)

Варианты ответов	Курсы			
	1-й	2-й	3-й	4-й
1. Развитие физических качеств	58,1 %	56,8 %	39,6 %	35,4 %
2. Совершенствование умений и навыков, способствующих эффективному выполнению трудовых операций в Вашей будущей профессиональной деятельности	31,7 %	32,1 %	45,6 %	47,2 %
3. Укрепление здоровья	10,2 %	11,1 %	14,8 %	17,4 %

Анализ приведенных в таблице 4 данных позволяет заключить, что студенты 1-х и 2-х курсов в профессионально-прикладной физической подготовке отдают приоритет развитию физических качеств, тогда как студенты 3-х, 4-х курсов – совершенствованию умений и навыков, способствующих эффективному выполнению трудовых операций будущей профессиональной деятельности. Мнения респондентов не противоречат тому факту, что на начальных этапах обучения студентов по дисциплине «Физическая культура» в учреждении высшего образования базой для их физического совершенствования логично считать развитие физических качеств. В дальнейшем, по мере детального изучения учащимися специфики будущей производственной деятельности, на базе общефизической подготовки студенты старших курсов проходят подготовку профессионально-прикладную, с учетом конкретных условий выполнения профессиональных функций.

Важным фактором применения в профессионально-прикладной подготовке студентов тренировочных средств определенного вида спорта является его популярность, востребованность в студенческой среде. Исходя из этого, приведем первую пятерку рейтинга видов спорта, составленного по данным ежегодно проводимых на кафедре физического воспитания и спорта УО ВГАВМ опросов студентов 1–4 курсов: 1) волейбол; 2) баскетбол; 3) атлетическая гимнастика; 4) аэробика; 5) футбол. Поскольку студентам в ходе проведения опроса было предложено выбрать наиболее приемлемый для их физического совершенствования вид спорта из 20, культивируемых в УО ВГАВМ, аэробику можно считать востребованным тренировочным средством достижения профессиональной физической пригодности будущих специалистов.

Далее, по данным лонгитюдных исследований мы разработали методику профессионально-прикладной физической подготовки студентов специального учебного отделения, основанную на интеграции в содержание учебных занятий дисциплины «Физическая культура» оздоровительной аэробики.

Цель методики – повышение уровня физической подготовленности студентов специального учебного отделения посредством оздоровительной аэробики. При этом тренировочные средства аэробики являются оптимизированными для студентов с отклонениями в состоянии здоровья и используются с учетом особенностей проведения занятий по учебной дисциплине «Физическая культура» в специальном учебном отделении. При распределении средств профессионально-прикладной физической подготовки студентов специального учебного отделения в годичном цикле мы принимали во внимание следующие особенности образовательного процесса: периодичность образовательного процесса в учреждениях высшего образования: 4 часа (2 занятия) в неделю, 1-й семестр – с сентября по декабрь, 2-й семестр – с февраля по май; сезонность применения нагрузок; система зачетных норм и требований (таблица 5).

Применяя методику профессионально-прикладной физической подготовки студентов специального учебного отделения, основанную на интеграции в содержание учебных занятий дисциплины «Физическая культура» оздоровительной аэробики, мы учитывали возможности каждого занимающегося. Перед проведением каждого практического блока на предшествующем ему методическом занятии уточнялись параметры нагрузок с соблюдением принципов индивидуальности применения, доступности и адекватности.

Таблиця 5. – Методическая карта профессионально-прикладной физической подготовки

Периоды	Тренировочные средства	Основной метод тренировки	Дозировка в основной части занятия	Интенсивность, ЧСС	
Первый семестр	Сентябрь	Аэробика	Стандартно-непрерывного упражнения	45 мин	120–130 уд/мин
		Беговые упражнения	Интервальный	2 × 6 мин	120–130 уд/мин
	Октябрь	Аэробика	Стандартно-непрерывного упражнения	20 мин	120–140 уд/мин
		Спортивные игры	Игровой, интервальный	45 мин	120–140 уд/мин
	Ноябрь	Аэробика	Стандартно-непрерывного упражнения	45 мин	130–140 уд/мин
		Спортивные игры	Игровой, интервальный	20 мин	130–140 уд/мин
	Декабрь	Аэробика	Стандартно-непрерывного упражнения	60 мин	140–160 уд/мин
Лыжная подготовка		Переменный	65 мин	100–120 уд/мин	
Второй семестр	Февраль	Аэробика	Стандартно-непрерывного упражнения	60 мин	120–130 уд/мин
		Плавание	Повторный	45 мин	100–120 уд/мин
	Март	Аэробика	Стандартно-непрерывного упражнения	20 мин	120–140 уд/мин
		Спортивные игры	Игровой, интервальный	45 мин	120–140 уд/мин
	Апрель	Аэробика	Стандартно-непрерывного упражнения	45 мин	130–140 уд/мин
		Спортивные игры	Игровой, интервальный	20 мин	130–140 уд/мин
	Май	Аэробика	Стандартно-непрерывного упражнения	45 мин	140–160 уд/мин
		Беговые упражнения	Интервальный	2 × 6 мин	120–130 уд/мин

Приведенная в таблице 5 графа «Дозировка в основной части занятия» отражает применение соответствующих тренировочных средств в пределах одного занятия раздела «Профессионально-прикладная физическая подготовка» в объеме, необходимом для направленного развития выносливости и ловкости методом сопряженного упражнения, состоящим в одновременном совершенствовании наиболее важных в будущей производственной деятельности двигательных умений и навыков и профессионально значимых физических качеств. Кроме этого, в пределах того же занятия предусмотрены необходимые его составляющие – подготовительная и заключительная части, регламентированный отдых, элементы обучения и воспитания.

Методика апробирована в пилотном педагогическом эксперименте, проведенном нами в 2017–2018 учебном году в УО ВГАВМ и с учетом изменений и дополнений будет использована в запланированном в 2019–2020 учебном году формирующем педагогическом эксперименте, который будет проводится в учреждениях высшего образования аграрного профиля.

Выводы

Обобщив приведенные в настоящей статье данные, можно говорить об эффективном использовании средств оздоровительной аэробики для профессионально-прикладной физической подготовки студентов к предстоящей профессиональной деятельности. Разрабатывая соответствующие методики, необходимо учитывать профиль учреждения высшего образования, специфику производственной деятельности будущих специалистов, а также предпочтения студентов в средствах достижения профессиональной физической пригодности. Кроме этого, следует опираться на тот факт, что двигательные умения и навыки выпускников, а также их

физическая подготовленность в целом, являясь социально значимым результатом физического воспитания в учреждении высшего образования, быстро утрачиваются после завершения всего курса учебной дисциплины «Физическая культура», если не поддерживаются самостоятельно. Кроме того, мотивация к активным регулярным занятиям физической культурой и спортом с возрастом снижается. Поэтому важными задачами профессионально-прикладной физической подготовки студентов учреждений высшего образования является формирование устойчивых мотивов к поддержанию высокой физической и функциональной работоспособности на фоне крепкого здоровья и творческого долголетия, воспитание осознанной необходимости в регулярных занятиях физическими упражнениями.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Раевский, Р. Т. Профессионально-прикладная физическая подготовка студентов технических вузов / Р. Т. Раевский. – М. : Высшая школа, 1985. – 217 с.
2. Кабачков, В. А. Профессиональная направленность физического воспитания в ПТУ / В. А. Кабачков, С. А. Полиевский. – М. : Высшая школа, 1991. – 195 с.
3. Ильинич, В. И. Средства физической культуры и спорта в подготовке студентов к будущей профессиональной деятельности: перспективы разработки проблемы / В. И. Ильинич // Теория и практика физической культуры. – 1987. – № 10. – С. 15–16.
4. Наскалов, В. М. Особенности организации рейтингового контроля в процессе профессионально-прикладной физической подготовки студентов вузов / В. М. Наскалов // Теория и практика физической культуры. – 2002. – № 10. – С. 55–59.
5. Дубровский, А. В. Понятие «физическая готовность» в структуре общей готовности человека к профессиональной деятельности / А. В. Дубровский // Теория и практика физической культуры. – 2002. – № 3. – С. 40–41.
6. Саноян, Г. Г. Физическая культура для трудящихся : учеб. пособие / Г. Г. Саноян. – М. : Физическая культура, 2007. – 288 с.
7. Железняк, Ю. Д. Теория и методика обучения предмету «Физическая культура» : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Ю. Д. Железняк, В. М. Минбулатов. – М. : Академия, 2004. – 272 с.

Поступила в редакцию 27.07.2018

E-mail: maioroval79@mail.ru

E. I. Martynova, A. K. Suchkov, E. P. Kazimirov

INTEGRATING MEANS OF HEALTH AEROBICS TO PROFESSIONALLY-APPLIED PHYSICAL TRAINING OF STUDENTS OF THE SPECIAL EDUCATIONAL GROUP

Physical readiness of students with disabilities in the state of health for the upcoming professional activities is achieved in a more complex way due to restrictions in their physical training. The article considers the possibility of using the training to strengthen human health – health aerobics as a means of professionally-applied physical training of students of the special educational group.

Keywords: students, physical culture, physical readiness, professionally-applied physical training, special educational group.

УДК 372.881.111.1

Н. Г. Новицкая

Преподаватель кафедры иностранных языков и методики преподавания иностранных языков,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ У ОБУЧАЮЩИХСЯ НАВЫКОВ КОММУНИКАТИВНОЙ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В РАМКАХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются пути формирования у обучающихся навыков коммуникативной самопрезентации на занятиях по иностранному языку. Автор дает определение коммуникативной самопрезентации и приводит классификацию знаний, умений и навыков, необходимых для успешной реализации процесса коммуникативной самопрезентации в условиях межкультурной коммуникации. Показано, что формированию положительного «Я»-образа на занятиях по иностранному языку способствуют две группы упражнений: коммуникативно-интерактивные упражнения и тренинговые задания.

Ключевые слова: коммуникативная самопрезентация; межкультурная коммуникация; перцептивно-стратегические навыки и умения; коммуникативные навыки и умения; коммуникативно-интерактивные упражнения; тренинговые задания.

Введение

В настоящее время интенсивно развивается международное сотрудничество. Соответственно меняются требования к профессиональной подготовке личности. Сегодня наряду с профессиональными навыками важны *soft skills (гибкие навыки)*, которые позволяют эффективно и гармонично взаимодействовать с окружающими людьми, в том числе и с представителями других культур. Вследствие этого значительно изменилась роль иностранного языка. Из обычного учебного предмета он перешел в средство общения и профессиональной реализации личности. Следовательно, основное значение обучения иностранному языку заключается в формировании навыков и способности осуществлять межкультурную коммуникацию.

Как известно, «Я»-образ [1] участников общения по-разному выражается в разных лингвокультурах. Данный факт заставляет обратить внимание на такой аспект в обучении иностранным языкам как формирование навыков коммуникативной самопрезентации. Уже в школе на уроках иностранного языка должна закладываться система таких навыков.

Несмотря на активное внимание, которое уделяется формированию межкультурной компетенции учащихся, проблема формирования навыков самопрезентации на уроках английского языка до сих пор изучена недостаточно. В нашей статье мы ставим целью рассмотреть систему упражнений, которые будут способствовать формированию навыков коммуникативной самопрезентации на уроках английского языка. Данной целью обусловлен спектр задач, который нам необходимо решить:

- дать определение понятию «коммуникативная самопрезентация»;
- сделать описательную характеристику знаниям, которые необходимы для реализации процесса самопрезентации в рамках межкультурной коммуникации;
- представить классификацию навыков и умений, необходимых для успешной самопрезентации в рамках межкультурной коммуникации.

Результаты исследования и их обсуждение

Изучив работы В. Н. Куницыной [1], В. А. Михайловой [2], И. П. Шкуратовой [3], Ю. Б. Кузьменковой [4], Н. Л. Грейдиной [5], И. А. Стернина [6], а также работы ряда зарубежных ученых, например, Дж. Мид [7], И. Гофман [8], мы пришли к выводу, что *коммуникативная самопрезентация – это особая форма совместной коммуникативной деятельности, имеющая своей целью целенаправленное и мотивированное формирование положительного «Я»-образа своего в глазах внешней и внутренней аудитории, а также выработку стратегий демонстрации своего поведения, представляющих собой единство речевых действий, языковых средств и*

невербальных средств коммуникации, позволяющих оказывать убеждающее воздействие на собеседника или аудиторию.

Главным звеном в содержании обучения средствам выражения коммуникативной самопрезентации являются знания, умения и навыки, которые составляют иноязычную коммуникативную компетенцию учащихся, направленную на развитие способности самовыражения в условиях межкультурной коммуникации. Как утверждают Н. Д. Гальскова и Н. И. Гез, «содержание обучения иностранным языкам включает не только то, что можно услышать или увидеть на уроке, что эксплицитно выражено или наглядно представлено предметами учебного процесса, но и их чувства и эмоции, а также те процессы, что протекают в их сознании в процессе познания чужой лингвокультуры» [9, 123]. Исходя из этого, мы полагаем, что обучение самопрезентации в рамках межкультурной коммуникации, решает две основные задачи:

- ознакомление обучаемых с особенностями коммуникативного поведения в рамках той или иной культуры, т. е. формирование необходимых знаний в этой области;
- формирование у учащихся способности к эффективному использованию коммуникативных средств самопрезентации с учётом особенностей иноязычного коммуникативного поведения.

В нашем исследовании мы выделяем следующую группу знаний, которые необходимо сформировать у учащихся для того, чтобы они могли эффективно осуществлять процесс коммуникативной самопрезентации в рамках межкультурной коммуникации:

- знания об особенностях вербальной иноязычной коммуникации (знания о строе языка, которые используются в процессе овладения навыками самопрезентации; знания о речевых и стилистических нормах иноязычного взаимодействия в определенных ситуациях);
- знания об особенностях невербальной иноязычной коммуникации (знания об особенностях телодвижения и оформления пространства; знания об особенностях интонационного оформления речи; знания, способствующие формированию имиджа; знания об особенностях соотношения вербальных и невербальных средств коммуникации);
- социокультурные знания (знания об оперировании нормами и правилами поведения в рамках той или иной лингвокультуры).

К необходимым навыкам и умениям, способствующим успешной реализации процесса коммуникативной самопрезентации в условиях межкультурной коммуникации, мы отнесли:

1. Перцептивно-стратегические навыки и умения. В данную группу входят практические навыки, необходимые для создания желаемого «Я»-образа. Они формируют способность выбрать нужную стратегию самопрезентации и оценить ситуацию, в рамках которой происходит демонстрация собственного образа, оценить собеседника, а также готовность и умение воспринимать и интерпретировать как свое поведение, так и поведение партнера. Например, навыки и умения эмоционально-психологической саморегуляции и навыки адекватного оперирования нормами речевого и неречевого поведения, принятыми в той или иной лингвокультуре.

2. Коммуникативные навыки и умения. Они способствуют преодолению смыслового (связанного со значением слова), стилистического, фонетического и логического барьеров в процессе самопрезентации. В нашем случае коммуникативные навыки и умения также предполагают умения и навыки, способствующие выбору нужной линии речевого поведения, которое будет соответствовать поставленной коммуникативной задаче (формирование положительного «Я»-образа). Таким образом, названную группу представляют **языковые, речевые и технические навыки и умения.**

Языковые навыки способствуют грамотному лексико-грамматическому оформлению речи. Они направлены на правильный выбор лексико-грамматических средств самопрезентации в зависимости от стратегии формирования положительного образа своего «Я».

Речевые умения помогают конструировать речевое поведение с учетом национально-культурной специфики англоязычного коммуникативного поведения. Например, умение убеждать за счет аргументированной и логически выстроенной речи; умение приводить достоверные доводы или аргументы и умение их обосновывать; умение придавать своему высказыванию точность, ясность и целесообразность; умение адекватно выражать эмоционально-оценочную информацию; строить выразительное высказывание и акцентировать внимание собеседника на своем образе за счет проявления собственного интереса к тому, что говорится, а также за счет выражения интенции и намерения к каким-либо действиям; умение поддержать беседу.

Технические навыки и умения в целом раскрывают способность к невербальной коммуникации. К ним мы отнесли умение расположить к себе мимикой, жестами и внешним видом с целью привлечения внимания собеседника; умение адекватно соотносить невербальные средства коммуникации с ситуацией общения и своим эмоциональным состоянием, а также эмоциональным состоянием собеседника или аудитории; умение синхронно использовать вербальные и невербальные средства коммуникации; умение работать голосом, правильно выбирать темп и ритм речи; иноязычные интонационные навыки и умения.

Принимая во внимание представленную нами классификацию знаний, умений и навыков, необходимых для создания положительного «Я»-образа в условиях межкультурной коммуникации, мы полагаем, что упражнения, цель которых заключается в формировании и совершенствовании навыков и умений в данной сфере, должны совмещать в себе следующие характеристики:

– коммуникативная направленность, которая связана с готовностью осуществлять свое речевое и неречевое поведение с учетом правил общения и национально-культурных особенностей страны изучаемого языка. Она предполагает обучение как языковым (лексико-грамматические средства самопрезентации), так и речевым (логичность, связность, аргументированность и убедительность речи) и невербальным средствам самопрезентации;

– психологическая направленность, которая развивает умение держать себя уверенно с другими людьми, публично выступать, строить взаимодействие с другими людьми, как на вербальном, так и невербальном уровнях, контролировать свое эмоциональное состояние и интерпретировать эмоциональное состояние собеседника или аудитории; умение прогнозировать ситуацию и поведение собеседника в данной ситуации; умение выстраивать своё поведение согласно имеющейся информации.

Таким образом, весь комплекс упражнений, направленных на обучение средствам выражения коммуникативной самопрезентации, мы разделили на две группы: коммуникативно-интерактивные упражнения и тренинговые задания.

Коммуникативно-интерактивные упражнения направлены на овладение необходимым лексическим объемом речевого материала, достаточной точностью грамматического построения речи и правильностью ритмико-интонационного оформления речи. Кроме того, они способствуют выработке умений грамотно выстраивать речевые сообщения, как на вербальном, так и невербальном уровнях, и интерпретировать вербально-невербальное поведение собеседника. Такие упражнения носят комплексный характер. Иными словами, коммуникативно-интерактивные упражнения эффективны, как в формировании языковых навыков, так и в развитии речевых умений. Интерактивная характеристика этих упражнений проявляется в том, что они учат грамотно употреблять языковые средства самопрезентации и выстраивать речевые сообщения, в них также задействован стратегический элемент коммуникативного поведения, т. е. они направлены на то, чтобы способствовать адекватному выбору стратегий самопрезентации и эффективному построению взаимодействия с собеседником. Эти упражнения всегда ситуативны, более эмоциональны, некоторые из них носят спонтанный характер.

Рассмотрим некоторые примеры упражнений, которые мы отнесли к данной группе. Например, *algorithmic tasks*, которые направлены на решение конкретных задач. Суть их заключается в переходе от того, что, к тому, что требуется получить, и построении на этой основе своего ответа. Например, нужно выразить свое мнение по следующей проблеме: *you agree with your friend that first impression is the most important*. Достижение поставленной цели осуществляется пошагово.

Шаг 1: think of three or four reasons why you completely agree with your friend. Use the key phrases.

Key phrases: *I entirely agree with you; I can't help thinking the same; I am exactly of the same opinion; beyond all doubt; it's a good idea to think so.*

Шаг 2: think of three or four reasons why you partly agree with him. Name the points you disagree with. Use the following key phrases.

Key phrases: *that makes sense, however...; I agree up to the point that...; I see what you mean, but...; to a certain extent yes, but...; I think it goes further than...; in spite of what you say, I think..., but another way of looking at it it... .*

Шаг 3 (как конечный результат): give the explanation to each of the reasons you have given.

Каждое из таких заданий сопровождается четкой инструкцией и ключевыми словами, которые способствуют выражению той или иной мысли. Таким образом, эти упражнения помогают как тренировке языковых средств, так и построению грамотной речи, так как в них

использование речевого материала подчиняется речевому замыслу. Выполняя задания-алгоритмы, учащиеся получают возможность свободно выражать и аргументировать свои мысли, учатся самостоятельно строить логическое высказывание, а также доказывать и убеждать, соглашаться с чьей-либо точкой зрения или опровергать ее, выражать предпочтение.

Еще одним видом упражнений, которые мы включили в данную группу, являются *Imaginary-tasks*. Суть этих заданий заключается в том, что каждое упражнение направлено на представление учащимся какой-либо мини-ситуации и ее драматизацию. При этом в каждом упражнении дается четкая инструкция и последовательность выполнения действий с ключевыми словами. Этим представленные задания также напоминают собой задания-алгоритмы. Каждое из предложенных заданий направлено на решение конкретной задачи в рамках обозначенной стратегии, например, обратить внимание собеседника на то, о чем мы говорим; вызвать интерес собеседника по отношению к своим действиям; выразить интенцию или удивление.

Кроме того, эту группу также можно представить такими упражнениями как *Selective tasks* (направлены на самостоятельный выбор эмотивной лексики согласно ситуации и построения логического высказывания с этими словами), а также ритмико-интонационными заданиями. Упражнения, направленные на обучение интонации, содержат задания на воспроизведение предложений с разной тональностью и высотой голоса с целью передать определенное эмоциональное состояние.

Однако наиболее эффективными в формировании у обучающихся навыков коммуникативной самопрезентации в рамках межкультурной коммуникации являются тренинговые задания. Они способствуют развитию стратегических умений самопрезентации и наиболее эффективны в обучении невербальным средствам самопрезентации, так как учат создавать эмоциональный климат во время взаимодействия, планировать и учитывать пространство взаимодействия, регулировать собственное невербальное поведение, в частности, мимику, жесты, манеру сидеть или стоять, а также развивают способность интерпретировать невербальное поведение других. Тренинговые задания ставят сложные коммуникативные задачи. Они представляют собой мини-ситуации, где обучаемые должны проявить свои коммуникативные способности, как на вербальном, так и невербальном уровне, а также способность адекватно выбирать стратегии самопрезентации, интерпретировать свое коммуникативное поведение и коммуникативное поведение своих товарищей, давать оценку, как своему поведению, так и поведению других. Приведем пример одного из таких заданий:

Mood watching

Цель: 1) совершенствование навыков невербальной коммуникации; 2) развитие умений ориентироваться в ситуации общения, учитывая реакцию собеседника.

Ход проведения:

1. Ученики работают в парах.
2. Один из учеников получает карточку, в которой написано, какие эмоции и чувства он должен изобразить при помощи невербальных средств коммуникации.
3. Ученик демонстрирует, то, что написано в карточке.
4. После этого второй ученик должен дать словесное описание действиям первого.
5. Учитель дает оценку действиям первого и второго с подробным комментарием.

Мы полагаем, что необходимо соблюдать ряд условий, чтобы метод тренинга был эффективным. Во-первых, каждое тренинговое задание должно иметь четко сформулированную цель. Во-вторых, не следует отрицать роли теоретических знаний, т. е. сочетать теорию и практику, так как для того чтобы научить учеников презентовать себя в рамках той или иной культуры, необходимо снабдить их необходимыми знаниями об оперировании нормами и правилами поведения в рамках этой культуры, а также об особенностях вербальной и невербальной иноязычной коммуникации (мы делали это в форме пояснений и примеров). В-третьих, каждое выполненное задание в рамках тренинга требует подробного анализа. При этом не нужно указывать напрямую на допущенные ошибки, а делать это в форме пояснений, а также не следует интерпретировать ошибки как пробелы в знаниях.

Выводы

Так, в ходе исследования мы установили, что коммуникативная самопрезентация как форма коммуникативной деятельности имеет свою специфику, которая позволяет отличить ее от

других коммуникативных явлений. Она сводится к тому, что коммуникативная самопрезентация – это процесс целенаправленный и мотивированный, который имеет воздействующий и убеждающий характер. Кроме того, эффективная самопрезентация – это не только наш внешний вид, но также умелое владение языковыми средствами и речевыми приемами, наличие коммуникативных качеств, таких как коммуникабельность, мобильность, уверенность в общении и другие. В межкультурном общении важно учитывать тот факт, что коммуникативная самопрезентация культурно обусловлена, то есть она зависит от норм и правил поведения в рамках того или иного лингвокультурного сообщества. Эффективная самопрезентация требует определенных навыков и умений, которые необходимо формировать уже в школе. Содержание обучения представлено коммуникативным (языковой, речевой и невербальный аспекты), ситуативным и психологическим (знания, умения и навыки) компонентами, где особое место мы отводим навыкам и умениям, которые мы разделили на две группы: перцептивно-стратегические и коммуникативные. Обеспечение овладения навыками самопрезентации осуществляется за счет направленной системы коммуникативно-интерактивных упражнений и тренинговых заданий.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Куницына, В. Н. Межличностное общение : учебник для вузов / В. Н. Куницына, Н. В. Казаринова, В. М. Погорьша. – СПб. : Питер, 2001. – 544 с.
2. Михайлова, Е. В. Обучение самопрезентации : учеб. пособие / Е. В. Михайлова. – М. : ГУВШЭ, 2006. – 167 с.
3. Шкуратова, И. П. Самопредъявление личности в общении : монография / И. П. Шкуратова. – Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2009. – 192 с.
4. Кузьменкова, Ю. Б. Стратегии речевого поведения в англоязычной среде. Курс лекций / Ю. Б. Кузьменкова. – М. : Педагогический университет «Первое сентября», 2006. – 48 с.
5. Грейдина, Н. Л. Основы коммуникативной презентации / Н. Л. Грейдина. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2005. – 380 с.
6. Стернин, И. А. Очерк английского коммуникативного поведения : монография / И. А. Стернин, Т. В. Ларина, М. А. Стернина. – Воронеж : Истоки, 2003. – 186 с.
7. Мид, Дж. От жеста к символу [Электронный ресурс] / Дж. Мид // Социология: классическая и современные парадигмы. – М., 2002. – Режим доступа: <http://www.sociology.nm.ru/Mid.Ppt>. – Дата доступа: 13.12.2010.
8. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. – М. : Канон-пресс – Ц : Кучково поле, 2002. – 302 с.
9. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика : учеб. пособие для студентов лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – 5-е изд. – М. : Академия, 2008. – 336 с.

Поступила в редакцию 27.03.2018

E-mail: novizkajanina@mail.ru

N. G. Novitskaya

WAYS OF FORMING THE STUDENTS' SKILLS OF SELF-PRESENTATION IN CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

The article examines the ways of forming the students' skills of communicative self-presentation in classes of foreign languages. The author gives the definition to communicative self-representation and categorizes the knowledge and skills which help to implement the process of communicative self-presentation in the context of intercultural communication successfully. It is shown that there are two groups of exercises which contribute to the formation of a positive image in the lessons of a foreign language. They are: communicative-interactive exercises and training tasks.

Keywords: communicative self-presentation; intercultural communication; perceptive-strategic skills; communicative skills; communicative-interactive exercises; training tasks.

УДК 159.923.2:796.015.68-057.875:33:378.4(476.2)

Е. Н. Сердюкова

Преподаватель кафедры физического воспитания и спорта,
УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»,
г. Гомель, Республика Беларусь

САМООЦЕНКА ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТАМИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА УО «ГОМЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Ф. СКОРИНЫ»

В статье рассмотрены основные показатели, связанные с субъективной оценкой здоровья. Даны определения понятий «здоровье», «самооценка здоровья» и «самоконтроль». Представлены факторы, влияющие на физическое здоровье студентов. Влияние этих факторов отражено в результатах проведенного анкетного опроса. Посредством проведенного опроса были сформулированы выводы по оценке студентами собственного здоровья. Приведены также рекомендации по совершенствованию состояния здоровья и улучшению физической подготовленности студентов.

Ключевые слова: здоровье, студенты, состояние здоровья, самооценка здоровья, самоконтроль, дневник самоконтроля, физическая подготовленность.

Введение

Под *здоровьем* понимается естественное состояние организма, характеризующееся его уравновешенностью с окружающей средой и отсутствием каких-либо болезненных изменений [1]. Здоровье является наиважнейшей ценностью в жизни любого индивида, также оно выступает как ключевой фактор, определяющий полноценное, гармоничное развитие человека. Следует отметить, что в современном обществе все чаще наблюдается увеличение отрицательного воздействия на человека окружающей среды. Студенты в этом отношении являются одной из наиболее уязвимых категорий населения, что связано с их незавершившимся становлением (как физическим, так и половым), которое приходится на период адаптации к новым, непривычным для них условиям жизни, а также образовательному процессу, отличающемуся от школьного. Именно поэтому следует регулярно проводить контроль за состоянием здоровья студентов.

Материал и методы исследования

Для изучения общего физического состояния студентов было проведено анкетирование среди студентов экономического факультета УО ГГУ имени Ф. Скорины в количестве 215 человек, среди которых 46 юношей (21,4 %) и 169 девушек (78,6 %). Опрошены были студенты 2–4 курсов, из них: 2 курса – 33 человека (15,3 %), 3 курса – 91 человек (42,3 %), 4 курса – 82 человека (38,1 %).

Опрос проводился по следующим основным позициям: общее состояние здоровья, уровень двигательной активности, уровень физической нагрузки, готовность к выполнению интенсивных упражнений на занятиях по физическому воспитанию, а также непосредственно самооценка здоровья, включающая наличие или отсутствие жалоб общего характера, дискомфорт при выполнении физических упражнений.

Результаты исследования и их обсуждение

Под понятием «самооценка здоровья» понимается оценка человеком своего физического и психического состояния при помощи ощущений.

Самооценка, будучи цельным, единым показателем, включает в себе не только простейшую форму его понимания: наличие или отсутствие симптомов какого-либо заболевания, но и такое понятие, как психологическое благополучие – рациональная оценка своих качеств, возможностей, осознание своей роли в обществе, жизненной перспективы [2]. Понятие «самооценка здоровья», соответственно, отражает свое отношение к здоровью, знание собственного организма. Для наиболее эффективной самооценки здоровья требуется наличие определенных знаний, отражающих общее состояние организма: наличие знаний об особенностях функционирования организма, наличие предрасположенности к каким-либо видам заболеваний, наличие противопоказаний при выполнении физических упражнений.

С понятием «самооценка здоровья» неразрывно связано понятие «самоконтроль». Самоконтроль представляет собой самостоятельное наблюдение за состоянием собственного здоровья, реакция организма на физические нагрузки различной сложности. Самоконтроль помогает более эффективно взаимодействовать с собственным организмом, более сознательно подходить к занятиям физической культурой, выбирая вид физической нагрузки, в наибольшей степени подходящей к особенностям собственного организма.

Следует отметить, что студенты являются одной из самых уязвимых категорий населения. Серьезную угрозу их здоровью составляют различного рода стрессовые ситуации, к которым относятся: социальная адаптация в новом, непривычном окружении; экзамены; осознание необходимости соответствия будущей профессии [3]. Анализ состояния здоровья студентов представляется важным и в силу их возраста: в столь молодые годы многими обучающимися собственное здоровье воспринимается как неисчерпаемый ресурс. Именно поэтому среди студентов наблюдается один из самых высоких показателей по самооценке своего здоровья [4]. Однако следует заметить, что зачастую столь оптимистичная оценка своего состояния обуславливает отсутствие заботы о такой важной ценности как здоровье. В связи с этим анализ самооценки студентами собственного здоровья, а также обучение их основным правилам по улучшению данного показателя представляются ключевыми в организации проведения занятий по физическому воспитанию. Учитывая все вышеизложенные факты, нами было проведено исследование, результаты которого представлены в таблице.

Таблица – Самооценка здоровья студентами экономического факультета УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»

Вопрос	Юноши	Девушки	Количество респондентов	Общее количество респондентов (%)
1	2	3	4	5
Оцените состояние своего здоровья в текущем году?	Отличное – 24 человека; Удовлетворительное – 17 человек; Плохое – 5 человек	Отличное – 50 человек; Удовлетворительное – 105 человек; Плохое – 13 человек	75 122 18	34,9 56,74 8,36
Как изменилось Ваше здоровье в сравнении с состоянием на момент прошедшего года	Улучшилось – 5 человек; Не изменилось – 35 человек; Ухудшилось – 6 человек	Улучшилось – 24 человека; Не изменилось – 113 человек; Ухудшилось – 32 человека	29 148 38	13,5 68,8 17,7
Оцените уровень своей двигательной активности в последние месяцы	Высокий уровень – 18 человек; Умеренный уровень – 24 человека; Крайне низкий уровень – 4 человека	Высокий уровень – 31 человек; Умеренный уровень – 119 человек; Крайне низкий уровень – 19 человек	49 143 23	22,8 66,5 10,7
Оцените уровень физических нагрузок на уроках физической культуры и здоровья	Слишком высокий уровень – 3 человека; Достаточный уровень – 37 человек; Низкий уровень – 6 человек	Слишком высокий уровень – 10 человек; Достаточный уровень – 148 человек; Низкий уровень – 11 человек	13 185 17	6 86 8
Испытываете ли Вы быструю утомляемость при любых физических нагрузках?	Нет, не испытываю – 26 человек; Испытываю, но изредка – 15 человек; Да, достаточно часто – 3 человека; Всегда – 2 человека	Нет, не испытываю – 58 человек; Испытываю, но изредка – 85 человек; Да, достаточно часто – 25 человек; Всегда – 1 человек	84 100 28 3	39 46,5 13 1,5

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5
Подготовлены ли Вы к выполнению интенсивных упражнений, действий соревновательного характера?	Да, вполне – 25 человек; Недостаточно – 15 человек; Не готов – 6 человек	Да, вполне – 38 человек; Недостаточно – 76 человек; Не готов – 55 человек	63 91 61	29,3 42,3 28,4
Беспокоят ли Вас неприятные ощущения, боли в области сердца в состоянии покоя?	Очень часто – 0 человек; Изредка – 14 человек; Нет – 32 человек	Очень часто – 10 человек; Изредка – 61 человек; Нет – 98 человек	10 75 130	4,6 34,9 60,5
Беспокоят ли Вас боли в области сердца при выполнении физических нагрузок?	Очень часто – 2 человека; Изредка – 6 человек; Нет – 38 человек	Очень часто – 9 человек; Изредка – 57 человек; Нет – 103 человека	11 63 141	5,1 29,3 65,6
Бывают ли у Вас головные боли, головокружение, обмороки в состоянии покоя?	Очень часто – 2 человека; Изредка – 15 человек; Нет – 29 человек	Очень часто – 10 человек; Изредка – 81 человек; Нет – 78 человек	12 96 107	5,6 44,7 49,7
Беспокоят ли Вас головные боли при выполнении физических нагрузок?	Очень часто – 2 человека; Изредка – 7 человек; Нет – 37 человек	Очень часто – 7 человек; Изредка – 51 человек; Нет – 111 человек	9 58 148	4,2 27 68,8
Беспокоят ли Вас боли в позвоночнике или суставах в состоянии покоя или после физических упражнений?	Очень часто – 4 человека; Изредка – 18 человек; Нет – 24 человека	Очень часто – 25 человек; Изредка – 69 человек; Нет – 75 человек	29 87 99	13,5 40,5 46
Достаточно ли Вы высыпаетесь в дни физических тренировок, занятий физической культурой?	Да, вполне – 18 человек; Не всегда – 18 человек; Постоянно не высыпаетесь – 10 человек	Да, вполне – 55 человек; Не всегда – 77 человек; Постоянно не высыпаетесь – 37 человек	73 95 47	34 44,2 21,8
Занимаетесь ли Вы элементарным закаливанием?	Ежедневно – 4 человек; Не регулярно – 18 человек; Нет – 24 человека	Ежедневно – 13 человек; Не регулярно – 58 человек; Нет – 98 человек	17 76 122	7,9 35,3 56,8
Ведете ли Вы дневник самоконтроля по оценке своего физического развития?	Веду систематически – 4 человека; Пробовали, но не получается – 5 человек; Не считают необходимым – 37 человек	Веду систематически – 7 человек; Пробовали, но не получается – 29 человек; Не считают необходимым – 133 человека	11 34 170	5,1 15,8 79,1
Изучаете ли Вы литературу по физической культуре, спорту, здоровью?	Постоянно изучаю – 8 человек; Изредка – 18 человек; Нет – 20 человек	Постоянно изучаю – 21 человек; Изредка – 43 человека; Нет – 105 человек	29 61 125	13,5 28,4 58,1

Анализируя результаты проведенного анкетного опроса, следует отметить некоторые закономерности, выявленные после его проведения:

– большая часть студентов не изучают литературу на тему здоровья и спорта. Из 215 респондентов 125 человек (58,1 %) не изучают подобную литературу, при этом постоянно изучают ее только 29 респондентов (13,5 %), изредка ее изучает 61 респондент (28,4 %);

– элементарным закаливанием (имеется в виду холодный душ, обтирания, пробежки) регулярно занимаются только 17 респондентов (7,9 %), большая часть студентов (56,8 %) не занимается закаливанием, не регулярно им занимаются 76 респондентов (35,3 %);

– 79,1 % респондентов не считают необходимым вести дневник самоконтроля по оценке

своего физического развития, при этом только 5,1 % опрошенных ведут данный дневник систематически, 34 студента (15,8 %) пробовали вести такой дневник;

– большая часть студентов не имеет проблем со сном в дни физических тренировок: 34 % респондентов достаточно хорошо высыпаются и 44,2 % изредка имеют проблемы со сном, постоянно не высыпаются 21,8 % опрошенных;

– головные боли и боли в позвоночнике после или во время физических нагрузок большая часть опрошенных студентов не испытывает (68,8 % юношей и 46 % девушек), очень часто такие боли беспокоят 4,2 % и 13,5 % опрошенных соответственно, изредка такие боли беспокоят 27 % и 40,5 % опрошенных;

– боли в области сердца в состоянии покоя или при выполнении различных физических упражнений не испытывает преобладающая часть студентов: 60,5 % юношей и 65,6 % девушек, очень часто испытывают такие боли 4,6 % и 5,1 % опрошенных студентов соответственно, изредка их испытывает 34,9 % и 29,3 % опрошенных студентов;

– быструю утомляемость при любых физических нагрузках изредка испытывают 46,5 % респондентов, 39 % указали, что вовсе не испытывают ее, достаточно часто ее испытывает 13 % студентов, а всегда ее испытывает только 1,5 % опрошенных;

– на текущий момент большая часть респондентов указала на удовлетворительное состояние своего здоровья (56,7 %), при этом отличным свое состояние здоровья считают 34,9 % опрошенных, и, соответственно, 8,4 % опрошенных считают его плохим.

Выводы

Таким образом, стоит отметить, что опрошенные студенты рационально оценивают состояние собственного здоровья. Однако следует учитывать и тот факт, что самооценка здоровья изначально не является полностью надежным показателем оценки истинного состояния здоровья [5]. Требуется осмысленно подходить к проблемам со своим здоровьем, «прислушиваться» к организму и при каких-либо серьезных симптомах обращаться за помощью в медицинские учреждения.

Также преобладающее число студентов имеют средний уровень физической подготовленности и ведут здоровый образ жизни. Стоит отметить и тот факт, что большинство опрошенных стремится улучшить состояние своего здоровья, что, в свою очередь, можно достичь регулярными физическими упражнениями, элементарным закаливанием и так далее [6]. Следует заметить, что больше половины опрошенных студентов не считают необходимым вести дневник самоконтроля, предназначенный для самостоятельного наблюдения и оценки состояния собственного здоровья, хотя такой дневник способствует повышению ответственности человека, ведению более правильного образа жизни, формированию распорядка дня, подходящего под особенности своего организма, а также подбору наиболее правильной и эффективной физической нагрузки.

Следствием вышеуказанных способов самосовершенствования общего состояния своего здоровья является повышение уровня физической подготовленности, который характеризуется улучшением возможностей различных систем нашего организма (кардиореспираторной, выделительной, терморегулирующей), одним из следствий также является улучшение состояния тела, правильное его строение.

Университет играет немаловажную роль в приобщении студентов к совершенствованию общего состояния своего здоровья. Это обусловлено тем, что студенты проводят в его стенах существенную часть своего времени. Соответственно помощь студентам в совершенствовании состояния здоровья является одной из ключевых задач университета. Данная задача является одной из ключевых в деятельности кафедры физического воспитания и спорта. Ее реализация осуществляется путем регулярного наблюдения за состоянием студентов как во время, так и после занятий, разработке программы занятий исходя из индивидуальных особенностей каждого студента, приобщения студентов к элементарному закаливанию и другое.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1969. – 1978.
2. Виноградов, П. А. Физическая культура и здоровый образ жизни / П. А. Виноградов. – М. : Мысль, 1990. – 288 с.
3. Никифоров, Г. С. Психология здоровья : учебник для вузов / под ред. Г. С. Никифорова. – СПб. : Питер, 2006. – 607 с.

4. Авдеева, Н. Н. Здоровье как ценность и предмет научного знания / Н. Н. Авдеева, И. И. Ашмарин, Г. Б. Степанова // Мир психологии. – 2000. – № 1. – С. 68–75.

5. Таймазов, В. А. Общее физкультурное образование и культура здоровья студентов высших учебных заведений / В. А. Таймазов // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – 2009. – № 11 (57). – С. 93–96.

6. Чумаков, Б. Н. Валеология : учеб. пособие / Б. Н. Чумаков. – М. : Педагогическое общество России, 2000. – 407 с.

Поступила в редакцию 17.05.2018

E-mail: eosipenko_2009@mail.ru

E. N. Serdyukova

SELF-EVALUATION OF HEALTH BY STUDENTS OF THE ECONOMIC FACULTY OF FRANCISK SKORINA GOMEL STATE UNIVERSITY

The article deals with the main indicators related to the subjective assessment of health. Definitions of the concepts of "health", "self-assessment of health" and "self-control" are given. Factors affecting the health of students are also presented. The influence of these factors is reflected in the results of the questionnaire survey. Through the survey, conclusions were drawn on students' assessment of their own health. There are also recommendations for improving the health status and improving the physical preparedness of students.

Keywords: health, students, health status, health self-assessment, self-control, diary of self-control, physical preparedness.

УДК 378.016:811.1

Ю. Н. Усова¹, И. В. Журлова²¹Учитель английского языка, магистр образования,

ГУО «Козенская средняя школа», Мозырский р-н, Республика Беларусь

²Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь**СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СТУДЕНТОВ-ИНОФОНОВ
В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА
НА ОСНОВЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ**

Статья отражает разработанную авторами и апробированную в ходе проведенного эксперимента систему управления учебной деятельностью студентов гетерогенных групп (включающих студентов-инофонов) с целью повышения эффективности обучения их иностранному языку. Авторами подробно раскрывается структура системы, включающая в себя три компонента: коммуникативный, содержательно-организационный, мониторинговый; выделяется и анализируется ресурсная база, необходимая для использования в учебном процессе.

Ключевые слова: студенты-инофоны, иностранный язык, система управления учебной деятельностью, ресурсная база учебного процесса.

Введение

Как показывает практика современных учреждений высшего образования в Республике Беларусь, одной из острых проблем сегодня является организация совместного обучения белорусских и иностранных студентов в рамках освоения различных специальностей. Особую проблему в этом отношении представляет учебная ситуация, связанная с обучением иностранных студентов по специальности «Иностранный язык» (в частности, «Английский язык» и/или «Немецкий язык») при условии, что обучение таких студентов осуществляется на русском языке, который в свою очередь также является для них иностранным. В этом отношении решением проблемы представляется разработка системы управления учебной деятельностью студентов гетерогенных групп в процессе обучения их иностранному языку.

В современной педагогической практике система управления обучением рассматривается как основа системы управления учебной деятельностью, которая используется для разработки, управления и распространения учебных онлайн- и офлайн-материалов с обеспечением совместного доступа. Создаются данные материалы в визуальной учебной среде с заданием последовательности изучения. В состав системы входят различного рода индивидуальные задания, проекты для работы в малых группах и учебные элементы для всех студентов.

Результаты исследования и их обсуждение

В рамках нашего исследования учебный процесс в гетерогенных группах студентов, изучающих иностранные языки, осуществлялся в условиях реального взаимодействия, что определило следующие структурные компоненты системы управления их учебной деятельностью:

1) *коммуникативный*, отражающий принципы и специфику взаимодействия всех субъектов в процессе изучения иностранного языка (преподавателей, студентов-инофонов, белорусских студентов) в условиях аудиторной и внеаудиторной работы;

2) *организационно-содержательный*, основанный на организационной модели учебно-познавательной деятельности студентов гетерогенных групп, изучающих иностранные языки, предполагающей следующий алгоритм деятельности преподавателя: определение целей и формулировка задач обучающей деятельности; отбор содержания образования; организация процесса обучения студентов с ориентацией на создание для них определенных условий учебной деятельности; выбор и использование соответствующих форм, методов обучения; разработка и применение необходимой ресурсной базы; организация самоконтроля студентов в процессе обучения [1];

3) *мониторинговый*, предполагающий систематическую фиксацию хода и результатов учебной деятельности студентов гетерогенных групп, их анализ с целью дальнейшей оптимизации ресурсной базы и организационно-методических подходов к реализации учебного процесса.

Представленная в таблице система управления учебной деятельностью студентов гетерогенных групп в процессе изучения иностранного языка на основе организационной модели была апробирована нами в ходе учебного процесса на филологическом факультете УО МГПУ им. И. П. Шамякина. В экспериментальной деятельности участвовали 10 иностранных студентов второго курса 1 группы, обучающиеся по специальности «Иностранные языки (английский, немецкий)», из них двое студентов обучаются в смешанной группе (совместно с белорусскими студентами); 14 студентов третьего курса 1 группы, обучающиеся по специальности «Иностранные языки (английский, немецкий)», из них один студент обучается в смешанной группе; 10 студентов третьего курса 1 группы, обучающиеся по специальности «Иностранные языки (английский, немецкий)» в отдельной группе.

Таблица – Система управления учебно-познавательной деятельностью студентов в процессе изучения иностранного языка на основе организационной модели

Коммуникативный компонент		Содержательно-организационный компонент		Мониторинговый компонент
Способы взаимодействия	Ресурсная база	Офлайн	Онлайн	
Работа с преподавателем (контактный уровень)	1. Рекомендации для преподавателей по организации взаимодействия. 2. Семинар для преподавателей по повышению уровня межкультурной коммуникации	Изложение материала преподавателем. Учебные задания в аудитории в ходе учебного процесса. Стимулирование и мотивация учебной деятельности. Автоматизация элементов учебного процесса	Онлайн лекции. Веб-конференции. Веб-семинары	1. Диагностика образовательных потребностей студентов и фиксация актуального уровня знаний 2. Мониторинг и документирование хода и текущих результатов учебного процесса 3. Диагностика актуальных знаний и умений студентов на выходе
Самостоятельная работа (бесконтактный уровень)	Семинары для иностранных студентов по саморазвитию	Выполнение домашних заданий, самостоятельное изучение материала с использованием книг, видео, справочных материалов, методических пособий, CD-ROM и др.	Интернет-курсы. Интернет-форумы. Образовательные сайты. Чаты	
Работа в режиме тьюторства в студенческой среде (контактный уровень)	Рекомендации по организации сопровождения в группе	Работа в парах, мини-группах в аудитории. Внеаудиторная самостоятельная работа в парах, мини группах с использованием информации на бумажных и электронных носителях	Интернет-курсы. Интернет-форумы. Образовательные сайты. Чаты	
Общение в режиме интернет-сообщества (закрыто-контактный уровень)	Сайт университета	Консультации, новости, ближайшие мероприятия, рубрики и т. д.		

Задачи экспериментальной работы:

1. Актуализировать нормативно-правовую и методическую базы работы со студентами.
2. Скоординировать взаимодействие всех участников педагогического процесса: студентов и преподавателей вуза на основе элементов организационной модели обучения.
3. Разработать и оптимизировать ресурсную базу для изучения иностранного языка в гетерогенной (смешанной) группе студентов.
4. Создать педагогические условия для самореализации каждого иностранного студента в процессе изучения иностранного языка.

Программа экспериментальной деятельности включала четыре этапа: подготовительный, диагностический, основной и контрольно-аналитический. Рассмотрим каждый из этапов подробнее.

Подготовительный этап предполагал организационно-методическую работу, включающую актуализацию нормативно-правовой и учебно-методической базы, подготовку методического обеспечения деятельности (определение педагогических условий для самореализации каждого студента-инофона; разработка системы тьюторства; разработка и создание интернет-сообщества), разработку анкет для студентов и преподавателей с целью диагностики особых образовательных потребностей иностранных студентов, определения проблем, связанных с обучением их иностранному языку.

Диагностический этап (мониторинговый компонент) предполагал проведение анкетирования студентов-инофонов и преподавателей. Анкета для студентов включала 11 вопросов, имеющих несколько вариантов ответов, а также 4 вопроса открытого плана без вариантов ответов. Всего в анкетировании участвовали 34 студента-иностранца из Республики Туркменистан. Среди вопросов анкеты для студентов были следующие: удовлетворены ли иностранные студенты уровнем преподавания в университете, уровнем сложности учебных программ, характером организации учебного процесса, уровнем материально-технической базы университета; какие наиболее значимые мотивы учебной деятельности у них присутствуют; какие факторы, по их мнению, оказывают влияние на качество их обучения иностранному языку; какие причины вызывают низкую успеваемость в процессе обучения иностранному языку; какие проблемы и затруднения существуют у них в процессе аудиторных занятий по иностранному языку, а также в процессе самостоятельной работы над учебным материалом; какую помощь они хотели бы получить от преподавателя или от университета, чтобы улучшить свою успеваемость по усвоению иностранного языка и т. д.

Другой вариант разработанной нами анкеты мы предложили преподавателям, работающим на филологическом факультете и преподающим дисциплины специальности «Иностранные языки (английский, немецкий)». Всего в анкетировании участвовало 9 респондентов. Анкета для преподавателей включала 11 вопросов, часть из них предлагалась в закрытом варианте, часть – в открытом. Приведем далее примеры некоторых вопросов анкеты: укажите, по Вашему мнению, наиболее значимые мотивы учебной деятельности студентов-инофонов; какие факторы, по Вашему мнению, оказывают влияние на успешное обучение студентов-инофонов иностранному языку; какие причины низкой успеваемости иностранных студентов в обучении иностранному языку присутствуют в действительности; какими дополнительными источниками пользуются иностранные студенты для получения учебной информации в процессе изучения иностранного языка; какие проблемы демонстрируют иностранные студенты в процессе занятий по иностранному языку (английскому, немецкому); какие запросы о получении помощи от преподавателя (от университета) по усвоению иностранного языка (английского, немецкого) поступали от иностранных студентов и т. д.

На основе анализа результатов анкетирования и выделенных образовательных потребностей иностранных студентов была создана ресурсная база оптимизации поликультурной образовательной среды в гетерогенной группе студентов в рамках занятий по иностранному языку, состоящая из двух блоков: 1) дидактические и методические материалы; 2) компьютерные и другие технические средства обучения.

Основной этап экспериментальной работы включал все три компонента разработанной нами системы управления учебно-познавательной деятельностью студентов в условиях поликультурной среды. Он предполагал применение определенных нами способов взаимодействия в рамках организационной модели и соответствующих элементов ресурсной базы.

Коммуникативный компонент системы включал способы взаимодействия субъектов учебного процесса на четырех уровнях: 1) работа с преподавателем (контактный уровень), ресурсная база: рекомендации для преподавателей по организации взаимодействия с иностранными студентами на учебном занятии, семинар для преподавателей по повышению уровня межкультурной коммуникации; 2) самостоятельная работа (бесконтактный уровень), ресурсная база: семинары для иностранных студентов по саморазвитию; 3) работа в режиме тьюторства в студенческой среде (контактный уровень), ресурсная база: рекомендации по организации сопровождения в группе; 4) общение в режиме интернет-сообщества (закрыто-контактный уровень), ресурсная база: рекомендации по созданию и организации деятельности студенческого интернет-сообщества на базе сайта университета.

Разработанные нами рекомендации для преподавателей по организации взаимодействия с иностранными студентами на учебном занятии по иностранному языку включают дидактические, психологические (стиль занятия, организация познавательной деятельности учащихся, организованность студентов, учет индивидуальных особенностей студентов), гигиенические

требования к современному занятию, а также требования к технике проведения занятия. Рекомендации представлены в таблице «Формы организации деятельности студентов на занятии по иностранному языку», состоящей из названия формы, обоснования ее особенностей, признаков, достоинств и недостатков, указаний условий ее выбора и степени эффективности использования при обучении студентов-инофонов.

С целью формирования у преподавателей системы знаний об особенностях коммуникации людей разных стран и на этой основе совершенствования навыков межкультурной коммуникации нами разработан семинар «Особенности коммуникации людей разных стран». Семинар посвящен обсуждению следующих вопросов:

1. Развитие толерантности в поликультурном пространстве.
2. Взаимодействие разных культур в гетерогенной образовательной среде.
3. Конфликтные ситуации, их причины и способы решения.
4. Эмпатический подход в процессе взаимодействия со студентами.

Семинар включал две части: теоретическую и практическую. Вторая часть предполагала выполнение преподавателями практических заданий по решению ситуаций учебно-воспитательного взаимодействия со студентами-инофонами.

Важным элементом основного этапа выступала программа семинаров по саморазвитию для студентов-инофонов со следующей тематикой:

1. Приемы активизации умственной деятельности студентов.
2. Развиваем внимание, память и мышление.
3. Самостоятельная работа и работа в группе. Отличия и особенности.
4. Организация своего времени (time management). Планирование разных видов деятельности.

Целью семинарской работы являлось развитие навыков умственной деятельности, памяти, внимания и мышления студентов. Задачи заключались в формировании у студентов-инофонов навыков самостоятельной работы, а также работы в группе, умений правильно организовать свое время. Разработка таких семинаров была обусловлена результатами анкетирования преподавателей, в которых отражалось их мнение о том, что у студентов-инофонов отсутствуют или слабо выражены навыки организации своего времени и самостоятельной работы, а также отмечается недостаточный уровень развития памяти, внимания и мышления, что становится естественной преградой в изучении иностранного языка, где необходимо обладать хорошей памятью, при этом иметь навыки самостоятельной работы с учебным материалом.

Рекомендации по организации системы тьюторства в студенческой среде (сопровождение в группе), а также рекомендации по созданию и организации студенческого интернет-сообщества, действующего на базе сайта университета, включают цели, задачи и описание особенностей организации названных управленческих форм.

Студенческое интернет-сообщество представлено главной страницей, на которой обозначены два основных раздела сообщества: «профессорско-преподавательский состав» и «студенческий состав». Раздел «профессорско-преподавательский состав» содержит список имен всех преподавателей с целью предоставления студентам возможности обратиться за консультацией к любому преподавателю. Также предполагается создание подразделов для кураторов, где каждый из них сможет связаться со своей группой, например, донести необходимую информацию, организовать встречу и т. д.

Второй раздел «студенческий состав» создается для общения, обмена информацией между самими студентами с целью организации взаимодействия, кооперации студентов, оказания помощи друг другу как учебного, так и психологического плана. Достоинства такой организации интернет-сообщества состоят в следующем: организация межкультурной коммуникации в студенческой среде; взаимодействие всех участников учебного процесса, формирование положительного отношения к изучению иностранного языка; формирование навыков взаимопомощи.

Содержательно-организационный компонент системы включал способы организации учебного процесса: 1) аудиторный (офлайн): изложение материала преподавателем в аудитории в ходе учебного процесса, работа в парах и мини-группах; проведение тематических консультаций; организация внеаудиторных форм работы (экскурсий, тематических вечеров и т. д.); выполнение домашних заданий; ресурсная база: электронные учебники: «English: The Present Tenses & Traveling by train», «English: The Past Perfect Tense & About London», «English: Modal verbs: can, may & Means of transport», комплекс видео- и аудиоматериалов для обучения грамматике и лексике иностранного языка; пакет тематических схем и опор для изучения отдельных разделов грамматики; планы-конспекты тематических консультаций; программы учебных спецкурсов: «Русский язык как основа обучения», «Чтение как основа обогащения лексического запаса», «Функциональная грамматика»;

2) дистанционный (онлайн): веб-конференции, веб-семинары, интернет-курсы, интернет-форумы, образовательные сайты и учебные программы; ресурсная база: пакет обучающих компьютерных программ и учебных Интернет-ресурсов, отобранных и систематизированных в соответствии с программами обучения [2].

Особую роль в процессе эксперимента мы отводили тематическим консультациям. Так, например, нами был проведен ряд консультаций, в числе которых консультация по теме «Making a dialogue» в рамках занятия по «Чтению» в 1 группе 2 курса (студенты-инофоны), где у студентов были обнаружены проблемы с умением построить диалог. Консультация условно состояла из нескольких частей: теоретической, когда вопросно-ответным способом студенты совместно с преподавателем вспоминали, какие существуют диалоги, какова основная их цель, а также компоненты, из которых они состоят; и практической, где совместно была составлена примерная схема диалога с ее постоянными компонентами. Важно отметить, что консультация имела репродуктивно-аналитический характер, т. е. преподаватель не просто сообщал информацию, а включал студентов в активное обсуждение, актуализируя имеющиеся у них знания, способствуя развитию навыков диалогической речи.

Достаточно интересно прошла тематическая консультация по теме «Noun», где студенты смогли решить трудности, с которыми они встретились при изучении данной темы. Работа делилась на два этапа: теоретический и практический. Первый включал себя теоретический материал, которые излагался в виде беседы с помощью самих студентов, чтобы активизировать полученные ими ранее знания. Результатом второго стала разработанная студентами памятка «Plural and singular form», включающая список слов-исключений (имеющих только множественное, только единственное число), а также способы образования множественного числа существительных (слова иностранного происхождения).

При проведении консультаций мы исходили из установки, что эта форма работы не должна напоминать лекцию, преподаватель должен опираться на имеющиеся у студентов знания, наводящими вопросами помогать им анализировать и осмысливать учебную информацию. Итогом любой консультации должна стать составленная схема, опора или памятка, которая в дальнейшем будет применяться студентами в процессе обучения.

На 3 курсе в рамках консультаций мы применяли разработанную для этого курса тематическую карту, включающую ряд разделов. Так мы использовали раздел карты «Sentence», в котором представлены как коммуникативные, так и структурные типы предложений с примерами, а также отдельно приведены типы сложных предложений. При применении раздела карты «Noun» мы предложили студентам сделать самостоятельный перевод, а также дополнить схему своими примерами для проверки понимания изучаемого материала. Использование разработанной нами тематической карты способствовало быстрому усвоению изучаемой темы и с ее помощью студенты-инофоны смогли определить, к какому коммуникативному типу относится предложение (declarative, imperative, interrogative, exclamatory), а также охарактеризовать предложение с точки зрения структуры (simple/composite, one-member/two-member, expended/unexpended, complete/incomplete, compound/complex and so on).

Обязательным элементом ресурсной базы являлись мультимедийные презентации к различным учебным темам (например, к темам «Types of questions», «Adverbs», «Plurals», «Articles» дисциплины «Функциональная грамматика» и др.). Использование наглядного материала в виде компьютерных презентаций делает занятие более увлекательным и разнообразным, тем самым увеличивая мотивацию и интерес к изучению различных тем. В изучении грамматики английского языка презентации выполняют также функцию систематизации знаний и представления их в виде различных схем и зрительных опор, которые могут быть использованы в учебном процессе.

Ресурсная база также включала разработанные нами для всех курсов видео- и аудиотеки, список обучающих программ и учебных Интернет-ресурсов для самостоятельного изучения отдельных тем, с которыми возникли трудности. Это было сделано с целью мотивации студентов-инофонов к самостоятельному изучению материала, ибо, как показывает практика, для изучения иностранного языка на хорошем уровне аудиторного времени оказывается не достаточно, для этого требуется самостоятельная работа над теми языковыми аспектами, которые вызывают трудности. При этом часто у студентов возникают вопросы: какие программы лучше использовать, на какой сайт зайти, где взять информацию и т. д. Эту проблему помогает решить разработанный нами список рекомендуемых обучающих программ и учебных Интернет-ресурсов, с помощью которых студенты, в том числе студенты-инофоны, могут заниматься самостоятельно [3].

Мониторинговый компонент системы включал диагностику образовательных потребностей студентов, фиксацию актуального уровня знаний, документирование хода и текущих результатов

учебного процесса, диагностику актуальных знаний и умений студентов на выходе с помощью системы дифференцированного контроля; ресурсная база: анкетный материал; тестовый материал (два варианта теста на проверку навыков прочтения и понимания прочитанного; 10 тестов, предназначенных для работы с лексикой).

Контрольно-аналитический этап основывался на мониторинговом компоненте системы управления учебно-познавательной деятельностью студентов на основе организационной модели (тестирование, аудирование, написание сочинений, письменные контрольные работы, письменные самостоятельные работы, коллоквиумы).

Выводы

Методическая состоятельность разработанной ресурсной базы была подтверждена в процессе экспериментальной части исследования. Также собственная педагогическая практика подтвердила, что применение разработанной системы управления учебно-познавательной деятельностью студентов в условиях поликультурной образовательной среды, основанной на организационной модели, показывает положительные результаты, увеличивая мотивацию студентов-инофонов в изучении иностранного языка (видео- и аудио материал, тематические консультации и др.), повышая успеваемость по изучаемым дисциплинам, развивая навыки самостоятельной работы, создавая для этого необходимые условия (компьютерные и другие технические ресурсы), развивая у студентов и преподавателей навыки межкультурной коммуникации (семинары, рекомендации).

Разработанная система технологична и может использоваться любым преподавателем в процессе обучения студентов иностранным языкам. При этом ресурсная база, представленная дидактическими и методическими материалами, а также компьютерными и техническими средствами, может быть использована для самостоятельного изучения иностранного языка людьми любого возраста.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Журлова И. В. Организационная модель учебно-познавательной деятельности студентов в рамках «смешанного» обучения иностранному языку / И. В. Журлова, Ю. Н. Усова // Педагогическая наука и современное образование = Pedagogical science and contemporary education : сб. науч. статей / УО МГПУ им. И. П. Шамякина ; редкол.: О. П. Позывайло (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь, 2017. – С. 24–27.

2. Усова, Ю. Н. Применение современных информационных технологий при обучении иностранному языку студентов-инофонов / Ю. Н. Усова // Актуальные проблемы современной педагогической науки: взгляд молодых исследователей : материалы всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием, Арзамас, 16–17 февр. 2017 г. / Арзамасский филиал ННГУ ; отв. ред. Е. А. Жесткова. – Арзамас : Арзамасский филиал ННГУ, 2017. – С. 398–402.

3. Усова, Ю. Н. Ресурсная база оптимизации учебного процесса в гетерогенной группе студентов (на примере занятий по иностранному языку) / Ю. Н. Усова // От идеи – к инновации : материалы XXV Междунар. студ. науч.-практ. конф., Мозырь, 26 апр. 2018 г. : в 3 ч. / УО МГПУ им. И. П. Шамякина ; редкол.: В. Н. Навыко (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь, 2018. – Ч. 1. – С. 127–128.

Поступила в редакцию 17.05.2018

E-mail: usova.j@mail.ru

Y. Usova, I. Zhurlova

THE MANAGEMENT SYSTEM OF EDUCATIONAL ACTIVITY OF STUDENTS-INOPHONES IN THE PROCESS OF LEARNING FOREIGN LANGUAGE ON THE BASIS OF ORGANIZATIONAL MODEL

The article reflects the management system of educational activities of students of heterogeneous groups (including students-inophones) developed and tested by the authors during the experiment, in order to improve the effectiveness of teaching them foreign language. The authors describe in detail the structure of the system, which includes three components: communicative, content-organizational, monitoring; the resource base, which is necessary in the educational process, is distinguished and analyzed.

Keywords: inophone students, foreign language, educational management system, resource base of educational process.

УДК 378.147: 37. 037.1(043.3)

Т. Н. Чечко

Кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой белорусской и русской филологии,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

КЛЮЧЕВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТА-ФИЛОЛОГА НА ЭТАПЕ РАННЕЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ

В данной статье предпринята попытка определить оптимальный и достаточный состав ключевых компетенций студентов-филологов, актуальных для формирования на этапе ранней профессионализации средствами литературоведческих дисциплин.

Ключевые слова: ключевые компетенции, студент-филолог, этап ранней профессионализации, историко-функциональная компетенция, метасистемная компетенция, коммуникативно-деятельностная компетенция.

Введение

Стратегия инновационного развития нашего государства определяет повышенные требования к мобильности, конкурентоспособности специалистов высшей квалификации. В аспекте реализации данной стратегии особая миссия возлагается на современного педагога, т. к. состояние образовательной практики в школе и учреждении высшего образования сегодня – это уровень интеллектуального, культурного развития общества и государства завтра.

Одна из теоретических и практических задач развития отечественной высшей школы – приведение частных (предметных) методик в целевое, содержательное и технологическое соответствие с действующими компетентностными стандартами. Генеральной целью профессиональной подготовки специалиста является «формирование и развитие социально-профессиональной компетентности, позволяющей сочетать академические, социально-личностные и профессиональные компетенции для решения задач в сфере профессиональной и социальной деятельности» [1, с. 3]. Достижение конечной цели специальной подготовки студентов возможно при разработке соответствующей модели поэтапного развития специалиста с учетом образовательных приоритетов на той или иной стадии его профессионального становления, специфики предметной области и учебно-профессиональных перспектив личности [2], [3]. Если говорить о развитии профессионально важных качеств специалиста, то речь, безусловно, идет о формировании *компетенций*, ведь именно они являются системными, интегральными или базовыми качествами личности, которые обеспечивают «способность и готовность обучающихся к самостоятельной познавательной работе, постоянному самообразованию и самосовершенствованию, профессиональному росту, научно-исследовательской деятельности» [4, с. 10].

Возникает вопрос, какие ключевые (базовые, универсальные) компетенции студентов-филологов должны оказаться в «зоне ближайшего развития» согласно терминологии Л. С. Выготского. В данной статье будет предложен оптимальный и достаточный состав ключевых компетенций студентов-филологов, актуальных для формирования на этапе ранней профессионализации средствами литературоведческих дисциплин.

Результаты исследования и их обсуждение

Разработка способов выделения и формирования оптимального и достаточного состава ключевых компетенций из предложенного множества осложняется рядом обстоятельств. В сфере гуманитарного образования конечные результаты компетентностного освоения учебных дисциплин «неочевидны». Они «проявляются впоследствии как ресурс развития всех сфер социальной практики, определяя качество жизни человека и качество стратегий социально-экономического и культурного развития страны в целом» [3, с. 381]. Среди современных исследователей не существует единого мнения относительно сущности, компонентного состава и классификации компетенций [4, с. 9–10, 11]. Это касается как белорусских педагогов (А. В. Макаров [2], Н. Н. Кошель [5] и др.), так и российских (В. И. Байденко [6], И. А. Зимняя [7] и др.), и европейских (Дж. Равен [8], Ж. Делор [9] и др.). Тем не менее, в «Образовательном стандарте Республики Беларусь» (2013) все множество компетенций группируется в три основных вида – *академические, профессиональные и социально-личностные*. *Академические* (или учебные) компетенции представлены в образовательном стандарте

первыми, главная их функция связана с развитием *умения учиться*. Они являются своего рода инструментальной, методологической основой формирования всех других компетенций, как *профессиональных*, так и *социально-личностных*. Ведь социально важно, чтобы специалист обладал качествами гражданственности, был способным к эффективному взаимодействию, умел работать в команде; владел системой знаний в сфере образования, знал сущность, содержание и структуру образовательных процессов, планировал, организовывал и вел воспитательную работу и т. д. [10, с. 4–5]. Определение ключевых компетенций, с нашей точки зрения, должно осуществляться с учетом этапа профессионального становления специалиста, основного содержания специальной подготовки, оптимально возможного арсенала средств педагогического воздействия и имеющегося опыта учебной работы студента.

Потребность в ключевых, базовых компетенциях особенно обостряется на переходных этапах обучения. Так, учеными разных профилей (психологами, дидактами и т. д.) *этап ранней профессионализации*, т. е. обучение на младших курсах университета, устойчиво выделяется в качестве самостоятельного объекта исследования. Именно в это время большинство студентов остро испытывает трудности, связанные с тем, что старые, проверенные школьной практикой способы учебной деятельности не приносят должного эффекта, а новые, соответствующие требованиям высшей школы, еще не сформировались [10, с. 15]. Вместе с тем сложившаяся модель профессиональной (в данном случае – литературоведческой) подготовки студентов-филологов в педагогическом вузе недостаточно эффективно влияет на формирование ключевых компетенций, основу развития и саморазвития, профессионального становления личности. Этот процесс происходит стихийно, отсутствуют должные преемственные связи; содержание учебного материала, оставаясь достаточно дифференцированным, не в полной мере работает на формирование компетенций как интегративно-целостных дидактических единиц. В результате студенты младших курсов, в частности филологических факультетов, зачастую не умеют устанавливать логическую связь между изучаемыми литературными явлениями, соотносить информацию из различных источников и синтезировать её, интерпретировать художественный или научный текст в актуальном ключе, аргументировать свою точку зрения, критически оценивать позицию автора. Как будущие учителя-филологи они испытывают немалые затруднения в использовании литературной теории как средства познания историко-литературных явлений и процессов. Почти не умеют воспринимать литературу как «систему целого», а не разобленную совокупность фактов и явлений; работать с «большим временем», с «долгими процессами» в их целостности (стилями эпох, литературными направлениями, «прогрессивными линиями» в развитии литературы), а не только с отдельными литературными произведениями и их авторами.

Чтобы процесс адаптации первокурсников (как будущих учителей литературы) к обучению на филологическом факультете протекал более успешно, содержание их специальной подготовки – как *теоретической*, так и *практической* – должно стать, с одной стороны, более тесно связанным с предыдущими этапами обучения. С другой стороны, оно должно быть более точно сориентированным не только на овладение предметными (литературоведческими) знаниями, но и важнейшими теоретико-методологическими подходами к литературным явлениям и системой специализированных видов практической деятельности.

Определяя состав ключевых компетенций студента-филолога, важно обратить внимание на важнейшие преемственные связи, существующие между литературным образованием школьника и филолого-педагогическим образованием студента-филолога.

Осваивая в старших классах литературу *в движении и смене исторических эпох, литературных направлений* и т. д., будущие студенты-филологи приобретают определенные умения и навыки осуществления *исторического подхода* к изучению произведений, созданных в период Киевской Руси или эпоху классицизма, во времена «натуральной школы» или в советское время. *Сопоставляя литературные явления по близкородственной тематике, жанрам, стилям, композициям* и т. д., они накапливают некоторый опыт системного анализа.

Эти школьные умения базируются на двух универсальных и взаимодополняющих друг друга методах научного познания – *историческом* и *системном*. Однако эти же методы (подходы) в их взаимной связи лежат и в основе двух главных наук о литературе – истории и теории литературы – и соответствующих университетских дисциплин. Это служит, с нашей точки зрения, достаточным основанием, чтобы теоретическую подготовку начинающих студентов-филологов осуществлять с акцентом на развитие и совершенствование именно данных умений.

Первое из этих умений в условиях учреждения высшего образования должно приобрести статус **историко-функциональной компетенции**, поскольку *историко-функциональный подход* к изучению классических художественных текстов является для будущих словесников не только специфически литературным, но и педагогически действенным.

Он позволяет:

- связывать *историко-генетические* аспекты анализа литературного произведения с *функциональными*, соотносить *конкретно-историческое* в его содержании с *логическим* и *общечеловеческим*;

- воспринимать любое классическое литературное произведение как особую систему, основание которой «обращено в историческое *прошлое*, к истокам, корням, которые его «напитали» и породили, а «крона» устремлена в *настоящее* и *будущее*.

Овладевая этим подходом, будущий словесник учится, не отрывая продукты творчества писателя-классика от породившей их исторической почвы, представлять их как яркое явление эпохи, и, прежде всего, как достояние современных читателей, способное пробуждать живой отклик, вызывать «светлую радость *эстетического переживания*» [11, с. 95]. Это позволит понять, почему художественное произведение живо до сих пор, и в каком именно смысле живо, актуализировать вечные нравственно-эстетические ценности шедевра в сознании своих воспитанников [12, с. 79].

Самое главное в этой компетенции – способность видеть классику «свежими, нынешними» глазами, чувствовать её «болевые точки», выделять образовательные доминанты в тексте. Не учитывая читательского восприятия, сегодня невозможно пробудить у школьников живой интерес к художественной литературе, а, значит, и создать необходимые условия для полноценного освоения её духовно-нравственных богатств. «Современное синергетическое мировоззрение и познание включает «человека – абстрактного наблюдателя» – в бытие, а, следовательно, и в саму картину мира как органической, ответственной и решающей части бытия» [3, с. 55].

Второе школьное умение так же, как и первое, представляет собой дидактический эквивалент общенаучного метода познания, основанного на *системном (или междисциплинарном) подходе* к явлениям и процессам окружающего мира. Аналогом этого умения в педагогическом университете должна стать, по нашему мнению, ключевая компетенция, которую мы определяем как **метасистемную** или **межпредметную**.

Сам системный подход вызван потребностью в объединении, синтезе обособившихся аспектов и дробных разделов научного знания. Его применение направлено против односторонне закреплённого и возведённого едва ли не в «единственную и конечную цель научного познания вообще» метода аналитического разложения предмета изучения на части [13, с. 41]. Овладевая этим теоретико-методологическим подходом, студент-филолог учится устанавливать связи между частью и целым, как на *внутрипредметном*, так и *межпредметном* (внутрицикловом и межцикловом) уровнях.

Умение применять системный метод позволяет:

- на *внутрипредметном* уровне приводить весь сложный и разноликий мир литературы к целостному единству; освобождать анализ художественного произведения от излишнего академизма;

- на *межпредметном (внутрицикловом, филологическом)* уровне осваивать литературу и язык как две взаимосвязанные, целостные и динамически развивающиеся системы. Это позволяет формировать целостную картину развития русской словесности, начиная с X по XXI век [14, с. 212–214];

- на *межпредметном (межцикловом, искусствovedческом)* уровне рассматривать литературные произведения в контексте художественной культуры, как её неотъемлемую часть, так как именно эти связи имеют первостепенное значение для студента-филолога как будущего учителя словесного *искусства* в школе. Такой учитель «должен обладать большой широтой знаний, во-первых, в том искусстве, которое преподаёт, во-вторых, во всех смежных областях культуры» [15, с. 215–216]. Он тем успешнее решает свои «чисто предметные» задачи, чем полнее ориентируется на общую художественно-эстетическую культуру школьника (включая аудиовизуальную культуру, культуру зрительского (чувство цвета), слушательского (чувство ритма) восприятия) и развивает её.

У специалиста как образованного человека *специальное* и *общее* не разделяются между собой, а взаимодействуют друг с другом, взаимно обогащают друг друга. «Чем выше уровень общего образования, тем благоприятнее предпосылки для овладения специальным образованием, и, наоборот, хорошее специальное образование содействует углублению и развитию общего образования» [16, с. 92–93]. Образованный человек как разносторонне-целостная личность сочетает

в себе, по А. В. Луначарскому, знания общих основ накопленной человечеством культуры с доскональным знанием своего «дела», своей специальности.

Таковы, с нашей точки зрения, ключевые компетенции, которые выделяются в качестве целевых ориентиров теоретической подготовки студентов-филологов.

Дети, подростки и юноши на протяжении всех лет обучения в школе, особенно на таких предметах, как язык (родной и иностранный) и литература, овладевают *коммуникативно-речевыми* – устными и письменными – умениями и навыками. Однако и важнейшим компонентом профессионально-педагогической культуры учителя-словесника, по определению, также является грамотная, логически выстроенная и в то же время образная *речь* – как устная, так и письменная. *Коммуникативные способности* выражают специфические черты профессии учителя, особенно учителя-словесника, являясь одной из главных его конституирующих характеристик. Поэтому на полных правах в состав ключевых компетенций практической направленности должна войти, по нашему мнению, и компетенция, которую мы определяем как *коммуникативно-деятельностную*.

Компетенции, о которых речь шла выше, базируются на мыслительных процессах, которые могут протекать исключительно во *внутренней* речи. Их формирование требует овладения такими интеллектуальными, мыслительными приемами и операциями, как обобщение, анализ и синтез. Но студент-филолог не может быть «немым теоретиком». В процессе учебного и в дальнейшем профессионального труда он должен обладать умениями выражать результаты своего общения с художественными или научно-критическими текстами не только во *внутренней* речи, но и речи *внешней*, в общении со школьниками. В таких речевых продуктах и посредством таких «информационных процедур», как монолог, диалог, учебное сообщение, доклад, лекция и т. д.

Только при этом условии он как посредник между книгой и школой сможет в полной мере реализовать первые две компетенции, т. е. достичь единства *мысли* и *действия* (воздействия на школьника): вызвать интерес школьников к книге посредством акцентирования внимания на всем наиболее актуальном и значимом в ней; «задействовать» не только рациональные, но и эмоционально-образные механизмы психики, используя как понятийные, так и образные возможности языка, «рацио» и «эмоцио».

Образный язык благодаря своей непосредственной убедительности и эмоциональности способствует уяснению понятий, категорий, выступая в качестве дополнительной опоры и конкретизации научных обобщений, а понятийное значение обретает дополнительную яркость и убедительность в наглядном образе. Зависимость здесь обоюдная: чем глубже понимание смысла, значения понятия, тем полнее, глубже и ярче восприятие художественной образности. «Только логическое освоение искусства слова убивает воображение и непосредственность эмоций, вызываемых чтением...» [17, с. 142].

Таким образом, необходимость качественного сдвига в развитии *школьных «умений учиться»* до уровня рассмотренных выше *ключевых компетенций студентов филологического факультета* мотивируется, по крайней мере, тремя детерминирующими факторами.

Во-первых, это *фактор социо-системный*. Основным содержанием процессов в современном социуме «является смещение акцентов в сторону устойчивого развития человеческой цивилизации на базе *развития качества человека*, качества общественного интеллекта и качества образовательных систем в обществе» [3, с. 5–9]. Образовательное пространство в наши дни должно обеспечить «максимально благоприятные условия для продвижения человека *по индивидуальной траектории развития*», способствовать формированию потребности человека в саморазвитии. Формирование готовности и способности учиться отвечает вызовам XXI века, требованиям международных образовательных стандартов, отражает рост конкуренции как между учреждениями высшего образования, так и между потенциальными абитуриентами, соответствует возросшему уровню ресурсного (материально-технического, учебно-методического, информационного, библиотечного) обеспечения университетов, укреплению кадрового потенциала и т. п. Базовые положения национальной политики в области образования связаны с интеграцией науки, культуры и образования, формированием, сохранением и наращиванием интеллектуального потенциала нации, универсальным развитием человеческих возможностей.

Во-вторых, это *фактор целостности личности как биосоциального существа*. Целостная личность формируется в целостном учебно-воспитательном процессе, ориентированном не только на *материальный* аспект образования (овладение знаниями), но и *формальный* эффект, связанный с личностным развитием. Успех обучения, образования, воспитания определяется сбалансированным подходом к ученику или студенту, это значит, задействующим все уровни организации человека –

физические, психические, интеллектуальные – отвечающим принципам как *природосообразности*, так и *культуросообразности*. Такой подход основывается на представлениях о целостной работе головного мозга, на гармоническом взаимодействии правого и левого полушарий (естественнонаучное основание компетентностного подхода). Между тем как недостаток «знаниевого» подхода к обучению состоит в преимущественной направленности его, прежде всего, на стимуляцию левого полушария. В результате чего преподавание литературы в школе нередко подменяется преподаванием «школьного литературоведения»...

В-третьих – это *фактор современной миссии учителя, стратегических целей и задач его деятельности*. В модернизируемой сегодня системе высшего педагогического образования акцент все больше смещается с *предметной специализации* на *профессию* учителя. Начинающие педагоги всё больше ориентируются на формирование у школьников *метасвойств* воспитанности: жизненную позицию человека-деятели, способность к саморазвитию, активность и ответственность [3, с. 165]. Для выполнения этой миссии учитель должен обладать постоянной готовностью и способностью самому учиться на протяжении всей жизни. (Вспомним мысль К. Д. Ушинского о том, что учитель учит до тех пор, пока сам учится, пока открыт новому).

Выводы

Время предъявляет повышенные требования к качеству высшего педагогического образования. Соответствовать этим требованиям будущим преподавателям искусства слова невозможно без овладения ключевыми (базовыми, универсальными) компетенциями. Овладение *историко-функциональной компетенцией* позволит будущему специалисту подходить к процессам и явлениям с актуальной точки зрения, эффективно решать общечеловеческие злободневные проблемы с учетом историко-культурного опыта поколений. *Метасистемная компетенция* обеспечит формирование комплексного подхода в решении перспективных профессионально значимых задач. Овладевая этой компетенцией, студент-филолог учится устанавливать связи между частью и целым, постигать механизмы взаимодействия и взаимозависимости части и целого. Коммуникативные способности – главная конституирующая характеристика будущего педагога. Формирование *коммуникативно-деятельностной* компетенции призвано обеспечить действенность, эффективность, результативность речевой деятельности учителя-предметника, педагога-менеджера, ученого.

На наш взгляд, для того, чтобы будущий учитель-филолог, закончив педагогический вуз, обладал предметно-специализированными умениями и навыками мышления и речи, соответствующие ключевые компетенции у него необходимо целенаправленно формировать уже на этапе ранней профессионализации. Это позволит сместить акценты профессиональной подготовки с *преподавания*, активной академической деятельности профессорско-преподавательского состава, на *обучение*, активную образовательную деятельность самих студентов.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Образовательный стандарт. Высшее образование. Первая ступень. Цикл СГД: РД РБ 02100.5.227-2013. – Введ. 01.09.2013 // Республиканский институт высшей школы [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.nihe.niks.by>. – Дата доступа: 27.06.2018.
2. Макаров, А. В. Проектирование стандартов высшего образования нового поколения: компетентностный подход // Научно-методические инновации в высшей школе / под общ. ред. проф. А. В. Макарова. – Минск : РИВШ, 2008. – С. 11–28.
3. Управление качеством образования: теория и практика / под ред. А. И. Жука, Н. Н. Кошель. – 2-е изд. – Минск : Зорны верасень, 2009. – 560 с.
4. Жук, О. Л. Педагогика. Практикум на основе компетентностного подхода : учеб. пособие / О. Л. Жук, С. Н. Сиренко ; под общ. ред. О. Л. Жук. – Минск : Зорны верасень, 2007. – 192 с.
5. Кошель, Н. Н. Концептуально-теоретические положения проектирования систем управления качеством образования / Н. Н. Кошель, С. Б. Савелова // Управление качеством образования: теория и практика : [сб. ст. / А. Г. Архипенко и др.] ; под ред.: А. И. Жука, Н. Н. Кошель. – 2-е изд. – Минск : Зорны верасень, 2009. – С. 214–246.
6. Байденко, В. И. Компетенции в профессиональном образовании (к освоению компетентностного подхода) / В. И. Байденко // Высшее образование в России. – 2004. – № 11. – С. 17–22.

7. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования / И. А. Зимняя // Высш. образование сегодня. – 2003. – № 5. – С. 34–39.
8. Равен, Дж. Психологическая диагностика компетентности / Дж. Равен. — М. : КОГИТО-ЦЕНТР, 1999. – 442 с.
9. Делор, Ж. Образование: сокрытое сокровище / Ж. Делор // Университетская книга. – 1997. – № 4. – С. 15–20.
10. Сендер, А. Н. Научно-педагогические основы формирования профессиональной направленности студентов / А. Н. Сендер. – Минск : РИВШ, 1998. – 150 с.
11. Анисимов, В. И. Интегративные основы приобщения школьников к художественной культуре : пособие по спецкурсу для студентов-филологов / В. И. Анисимов. – 2-е изд. – Мозырь : Белый ветер, 1996. – 153 с.
12. Методика преподавания литературы в советской школе : хрестоматия / сост. А. Я. Роткович. – М. : Просвещение, 1969. – 375 с.
13. Кедров, Б. М. О марксистской истории естествознания / Б. М. Кедров. – М. : Знание, 1968. – 70 с.
14. Чечко, Т. Н. Ключевые филологические компетенции студентов педагогического университета на начальном этапе изучения русской словесности (синхронный и диахронный аспекты) / Т. Н. Чечко // Текст. Язык. Человек : материалы IV Междунар. науч. конф., Мозырь, 15–16 мая 2007 г. : в 2 ч. / Мозырь. гос. пед. ун-т. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2007. – Ч. 2. – С. 212–214.
15. Неменский, Б. М. Мудрость красоты: О проблемах эстетического воспитания : книга для учителя / Б. М. Неменский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Просвещение, 1987. – 255 с.
16. Луначарский, А. В. О воспитании и образовании / А. В. Луначарский. – М. : Педагогика, 1976. – 510 с.
17. Мирецкая, Н. В. Сопряжение. Комплексная работа по эстетическому воспитанию в школе : кн. для учителя. Из опыта работы / Н. В. Мирецкая. – М. : Просвещение, 1989. – 206 с.

Поступила в редакцию 15.03.2018

E-mail: tatyana.chechko@yandex.ru

T. N. Chechko

KEY COMPETENCES OF A STUDENT-PHILOLOGIST AT THE STAGE OF EARLY PROFESSIONALIZATION

In this article, an attempt is made to determine the optimal and sufficient composition of the key competences of the students-philologists relevant for the formation at the stage of early professionalization by means of literary disciplines.

Keywords: key competences, student-philologist, stage of early professionalization, historical-functional competence, metasystem competence, communicative-activity competence.

УДК 37.013

В. В. Шантарович, Е. Г. КаллаурУчреждение «Республиканский центр олимпийской подготовки по гребным видам спорта»
г. Минск, Республика Беларусь**МЕТОДОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ СИЛОВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК
СПОРТСМЕНОВ-ГРЕБЦОВ НА БАЙДАРКАХ И КАНОЭ**

Изложены основные принципы системы силовой подготовки гребцов на байдарках и каноэ, применяемые в национальной команде Республики Беларусь по гребле на байдарках и каноэ.

Ключевые слова: гребцы на байдарках и каноэ, силовая подготовка, микроцикл, мезоцикл.

Ведение

Силовая подготовка гребца необходима для роста спортивных результатов. Силовая подготовка разделяется на *общую и специальную*. Общая физическая подготовка осуществляется с использованием широкого набора тренировочных средств и упражнений из вспомогательных видов спорта, способствует повышению уровня развития силовых качеств с учетом специфики соревновательной деятельности, является базой для специальной подготовки.

Содержание специальной силовой подготовки гребцов охватывает 4 органически связанных и взаимно дополняющих друг друга компонента:

- *атлетическая подготовка* – выполняется на суше для увеличения максимальной силы и мышечной массы;
- *специальная тренажерная подготовка* – выполняется с использованием силовых тренажеров и специфических упражнений для повышения специальной силовой выносливости;
- *аэробно-силовая тренировка на воде* – обеспечивается специальными упражнениями в гребле для повышения аэробной способности и силовой выносливости ведущих мышечных групп;
- *скоростно-силовая тренировка на воде* – охватывает упражнения в гребле для повышения специфических скоростно-силовых способностей [1].

Постепенное прогрессивное нарастание величины нагрузки, повышение трудности ее выполнения, как в отдельном занятии, так и в системе занятий является основой формирования *силовых характеристик* спортсменов-гребцов на байдарках и каноэ. Динамика повышения нагрузки должна соответствовать динамике анатомических, морфологических и психофизиологических изменений. Величина нагрузки складывается из объема механической работы, выполняемой с разной интенсивностью.

Вследствие этого, повышение нагрузки может быть за счет увеличения объема работы, за счет интенсивности ее выполнения (количество работы в единицу времени) или одновременного изменения первого и второго компонентов.

В процессе развития силовых характеристик гребцов возможно использование нагрузок избирательного (однаправленного) и комплексного характера. Нагрузки избирательного характера предусматривают преимущественное развитие отдельных способностей (силовых, скоростных и др.), а комплексного – обеспечивают последовательное и параллельное совершенствование разных способностей (скоростных возможностей и выносливости).

Соотношение объема и интенсивности нагрузок определяется с учетом характера, направленности и последовательности применения, функционального состояния спортсмена, предыдущей проделанной работы.

Для большинства видов мышечной деятельности в гребле характерен динамический (ауксотонический) режим работы, в котором сочетаются и сокращение, и напряжение. В данном виде работы мышечная сила приводит в движение части человеческого тела [2]. Динамический режим работы характеризуется изменением длины мышц и присущ преимущественно специфическим скоростно-силовым способностям спортсменов. Статический режим характеризуется постоянством длины мышц при напряжении; является главным для развития максимальной мышечной силы.

В зависимости от содержания двигательного действия активность мышц проявляется в следующих режимах:

- преодолевающий – при уменьшении длины мышц (миометрический или изокинетический);
- уступающий – при удлинении мышц (плиометрический);
- удерживающий – без изменения длины мышц (изометрический);
- смешанный – с условием изменения длины и напряжения мышц (ауксотонический).

Собственно силовые способности гребцов проявляются в условиях статического режима и при медленных движениях, например, при удержании предельных отягощений с максимальным напряжением мышц или при перемещении предметов большой массы.

Для оценки степени развития собственно силовых способностей различают абсолютную и относительную силу действий спортсмена-гребца [3]. Абсолютная сила определяется максимальными показателями мышечных напряжений без учета массы тела человека. Относительная сила определяется как отношение величины абсолютной силы к собственной массе тела, т. е. величиной силы, приходящейся на 1 кг массы тела.

У спортсменов-гребцов, имеющих примерно одинаковый уровень тренированности, повышение массы тела ведет к увеличению абсолютной силы, но при этом величина относительной силы снижается [4].

Выделение абсолютной и относительной силы действия имеет большое практическое значение. Результаты исследований позволяют утверждать, что уровень абсолютной силы человека в большей степени обусловлен факторами среды (тренировка, регулярные занятия и др.) [5]. В то же время, показатели относительной силы в большей мере испытывают на себе влияние генотипа [6].

Скоростно-силовые способности проявляются в двигательных действиях, в которых наряду с максимальной силой мышц требуется и значительная быстрота движений (стартовый разгон).

Важной разновидностью скоростно-силовых способностей является взрывная сила. Взрывная сила – это проявление значительной величины силы в максимально короткое время. Основная ее особенность – быстрота развития больших величин силы практически от нуля (например, в гребле на спринтерских дистанциях) [7].

В физическом смысле сила и скорость взаимно обусловлены как причина и следствие. Механически скорость перемещаемого тела зависит только от полного импульса силы. Мышцы, тренируемые к проявлению быстрой силы, дадут низкий эффект там, где требуются значительные, но медленные силовые проявления или выносливость и наоборот [8].

Силовая выносливость как вид силовых способностей проявляется в действиях, требующих продолжительного по времени и относительно высокого по уровню мышечного напряжения. В зависимости от режима работы мышц говорят о статической и динамической силовой выносливости; статическая выносливость связана с удержанием рабочего напряжения в определенной позе, а динамическая выносливость характерна для циклической и ациклической деятельности. Примером статической выносливости может быть длительное удержание штанги на вытянутых руках. В качестве примера динамической силовой выносливости можно представить многочисленные отжимания в упоре лежа или приседания со штангой, вес которой равен 20–50 % максимальных силовых возможностей спортсмена.

Межмышечная координация и сила скелетных мышц зависит от деятельности всех мышечных групп: сила мышцы растет при одновременном расслаблении ее антагониста, она уменьшается при одновременном сокращении других мышц и увеличивается при фиксации туловища или отдельных суставов мышцами-антагонистами. Например, при подъеме штанги возникает явление натуживания (выдох при закрытой голосовой щели), приводящее к фиксации мышцами туловища спортсмена и создающее прочную основу для преодоления поднимаемого веса.

Психофизиологические механизмы увеличения мышечной силы связаны с изменениями функционального состояния (бодрости, сонливости, утомления), влияниями мотиваций и эмоций, усиливающих симпатические и гормональные воздействия со стороны гипофиза, надпочечников и половых желез, биоритмов.

Результаты исследования и их обсуждение

Исследовательская деятельность осуществлялась в Мозырской школе профсоюзов по гребле при проведении учебно-тренировочного сбора по совершенствованию силовой подготовки спортсменов национальной команды Республики Беларусь по гребле на байдарках и каноэ в июле 2018 года. В исследовании в составе экспериментальной группы участвовали 23 спортсмена-гребца,

квалификации заслуженный мастер спорта (3 человека) и мастер спорта международного класса (20 человек), мужчины и женщины, средний возраст $26,12 \pm 3,62$ лет. В качестве контрольной группы выступали студенты факультета физической культуры УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина». Состав групп соответствовал по возрасту и полу.

В эксперименте, проведенном в течение десяти дней на двух группах высококвалифицированных гребцов и студентов-гребцов, специализирующихся в гребле на байдарках и каноэ, участники выполняли двигательные действия силового характера в темпе 38–40 движений/мин на тренажерных устройствах Dansprint и в естественных условиях при концентрации лактата крови, соответствующей уровню анаэробного порога (АнП). В группе высококвалифицированных спортсменов-гребцов заметно увеличилась мощность выполнения работы на уровне порога анаэробного обмена (прирост составил 15,2 %; $p < 0,01$) и специальная работоспособность (на 9,1 %; $p < 0,01$) при неизменном уровне максимального потребления кислорода (МПК). Вторая группа использовала греблю в темпе 36–38 гребков/мин на тренажерных устройствах Dansprint; уровень интенсивности, которой незначительно превысил мощность на уровне АнП. Спортсмены этой группы не добились достоверного прироста специальной работоспособности при выполнении трехминутного теста в работе до предела.

Методике тренировок по совершенствованию силовой подготовленности спортсменов национальной команды присущи определенные закономерности. В основу построения годовичного тренировочного цикла по развитию силовых способностей спортсменов положены определенные правила, отражающие существенные характеристики процесса спортивной тренировки.

В настоящее время при составлении тренировочных программ подготовки команды Республики Беларусь по гребле на байдарках и каноэ в их содержание включаются следующие основные средства: специальная подготовка (гребля в различных зонах интенсивности); общая физическая подготовка (легкоатлетический бег (км), тренажерная подготовка, атлетическая подготовка, спортивные игры, общеразвивающие упражнения).

При планировании годовичного цикла подготовки спортсменов наиболее эффективной формой остается комплексная форма подготовки, предусматривающая одновременное (в рамках одного тренировочного занятия или микроцикла) и параллельное (на протяжении макроциклов) решение целого ряда тренировочных задач.

Общие принципы построения специальной силовой подготовки имеют свои специфические особенности:

- *специализированность*. Предполагается преимущественное воздействие в рамках мезоцикла либо на максимальную мышечную силу, либо на силовую выносливость, либо на скоростно-силовые способности. Теория и практика спорта показывают, что комплексная параллельная тренировка всех этих способностей возможна лишь при подготовке менее квалифицированных спортсменов;

- *концентрация нагрузки*. Предполагает сосредоточение значительных объемов силовых упражнений в специализированном мезоцикле. Подобная концентрация обеспечивается включением в недельный макроцикл не менее 2–3 целенаправленных занятий, а также нескольких подкрепляющих тренировочных заданий в другие занятия. Особенно это важно для подготовки гребцов высокого класса.

Следует отметить, что концентрация нагрузки определенной направленности предъявляет повышенные требования к организации тренировки, ее оснащения тренажерами и современным оборудованием, средствами контроля.

Последовательность включения мезоциклов различной направленности в годовой план подготовки обуславливается характером морфологических и функциональных перестроек, происходящих под влиянием тренировок:

- тренировка на максимальную мышечную силу увеличивает массу быстро сокращающихся и медленно сокращающихся мышечных волокон;

- параллельно осуществляемая аэробная программа повышает окислительный потенциал скелетной мускулатуры;

- тренировка на силовую выносливость в естественных условиях гребли адаптирует увеличившиеся в объеме и массе мышцы к специфической работе, утилизирует силовые способности гребца в динамических акцентах техники, способствует дальнейшему увеличению аэробных возможностей;

- тренировка скоростно-силовой направленности (как правило, предшествует участию в соревнованиях) позволяет, сохранив фон силовой выносливости, создать запас скорости и мощности гребли.

Продолжительность проработки определенного вида силовых способностей обуславливается протеканием обменных процессов в мышцах, их рабочей гипертрофией, активизацией ферментативных систем и т. д.

В подготовительном периоде более уместна увеличенная длительность мезоцикла – 4–5 недель; в соревновательном периоде продолжительность мезоцикла укорачивается (отчасти из-за плотного календаря соревнований) и составляет 2–3 недели.

Рекомендуется комплексирование силовых нагрузок с органически дополняющими их специфическими нагрузками в гребле следующим образом:

- упражнения на максимальную мышечную силу обязательно комплексуются с тренировкой аэробной направленности – длительной греблей во 2-ой зоне, аэробно-силовыми греблями; в этом случае увеличивается не только мышечная масса, но и ее аэробный окислительный потенциал;

- тренировки на силовую выносливость на тренажерах должны дополняться аэробно-силовой тренировкой на воде и упражнениями по развитию специальной выносливости, что обеспечивает массивное сочетание воздействия на силовую и специальную выносливость;

- скоростно-силовая тренировка на воде дополняется отработкой индивидуальной тактической модели, тренировкой на скоростную выносливость.

В построении годового цикла тренировки предусматривается периодичность и сменность преимущественной направленности тренировки. Эта сменность обеспечивается за счет чередования трех типов мезоциклов, направленных на выполнение силовой подготовки на воде – аэробно-силовая тренировка (АС), формирование силовой выносливости (СВ) и мезоциклы скоростно-силовой направленности (ССН). Эти три мезоцикла объединяются в этап подготовки.

Этапы, в свою очередь, образуют два периода – подготовительный и соревновательный. Последний этап годового цикла, предшествующий главным соревнованиям сезона, так же как и все предыдущие включает три мезоцикла.

Разумеется, содержание силовой тренировки, как и упражнений в гребле, различается в зависимости от близости главных соревнований. По мере их приближения силовая тренировка становится все более специализированной.

Планирование тренировки по этапам и мезоциклам обеспечивает следующие преимущества и позволяет:

- отказаться от одновременной длительной проработки силовых качеств, добиваясь большей концентрации тренирующего воздействия и его направленности на меньшее количество качеств;

- улучшить контроль эффективности, фиксируя сдвиги именно тех качеств, на которые оказывается преимущественное воздействие;

- использовать такую длительность мезоциклов, при которой реализуются самые высокие темпы прироста силовых качеств и успевают произойти координационные и морфологические изменения;

- предотвратить снижение силовых качеств накануне главных соревнований, что, как правило, происходит при обычном построении тренировки;

- сделать тренировку более привлекательной и эмоционально насыщенной за счет более частой смены ее направленности и содержания упражнений.

Выводы

1. Направленное развитие силовых способностей происходит лишь тогда, когда осуществляются максимальные мышечные напряжения. Основная задача в методике силовой подготовки гребцов состоит в том, чтобы обеспечить в процессе выполнения упражнений достаточно высокую степень мышечных напряжений.

2. Последовательность включения мезоциклов различной направленности развития силовых способностей гребцов обуславливается характером морфологических и функциональных перестроек, происходящих под влиянием тренировок.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Матвеев, Л. П. Общая теория спорта и ее прикладные аспекты : учебник для вузов физической культуры / Л. П. Матвеев. – М. : Советский спорт, 2010. – 340 с.
2. Очерки по теории и методике гребли на байдарках и каноэ [Текст] / сост.: С. В. Верлин [и др.]. – Воронеж : Центральночерноземное книжное издательство, 2007. – 173 с.
3. Bangsbo, J. Accumulated O₂ deficit during intense exercise and muscle characteristics of elite athletes / J. Bangsbo, L. Michalsik, A. Petersen // International Journal of Sports Medicine. – 1993. – Vol. 4. – P. 207–213.
4. Платонов, В. Н. Периодизация спортивной тренировки: общая теория и ее практическое применение / В. Н. Платонов. – Киев : Олимпийская литература, 2013. – 623 с.
5. Самуйленко, В. Е. Нормирование тренировочных нагрузок квалифицированных гребцов на байдарках и каноэ / В. Е. Самуйленко // Міжнародний науковий конгрес «Олімпійський спорт і спорт для всіх». – Киев, 2010. – С. 119.
6. Выявление генетических факторов, детерминирующих индивидуальные различия в приросте мышечной силы и массы в ответ на силовые упражнения / И. И. Ахметов [и др.] // Медико-биологические технологии повышения работоспособности в условиях напряженных физических нагрузок : сб. статей. – М., 2007. – Вып. 3. – С. 13–21.
7. Collins, M. Genetic risk factors for musculoskeletal soft tissue injuries / M. Collins, S. M. Raleigh // Med. Sport Sci. – 2009. – Vol. 54. – P. 136–149.
8. Комплексная оценка спортивного потенциала сильнейших гребцов на байдарках и каноэ республики Беларусь / В. Ю. Давыдов [и др.] // Теория и практика физической культуры. – 2015. – № 3. – С. 94–99.

Поступила в редакцию 07.06.2018

E-mail: kallaure@rambler.ru

V. V. Shantarovich, E. G. Kallaur

THE METHODOLOGY FOR THE DEVELOPMENT OF POWER CHARACTERISTICS
OF ATHLETES IN KAYAKING AND CANOEING

The basic principles of the system of power training of rowers on kayaks and canoes, used in the national team of the Republic of Belarus in Kayaking and Canoeing.

Keywords: Kayaking and Canoeing, power training, the microcycle, the mesocycle.

УДК 378.14

Л. М. Щур

Магистр педагогических наук, исследователь в области педагогических наук, преподаватель кафедры специальной педагогики и методик дошкольного и начального образования, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕТОДИКИ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена проверке эффективности разработанной методики подготовки студентов педагогических специальностей к осуществлению личностно-ориентированной образовательной деятельности. Анализируются мотивы выбора профессии, самооценка профессиональных качеств, построение ценностного профиля.

Ключевые слова: личностно-ориентированная образовательная деятельность, подготовка студентов, ценностный профиль.

Введение

Усиление гуманистической составляющей современной образовательной парадигмы требует качественной подготовки будущих педагогических кадров, способных к реализации основной функции образования – организации единого пространства познания и личностного развития обучающихся. В системе современного высшего педагогического образования актуализируется потребность в совершенствовании его содержания, форм и методов, в поиске новых технологий университетской подготовки, которые позволили бы формировать личность будущего педагога с высоким уровнем духовно-нравственной, профессиональной культуры и готовностью к организации личностно-ориентированных образовательных отношений.

Анализ значимо необходимых условий для воплощения молодыми педагогами, вчерашними выпускниками, идей личностно-ориентированного образования позволяет нам констатировать, что наиболее востребованным является формирование у них еще в стенах учебного заведения готовности к реализации личностно-ориентированного подхода к обучающимся в будущей самостоятельной педагогической деятельности.

Вместе с тем анализ педагогической практики обнаруживает серьезные недостатки в освоении педагогами личностно-ориентированного подхода в педагогической деятельности, связанные с деформацией, а иногда и стагнацией отдельных компонентов и даже деятельности в целом, с неосознанностью или потерей ее ценностно-смысловых ориентиров, направленностью на формальные результаты деятельности, с нежеланием отказаться от сложившихся устаревших стереотипов. Важно, чтобы будущий педагог оказался готовым к осознанию меры гуманистической ценности результатов своей деятельности, освоению способов профессионального бытия в границах гуманитарной парадигмы [1], [2].

Результаты исследования и их обсуждение

Отечественная педагогическая наука последних десятилетий характеризуется активным поиском и внедрением инновационных идей обучения и воспитания. Необходимость обеспечения личностного развития и индивидуальной творческой самореализации ученика как субъекта продуктивной образовательной деятельности вызывает обращенность к концепциям личностно-ориентированного образования.

Личностно-ориентированное образование А. В. Хуторской определяет как развитие и саморазвитие личности ученика, исходя из его индивидуальных особенностей как субъекта познания и предметной деятельности. Такое образование предусматривает индивидуальную образовательную траекторию – персональный путь реализации личностного потенциала каждого ученика [1].

В соответствии с Кодексом об образовании образовательная деятельность определяется нами как деятельность по обучению и воспитанию, осуществляемая педагогами в учреждениях образования и представляется как совокупность последовательных действий, предпринимаемых педагогическими работниками для достижения результатов, предусмотренных социальными целями образования.

Исходя из этого, характерными чертами личностно-ориентированной образовательной деятельности учителя являются гуманистическая направленность, отношение к ученику как к носителю субъектного опыта, требующего окультуривания и обогащения, развитие духовных и интеллектуальных качеств обучаемого на основе осуществления личностно-ориентированного подхода.

Личность формируется во взаимодействии с окружающим миром, системой общественных и человеческих отношений, культурой. Следовательно, задачей педагога становится организация взаимодействия индивида с другими субъектами образовательного процесса, оказание ему помощи в осознании себя личностью, выявлении и раскрытии его возможностей.

Взаимодействие учителя и ученика является центральной проблемой личностно-ориентированной педагогики. Для выстраивания эффективной системы отношений в квартете *педагог – ученик – общие фундаментальные образовательные объекты – субъективные образы фундаментальных образовательных объектов* в рамках личностно-ориентированной образовательной парадигмы, мы можем говорить о необходимости наличия у педагога, реализующего личностно-ориентированный подход в образовательной деятельности, определенного типа готовности – гуманистической готовности.

Мы определяем гуманистическую готовность как мировоззренческую и нравственную ориентацию, воплощаемую в системе характеристик личности будущего педагога и обеспечивающую антропологический базис для адекватного выбора и реализации личностно-ориентированного подхода в образовании [3], [4].

Нами разработана теоретическая модель готовности студентов педагогических специальностей к профессиональной деятельности, реализующей личностно-ориентированный подход, определены методолого-аксиологические основания формирования у будущих педагогов гуманистической готовности к осуществлению личностно-ориентированной образовательной деятельности, разработана методика подготовки студентов, создано научно-методическое обеспечение формирования гуманистической готовности студентов к реализации личностно-ориентированного подхода.

Практическая реализация разработанной методики осуществлялась в рамках учебной дисциплины «Личностно-ориентированный подход в образовательной деятельности». Основными задачами внедренной в образовательный процесс дисциплины являются: содействие осознанию студентами собственного модуса бытия в социуме, создание условий для самоопределения студентов в отношении гуманистической парадигмы образования. Данная учебная дисциплина призвана реализовывать стохастическую технологию подготовки, в рамках которой главной задачей преподавателя является не прямая передача готовых знаний (мнений, убеждений), а организация условий для осуществления участниками педагогического процесса осознанного самостоятельного выбора, то есть самоопределения.

Логическим продолжением результатов исследования, полученных на этапах теоретико-аналитическом, теоретического моделирования и концептуализации, является этап экспериментальной апробации. Проверка эффективности разработанной методики подготовки будущих педагогов к реализации в практической деятельности личностно-ориентированного подхода проводилась по итогам специально организованного научного эксперимента.

При построении экспериментальной базы данного исследования использовался так называемый выборочный метод. Качество результатов выборочного наблюдения зависит от того, насколько выборка репрезентативна (представительна). В нашем случае в качестве генеральной совокупности выступают студенты УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина» (факультет дошкольного и начального образования, специальность «Начальное образование»).

Для обеспечения репрезентативности выборки необходимо соблюдение принципа случайности отбора единиц. Принцип случайности предполагает, что на включение или исключение объекта из выборки не может повлиять какой-либо иной фактор, кроме случая. В данном исследовании мы используем серийный отбор: из генеральной совокупности отбираются не отдельные единицы, а целые серии, группы, а затем в каждой попавшей в выборку серии обследуются все без исключения единицы.

Основным методом, который был использован при построении педагогического исследования, являлся параллельный эксперимент.

В нашем случае в качестве экспериментального фактора выступает разработанная методика подготовки студентов педагогических специальностей к осуществлению личностно-ориентированной образовательной деятельности.

Для расчета объема выборки в тех случаях, когда известен размер генеральной совокупности, можно использовать формулу:

$$n = \frac{N \cdot t^2 \cdot p \cdot q}{N \cdot \nabla^2 + t \cdot p \cdot q},$$

где n – объем выборочной совокупности;

N – размер генеральной совокупности;

p, q – выборочные доли (например, мужчины и женщины). Их значение для надежности можно взять равным по 0,5, так как при этом их произведение максимально ($p + q = 1$);

∇ – допустимая погрешность или ошибка выборки, обычно 5 % или 0,05. При этом $t = 1,96$ (табличный коэффициент).

Выборочная совокупность представленного исследования равна 74, что вполне соответствует объему генеральной совокупности.

В целях проверки влияния педагогической методики подготовки студентов к осуществлению лично-ориентированной образовательной деятельности создана экспериментальная база, состоящая из двух однородных по социально-демографическим характеристикам групп. Следует отметить, что выбранные контрольные и экспериментальные группы исследовались с использованием одного и того же комплекса диагностических материалов.

Выделенные контрольные и экспериментальные группы схожи по основным социально-демографическим показателям (пол, возраст), что свидетельствует о правильности и корректности проводимого эксперимента и высоком качестве полученных результатов. Так, в структуре как контрольных, так и экспериментальных групп по гендерному основанию около 98 % составляют женщины. Средний возраст в контрольных и экспериментальных группах составляет 18–19 лет.

Таким образом, эксперимент построен правильно, отсутствуют случайные факторы влияния на экспериментальную ситуацию. Данный факт свидетельствует о том, что именно педагогическая методика повлияла на изменения в экспериментальных группах (в случае их наличия).

В качестве основного метода исследования выступал анкетный опрос, особенностью которого является то, что респондент самостоятельно работает с анкетой: понимает вопрос, обдумывает и самостоятельно регистрирует ответ. Преимуществом данного метода является то, что респондент свободен в выборе варианта ответа на вопрос, в выражении своего мнения. Влияние же исследователя на ход и результат анкетного опроса сведено к минимуму. К тому же сама процедура анкетного опроса обеспечивает полную анонимность, конфиденциальность информации и полное отсутствие коммуникативного, психологического барьера между анкетером и респондентом.

Инструментарием при проведении анкетного опроса является анкета – совокупность структурированных определенных образом вопросов, логически связанных между собой, а также с задачами и целями исследования, направленных на выявление количественно-качественных характеристик объекта и предмета анализа. Разработанная в данном исследовании анкета для контрольных и экспериментальных групп состояла из следующих показателей:

- мотивы выбора профессии педагога;
- наличие (по субъективной самооценке) у респондентов качеств, необходимых педагогу;
- качества, присущие семье будущего педагога;
- наличие в окружении «настоящего Учителя»;
- оценка возможности для себя стать «настоящим Учителем»;
- отношение к фильмам, затрагивающим педагогические проблемы;
- оценка отношений с педагогами в школе;
- место, которое в жизни респондента занимает чтение;
- отношение к выбору педагогической профессии (наличие гордости).

Сравним результаты по обозначенным показателям в контрольных группах, где новая педагогическая методика подготовки студентов педагогических специальностей к осуществлению лично-ориентированной образовательной деятельности не применялась, и в экспериментальных, где технология была применена.

Для определения статистической значимости различий между двумя множествами данных нами использовался непараметрический статистический критерий Манна-Уитни. Для расчета коэффициента Манна-Уитни производится объединение двух сравниваемых выборок (контрольная и экспериментальная группа), ранжирование всех полученных результатов по величине общего

показателя оценки (меньшему значению присваивается меньший ранг). Для каждой выборки рассчитывается коэффициент Манна-Уитни:

$$U_1 = (n_1 \cdot n_2) + \frac{n_1 \cdot (n_1 + 1)}{2} - T_1$$

$$U_2 = (n_1 \cdot n_2) + \frac{n_2 \cdot (n_2 + 1)}{2} - T_2$$

где n_1 – объем выборки контрольной группы;

n_2 – объем выборки экспериментальной группы;

T_1, T_2 – сумма рангов, полученных по соответствующей выборке.

Из двух полученных коэффициентов U_1 и U_2 выбирается наименьший, который сравнивается с табличным критическим значением для выборок изучаемого объема. Критический коэффициент значимости для критерия принимается равным 0,05 (вероятность ошибки составляет 5 %). Если полученное эмпирическое значение критерия меньше критического, можно считать наблюдаемые различия между исследуемыми выборками статистически достоверными. В данном исследовании мы измеряем сам коэффициент Манна-Уитни и значение 2-сторонней асимптотической значимости (р). Если р меньше 0,05 – различия до и после эксперимента статистически значимы.

Мотивация выбора профессии статистически значимо не различается в контрольных и экспериментальных группах. Половина респондентов выбрали педагогический университет по личному убеждению. Однако второе и третье ранговое место в системе мотивации занимают советы родителей, других родственников и территориальная близость университета (таблица 1).

Таблица 1. – Результаты ответов респондентов на вопрос о мотивах выбора профессии педагога, %

Варианты ответов	Контрольные группы	Экспериментальные группы
Личное убеждение	48,8	50,0
Родители, другие родные	20,0	18,9
Территориальная близость педагогического университета	15,0	13,5
Педагоги школы, где учились	5,0	5,4
Низкий проходной балл в педагогические университеты	3,2	2,7
Книга	2,0	1,4
Другое	6,0	8,1
Итого	100,0	100,0

Относительно качеств, необходимых педагогу, следует отметить, что представители контрольных групп затруднились ответить на данный открытый вопрос – количество затруднившихся в значительной степени выше в контрольных группах (42 %) по сравнению с экспериментальными (17 %). Представители экспериментальных групп проявили большую информированность и убежденность в наличии у представителей педагогических профессий гуманистических качеств.

Для математической обработки так называемых открытых вопросов (респондент самостоятельно вписывает свой вариант ответа) использовался контент-анализ, который представляет собой метод качественно-количественного анализа содержания документов с целью выявления или измерения различных фактов и тенденций, отраженных в этих документах, в нашем случае в анкетах. Проведенный контент-анализ позволил зафиксировать следующие качества, которые, по мнению испытуемых, необходимы педагогу: активность; внимательность; грамотность; гуманность; доброта; дружелюбие; душевность; инициативность; интерес к работе; коммуникабельность; компетентность; креативность; любовь к детям; любознательность; нравственность; организованность; ответственность; отзывчивость; подвижность; профессионализм; смелость; собранность; сообразительность; стрессоустойчивость; тактичность; терпеливость; трудолюбие, уверенность и др.

По результатам проведенного эксперимента не зафиксировано статистически значимых различий относительно качеств, присущих семьям респондентов. Это естественно, поскольку формирование личности будущего педагога в семье происходило значительно ранее проводимого педагогического эксперимента.

На выбор учащимся профессии педагога в значительной степени оказывает влияние учитель в школе. В этой связи целесообразно было в рамках проведенного исследования выяснить, встретился ли респондентам «настоящий Учитель» за время учебы в школе. По результатам проведенного исследования подавляющее большинство (около 90 %) опрошенных и в контрольных, и в экспериментальных группах на данный вопрос ответили положительно.

Выявлено, что как в контрольных, так и в экспериментальных группах отношения с учителями в школе складывались в целом бесконфликтные (так ответили 55,4 % от всех опрошенных). В случае возникновения какого-либо конфликта с педагогами причиной выступал не внешний вид, успеваемость и др., а личная неприязнь (20,3 % отметили именно эту причину).

Статистически значимые различия между контрольными и экспериментальными группами зафиксированы относительно уверенности студентов в том, что они сами могут стать «настоящими Учителями». Так, представители экспериментальных групп проявляют большую уверенность, что они смогут качественно выполнять свои профессиональные обязанности в будущем (рисунок 1).

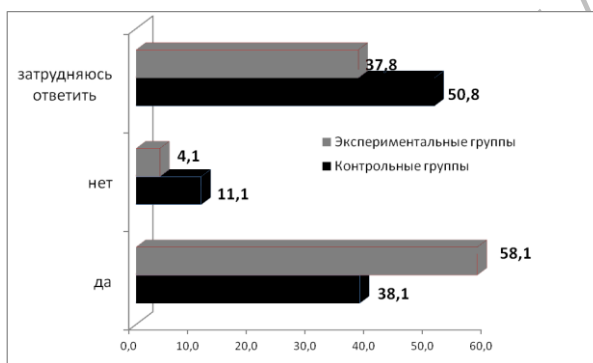

Рисунок 1. – Результаты исследования уверенности респондентов в возможности стать «настоящим Учителем», %

Для определения тесноты и направленности статистической связи используем коэффициент корреляции Пирсона. Данный индекс находится в интервале от $-1,0$ до $1,0$ включительно и отражает степень линейной зависимости между двумя множествами данных.

$$r = \frac{n(\sum XY) - (\sum X)(\sum Y)}{\sqrt{[n\sum X^2 - (\sum X)^2][n\sum Y^2 - (\sum Y)^2]}}$$

Для расчета коэффициента корреляции Пирсона необходимо наличие двух множеств данных (X и Y). В нашем случае – это результаты в контрольных (X) и экспериментальных (Y) группах. При интерпретации данного индекса необходимо учитывать, что чем ближе он приближается к 1, тем сильнее связь между признаками и наоборот. Положительное значение (знак «+») означает положительно направленную корреляцию, знак «-» – отрицательную.

Расчеты коэффициента корреляции Пирсона показывают, что по степени уверенности стать настоящим педагогом он равен $0,78$, то есть зафиксирована положительно направленная сильная корреляция. Иными словами, мы можем утверждать, что именно используемая авторская педагогическая методика подготовки к осуществлению личностно-ориентированной образовательной деятельности в экспериментальных группах повлияла на достаточно уверенную позицию студентов в отношении себя как представителя гуманистической профессии.

Согласно методологическим основам данного исследования, уровень подготовки будущего педагога не ограничивается только лишь профессиональными знаниями и навыками, а включает также культурные ориентиры и предпочтения. В этой связи в качестве индикаторов в разработанный

инструментарий были включены вопросы, связанные с предпочитаемыми фильмами, затрагивающими педагогическую тематику, и книгами, интересующими респондентов.

По результатам обнаружено, что в экспериментальных группах после прохождения разработанной нами учебной дисциплины «Личностно-ориентированный подход в образовательной деятельности (моя профессия – мой выбор)» значительно повысился интерес к фильмам педагогической тематики (рисунок 2).

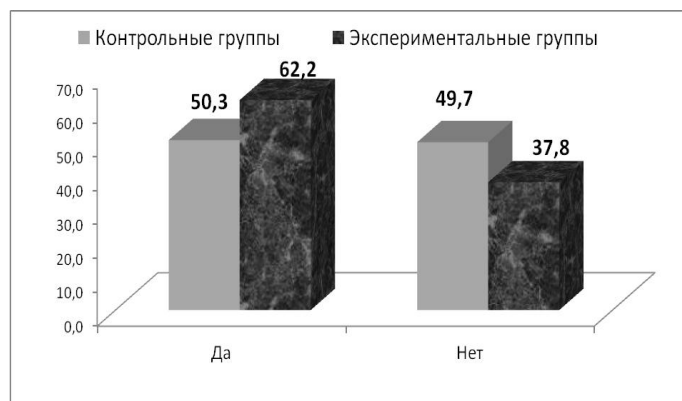

Рисунок 2. – Результаты исследования проявления студентами интереса к фильмам, затрагивающим педагогические проблемы, %

Рассчитанный коэффициент корреляции Пирсона равен 0,62, что свидетельствует о положительной, достаточно выраженной корреляции. Таким образом, разработанная авторская педагогическая методика подготовки студентов педагогических специальностей к осуществлению личностно-ориентированной образовательной деятельности существенно повлияла на интерес представителей экспериментальных групп к фильмам, затрагивающим педагогическую тематику.

Статистически значимые различия в контрольных и экспериментальных группах зафиксированы относительно отношения респондентов к выбору педагогической профессии (коэффициент корреляции Пирсона равен 0,82).

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что представители и экспериментальных, и контрольных групп открыто гордятся выбранной профессией. Однако у респондентов экспериментальных групп данная особенность выражена в большей степени (рисунок 3).

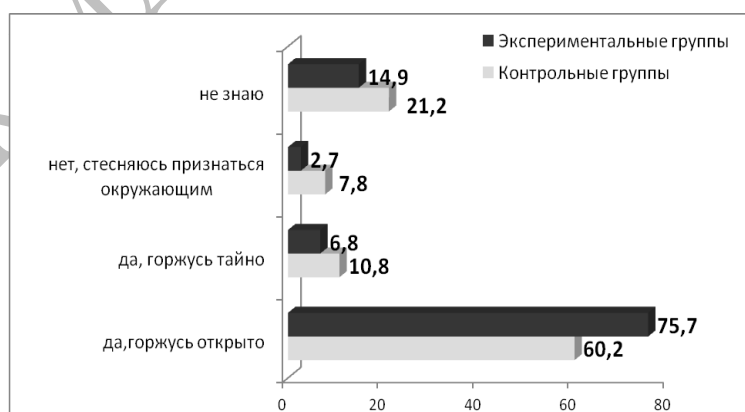

Рисунок 3. – Распределение ответов респондентов на вопрос «Гордитесь ли Вы выбором педагогической профессии?», %

Для более подробного изучения ценностного профиля представителей экспериментальных групп, респондентам предлагалось оценить значимость предложенных ценностных суждений для профессии педагога по 5-балльной шкале, где 5 – очень важна, 1 – совсем не важна.

В результате выстроена следующая ценностная иерархия (таблица 2).

Таблица 2. – Ценностный профиль профессии педагога

Ценностные суждения	Средний балл
Научить детей учиться	4,69
Передать детям лучшее, что есть во мне	4,43
Научить каждого ребенка самоуважению	4,40
Вместе с учащимися учиться и развиваться	4,27
Стать лучше для моих учеников	4,24
Научить детей и взрослых понимать друг друга	4,17
Гордиться своим делом и деяниями	4,09
Любить и заботиться	4,07
Нести истину, доброту и красоту	4,06
Развивать способности лучших учеников	4,00
Раскрыть себя, свой личностный потенциал	3,89
Укреплять престиж профессии	3,83
Отдать себя детям	3,81
Иметь стимул к самообразованию	3,81
Реализовать свою мечту	3,77
Заслужить уважения начальства	3,73
Приблизиться к своему идеалу учителя	3,67
Сделать мир лучше	3,67
Быть уважаемым педагогом	3,66
Вести по жизни	3,64
Служить делу	3,63
Добиться самых высоких показателей по успеваемости	3,63
Быть любимым учителем	3,60
Иметь возможность постоянно учиться	3,53
Грамотно и в срок выполнять учебный план и программу	3,50
Быть не хуже других	3,50
Учить одаренных учащихся	3,49
Содействовать развитию своей страны	3,47
Стать лучшим учителем в школе	3,41
Содействовать укреплению дисциплины	3,40
Стать наставником для начинающих педагогов	3,23
Поднять свою самооценку	3,17
Поделиться своим внутренним миром	3,17
Оправдать время и усилия, потраченные на учебу в вузе	3,01
Быть учителем, руководить	2,97
Обладать авторитетом выше родительского	2,57

Полученные результаты свидетельствуют о том, что главное предназначение педагога (по мнению опрошенных) заключается в следующем: научить детей учиться; передать детям лучшее, что есть в педагоге; научить каждого ребенка самоуважению.

В качестве дополнительного метода исследования использовалось эссе, которое респонденты экспериментальных групп в неформализованном виде готовили по следующим темам:

1. «Мое педагогическое кредо»;
2. «Мой педагогический идеал»;
3. «Что я ожидаю от университета»;
4. «Чего я хочу достичь сам».

Полученные тексты проанализированы при помощи метода контент-анализа, применяемого для анализа содержания текстов различного характера. Для каждой из перечисленных тем разработана категориальная модель предмета анализа, содержащая определенное количество категорий, отражающих признаки объекта исследования, а также сформирована система единиц

анализа, которые конструировались отбором сходных по смыслу элементов содержания ответов респондентов. В проведенном контент-анализе использовался такой тип количественных мер, как единицы частоты, отражающие единичное присутствие элемента содержания текста в записях, сделанных респондентами.

Как показывают результаты исследования, большинство опрошенных склоняются к следующему: с одной стороны, педагог готовит своих воспитанников к определенной социальной ситуации, к конкретным запросам общества, но с другой стороны, он, объективно оставаясь хранителем и проводником культуры, несет в себе вневременной фактор, имея в качестве цели развитие личности как синтеза всех богатств человеческой культуры.

Выводы

Таким образом, педагогическое исследование показало, что применение в образовательном процессе разработанной автором методики подготовки будущих педагогов к осуществлению личностно-ориентированной образовательной деятельности содействует самоопределению студентов в отношении гуманистической парадигмы образования. Представители экспериментальных групп проявили высокий уровень готовности стать стимулом для развития своих будущих воспитанников, быть им помощником в освоении мира и в самоизменении. Участники эксперимента понимают образование не как систему воспроизводимости, а как платформу становления ценностного и ответственного отношения человека к собственной жизни.

Проведенные диагностические процедуры свидетельствуют о том, что студенты экспериментальных групп осознают себя не столько «проводниками» в мир знаний для своих будущих учеников, сколько организаторами условий для развития и личностного роста всех участников образовательного процесса.

В ценностном профиле будущего педагога, составленного участниками эксперимента, преобладают суждения о том, что педагог может и должен развиваться вместе со своими учениками, а образовательная деятельность понимается как окультуривание субъектного опыта обучающегося и развитие его субъективных возможностей.

Отмеченные итоги эксперимента позволяют сделать вывод о том, что разработанная автором педагогическая методика повлияла на формирование гуманистической направленности личности студентов и готовности к осуществлению личностно-ориентированной образовательной деятельности.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Хуторской, А. В. Методика личностно-ориентированного обучения. Как обучать всех по-разному? / А. В. Хуторской. – М. : ВЛАДОС- ПРЕСС, 2005. – 383 с.
2. Якиманская, И. С. Технология личностно-ориентированного обучения в современной школе / И. С. Якиманская. – М. : Сентябрь, 2000. – 176 с.
3. Щур, Л. М. Учебно-методическое обеспечение подготовки будущих учителей первой ступени общего среднего образования к реализации личностно-ориентированного подхода / Л. М. Щур // Дошкольное и начальное образование : сб. науч. ст. / УО МГПУ им. И. П. Шамякина ; редкол.: Б. А. Крук [и др.]. – Мозырь, 2017. – С. 90–97.
4. Щур, Л. М. Формирование готовности будущих педагогов к реализации личностно-ориентированного подхода / Л. М. Щур // Вестник МГИРО. – 2014. – № 2 (17). – С. 27–31.

Поступила в редакцию 29.06.2018

E-mail: lyubov.shur@mail.ru

Liubov Shchur

THE ASSESSMENT OF THE EFFECTIVENESS OF THE METHODS FOR PREPARING STUDENTS OF PEDAGOGICAL SPECIALTIES FOR THE IMPLEMENTATION OF PERSONAL-ORIENTED EDUCATIONAL ACTIVITIES

The article is devoted to examination of the effectiveness of the developed methodology for preparing students of pedagogical specialties for the implementation of personal-oriented educational activities. The motives for choosing a profession, self-evaluation of professional qualities, and the construction of the foundation of values are analyzed.

Keywords: personal-oriented educational activities, training of students, value sector.

ФІЛАЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

УДК [(811.161.1+811.581.11):42] (045)

Цин Ван

Соискатель кафедры прикладной лингвистики,
Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь
Научный руководитель: Баркович Александр Аркадьевич, доктор филологических наук, доцент

**ЧАСТЕРЕЧНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТА ХУДОЖЕСТВЕННОГО
СТИЛЯ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА КИТАЙСКИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»)**

Статья посвящена проблематике частеречной трансформации при переводе текстов художественного стиля с русского на китайский язык. Выявлены особенности перевода конструкции существительное + существительное в родительном падеже без предлога с русского языка на китайский на материале романа Ф. М. Достоевского «Идиот» в контексте возможностей лингвистических корпусов. Результаты проведенного исследования позволили убедительно подтвердить значимость лингвистического описания частеречной трансформации как важного ресурса переводческой методологии.

Ключевые слова: частеречная система языка, трансформационная модель, корпус текстов, эквивалентность, лингвистическая категория, художественный стиль, переводческий прием.

Введение

По мере интенсификации контактов между представителями русскоязычной и китайскоязычной культур переводческая практика играет все более важную роль в развитии как русской, так и китайской культур. Перевод – результат сложной умственной деятельности, которая обусловлена влиянием как интра-, так и экстралингвистических факторов. Новые возможности в лингвистике, учитывающие экстралингвистическую специфику, сегодня в значительной мере связаны с развитием компьютерно-опосредованной коммуникации и, в частности, с достижениями корпусной лингвистики: «Корпусное сравнение речевых образцов имеет важное значение для развития прикладной традиции исследования языка, обогащая теорию и методiku лингвистики» [1, с. 111–112]. Сопоставление грамматических особенностей двух языков на материале корпусных данных является востребованной тенденцией в современной лингвистике и соответствующие процедуры позволяют системно анализировать речевую функциональность исследуемых единиц и моделей.

Грамматическая специфичность русского и китайского языков

Учение о частях речи в русской грамматической науке было создано на фундаменте античных грамматик. Однако, будучи интегрировано в науку о русском языке, оно в течении длительного времени развивалось на базе уже русского языка, как самодостаточной коммуникационной системы. При этом данная проблематика является дискуссионной и сегодня.

В первой половине XIX века начало классификации частей речи для русского языка было положено М. В. Ломоносовым в «Российской грамматике». Он выделил 8 частей слов: имя, глагол, причастие, артикль, местоимение, предлог, наречие и союз, из них имя и глагол были отнесены к главным, или знаменательным частям речи, остальные – к служебным [2]. Учение о частях речи М. В. Ломоносова было уточнено в трудах А. Х. Востокова, А. А. Шахматова, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова и др. [3]–[6]. Так, А. Х. Востоков взял за основу систему частей речи в интерпретации М. В. Ломоносова, разделив все слова русского языка на 8 основных классов. Однако он выделил как самодостаточную категорию имя прилагательное, которое было включено в класс «имен» в ломоносовской традиции, и причислил причастие к классу имени прилагательного как особый разряд [3]. Учение о частях речи было существенно дополнено в труде А. А. Шахматова «Очерк современного русского литературного языка»: здесь ученый выделил 14 частей речи [4]. Л. В. Щербра предложил при классификации частей речи учитывать семантические, морфологические и синтаксические признаки слов, поэтому он называл части речи «лексико-грамматическими категориями» [5]. В русском языке для вуза и школы традиционна десятичленная частеречная система, опирающаяся на концепцию В. В. Виноградова [6].

Грамматические категории китайского языка начали описывать в династии Юань (1271–1368 гг.). Показателен в этом отношении труд «Грамматические вспомогательные единицы» (语助), в котором были прямо упомянуты служебные слова в классическом китайском языке. В данный период (до 1898 г.) грамматика китайского языка была предметом целого ряда текстологических исследований, не являясь пока самостоятельным разделом лингвистики. Так, труд «Объяснение правил письменного языка господина Ма» («马氏文通») положил начало исследованиям частеречной системы традиционного китайского языка (1898 г.). Здесь по аналогии с грамматической системой латинского языка Ма Цзяньчжун (马建忠) разделил слова классического китайского языка на 9 классов [7]. «Новая грамматика национального языка» («新著国语法») (1924 г.) автора Ли Цзинси (黎锦熙) явилась первым систематическим исследованием по грамматике современного китайского языка, которое оказало и продолжает оказывать большое влияние на последующие изыскания. В «Новой грамматике национального языка» части речи разделяются на 5 классов, включающих в себя в общей сложности 9 основных подклассов [8]. В 1942–1944 гг. китайский лингвист Люй Шусян (吕叔湘) выделил дополнительный класс слов – модальную частицу. В труде «О непредикативном прилагательном» («试论非谓形容词») Люй Шусян (吕叔湘) и Жао Чанжун (饶长溶) предложили новое определение термина *непредикативное прилагательное*, или *дифференцирующее слово*. В 1943–1944 гг. китайским лингвистом Ван Ли (王力) была опубликована «Современная грамматика в Китае» («中国现代语法»), в которой дополнительно выделены числительное и междометие [9]; в 1952–1953 гг. Дин Шэншу (丁声树) выделил счетное и звукоподражательное слова.

Разумеется, при сопоставлении грамматических категорий русского и китайского языков наблюдается их определенное подобие, например, в обоих языках есть знаменательные и служебные части речи, *имена, глаголы, наречия* и другие категории слов. Однако присутствуют и немаловажные отличия. Так, в китайском языке наречие, междометие и звукоподражательные слова относятся к служебным частям речи, а в русском языке наречие – знаменательная часть речи, междометие и звукоподражательные слова не относятся ни к знаменательным, ни к служебным единицам. При этом в китайском языке есть такие специфические части речи как счетное и дифференцирующее слова.

Переводческая специфика

Частеречная система современного китайского языка, как известно, в значительной степени ориентирована на грамматические традиции европейских языков. Однако его система обладает достаточно своеобразной структурой, требующей дополнительной корректировки, особенно в контексте речевой практики.

Наличие специфических категорий слов в русском и китайском языках, разница грамматических строев двух языков обуславливают актуальность замены частей речи при переводе текстов.

Термин «*переводческая трансформация*» используют многие известные лингвисты: Л. С. Бархударов, В. Н. Комиссаров, А. Д. Швейцер и др. «Причиной переводческих трансформаций могут быть также расхождения в словообразовательных моделях языков и в их реализации» [10, с. 121]. В частности, Л. С. Бархударов под данным термином подразумевает «многочисленные и качественные разнообразные преобразования, которые осуществляются для достижения переводческой эквивалентности перевода вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков» [11, с. 190]. По мнению В. Н. Комиссарова, «весьма распространенным видом грамматической замены при переводе является замена части речи» [12, с. 163]. Хотя единой системы классификации переводческой трансформации не существует [13], одним из общих, выделенных В. Н. Комиссаровым и Л. С. Бархударовым типов переводческой трансформации, является именно *замена частей речи*.

Таким образом, *замена частей речи* представляет собой замену единицы одной частеречной принадлежности в оригинальном тексте на эквивалентную по смыслу единицу, относящуюся к другой частеречной категории в переведенном тексте. О данном переводческом приеме в работе «Навыки и методы перевода с русского языка в научно-технической сфере» («科技俄语翻译技巧与方法») Хэ Жон (何嵘) пишет, что нецелесообразно сохранять частеречную форму языка-адресанта в языке-адресате без изменений, учитывающих его традиции, и рекомендует при необходимости менять частеречную форму слова [14]. Рациональная замена частей речи в нужных ситуациях приносит большую пользу для сохранения лингвокультурной специфики оригинального русского текста.

Необходимо отметить, что в китайском языке дифференциация частей речи в значительной мере обусловлена синтаксической функциональностью языковых единиц, в том числе их сочетаемостью. Так, нередко одна и та же единица может быть отнесена то к существительным, то к глаголам – в зависимости от контекста, например:

У меня была привычка бродить каждый вечер с ружьем по нашему саду и караулить ворон.

我有一个习惯：每当傍晚时分，我就带着一支猎枪在我们的花园里转悠，守候着乌鸦。

– Ничего-с, мы привыкли-с, – проговорил он и откашлялся.

“不要紧，我们已经习惯了，”他说，还咳嗽了几声。 (здесь и далее примеры из НКРЯ).

Служебные слова являются лексически несамостоятельными, поэтому замена служебных слов на другие части речи сравнительно редко встречается. При переводе с русского на китайский язык наиболее актуальна проблематика частеречной трансформации в отношении знаменательных частей речи существительных, прилагательных, глаголов, наречий и местоимений (в китайском языке наречие и местоимение относятся к служебным частям речи). Такая тенденция подтверждается и опытом нашего исследования.

Корпусная верификация частеречной трансформации модели существительное + существительное в родительном падеже без предлога

Сегодня корпусные методы широко используются для решения различных лингвистических проблем. Данная тенденция более чем актуальна и для переводческой практики. В частности, в НКРЯ создан «Корпус параллельных текстов русского и китайского языков», который содержит репрезентативные художественные тексты с параллельным переводом, что оказывается весьма полезным для изучения вариантов замены частей речи.

Выяснение частеречной принадлежности единиц китайского языка, по мнению Ли Цзинси (黎锦熙), требует точной репрезентации в контекстах. И, в частности, «грамматико-графическая аннотация» 语料库在线 (Онлайн-корпус) имплементирована с помощью специальных символов, обозначающих частеречную принадлежность всех единиц в заданном предложении [1, с. 108], например, существительные китайского языка здесь разделены на несколько лексико-грамматических подклассов с символической отметкой:

n – нарицательное существительное; nd – существительное со значением направления; ni – название организации и учреждения и др.

В русском языке *имя существительное* характеризуется «категориальным значением предметности... синтаксическим употреблением в функции субъекта, объекта и предикативного члена...» [15, с. 454]. Данная категория частей речи, как правило, является основной в предложении. При этом в русском языке имеется категория падежа, которая отсутствует в китайском языке. В частности, родительный падеж русскоязычных существительных отражает достаточно широкую функциональность. Например, конструкция *существительное + существительное в родительном падеже без предлога* используется для обозначения следующих вариантов семантемы:

- 1) 'принадлежность': *крышка бутылки, обложка паспорта;*
- 2) 'определение': *тип фундамента, понятие личности;*
- 3) 'количество': *пакет конфет, ложка сахара;*
- 4) 'субъекта действия': *согласие родителей, понимание учителя* [16].

По запросу «слово 1 (существительное) на расстоянии 1 от слова 2 (существительное) род. п.» в «Корпусе параллельных текстов русского и китайского языков» НКРЯ находится 10 произведений с 2185 вхождениями. Самым показательным здесь оказывается роман Ф. М. Достоевского «Идиот», в котором корпус-менеджером найдено 357 фрагментов текста с 526 вхождениями по вышеуказанному запросу.

Однако данная статистика нуждается в интерпретации. Так, из полученных «результатов» следует, по всей видимости, исключить такие примеры, как:

О, еще бы! – тотчас же ответил князь, – князей Мышкиных теперь и совсем нет, кроме меня; мне кажется, я последний.

“噢，那还用说！”公爵立即回答说，“除我之外，现在根本就没有梅什金公爵家族的人了。我好像是我们家族的最后一个人了。”

В приведенном примере слово «князь» является подлежащим во фрагменте «тотчас же ответил князь», а единицы «князей Мышкиных» – дополнение в безличном предложении со значением отсутствия чего-либо: «князей Мышкиных теперь и совсем нет, кроме меня». Слово «князь» и выражение «князей Мышкиных» находятся в разных предложениях, поэтому они не имеют синтаксического отношения.

Я выдал ученых, литераторов, поэтов, политических деятелей, обретавших и обретших в этой же науке свои высшие примирения и цели, даже положительно только этим сделавших карьеру.

我看到过不少学者、文学家、诗人和政治活动家在这门科学里寻求和寻得了自己高度的安宁和目的，甚至就凭这一点得到了功名。

В приведенном примере связь между единицами родительного падежа «ученых», «литераторов», «поэтов», «политических деятелей» является сочинительной: данные единицы являются однородными членами предложения.

В итоге для выявления вариантов замены частей речи при переводе конструкции *существительное + существительное в родительном падеже без предлога* с русского языка на китайский из конкорданса Корпуса параллельных текстов нами было отобрано 183 фрагмента из текста романа «Идиот».

Речевая реализация частеречной трансформации модели существительное + существительное в родительном падеже без предлога

По результатам нашего исследования наиболее употребимыми (частотными) оказались следующие семантические варианты реализации частеречной трансформации модели *существительное + существительное в родительном падеже без предлога*: 1, 2 и 4 (см. выше). О 3-м варианте будет сказано ниже дополнительно: его реализация оказалась достаточно своеобразной.

Реализация А

Данная реализация в китайском языке представлена сочетанием «лексической единицы с вспомогательным компонентом 的 + существительное». В конкордансе из романа «Идиот» имеется 70 «вхождений» в 65 «контекстах» стереотипного перевода данного типа на китайский язык. В частности:

Нос его был широк и сплюснут, лицо скулистое; тонкие губы непрерывно складывались в какую-то наглую, насмешливую и даже злую улыбку; но лоб его был высок и хорошо сформирован и скрашивал неблагородно развитую нижнюю часть лица.

他那薄薄的嘴唇时而露出一种厚颜无耻的、嘲讽的、甚至刻毒的微笑，但是他有一个高高的额头，样子很好看，这就掩饰了长得丑陋的脸的下部。

Согласно формальным признакам отдельных иероглифов и их сочетаний корпус-менеджер Онлайн-корпуса предлагает следующий вариант метаязыкового структурирования вышеупомянутого текста:

他/r 那/r 薄/a 薄/a 的/u 嘴唇/n 时而/d 露出/v 一种/r 厚颜无耻/i 的/u 、 /w 嘲讽/v 的/u 、 /w 甚至/d 刻毒/a 的/u 微笑/v , /w 但是/c 他/r 有/v 一个/r 高/a 高/a 的/u 额头/n , /w 样子/n 很/d 好看/a , /w 这/r 就/d 掩饰/v 了/u 长/n 得/u 丑陋/a 的/u 脸/n 的/u 下部/nd 。 /w

В китайском языке такая реализации «единица с вспомогательным компонентом 的 + существительное» называется «подчиненным словосочетанием» (偏正短语). Это один из достаточно распространенных в китайском языке типов сочетания слов. В приведенном примере «нижняя часть лица» переводится как «脸的下部». В Онлайн-корпусе (китайского языка) тег n, стоящий рядом с единицей 脸, подразумевает категорию существительного. В таких сочетаниях с иероглифом 的 встречаются не только существительные, но и прилагательные, а также «устойчивые выражения», например, в НКРЯ *господа всезнайки* переведены аналогичной сложной синтаксической конструкцией:

Эти господа всезнайки встречаются иногда, даже довольно часто, в известном общественном слое.

在/p 一定/d 的/u 社会/n 阶层/n , /w 有时候/d , /w 甚至/d 相当/d 经常/a 地/u 可以/v 遇见/v 这种/r 无所不知/i 的/u 先生/n , /w 他们/r 什么/r 都/d 知道/v 。 /w

Реализация Б

Данная реализация представлена сочетанием «существительное + существительное». В конкордансе из романа «Идиот» имеется 21 «вхождение» в 19 «контекстах» стереотипного перевода данного типа на китайский язык. В частности:

Было так сыро и туманно, что насилу рассвело; в десяти шагах, вправо и влево от дороги, трудно было разглядеть хоть что-нибудь из окон вагона.

天气是那样潮湿和多雾，好不容易才天亮。从车厢窗口望去，铁路左右10步路远的地方就很难看清什么东西。

Согласно формальным признакам отдельных иероглифов и их сочетаний корпус-менеджер Онлайн-корпуса предлагает следующий вариант метаязыкового структурирования вышеупомянутого текста:

天气/n 是/vl 那样/r 潮湿/a 和/c 多雾/ns, /w 好不容易/i 才/d 天亮/v。 /w 从/p 车厢/n 窗口/n 望去/v, /w 铁路/n 左右/n 10/m 步路/ns 远/a 的/u 地方/n 就/d 很/d 难/a 看清/v 什么/r 东西/n。 /w

Характерно, что в данном примере изменен порядок слов – при сохранении конструкции. В китайском тексте сочетание «окно вагона» переводят также сочетанием двух существительных: 车厢 (вагон) и 窗口 (окно), однако на первом месте оказывается элемент 车厢 (вагон). В русском тексте слово «вагон» в форме родительного падежа стоит после единицы «окно», потому что объясняет принадлежность предмета. В китайском тексте единица 窗口 является определяемым элементом, а существительное 车厢 в данном случае выполняет функцию определения, поэтому оно должно стоять перед определяемым элементом 窗口.

Реализация В

Данная реализация представляет собой замену исходного сочетания двух существительных в русском языке одним существительным китайского языка. В конкордансе из романа «Идиот» имеется 6 подобных «вхождений» в 6 «контекстах». В частности:

Я так и ждал. – Даром деньги на франкировку письма истратили. Гм... по крайней мере простодушны и искренны, а сие похвально!

真的, 我早就料到是这样。 –白白花费了邮资, 嗯.....至少您是忠厚老实的, 这是值得称赞的!

Согласно формальным признакам отдельных иероглифов и их сочетаний корпус-менеджер Онлайн-корпуса предлагает следующий вариант метаязыкового структурирования вышеупомянутого текста:

真的/a, /w 我/r 早就/d 料到/v 是/vl 这样/r。 /w –/w 白白/d 花费/v 了/u 邮资/n, /w 嗯/e .../w .../w 至少/d 您r 是/vl 忠厚老实/i 的/u, /w 这是/r 值得/v 称赞/v 的/u !/w

В приведенном примере словосочетание «франкировка письма» переводится единицей 邮资, что подтверждается практикой частеречной аннотации Онлайн-корпуса (китайского языка): тег n, стоящая рядом с данной китайской единицей, подразумевает как раз категорию существительного означаемой единицы.

Как мы уже говорили, кроме значений принадлежности, определения и субъекта действия, модель *существительное + существительное в родительном падеже без предлога* в русском языке используется при обозначении количества предметов. В этом случае при переводе оказывается актуальной особая категория слов китайского языка – счетное слово. Счетное слово указывает количество предметов при присоединении числительного к существительному [17]. Данная «реализация» в китайском языке представляет собой сочетание «числительное + счетное слово + существительное». В конкордансе из романа «Идиот» имеется 3 подобных «вхождения» в 3 «контекстах». В частности:

Билеты-то я продал, деньги взял, а к Андреевым в контору не заходил, а пошел, никуда не глядя, в английский магазин да на все пару подвесок и выбрал, по одному бриллиантику в каждой, так почти как по ореху будут, четыреста рублей должен остался, имя сказал, поверили.

我卖了证券, 拿了钱, 但是没有去安德列耶夫事务所, 而是哪儿也不张望, 径自去了一家英国商店, 用全部钱挑了一副耳坠, 每个耳坠上都有一颗钻石, 几乎就像核桃那么大, 还欠了四百卢布, 我讲出了姓名, 他们相信了。

Согласно формальным признакам отдельных иероглифов и их сочетаний корпус-менеджер Онлайн-корпуса предлагает следующий вариант метаязыкового структурирования вышеупомянутого текста:

我/r 卖/v 了/u 证券/n, /w 拿/v 了/u 钱/n, /w 但是/c 没有/v 去/v 安德/nh 列/v 耶/u 夫/n 事务所/n, /w 而是/vl 哪儿/r 也/d 不/d 张望/v, /w 径自/d 去/v 了/u 一家/mq 英国/ns 商店/n, /w 用/v 全部/n 钱/n 挑/v 了/u 一/m 副/q 耳坠/n, /w 每个/r 耳坠/n 上都/n 有/v 一/m 颗/q 钻石/n, /w 几乎/d 就/d 像/v 核桃/n 那么/r 大/a, /w 还/d 欠/v 了/u 四百/m 卢布/n, /w 我/r 讲出/v 了/u 姓名/n, /w 他们/r 相信/v 了/u。 /w

Здесь словосочетание «пару подвесок» переводится как 一副耳坠 – дословно ‘одна пара подвесок’. В сочетании 一副耳坠 единица 副 является служебным словом, что подтверждается репрезентацией Онлайн-корпуса китайского языка: данный иероглиф сопровождается тегом q,

который обозначает счетное слово. В китайском языке счетное слово, указывающее на количество предметов, всегда стоит между числительным и существительным при их совместном использовании.

Выводы

Перевод, как известно, должен максимально передавать значимость, содержащуюся в оригинальном тексте, соответствуя языковым нормам языка, на который переводится. Согласно анализу перевода текста романа «Идиот» с русского языка на китайский, частеречная трансформация чаще всего была задействована при переводе конструкции «существительное + существительное в родительном падеже без предлога». В результате в китайском тексте в качестве эквивалента чаще всего выбиралась конструкция «лексическая единица с вспомогательным компонентом 的 + существительное». Данная модель была использована 70 раз. Таким образом, подтверждена практическая востребованность и корректность частеречной трансформации как широко распространенной модели, актуальной при переводе художественных текстов с русского на китайский язык. В контексте корпусных технологий подобная верификация является статистически убедительной и может стать основой для системного описания грамматического аспекта переводческой практики.

Перечень принятых сокращений

НКРЯ – Национальный корпус русского языка

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Баркович, А. А. Лингвистические корпуса китайского языка: функциональный аспект / А. А. Баркович, Ван Цин // Вестник МГЛУ. Сер. 1. Филология. – 2015. – № 5 (78). – С. 105–113.
2. Ломоносов, М. В. Российская грамматика / М. В. Ломоносов. – СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1755. – 212 с.
3. Востоков, А. Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная / А. Х. Востоков. – СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1895. – 320 с.
4. Шахматов, А. А. Очерк современного русского литературного языка / А. А. Шахматов. – М. : Учпедгиз, 1941. – 288 с.
5. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elib.gnpbu.ru/text/scherba_yazykovaya-sistema-deyatelnost_1974/go,0;fs,0/. – Дата доступа: 10.04.2018.
6. Виноградов, В. В. Русский язык : учеб. пособие / В. В. Виноградов. – 4-е изд. – М. : Русский язык, 2001. – 720 с.
7. 马建忠 马氏文通 / 马建忠. – 北京, 1983. – 447页 = Ма Цзяньчжун. Ма ши вэнь тун / Ма Цзяньчжун. – Пекин, 1983. – 447 с.
8. 黎锦熙 新著国文语法 / 黎锦熙. – 北京, 1993. – 336页 = Ли Цзинси. Новая грамматика национального языка / Ли Цзинси. – Пекин, 1993. – 336 с.
9. 王力 中国现代语法 / 王力. – 北京, 2014. – 464页 = Ван Ли. Современная грамматика в Китае / Ван Ли. – Пекин, 2014 – 464 с.
10. Швейцер, А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1988. – 215 с.
11. Бархударов, Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М. : Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
12. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение : учеб. пособие / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2001. – 424 с.
13. Кулемина, К. В. Основные виды переводческих трансформаций / К. В. Кулемина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/osnovnyye-vidy- perevodcheskih-transformatsiy>. – Дата доступа: 20.03.2018.
14. 何焜 科技俄语翻译技巧与方法 / 何焜. – 北京, 1988. – 254页 = Хэ Жон. Навыки и методы перевода с русского языка в научно-технической сфере / Хэ Жон. – Пекин, 1998. – 254 с.
15. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М. : УРСС : Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.

16. Грацианская, Р. Н. Синтаксическая система А. М. Пешковского в кратком изложении / Р. Н. Грацианская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200800104>. – Дата доступа: 12.03.2018.

17. Ван Цин. Особенности имени существительного в грамматике русского и китайского языков / Ван Цин // Карповские научные чтения : сб. науч. ст. – Минск : ИВЦ Минфина, 2014. – Выпуск 8. Часть 1. – С. 228–231.

Поступила в редакцию 21.09.2018

E-mail: qing.wang@mail.ru

Wang Qing

TRANSFORMATION OF PARTS-OF-SPEECH IN ARTISTIC TEXTS
WHEN TRANSLATE FROM RUSSIAN INTO CHINESE
(ON THE MATERIAL OF DOSTOEVSKY'S ROMAN «IDIOT»)

The article is devoted to the problems of transformation of parts-of-speech when translate artistic texts from Russian into Chinese. The peculiarities of the translation of Noun + Noun Genitive without prepositions from the Russian language into Chinese were studied on the material of Dostoevsky's novel «Idiot» in the context of possibilities of linguistic corpora. Results of the conducted research have allowed to identify convincingly the specificity of transformation of parts-of-speech of this type as an important resource of the translation methodology.

Keywords: part-of-speech system of language, transformational model, corpus, equivalence, linguistic category, artistic style, translation technique.

УДК 81'42 Л. Улицкая

А. А. Гируцкий¹, В. В. Третько²

¹Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания и лингводидактики,
УО «Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка»,
г. Минск, Республика Беларусь

²Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры языкознания и лингводидактики,
УО «Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка»,
г. Минск, Республика Беларусь

ДИСКУРСИВНО-ДИАЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО МАЛОЙ ПРОЗЫ Л. УЛИЦКОЙ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматривается дискурс как научный феномен, характеризуются особенности художественно-литературного дискурса. Дана общая характеристика дискурса малой прозы Л. Улицкой, выделены некоторые способы и приемы его внутренней организации, типы диалога. Особое внимание уделяется семейному диалогу как одному из ведущих в малой прозе Л. Улицкой.

Ключевые слова: дискурсология, дискурс, художественно-литературный дискурс, социокультурный контекст, диалог, малая проза, семейный диалог, речевые маркеры

Введение

Дискурс как научный феномен

В конце XX века в лингвистике начинает бурно развиваться одно из направлений, связанное с исследованием текстов различных типов, – дискурсология. К началу XXI столетия это направление вырабатывает свой методологический и терминологический аппарат, принципы и приемы исследования, получает широкое институциональное и концептуальное разветвление, реализуется в многочисленных работах. Как всякое новое направление, дискурсология, с одной стороны, стремится получить максимум «самостоятельности» среди утвердившихся направлений, школ, течений в лингвистике, а с другой стороны, учитывая широкие связи современной лингвистики с другими науками, – найти свои связи с другими отраслями знаний.

Основополагающей для дискурсологии является категория (концепт, понятие) дискурса, не имеющая в современной лингвистике общепринятого определения. Наиболее сложным и дискутируемым вопросом оказывается разграничение понятий «дискурс» и «текст». Нет необходимости анализировать в данной статье все многообразие подходов к трактовке данного вопроса, отметим лишь, что оно может быть сведено к следующим основным точкам зрения: 1) понятия дискурса и текста взаимозаменяемы; 2) дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; 3) текст на порядок сложнее дискурса 4) дискурс и текст – это компоненты более сложного понятия – речевого произведения [1, с. 136–137], [2, с. 62–71]. При этом в последнем случае за текстом закрепляется лингвистическая сфера речевого произведения, за дискурсом – экстралингвистическая.

Показательным в смысле отражения сложности, разветвленности нового направления, неоднозначности трактовок в нем, поисков ответов на дискуссионные вопросы является и недавно вышедший в Словакии сборник работ под редакцией Д. Антоняковой и В. Ляшук «Актуальные вопросы теории дискурса». В нем рассматривается теория дискурсологии, показано многообразие дискурсов (образовательный дискурс, дискурсы словесности, СМИ, политики и права), их видовая специфика. Содержание представленных в сборнике исследований дает представление как о специфическом понятийном наполнении категории *дискурс*, так и об основных конститутивных составляющих дискурсологии: дискурс-анализ, дискурсивные практики, дискурсивное пространство, дискурсивная стратегия и технология и под. Работы, представленные в сборнике, являются отражением динамики и неоднозначности фактов и явлений, входящих в сферу исследования дискурса, свидетельствуют о частичном наложении понятий, принципов и приемов традиционной лингвистики, исследующей текст, и дискурсологии [3].

Особенности художественно-литературного дискурса

Выделяют различные характеристики художественно-литературного дискурса, отличающие его от других институциональных разновидностей дискурса. В. А. Маслова отмечает среди них три важнейшие:

1. Художественный дискурс – это не простое отражение действительности, а создание особой, виртуальной реальности, своей версии, модели мира.

2. Художественный дискурс выступает динамичным процессом взаимодействия автора и читателя, с одной стороны, и языковыми, социальными и культурными правилами, с другой.

3. Художественный дискурс – не просто форма речевой деятельности, описывающая социальный и индивидуальный миры, а целостность: он соединяет в себе социокультурный опыт (действия и события в мире, обществе) и индивидуальный опыт (чувства, эмоции, мысли и автора, и читателя) [4, с. 11].

Художественно-литературный дискурс, как ни один другой из дискурсов, «населен» многообразием действующих лиц: автор, повествователь, персонажи, читатель, каждый из которых обладает собственной картиной мира, своим «голосом». Сюда входит и мировоззрение, и судьба человека. Человек как целостный голос вступает в диалог. Он участвует в нем не только своими мыслями, но и своей судьбой, всей своей индивидуальностью [5, с. 307]. Диалогичность художественно-литературного дискурса выступает одним из важнейших его признаков.

Цель, методы и принципы исследования

К настоящему времени сформировалось несколько основных **методологических** направлений в анализе дискурса, развивающихся на **принципах** и подходах 1) классической риторики, 2) французской школы (М. Фуко, Р. Барг и др.), 3) пражского функционализма (Р. О. Якобсон, Я. Мукаржовский и др.), 4) русской формалистической школы (М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман и др.), 5) философии языка А. Ф. Лосева, Л. Витгенштейна и др., 6) американской и английской лингвистических школ (Э. Сепир, Дж. Гамперц, М. Холлидей и др.) [2, с. 63]. Каждое из этих направлений, акцентируя внимание на тексте, по-разному выводит его рассмотрение из области лингвистики в смежные области знания: литературоведение, философию, социологию, прагматику, риторика, психологию, культурологию. Столь широкий контекст дискурса как феномена дает исследователю возможность проведения многоаспектного дискурс-анализа, широкого выбора принципов и приемов исследования в соответствии с его целями и задачами.

Основная **цель** нашей статьи – выявление дискурсивно-диалогической организации художественного текста, связанной с социокультурным контекстом отображаемой эпохи, эстетически и философски осмысленной автором анализируемых произведений. Эта направленность исследования реализуется в решении следующих задач: 1) установлении места диалога, его отдельных типов в общей композиции текстов малой прозы Л. Улицкой; 2) определении способов и приемов структурной организации диалога; 3) выявлении речевых стратегий и тактик, используемых для создания «имиджа» персонажа или отдельных социокультурных черт эпохи.

Результаты исследования и их обсуждение

Общая характеристика дискурса малой прозы Л. Улицкой

Людмила Евгеньевна Улицкая – известный современный русский писатель, сценарист, лауреат многих литературных премий и наград, автор романов, повестей, пьес и рассказов, большинство из которых переведены на многие языки мира.

Ее произведения уже давно стали объектом пристального внимания критиков, литературоведов, лингвистов. Интерес к художественному миру писательницы не снижается, а, напротив, обостряется со временем. Это связано с безусловным влиянием ее рассказов и романов на современного читателя, особенно постсоветского пространства, который существует в условиях духовного, экономического и политического кризисов. Глубина и сложность «высокой» литературы зачастую сопряжена с принуждением к сложным движениям мысли. Поэтому уход современного читателя от проблем, от сложной реальности с помощью комфортных текстов массовой литературы является тревожным, но понятным фактом. Произведения же Л. Улицкой, удовлетворяя сложным духовным поискам, вызывают чувство радости от сопричастности к этим поискам, от возможности принятия собственного выбора.

Очевидным является то, что в центре ее произведений – удивительный мир «маленького человека», который явственно перекликается с мирами героев Ф. Достоевского и А. Чехова. Но маленький человек Л. Улицкой не обязательно ограничен в смысле происхождения, состояния или иных достоинств. Речь идет о людях, которые стремятся укрыться от «веяний времени», от любой десемантизации собственных душевных черт.

Традиции классической гуманистической литературы связывают романы и рассказы Л. Улицкой с единственной надеждой расколота противоречиями эпохи – человеком, который бежит от любого присоединения к чему-либо категоричному, кричащему, делающему его частью

какого-либо потока. Все в этом человеке, и не только на уровне духа, но даже и физиологии, противостоит этому принудительному включению в группу, где собственный выбор невозможен или является иллюзией, а сознание и чувства нивелируются.

В рассказах Л. Улицкой, так называемой малой прозе, нет устойчивых истин, одного-единственного мнения. Взгляды и позиция автора и ее героев могут меняться. Именно поэтому малые формы, используемые Л. Улицкой, такие, как, например, короткий рассказ, – оптимальны для описания динамики внутреннего мира. Язык таких текстов приобретает гиперзначимость за счет концентрации смыслов для любой, даже минимальной, единицы: от слова до синтаксической структуры. Эти черты находят свое выражение и актуальное воплощение, прежде всего, в диалоге, выступающим важнейшим маркером нового полифонического мира современной художественной литературы.

Диалог в малой прозе Л. Улицкой

Характерной чертой диалогов в малой прозе Л. Улицкой выступает то, что многие из них часто неотличимы от диалогов, являющихся составной частью обыденного речевого дискурса ее читательской аудитории. При изучении диалогического взаимодействия персонажей в произведениях Людмилы Улицкой, настоящего мастера разговорной стилизации, знатока психологии и культуры целой эпохи, нами были выделены диалогические комплексы нескольких типов: однонаправленные, разнонаправленные, смешанные. Основанием такого выделения явились признаки восприятия персонажами социального, общекультурного дискурса, а также характер и степень ассимиляции с ним языка малых групп. Различие этих типов диалога ярко проявляется в особенностях именования персонажей друг другом и/или автором-повествователем.

Однонаправленный диалог во всех случаях характеризуется принадлежностью персонажей чаще всего к одной и той же социальной группе и одним и тем же стилевым регистром – нейтральным или маркированным. Например, разговорные формы имен в рассказах цикла «Девочки»: *Танька, Лидка, Томка*; употребление этими же персонажами в диалогах разговорной и просторечной лексики: *мамка, пионерки, заругает, дерет* и др.

– *Томка, тебя пионерки хотят на сбор позвать, из Танькиного класса* [6, с. 118].

Из-за двери был слышен крик Томки:

– *Танька! Танька! Ты-то куда?* [6, с. 124].

Эти люди – а еще *Витька, Витёк, Маруся, Симка, Бронька, Васька* и др. – это те незначительные люди эпохи, которые тоже представляли собой семью, мощное основание, в котором, как в каменном цветке, был свет – свет любви (*Танька Колыванова, Витёк Бодрик, Бронька...*), и свет внутреннего благородства. И часто этот свет появлялся вопреки незначительности их происхождения, неустроенности и убожеству их быта. Есть и другие, именуемые иначе, относящиеся к иным социальным группам, у которых свет закономерно шел через поколения – наследовался: *Лили, Лилечка, Белочка, Эмма, Эмочка, Аллочка, дедуля, папочка...*

Разнонаправленный диалог чаще проявляется в речи персонажей, относящихся к разным социальным группам. Однако стилевая маркированность имен в этом типе диалога иная: в нем как минимум два стилевых регистра – сниженный и уменьшительно-ласкательный.

Из уже упомянутого ранее рассказа «Бронька» диалог двух женщин – Броньки – дочери уборщицы и Ирины – профессорской дочери через много лет начинается с характерного узнавания:

– *Ира! Ирочка!*

<...>

– *Господи! Бронька! – изумилась Ирина Михайловна* [6, с. 28].

Смешанный тип диалога, связанный с употреблением личных имен, реализуется одновременно в речи персонажей и автора-повествователя. В нем представлены персонажи, относящиеся к разным социальным слоям, пользующиеся как сниженными, так и уменьшительно-ласкательными и официальными, этикетными формами имен. Автор-повествователь в этих случаях пользуется различными формами имен, подчеркивая тот или иной статус персонажа.

Так, в рассказе «Второго марта того же года...» (цикл «Девочки») бабушка Лили, Бела Зиновьевна, профессор, возмущенная нападением уличного мальчишки на ее внучку, «ясную девочку», идет разбираться к нему домой, к его матери, и мы видим использование разных стилистических форм имени как в речи персонажей, так и в повествовательной речи:

– *Тоня! – повелительным голосом окликнула Бела Зиновьевна...*

Из-за печки ... вышла, слегка покачиваясь, низенькая Тонька.

– *Тута я, Белзиновна! ...*

– *Ты посмотри-ка, что твой Виктор с моей девочкой проделал! – строго сказала Бела Зиновьевна...*

Витька мотнул головой, свесился с кровати... [6, с. 175].

Каждый из типов диалогического взаимодействия обуславливает развитие целого ряда коммуникативных реакций, которые, в свою очередь, влияют на систему коммуникативных отношений между героями, что особенно явственно проявляется внутри такой группы, как семья, как, впрочем, и между группами людей, относящихся к разным семьям.

Все рассказы Л. Улицкой представляют собой единый мир, и их очевидная целостность дает понимание того, что немногословность, неискренность личного языка героев не означает одинаковость и не обусловлена его незначительностью, а сопоставление диалогов дает представление о реализации в текстах автора одной из важнейших в коммуникации функций – синдикативной.

Одним из самых значимых оснований группирования в малой прозе Л. Улицкой является объединение по принадлежности к семье, хотя исследование диалоговых ситуаций показало, что понятие семьи может соответствовать или не соответствовать общепринятому определению.

Изучение именно такого «закрытого» (семейно-дружеского) дискурса представляет особый интерес, поскольку он не только испытывает влияние особенностей социально-стилистических черт языка эпохи, впивывает глубинные структуры и поверхностные символы дискурса национального, но и преобразует его – удачно или неудачно, однако в рамках идеи согласия с ним. С другой стороны, преобразование может демонстрировать явное отторжение от дискурса национального. Это может выражаться направленным несоблюдением единства формы и содержания языковых или стиливых элементов, подчеркивающим недоверие к существованию указанного единства в самом доминирующем социально-культурном дискурсе.

В ярком рассказе «Ветряная оспа» (цикла «Девочки») школьницы приходят на день рождения к однокласснице. Дочь дипломата Алена Пшеничникова пригласила девочек из московских интеллигентных семей: из армянской – Гаяне (Гайку) и Вику, из еврейской – Лилю Жижморскую и дочь дорогой портнихи Плишкину, и – по воле случая – уже упомянутую бедную Таньку Кольванову, «жительницу Котяшкиной деревни»... [6, с. 177]. Разумеется, их семейно-бытовой дискурс или несколько отличается или серьезно разнится.

Обращает на себя внимание диалоговое единство, сформированное репликами между сестрами-близнецами Гайкой и Викторией Оганесян:

– Ты бессовестная, ужас просто, – шепнула Гайка на ухо сестре.

– А ты молчи, Золушка, – фыркнула Вика... [6, с. 180].

– Как ты себя ведешь, бессовестная, – громко зашептала Гайка.

– А тебе какое дело, мне так родина велела! – шепеляво ответила Вика, и опять все покатились со смеху [6, с. 181].

Прием синдикативности очевиден, оба раза Гайка привычно «обращается» к Виктории. Очевидно также поверхностное использование символа, ибо причина его включения в диалог совершенно незначительна и, по сюжету, должна была бы вызвать обвинение девочки только в нескромности. За такого рода снижением в детской речи стоит речь взрослых членов семьи, а за этим – обесценивание одного из глобальных символов эпохи в дискурсе социума. Из парадигмы нравственных символов *совесть* перемещается в систему символики политической, идеологической, и – теряет устойчивость, значимость, опустошается.

Еще более вызывающим представляется использование в грубом по форме и смыслу детском стишке-дразнилке глобального символа *родина*. При этом события происходят в конце 50-х – начале 60-х, когда народ охвачен волной патриотических чувств и это понятие еще не начало включаться в иронические контексты. И только в 1960-м году появились строки Б. Окуджавы «А если что не так – не наше дело: Как говорится, родина велела!». Но, когда возник вопрос, не послужил ли этот текст источником образа для Л. Улицкой, оказалось, что люди, чье отрочество пришлось на 60-е годы, хорошо помнят эту дразнилку. То есть Л. Улицкая в своем рассказе, сюжет которого связан с особенностями взросления девочек середины XX века, фактически озвучила последствия диффузии в терминологии ценностей. Понятие *родина* принадлежало к системе нравственных приоритетов, однако в некоторые периоды различных эпох, как и в данном случае, это понятие становилось предметом политических спекуляций. Так и в данном рассказе мы видим процесс коммуникативной дискредитации именно идеологического символа. Это особенно показательно, так как девочки принадлежат к состоятельной интеллигентной московской семье.

Символ культурологического плана – Золушка – также преломляется удивительным образом: парадигма положительных качеств обнуляется, и приоритетным (и обидным) становятся утрированные наивность и перфекционизм, что странно для 11-летних девочек середины XX века. Здесь, видимо, речь идет о раннем взрослении, присущем и современным подросткам в том числе.

Необходимо заметить, что в диалоговом взаимодействии «семьи» могли различаться симметрией или асимметрией именованія, например, между обращением к представителю другой семьи и самоименованием. Асимметрия видна в ситуациях типа:

– *Это я, Ирочка, я! Бронька!* [6, с. 28].

Ира или *Ирочка* – только так с использованием ласкательной формы имени Бронька называет бывшую одноклассницу, а себя – *Бронька* (разг.). И знаковой видится ситуация некоего восстановления симметрии, когда Ирина Михайловна, потрясенная удивительной историей бывшей «маленькой потаскушки, посмешища всего двора», говорит, прощаясь:

– *Спасибо тебе, Броня* [6, с. 37].

Асимметрия же очевидна в презентации своей семьи языком именно своей семьи со стороны Таньки Кольвановой (рассказ «Ветряная оспа») – «*мамка заругает*» – и ориентированное на чужую семью иное ее обращение (к однокласснице):

И посреди задумчивой тишины раздался вдруг звонок в дверь.

– *Мама ваша, – в тихом ужасе прошептала Кольванова* [6, с. 183].

Симметрия или асимметрия языка (вернее сказать, метаязыка) в диалогах отражает асимметрию всего дискурса, порой – всего общества, зачастую ярче, чем позиционирование прямыми словами неких отношений.

Особые чувства Л. Улицкая испытывает к объединению не только по семейному (и национальному) признаку, но также и по признаку наличия/отсутствия у героев внутреннего нравственного стержня. Кроме того, часто эти основания сопрягаются.

В рассказе Людмилы Улицкой «Дочь Бухары» семейное группирование в языке было бы не таким заметным, но его усиливает особенность семьи – в ней растёт больной ребенок, девочка с синдромом Дауна, Мила. Разделение «здоровый – больной» накладывает отпечаток на вербальное существование семьи, вызывает сохранение специфического детского языка взрослой уже девочки (и обращающейся к ней матери), а в диалогах – симметричные синтаксические структуры и максимально совпадающее лексическое наполнение.

На семнадцатом году Милочка стала оформляться ..., стеснялась и немного гордилась, говорила:

– *Мила большая, Мила тетя...* [6, с. 61].

Или:

– *Я скоро уеду. Я тебе говорила, – сказала она дочери.*

– *Не уезжай, не уезжай!* – заплакала Милочка. ...– *Пусть и Мила уедет!*

<...>

– *Завтра не уезжай, – попросила Мила.*

– *Завтра не уеду, – пообещала Бухара* [6, с. 65].

Семья у Л. Улицкой – это и члены внутрисемейных оппозиций, которые, тем не менее, в языковом отношении подчеркнута принадлежат семье: русские – азиатка, здоровые – больная, благородные – подлые, равнодушные. И все эти разделенные позициями герои непременно имеют точки пересечения, в определенных точках сюжета перегруппировываются, перераспределяются, образуя как фальшивые, так и неочевидные, но истинные семьи. Это накладывает отпечаток на их совсем редкие и краткие диалоги или формулы несобственно-прямой речи. Одна из особенностей речевого дискурса рассказа то, что в нем не имеет ни одной «звучащей» реплики любимый муж узбечки Алечки (Бухара – прозвище), который, узнав о том, что ребенок болен, уходит. Его диалоговая активность равна нулю.

Особенное группирование семьи также можем наблюдать в рассказе «Бедные родственники». Состоятельная троюродная сестра Анна Марковна может позволить себе динамику, движение и трансформацию имен в обращениях: к троюродной сестре – *Ася*, покровительственное *Асенька*, к внучке – разговорное *Ирка*, ласкательное *Ирочка*. Бедная же родственница Ася коммуникативно статична в своем желании соответствовать ситуации: ее именование в обращениях закреплено – *Анечка*, *Ирочка*, выдержано в одном ключе, что обусловлено ее зависимым положением. Трансформация имен является у Анны Марковны не менее «говорящей», чем статичность их у Аси. Именование внучки (*Ирка*, *Ирочка*) говорит о семейной включенности более, чем одинокое *Асенька*, которое в общем контексте ситуации звучит снисходительно-унижающе и указывает на дистанцию и отчуждение. Зато постоянное *Анечка* в устах бедной Аси является самоуничижением.

Языковые сигналы объединяют в семью отнюдь не сестер Асю и Анну Марковну, а, скорее, Асю и ее подружку Маруську Фомичеву, жалкую, полупарализованную старуху, которой она приносит все «богатые дары» Анны Марковны.

Выводы

Система дискурсивного художественного пространства малой прозы Л. Улицкой характеризуется «поликультурностью», подчеркиванием национального компонента, социальной и нравственной маркированностью, важностью диалога, что определяет динамику повествования, систему отношений между героями, наличие определенных речевых маркеров, задающих стилистическую особенность повествованию.

Герои Л. Улицкой говорят немного. Их скупые слова отнюдь не изобилуют специфической лексикой, присущей только представителям определенной семьи, особыми композиционно-синтаксическими построениями. Однако значимость языковых маркеров в дискурсивно-диалоговом взаимодействии очевидна. Они играют роль текста в тексте, прочитываемый по ним сюжет взаимоотношений самодостаточен даже вне корпуса художественных линий и деталей. Не только язык описываемого художественного пространства, но и язык героев у Л. Улицкой не схематичен, он живой, является одним из героев, живой идеей произведения.

За диалоговым взаимодействием героев Л. Улицкой стоит отражение социально-стилистических особенностей эпохи. Но сжатость, невыпуклость диалогических единств делают их потенциально неоднозначными и процесс их интерпретации становится системой как личных, так и социальных «выборов» для читателя, что в литературе XXI века, порой манипулирующей «готовыми» решениями, является залогом сохранения и «роста» личности читателя, залогом обратной связи в виде формирования у читателя собственных решений.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
2. Плеханова, Т. Ф. Дискурс-анализ текста : пособие для студентов вузов / Т. Ф. Плеханова. – Минск : ТетраСистемс, 2011. – 368 с.
3. Antoňáková, D. Aktuálne otázky teórie diskurzu / D. Antoňáková, V. Liashuk. – Prešov : Filozofická fakulta Prešovskej university v Prešove, 2013. – 345 s.
4. Маслова, В. А. Когнитивный и коммуникативный аспекты художественного текста / В. А. Маслова. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2014. – 104 с.
5. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества : сборник работ / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
6. Улицкая, Л. Е. Бедные, злые, любимые : Повести. Рассказы / Л. Е. Улицкая. – М. : Эксмо, 2006. – 384 с.

Поступила в редакцию 05.07.2018

E-mail: hirutski@mail.ru; vixvix74@mail.ru

A. A. Girutskij, V. V. Trutko

**DISCURSIVE AND DIALOGICAL SPACE OF STORIES BY L. ULITSKAYA
IN SOCIAL AND CULTURAL ASPECT**

The article considers discourse as a scientific phenomenon. The author characterizes peculiar properties of artistic and literary discourse. The general characteristic of the discourse of the stories by L. Ulitskaya is presented, separate methods of its internal organization as well as the types of dialogue are highlighted. Particular attention is paid to the family dialogue as the leading one found in L. Ulitskaya's stories.

Keywords: discourse studies, discourse, artistic and literary discourse, sociocultural context, dialogue, short prose, family dialogue, speech markers.

Т. Н. Гребень

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка,
УО «Минский государственный лингвистический университет»,
г. Минск, Республика Беларусь

ПАРЕНТЕТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В НАУЧНОМ И МЕДИЙНОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются структурные и функциональные особенности парентетических конструкций в научном и медийном дискурсе на английском языке. Для каждого типа дискурса выявлены наиболее употребительные структуры и функции исследуемых единиц. Особое внимание уделяется специфическим для двух типов дискурса функциям парентетических конструкций (конспективная для научного дискурса; контактоустанавливающая и эмоционально-фокусирующая для медийного дискурса). Установлено, что основная причина выявленных различий заключается в факторе адресата.

Ключевые слова: парентеза, парентетическая конструкция, научный дискурс, медийный дискурс.

Введение

Проблема функционирования языка не теряет своей актуальности на протяжении длительного времени. Однако современные научные изыскания в большей степени ориентированы на исследование языкового функционирования не самого по себе, а с учетом определенных социальных, культурно-исторических, идеологических факторов, в соотношении с условиями восприятия информации и т. д. В этой связи внимание ученых справедливо обращено к дискурсивному анализу, который на сегодняшний день утвердился в качестве самостоятельного научного направления как на Западе, так и в странах Восточной Европы.

В ходе анализа научного и медийного дискурсов на английском языке было замечено достаточно частое использование в них парентетических конструкций, что послужило основанием для более детального рассмотрения данных синтаксических единиц в обоих типах дискурса.

На сегодняшний день разница в подходах к определению понятия *парентеза* и ее статуса наблюдается не только на межязыковом уровне – в англоамериканской, немецкой, отечественной и других терминологиях, – но и в рамках одного языка. Так, в русскоязычной синтаксической традиции термин *парентеза* нередко используется для обозначения стилистического средства и выступает гиперонимом по отношению к грамматическим понятиям *вводная* и *вставная/вставочная конструкция/структура* [1], [2]. При этом большинство авторитетных отечественных ученых сходятся во мнении о необходимости и возможности дифференциации понятий *вводности* и *вставочности*, основываясь на их интонационных, структурных и семантико-функциональных различиях [2]–[4] и др. В то же время в некоторых лингвистических справочных изданиях под иностранным термином *парентеза* понимается «вводный элемент в составе предложения» [5, с. 311] что ставит его в один ряд с вводными словами и предложениями.

В англоязычной синтаксической традиции под термином *parenthesis* ‘вводное предложение, вводное слово, круглые скобки’ обычно понимаются структуры различных уровней, включенные в предложение с целью привнесения дополнительной информации, однако не являющиеся частью данного предложения. На письме такие вношения отделяются от остального текста парными скобками, тире или другими графическими средствами [6]–[8]. Таким образом, в современной англоамериканской лингвистике, в отличие от работ начала и середины 20 века (см., например: С. W. Faulkner, Н. А. Sweet), вводные и вставные элементы четко не разграничиваются, а объединяются в достаточно широкое понятие парентезы. Обоснованность такого подхода представляется в том, что как вводные, так и вставные элементы приносят в предложение дополнительные сведения, а также характеризуются относительной изолированностью.

Аналогичное, однако более детализированное понимание данного явления было предложено белорусским лингвистом В. Д. Старичёнком, согласно которому *парентеза* – это «вставка внутри предложения вводных и вставных конструкций с целью показать нарушение хода мысли автора, его

отступление от основной темы, внесение в ход повествования дополнительных сведений фактологического и модального содержания» [2, с. 421]. Приведенное определение обладает неоспоримым достоинством, объединяя в себе различные подходы: разграничивая понятия вводности и вставочности в принципе, ученый не отождествляет парентезу лишь с одним из них, а также не приписывает ей исключительно стилистическую функцию.

С целью проведения анализа парентетических конструкций в научном и медийном англоязычном дискурсе нами были отобраны очерки и репортажи социально значимой тематики из качественных британских газет «The Guardian», «The Independent», «The Telegraph», «The Observer» и научные статьи британских авторов из международных сборников научных трудов «International Journal of Educational Research», «Children and Society», «Life Sciences», «Health Economics and Outcome Research». В ходе исследования было установлено, что парентетические конструкции являются распространенным языковым явлением как в научном (1204 примера), так и в медийном (426 примеров) дискурсе на английском языке. Вместе с тем статистические данные свидетельствуют о значительном преобладании исследуемых единиц в научном дискурсе, что послужило причиной более детального их рассмотрения в двух типах дискурса в сравнительно-поставительном аспекте.

Результаты исследования и их обсуждение

Парентетические конструкции в научном и медийном дискурсе реализуются в различных синтаксических формах: словоформах, словосочетаниях и предложениях. Наиболее употребительными в обоих типах дискурса являются парентезы, представленные словосочетаниями (57,1 % в научном дискурсе и 47,2 % в медийном), и, как правило, число полнозначных слов в составе таких конструкций не превышает продиктованных объемом оперативной памяти единиц (7+/-2). Например: *The annual cost of running the centre was estimated to be £38,122 in total or £191 per attendee (including non-trial attendees)* [9] 'Расходы на годовое содержание центра оценены в общей сложности в £38 122 или £191 на каждого участника (включая участников, не задействованных в экспериментах); *Sandra describes their wedding day – organised by David – as very special* [10, с. 4] 'Сандра описывает день своей свадьбы – организованный Дэвидом – как очень особенный'. Причина широкой употребительности рассматриваемых парентетических конструкций заключается в их промежуточном положении: с одной стороны, они характеризуются емкостью, позволяющей передать больший объем информации по сравнению с конструкциями-словоформами, а с другой стороны, они достаточно экономны и не перегружают основное предложение, удерживая таким образом внимание адресата на первостепенной информации, представленной в основной части предложения.

Для научного дискурса также достаточно употребительными оказались парентетические конструкции, выраженные словоформой (34,1 %), что обусловлено особенностями данного типа дискурса: в сфере научной коммуникации часто возникает необходимость конкретизации того или иного явления, приведения примеров, тождественных терминов и т. д. Например: <...> *no matter what the initial characteristics (or gifts) of the individuals, unless there is a long and intensive process of encouragement, nurturance, education and training, the individuals will not attain extreme levels of capability* [11, с. 95] '<...> не важно, каковы исходные характеристики (или таланты) индивидуумов, если нет продолжительного и интенсивного процесса поощрения, воспитания, образования и обучения, люди не достигнут максимального уровня своих возможностей'.

Размыкая непрерывность синтаксических связей и приводя к двуплановости повествования, парентетические конструкции выполняют ряд функций, характерных для научного и медийного англоязычного дискурса. Так, посредством введения рассматриваемых синтаксических единиц в основную линию повествования авторы дают *пояснения* или *уточнения* ряду фактов, вскрывают *мотивы* происходящего, передают различные *фоновые сведения* и т. д.

Обращаясь к наиболее употребительным функциям парентетических конструкций, отметим, что для научного и медийного дискурса они различны. Так, в анализируемых научных статьях преобладают парентезы *уточняющего* характера (51,3 %). При уточнении связь между двумя частями предложения «проявляется в переходе от более широкого к более узкому понятию» [12, с. 33], например: *It has developed in recent years to exploit a range of technology tools now commonly found in classrooms (primarily in the developed world)* [13] 'В последние годы оно (исследование – Т. Г.) расширилось в связи с использованием ряда технических средств, которые обычно встречаются в учебных классах (прежде всего, в развитых странах)'. Парентетическая конструкция в

данном случае относится к обстоятельству места и уточняет его, конкретизируя, о каких учебных классах идет речь, т. е. сужает объем понятия.

Характерные для научного дискурса парентетические конструкции, содержащие примеры, также были отнесены нами к *уточняющим*. Рассмотрим следующую парентезу: *Additionally, because of the allosteric nature of the interaction of ligand-GPCR-intracellular protein (e.g. G protein) affinity measured in binding assays may differ from affinity measured in functional assays* <...> [14, с. 30] 'Кроме того, из-за аллостерической природы взаимодействия лиганд-GPCR-внутриклеточного белка (например, белка G) сродство, измеренное в образцах связывания, может отличаться от сродства, измеренного в функциональных образцах <...>'. Здесь в качестве примера приводится конкретный белок из группы белков, что указывает на наличие гиперо-гипонимических отношений между данными понятиями и дает основание считать рассматриваемую парентетическую конструкцию уточняющей. Превалирование в научном дискурсе парентез уточняющего характера связано с необходимостью более точной передачи информации для ее однозначной интерпретации адресатом.

В медийном дискурсе наиболее употребительными оказались парентетические единицы, сообщающие дополнительные, *фоновые сведения фактологического характера* (40,4 %). Например: *She still occasionally sees her other sister, June (their brother is dead), but says she doubts whether she'll see Heather again* [15] 'Она все еще иногда видится со своей второй сестрой, Джун (их брат умер), но говорит, что не уверена, встретится ли снова с Хизер'. В данном примере в скобках приводится факт, позволяющий даже неподготовленному читателю получить полную картину о семейном положении описываемого лица. Использование данной конструкции обеспечивает воздействие на эмоции адресата, заставляя его в большей степени проникнуться ситуацией и посочувствовать герою очерка. Примечательно, что информация в таких парентетических единицах изложена довольно кратко, без детализации, что особо актуально в условиях ограниченного объема газетной публикации.

В другом примере парентетической конструкции из медийного дискурса рассматриваемая единица представляет собой ассоциативно возникающий дополнительный факт о статусе известного продюсера и писателя Джеффа Кинни: *Jeff Kinney, author of the hugely popular Diary of a Wimpy Kid books – and one of Time magazine's top 100 most influential people – tells Nick McGrath why his stories resonate around the world* [16] 'Джефф Кинни, автор чрезвычайно популярных книг «Дневник слабака» – и один из 100 самых влиятельных людей по версии журнала Time – рассказывает Нику МакГрату, почему его истории вызывают резонанс во всем мире'. Такие единицы создают впечатление того, что информация, заключенная в скобки, «не заложена во внутренней программе высказывания, а появляется как результат дополнительного ассоциирования, маргинальной, побочной деятельности речемыслительного механизма» [4, с. 190], что максимально сближает повествование с живой непринужденной разговорной речью.

Наряду с функциями, характерными как для научного, так и медийного дискурса, в ходе проведения исследования были установлены специфические для каждого типа дискурса функциональные особенности парентетических единиц. Так, специфику научного дискурса составляют парентезы, вводящие аббревиатуры, формулы, термины и т. д., которые используются автором при дальнейшем изложении материала. Например: *Cell penetrating peptides (CPPs) are a superfamily of peptides that interact with an intracellular segment of a G protein coupled receptor and interfere with signalling* [14, с. 31–32] 'Пептиды, проникающие в клетку (ППК), представляют собой надсемейство пептидов, которые взаимодействуют с внутриклеточным сегментом рецептора, связанного с белком G, и создают помехи при передаче сигналов'; *Measurement of vascular hydrogen peroxide (H₂O₂) production* [17, с. 113] 'Измерение выработки пероксида водорода (H₂O₂) в сосудах'. Ввиду того, что рассмотренные парентезы позволяют передавать информацию в очень лаконичной форме (аббревиатуры, формулы, термины и т. д.) без ущерба для полноты и ясности изложения, считаем правомерным называть их *конспективными*.

В медийном дискурсе значительное внимание уделяется актуализации адресата и адресанта, что, на наш взгляд, предопределило наличие в англоязычных газетных публикациях *контактоустанавливающих* и *эмоционально-фокусированных* парентетических конструкций. Так, в следующем предложении автор напрямую обращается к адресату, используя для этого парентетическую конструкцию, содержащую глагол в повелительном наклонении: *All in all a wonderful, magical evening, and great for families (but don't forget your blanket)* [18] 'В целом замечательный, волшебный вечер, и отлично подходит для семьи (но не забудьте свое одеяло)'. Установление тесного контакта с аудиторией позволяет каждому читателю стать активным субъектом речевого взаимодействия, что, в свою очередь, способствует оказанию эффективного воздействия на массовую аудиторию.

Эмоционально-фокусированные парентетические единицы, составляющие специфику медийного дискурса, представляют собой конструкции, передающие преимущественно авторские эмоции и не сопровождающиеся какой-либо дополнительной значимой информацией. Например: <...> *in a small, private room dotted with fresh orchids, candles and – joy! – little Italian pastries, followed by a soothing massage* [19] ‘<...> в небольшой отдельной комнате, уставленной свежими орхидеями, свечами и – о чудо! – маленьким итальянским печеньем, с последующим расслабляющим массажем’. Такие единицы актуализируют адресанта, а также оживляют повествование, делая его более привлекательным для читательской аудитории.

Выводы

Обобщая полученные данные, отметим, что парентетические конструкции широко представлены как в научном, так и в медийном англоязычном дискурсе, однако их потенциал используется по-разному. Основная причина выявленных различий заключается, на наш взгляд, в факторе адресата, т. е. в необходимости учета специфики аудитории, на которую рассчитано сообщение. Так, целевая аудитория научных журналов – это специалисты в той или иной научной области, обладающие в большинстве случаев достаточными фоновыми знаниями для адекватного понимания статьи и нуждающиеся, главным образом, в конкретизации описываемых данных и примерах, которые подтверждают результаты исследования. В свою очередь, медийный дискурс ориентирован на массового адресата, в связи с чем парентетические конструкции, передающие фоновые сведения фактологического характера, являются необходимым условием корректной интерпретации сообщения. Более того, необходимость реализации воздействующей функции СМИ обусловила наличие в исследуемом медийном дискурсе специфических для него контактоустанавливающих и эмоционально-фокусированных парентетических единиц.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Антонова, В. В. Парентетические конструкции современного русского языка в лингвокультурологическом аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / В. В. Антонова ; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2015. – 18 с.
2. Стариченок, В. Д. Большой лингвистический словарь : [более 3 000 лингвист. терминов и понятий] / В. Д. Стариченок. – Ростов н/Д : Феникс, 2008. – 810 с.
3. Александрова, О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса: на материале английского языка / О. В. Александрова. – Изд. 2-е, испр. – М. : URSS : Либроком, 2009. – 216 с.
4. Норман, Б. Ю. Грамматика говорящего: от замысла к высказыванию / Б. Ю. Норман. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : URSS, 2011. – 227 с.
5. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Изд-е 5-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 576 с.
6. Biber, D. Longman Grammar of Spoken and Written English / D. Biber, S. Johansson, G. Leech, S. Conrad, E. Finegan. – Harlow : Pearson Education Limited, 2007. – 1204 p.
7. Crystal, D., The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. – 2nd ed. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003. – 506 p.
8. The Advanced Learner’s Dictionary of Current English / ed. A. S. Hornby. – 6th ed. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 1552 p.
9. Jones, C. L. Cost-Effectiveness Findings from the Agewell Pilot Study of Behaviour Change to Promote Health and Wellbeing in Later Life [Electronic resource] / C. L. Jones, R. T. Edwards, S. M. Nelis, I. R. Jones, J. V. Hindle, J. M. Thom, J. Cooney, L. Clare // Health Economics and Outcome Research. – 2015. – Vol. 1, iss. 1. – Mode of access: <https://www.omicsonline.org/open-access/costeffectivenessfindings-from-the-agewell-pilot-study-of-behaviour-change-to-promote-health-and-wellbeing-in-later-life-heor-1000105.php?aid=64500>. – Date of access: 16.03.2018.
10. Rhodes, G. We Found Love Later in Life / G. Rhodes // The Guardian. – 2013. – 19 Jan. – P.4.
11. Humble, S. The Effects of Schooling, Family and Poverty on Children’s Attainment, Potential and Confidence – Evidence from Kinondoni, Dar es Salaam, Tanzania / S. Humble, P. Dixon // International Journal of Educational Research. – 2017. – № 83. – P. 94–106.
12. Крюкова, Л. А. Пояснительные конструкции как средство достижения доступности в научно-учебном тексте / Л. А. Крюкова // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2008. – № 5. – С. 28–35.
13. Mercer, N. Dialogue, Thinking Together and Digital Technology in the Classroom: Some Educational Implications of a Continuing Line of Inquiry [Electronic resource] / N. Mercer, S. Hennessy,

P. Warwick // International Journal of Educational Research. – 2017. – Mode of access: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0883035517303877>. – Date of access: 16.03.2018.

14. Maguire, J. J. Evidence for Biased Agonists and Antagonists at the Endothelin Receptors / J. J. Maguire // Life Sciences. – 2016. – № 159. – P. 30–33.

15. Moorhead, J. Clarissa Dickson Wright: 'I Don't Love My Father – Fond Is As Good As It Gets' [Electronic resource] / J. Moorhead // The Guardian. – 2011. – 22 Oct. – Mode of access: <http://www.theguardian.com/lifeandstyle/2011/oct/22/clarissa-dickson-wright-father-alcoholic>. – Date of access: 17.03.2018.

16. McGrath, N. Jeff Kinney: 'People Ask Me, Is Greg Really You?' [Electronic resource] / N. McGrath // The Guardian. – 2012. – 1 Dec. – Mode of access: <http://www.theguardian.com/lifeandstyle/2012/dec/01/diary-wimpy-kid-jeff-kinney>. – Date of access: 17.03.2018.

17. Vascular Dysfunction and Fibrosis in Stroke-prone Spontaneously Hypertensive Rats: The Aldosterone-Mineralocorticoid Receptor-Nox1 Axis / A. P. Harvey [et al.] // Life Sciences. – 2017. – № 179. – P. 110–119.

18. Kennedy, E. Badger Watching, Hertfordshire [Electronic resource] / E. Kennedy // The Guardian. – 2012. – 30 Nov. – Mode of access: <http://www.theguardian.com/travel/2012/nov/30/badger-watching-hertfordshire>. – Date of access: 19.03.2018.

19. Nelson, C. Snowboarding and Spa Treatments in Tuscany [Electronic resource] / C. Nelson // The Guardian. – 2012. – 26 Oct. – Mode of access: <http://www.theguardian.com/travel/2012/oct/26/snowboarding-spa-holiday-appenines-tuscany>. – Date of access: 19.03.2018.

Поступила в редакцию 23.04.2018

E-mail: tatiana.greben@gmail.com

Tatsiana Hreben

PARENTHETICAL CONSTRUCTIONS IN SCIENTIFIC AND MEDIA DISCOURSE IN ENGLISH

The paper deals with structural and functional peculiarities of parenthetical constructions in scientific and media discourse in English. For each type of the discourse the most common structures and functions of the items under consideration are defined. Specific functions of parenthetical constructions for scientific and media discourse are highlighted. The phenomenon of a recipient is considered to be the main reason for the differences.

Keywords: parenthesis, parenthetical construction, scientific discourse, media discourse.

УДК 81`1/4

Н. Л. Дорош

Аспирант третьего года обучения кафедры русской филологии, преподаватель кафедры русского языка как иностранного, УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы», г. Гродно, Республика Беларусь

Научный руководитель: Никитевич Алексей Васильевич, доктор филологических наук, профессор

ГЛАГОЛЫ-ОТСУБСТАНТИВЫ, СООТНОСИМЫЕ С ОТВЛЕЧЕННЫМИ ИМЕНАМИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ, В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена структурно-семантическому анализу глаголов-отсубстантивов, соотносимых с отвлеченными именами существительными, в русском и белорусском языках. Автор представил словообразовательные значения глаголов-отсубстантивов, описал сходства и различия в образовании производных единиц в русском и белорусском языках, дал характеристику структурно-семантическим особенностям номинативных рядов, выявил факты аналитизма и словообразовательной избыточности в деривации глаголов-отсубстантивов в русском и белорусском языках.

Ключевые слова: словообразование, словообразовательное значение, абстрактные имена существительные, глагол-отсубстантив, номинативный ряд.

Введение

Чрезвычайно разветвленный и активный участок словообразовательной системы представляет собой глагольное словообразование, разнообразное и с семантической, и с формальной точек зрения. В. В. Виноградов писал о том, что у глагола самые широкие словообразовательные связи, в виду чего он связывает все участки словообразования русского языка [1]. Нам известны как внутриглагольное словообразование, так и образование глаголов от других частей речи. Словообразование глаголов зависит от производящей единицы и ее отнесенности к той или иной части речи. Выделяют глаголы, образованные от глаголов (*видеть – увидеть*), прилагательных (*синий – синеть*), междометий (*охать*) и существительных (*аркан – арканить*).

Объектом нашего исследования являются глаголы, мотивированные именами существительными. Как известно, имена существительные в русском языке по значению делятся на четыре основных разряда: конкретные (*стол, дерево, человек*), вещественные (*сахар, глина, опилки, чернила*), собирательные (*молодежь, листва, зверье*) и отвлеченные (*теплота, хлопоты, сострадание*) [2]. Наша статья посвящена анализу отсубстантивных глаголов, соотносимых с абстрактными именами существительными или образованных от них. Отвлеченные имена существительные по своей природе одноаспектны, в силу чего значение производных от них глаголов достаточно предсказуемо: имя называет признак и на основе соответствующей семы вербализуется процесс проявления этого признака в какой-либо конкретной ситуации. К примеру, от названий состояния человека *горе, вера, удивление* образуются глаголы со значением 'быть в состоянии, названном именем существительным' (*горевать, верить, удивляться*), от наименований явлений природы *вьюга, мороз* – глаголы со значением 'быть явлению, называемому именем' (*вьюжить, морозить*) и т. д.

Результаты исследования и их обсуждение

Отвлеченные имена существительные обозначают абстрактные понятия качества, действия и состояния. Глаголы, образованные от отвлеченных имен существительных, не обладают многообразием значений. А. В. Никитевич в соответствии с типологией словообразовательных значений рассматривает следующие пять групп глагольных единиц, образованных и соотносящихся с абстрактными именами существительными: глаголы со значением 'быть в состоянии, названном именем', 'наделять кого-либо или что-либо тем, что названо мотивирующим существительным', 'совершать названное именем действие', 'проводить время, названное именем' и 'быть явлению, называемому именем' [3].

Словообразовательное значение глаголов 'быть в состоянии, названном именем' представлено такими глаголами, как *верить, скучать, тосковать* в русском языке и *сумаваць, смуткаваць, верыць* – в белорусском. Большинству единиц этой группы соответствуют деривационные словосочетания с базовым компонентом *испытывать / адчуваць*. Например: *скорбеть – испытывать скорбь, сумаваць – адчуваць сум*. В русском литературном языке эта группа отсубстантивных глаголов представлена шире, нежели в белорусском.

Сопоставительный анализ показал, что некоторые русские глаголы могут не иметь точных однословных соответствий в белорусском языке, где это значение передается посредством деривационного сочетания – аналитической конструкции, включающей глагол в деривационной функции и существительное, выражающее основное лексическое значение. Например: рус. *блаженствовать* – бел. *атрымліваць асалоду, нуждацца – мець патрэбу* и т. д. С другой стороны, и в русском языке также есть деривационные сочетания с глаголом *испытывать*, которые являются единственным способом представления глагольной семантики и не имеют однослового соответствия в системе русского глагола: *испытывать омерзение (адчуваць агіду)* – Ø. Об этом, в частности, свидетельствует словарь-справочник В. М. Дерибаса, в котором зафиксировано значительное число подобных устойчивых глагольно-именных словосочетаний. Ср., например: *испытывать энтузиазм, испытывать неудобство, испытывать горечь, испытывать апатию* и др. [4, с. 65–68].

Среди глаголов, образованных от отвлеченных имен существительных и представляющих словообразовательное значение ‘наделять кого-либо или что-либо тем, что названо мотивирующим существительным’ можно отметить следующие: рус. *кредитовать, дисциплинировать, регламентировать, систематизировать, славить*; бел. *смяшыць, фінансаваць, сароміць, ішкодзіць*. Следует отметить, что за общей формулой словообразовательного значения (‘наделять кого-либо или что-либо тем, что названо мотивирующим существительным’) скрыты вполне вполне конкретные семантические различия. Эти различия легко эксплицируются, если данные глаголы рассмотреть не изолированно, а в составе соответствующих им номинативных рядов. Так целый ряд рассматриваемых глаголов представляют модель *приводить в то или иное состояние*: рус. *тревожить – приводить в состояние тревоги, ужасать – приводить в ужас*, бел. *турбаваць – прыводзіць у стан непакою, трывогі*.

В отдельную подгруппу можно выделить глаголы с суффиксами *-ова-, -ирова-*: рус. *финансировать* – бел. *фінансаваць, травмировать – траўміраваць, кредитовать – крэдытаваць*. Особенностью семантики данных глаголов является соответствие их деривационным моделям *предоставить что, снабдить чем, дать что, забяспечыць чым*. Например: *предоставить кредит – даць крэдыт, снабдить финансами – забяспечыць фінансамі*.

Ряд отсубстантивных глаголов представляют словообразовательное значение ‘совершать наванное именем действие’ Ср., например: бел. *гастраліраваць, атакаваць, бунтаваць*; рус. *беседовать, казнить, арендовать*. В составе номинативных рядов данных глаголов можно отметить разные типы словосочетаний в деривационной функции: рус. *арендовать – брать в аренду, атаковать – производить атаку, казнить – подвергать казни*; бел. *бунтаваць – узнімаць бунт, удзельнічаць у бунце, гастраліраваць – прыязджаць на гастролі, арандаваць – браць у арэнду*.

Самостоятельную группу представляют глаголы со значением ‘проводить время, названное именем’ (рус. *сумерничать, оневать, зимовать*; бел. *летаваць, начаваць, векаваць*). Наиболее частым деривационным компонентом в составе словосочетаний, соответствующих глаголам данной группы, является глагол *проводить / праводзіць*. Помимо этого глагола в составе деривационных словосочетаний встречаются и другие. Например, рус. *зимовать – остаться на зиму*, бел. *летаваць – застацца на лета, пакінуць на лета*, рус. *ночевать – остаться на ночь*, бел. *начаваць – спаць ноч* и др. Однако в обоих языках в ряде случаев лексически конкретизированное словосочетание представляет лишь определенный фрагмент семантики производного глагола [3].

Группу со значением ‘быть явлению, называемому именем’ представляют такие глаголы, как рус. *вьюжить, морозить*, бел. *штарміць*.

Глаголы, соотносимые с отвлеченными именами существительными, представляют собой неоднородный пласт лексики как в русском, так и в близкородственном ему белорусском языке. Анализируя глаголы, производные от отвлеченных имен, мы выделили три группы производных единиц. В первую группу входят глаголы, которые родственны по корню, то есть при образовании глагола-отсубстантива в русском и белорусском языке наблюдается абсолютное совпадение корня. Например, рус. *верить* – бел. *верыць* (общий корень *вер-*), рус. *бунтовать* – бел. *бунтаваць* (общий корень *бунт-*). Чаще русские и белорусские глаголы-отсубстантивы отличаются друг от друга корневыми морфемами. Такие случаи мы отнесли ко второй группе. Например, рус. *скорбеть* – бел. *смуткаваць*, рус. *тосковать* – бел. *сумаваць*.

Третья группа производных единиц характеризуется стилистическими различиями. Так, русскому глаголу *ужасать (приводить в ужас)* в белорусском языке соответствует глагол *жахаць*, который в белорусском языке относится к разговорной лексике.

Отвлеченные имена по-разному включены в словообразование в русском и белорусском языках. Встречаются случаи, когда в русском языке есть глагол, имеющий отношение к отвле-

ченному состоянию, а в белорусском – нет. Поэтому единственный способ выразить это состояние – аналитизм. Например, рус. *сумерничать* – бел. *праводзіць шэрую (шарую) гадзіну*. С учетом отмеченных выше обстоятельств можно в перспективе обратить внимание на возможное участие устойчивых глагольно-именных сочетаний в структуре моделируемых деривационных гнезд.

Хорошо известно, что исходным словом в словообразовательных парах могут выступать как абстрактное существительное, так и глагол. *Крыўда – крыўдзіць, боль – балець, вера – верыць; боль – болей, грусть – грустить, тоска – тосковать*. Абстрактное имя существительное проектируется в глагол и в русском, и белорусском языках, и эта схема работает весьма продуктивно в обоих языках, несмотря на то обстоятельство, что зачастую формально исходным словом в словообразовательном гнезде, в состав которых входят абстрактные имена, является глагол (*жадаць – жаданне, хвалявацца – хваляванне; разочараваться – разочарование, волноваться – волнение* и др.) [4], [5].

Общепризнанно, что производное слово – результат определенного соединения конкретных морфем. Вместе с тем существуют морфонологические барьеры, связанные с актуализацией валентности тех или иных морфем, то есть возможностью/невозможностью их сочетания и соединения. В силу этого рамки словообразовательного гнезда ограничены возможностями вполне конкретных словообразовательных моделей, которые существуют в обоих языках. Глагольно-именные сочетания в данном случае охватывают все точки грамматического и синтаксического пространства глагола и развивают те семантические линии, которые остаются за их рамками.

Рассмотрим реализацию некоторых семантических линий в русском языке на примере единиц, связанных с абстрактным существительным *тревога* (морфема *тревог-*), в белорусском – связанных с именем существительным *вера* (морфема *вер-*):

Испытывать тревогу – тревожиться

Вызывать тревогу – тревожить

Проявлять тревогу – ∅

Дать тревогу – ∅

Бить тревогу – ∅

Поднимать тревогу – ∅

Внушать тревогу – ∅

Вселять тревогу – ∅

Унять тревогу – ∅

Объявлять тревогу – ∅

Рассеивать тревогу – ∅

∅ – встревожить

∅ – потревожить [4].

Следует отметить, что взаимодействие синтетизма и аналитизма в обоих языках позволяет охватить все «точки» семантического пространства глагола, обеспечивая номинативную систему языка единицами, которые реализуют когнитивно значимую семантику.

Адымаць веру – ∅

Мець веру – верыць

Прынімаць веру – ∅

Берагчы веру – ∅

Страціць веру – ∅

Усяляць веру – ∅

∅ – паверыць

∅ – даверыць

∅ – зняверыць.

В. М. Никитевич указывал, что «когда нет готового слова и оно по морфологическим или другим причинам, например, в силу консерватизма нормы не может быть создано, более сложная, чем отдельное слово, номинативная единица становится единственным средством выражения требуемого понятия» [6, с. 22]. Существенно, что глаголы в деривационной функции в составе устойчивых сочетаний обладают известными возможностями грамматической трансформации. Ср.: рус. *испытывать тревогу – испытать тревогу*; бел. *берагчы веру – зберагчы веру* и т. д.

Рассматривая возможности аффиксации и деривационного аналитизма, не следует абсолютизировать роль деривационных сочетаний. Говоря о преимуществе аналитических номинаций, исследователи обычно отмечают их связь с общеязыковой тенденцией к наибольшей мотивированности обозначения, со стремлением к точности и выразительности [7]. Такие выражения, действительно, способны реализовать более широкий диапазон значений, чем собственно глагол [8]. Так еще Ф. И. Буслаев отмечал, что в таких выражениях «разлагающих

название действия на глагол и имя, оказывается возможность определять самый предмет» [9, с. 257]. Однако не следует забывать, что в ряде случаев и аффиксация способна представить такие значения, которые не могут быть выражены посредством аналитических конструкций (рус. *встревожить*, *встревожиться*, бел. *даверыць*, *зняверыць*).

Выводы

Отвлеченные имена существительные по-разному «участвуют» в глагольном словообразовании. В обоих языках можно обнаружить как полную реализацию семантических моделей средствами словообразования, так и исключительно аналитическое выражение, посредством деривационных сочетаний. Ср.: рус. *тревожить* – *приводить в состояние тревоги*, *Ø* – *приводить в состояние блаженства*, бел. *ганарыцца* – *адчуваць гонар*, *Ø* – *адчуваць асалоду*. Таким образом, деривационные сочетания способны не только «поддержать» экспликацию той или иной модели от имен, не имеющих словообразовательной проекции в глагол, но и организовать представление семантических оппозиций, какой является, например, оппозиция «активное воздействие, стимулирование какого-либо состояния» – «результат этого воздействия, вступление в какое-либо состояние». Ср.: рус. *привести в отчаяние* – *прийти в изумление*, бел. *усяляць веру* – *быць у роспачы*. Вокруг данной оппозиции, в качестве смыслового центра сосредоточено большое количество отвлеченных имен, которые «включаются» в поле глагола лишь в составе устойчивых глагольно-именных сочетаний – одной из разновидностей словосочетаний в деривационной ункции. Устойчивые глагольно-именные сочетания, обогащая семантическую палитру глагольных номинаций, выполняют немаловажную роль в функционировании такого номинативного класса как глагол.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1986. – 639 с.
2. Русская грамматика : в 2 т. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 784 с.
3. Никитевич, А. В. Русский глагол в составе номинативных рядов : монография / А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2004. – 347 с.
4. Дерibas, В. М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка / В. М. Дерibas. – М. : Русский язык, 1975. – 240 с.
5. Васілеўскі, М. С. Дзеяслоўнае словаўтварэнне: адыменныя суфіксальныя лексемы / М. С. Васілеўскі. – М. : Навука і тэхніка, 1985. – 248 с.
6. Никитевич, В. М. Основы номинативной деривации / В. М. Никитевич. – Минск : Высш. шк., 1985. – 347 с.
7. Никитевич, А. В. Синтезизм/аналитизм в выражении глагольной семантики в русском и белорусском языках / А. В. Никитевич // Принципы функционального описания языка : тез. всерос. науч. конф. : в 2 ч. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1994. – Ч. 1. – С. 125–126.
8. Сидорец, В. С. Неоднословные наименования предикативного признака у восточных славян / В. С. Сидорец. – Минск : РИВШ, 2014. – 268 с.
9. Буслаев, Ф. И. Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслаев. – М. : Книжный магазин братьев Салавевых, 1881. – 660 с.

Поступила в редакцию 19.01.2018

E-mail: natali-200707@mail.ru

Natalia Dorash

DENOMINATIVE VERBS ASSOCIATED WITH ABSTRACT NOUNS IN RUSSIAN AND BELARUSIAN

The article is devoted to structural-semantic analysis of denominative verbs which are associated with abstract nouns in Russian and Belarusian. The author presented the derivational meanings of denominative verbs and described the similarities and differences in the formation of derived units in Russian and Belarusian. Moreover, the author gave a description of the structural-semantic peculiarities of nominative series. Above that the facts of analytic and derivational redundancy in the derivation of denominative verbs in Russian and Belarusian were revealed.

Keywords: word formation, derivational value, abstract nouns, denominative verbs, nominative series.

И. О. Ковалевич

Кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков и методики преподавания иностранных языков, УО «Мозырский государственный университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

ИГРОВОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ

Настоящая статья посвящена изучению особенностей игрового словообразования в разговорной речи детей и взрослых. На примере отдельных групп окказиональных дериватов исследуются направления словотворческих процессов в речи обеих возрастных категорий, устанавливаются общие и специфические механизмы окказионального словообразования с установкой на определённый стилистический эффект.

Ключевые слова: языковая игра, окказионализм, экспрессивность, эмоциональность, образность, троп.

Введение

Речевая коммуникация представляет собой сложный процесс, протекающий в соответствии с некими установленными правилами и нормами, которые предписывают употребление языковых единиц в речи. Нередко коммуниканты в попытке добиться оригинальности речи стараются творчески подходить к отбору языковых средств и их сочетанию, продуцируя тем самым нестандартные, нешаблонные речевые формы. Данный процесс носит игровой характер и чем-то напоминает действия ребенка, пытающегося из отдельных элементов (например, кубиков) построить цельную фигуру. Для обозначения такого рода специфического употребления языковых единиц в речи Л. Витгенштейн ввёл в научный обиход термин «языковая игра». Согласно определению Н. В. Данилевской, «языковая игра – определённый тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, т. е. на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя / читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект» [1, с. 657]. Языковая игра демонстрирует творческие способности языковой личности, её умение мыслить нестандартно, отходить от установленных языковой нормой шаблонов и образцов. В. З. Санников частично отождествляет понятия «языковая игра» и «языковая шутка» при условии, что первая имеет своей целью создание комического [2, с. 15]. Однако автор также не отрицает существования установки на создание вымышленной реальности, примером чему является творчество В. Хлебникова.

Языковая игра охватывает разные языковые уровни, включая и словообразовательный, в результате чего продуцируется особый вид окказиональных слов – лексических единиц, наделённых коннотацией необычности, искусственности, обусловленной выходящим за рамки норм словопроизводства и словоупотребления сочетанием морфем – с установкой на определённый стилистический эффект. Подобные новообразования характеризуются речевой принадлежностью, ненормативностью, зависимостью от контекста, нестандартностью, экспрессивностью и др. (по А. Г. Лыкову) [3, с. 11]. Также следует отметить, что окказиональные слова нередко характеризуются образностью, основу которой составляет семантическая двуплановость. Семантическая двуплановость окказиональных слов, по мнению О. И. Ревуцкого, имеет двойную природу: с одной стороны, она достигается семантической контрастностью объединяющихся в составе окказионализма морфем, а с другой – корреляцией семантики окказионального слова и его узуального прообраза [4, с. 76]. Это даёт основание относить окказионализмы данного типа к категории тропов.

Следует отметить, что окказиональное словообразование как стилистических приём является актуальным для публицистических жанров, а также художественной литературы, в частности поэзии. Нередко авторы произведений вырабатывают свои индивидуальные направления окказиональной деривации, отличающие их от остальных. Так, интерес у лингвистов вызывает окказиональное словотворчество таких русских писателей, как В. Маяковский, Е. Евтушенко, М. Цветаева, В. Высоцкий, С. Кирсанов и др.

Разговорная речь также является источником лексических окказионализмов, которые выступают в качестве источников особой экспрессии и образности. При этом в качестве создателей подобных новообразований могут выступать как взрослые, так и дети, включая даже дошкольников.

Целью настоящей статьи является изучение особенностей игрового словообразования в разговорной речи детей и взрослых. На примере отдельных групп окказиональных дериватов исследуются общие и специфические направления словотворческих процессов в речи обеих возрастных категорий.

Результаты исследования и их обсуждение

Окказиональные дериваты как продукт осознанной языковой игры характеризуются экспрессивностью, порождаемой необычностью новой лексической единицы из-за имевшего место нарушения речевого стандарта. При этом степень указанного выше качества может варьироваться в пределах выдвигаемой В. И. Шаховским оппозиции «сильнее – слабее». Чем больше отступление от нормы, тем выше степень экспрессивности речевого новообразования, и наоборот.

Качество экспрессивности окказионализмов, как и узуальных слов, часто совмещается с такими качествами, как эмоциональность, оценочность и образность.

Эмоциональность, согласно определению В. К. Харченко, является психологической категорией, связанной со способностью говорящих выражать как положительные, так и отрицательные эмоции. По мнению автора, для данной категории релевантна оппозиция «хорошо – плохо». В группе окказионализмов данное качество часто выражается дериватами со значением ласкательности. К числу наиболее продуктивных словообразовательных формантов как в речи детей, так и в речи взрослых относится суффикс *-онок-*. Ср.: *рюкзачонок¹, пузырята, сочонок* (из детской речи); *лгунёнок, обжирёнок, подлизёнок, ябедёнок, трусёнок* (от *трус*), *монстрёнок* и т. д. – ласково о детях (из речи взрослых).

Оценочность, по мнению В. К. Харченко, являясь категорией функциональной, отражает отношение коммуникантов к определённым объектам, процессам, явлениям. По нашим наблюдениям, ярко выраженную оценочность имеют, например, суффиксальные субстантивы с формантом *-иц-*, выражающим значение увеличительности: *Я злой червякище!* (7 л.); *Какой большой гранат! Это не гранат/ а гранатище// Просто бомба!* (8 л.) (из речи детей); *Это не подарок/ а подарщице!*; *Посмотри/ какой получился супермен// Суперменище даже!*; *Такой кредитище мы никогда не выплатим//* и др. (из речи взрослых).

В целом, в речи взрослых инвентарь подобного рода суффиксов отличается значительно большим многообразием по сравнению со словотворчеством детей. Так, суффиксы *-ушк-*, *-ик*, *-к-*, *-онок* и др. развивают дополнительное значение уничижительности, что не является характерным для словотворчества детей. Ср.: *У тебя/ может и зарплата/ а у меня/ зарплатка//; А глупости в том, что человек из-за какой-то фирмушки невзлюбил целый оконный концерт²; ... потому что там не магазин, а магазинюшка, магазинёнок даже...* и т. д. В последнем случае наблюдается отчётливая дифференциация суффиксов по стилистическим оттенкам: суффикс *-онок* наделяется значением большей пренебрежительности в сравнении с суффиксом *-ушк-*.

Оценочная функция окказионального словотворчества также прослеживается в образовании дериватов с другими формантами (*-юх-*, *-ёвин-*, *-ан*, *-юг-* и др.): *магазинюха, мебелёвина, картофан, очкарюги, наколюга* (о наколке), *врачениця* (о враче), *туфляки* (о туфлях), *рюкзакон* (о рюкзаке), *лампотулька* (о лампочке) и др. В детской речи подобные дериваты появляются только в школьном возрасте: *Покажи мне фотяры//* (о фотографиях) (6 л. 3 м.); *Мама/ посмотри/ это же наш бывший садюга!* (7 л. 8 м.).

Оценочность может выражаться также посредством разного рода префиксов и префиксоидов. В речи детей данные форманты встречаются, как правило, ближе к школьному возрасту и по мере взросления ребенка становятся более разнообразными: *Я суперрубитель!* (6 л. 5 м.); *Скорее садись на место пилота и соверши увлекательный суперполёт!* (12 л.); *Посмотри/ у меня получился суперпельмень!* (13 л. 5 м.); а также *мегахомяк* (11 л. 4 м.), *мегаржачный* рассказ (11 л. 6 м.), *супервкусные* блины (10 л. 9 м.).

В речи взрослых подобного рода префиксы и префиксоиды характеризуются особой продуктивностью: *На недофутбол мне как то параллельно если честно...; Что-то на улице непонятное/ какой-то недоснег/ или недодождь//; Платье вполне приличное/ без какого-либо пересекса//; Ну/ что/ красота? – А мне кажется/ что даже перекрасота//* и др. *супершкодливый*,

¹ Материалы для исследования детских окказионализмов были получены в результате личного общения с детьми дошкольного и школьного возраста, бесед с их родителями и педагогами, а также из Интернет-ресурсов, посвящённых вопросам речевого развития детей и особенностям их воспитания в целом (<http://det.org.ru>; <https://deti.mail.ru> и др.).

² При цитировании материалов из Интернет-переписки сохраняются речевые, орфографические и пунктуационные особенности первоисточников.

супердешёвый, суперласковый, суперчистоплотный (о питомце), *мегажадный, меганаивный, архисочный* (об арбузе), *архимобильный* (т. е. быстрый в передвижении), *архиположительный* и т. д.

Особую группу оценочно-экспрессивных окказионализмов составляют субстантивы с агентивной семантикой, образованные от глагольных основ. Это могут быть также и композитные новообразования, созданные на основе глагольных словосочетаний посредством разного рода суффиксов (-х-, -льщиц-, -тель, -к-, -лк-, и др.). Окказиональные композиты характеризуют, как правило, речь старших дошкольников и школьников: *Забыватель забывает свой тапок*// (4 г. 4 м.); *Ты/мама/перепутка и непомнилка*// (4 г. 6 м.); *И дедуля меня хочет съесть/и бабуля/Вас дома не кормят/что ли? Вы что/Настеедки?* (5 л.); А: *Сына/кем ты будешь/когда вырастешь?* – Б: *Кошкотаскателем!* (6 л.); *Я тебе не яблокособиралка*// (13 л. 5 м.) и т. д. Данная группа агентивов широко представлена и в словотворчестве взрослых: *Хватит бросать вещи/Бросун нашёлся*//; *А мой такой крутяка*// (о ребёнке); *Подсказуха/не подсказывай мне*//; а также *вещеистребитель, соседораздражитель, конфетообожатель, сокодавитель, посудодробительница, нервотрепательница, игрушколомательница* (о детях) и др. Как видно из представленных примеров, подобные новообразования выступают в качестве средств характеристики и имеют оттенок иронии и самоиронии. Показательно также, что дериваты данного типа используются коммуникантами как «обзывалки»: А: *Яра/это моя коляска*// – Б: *Кричалка*// – А: *Сама кричалка*// (5 л. 4 м.); *Мама/ты забывалка*// (5 л. 6 м.); *Хватит ты спрашивала/спрашивалка*// (10 л.) (из речи детей); *Пусть выбрасывает выбрасывалка*//; А: *Я родила ребёночка*// – Б: *Я тебе сейчас рожу/рожалка*// (в обращении к ребёнку); а также *пряталка, терялка, бродилка, обещалка* и др. (из речи взрослых).

В речи взрослых подобные агентивы могут мотивироваться также фразеологизмами, что значительно усиливает их экспрессивность: *...я познакомилась на сайте знакомств со своим мужем <...> и когда увидела его сообщение мне, то решила что очередной «морочитель головы»...; Тоже не люблю длительной болтовни по телефону, особенно «приветкадила» или «за жисть»)) Если вижу, что звонит потенциальный резиנותянутель, стараюсь подольше не принимать вызов, авось передумает...; а также закатыватель истерик, вешатель лапши, тянутель kota за хвост, вороночитатель* и др.

Особой оценочностью в речи взрослых наделяются также отглагольные субстантивы с орудийной семантикой, образованные посредством форманта -лк-. Коммуниканты осознают новизну созданных ими лексических единиц, употребляемых нередко с оттенком иронии и выступающих в качестве синонимов к нормативным коррелятам, как правило, известным говорящим. Ср.: *Мы попользовались gps-навигатором, теперь этот прибор называем не иначе как «блудилка».*

Образность, в отличие от экспрессивности и оценочности, определяется как отражательная категория, основу которой составляет ассоциативность. По данным А. М. Шахнаровича и Н. М. Юрьевой, способность к образному осмыслению метафорических словоупотреблений развивается у детей в 4–5 лет [5, с. 118]. Примерно в этот же период начинают создаваться и собственные метафоры, основанные, как правило, на переосмыслении формы, функции, структуры, цвета объектов (О. В. Шабалина, М. Б. Елисеева). Материалы нашего исследования показывают, что одновременно с метафорами появляются и первые окказионализмы, обнаруживающие качества тропеической образности. Одним из примеров тому является осознанное олицетворение. В данном отношении показательны окказионализмы со значением детскости, мотивированные неодушевлёнными именами существительными: *Жили-были танк и тантёнок*// (2 г. 5 м.); *Если из рыбиной икры вылупляются маленькие рыбки/то из кабачковой должны вылупиться маленькие кабачата*// (4 г.); *На столе большой арбуз/а на грядке маленькие арбузята/Это их мама*// (4 г. 4 м.); *Был шар/сдулся и стал шарёнком*// (7 л. 8 м.); *Это гриб/а рядом/грибочонок*// (9 л.) и др. Подобная генерализованная модель производства окказиональных субстантивов используется и взрослыми: *А ты зайди на автору посмотри битые машинята, и сразу всё поймешь... там не металл, а фольга* (Auto.ru – название сайта); А: *Мы с малой ещё посадили декоративную тыкву, растёт буйно все семена взошли...* – Б: *Декоративную – это типа карафонки?.. Маленькие такие тыквята* и др.

Особой образностью отличаются окказионализмы, образованные способами, не характерными для языкового узуса, к числу которых относятся контаминация и резтимологизация.

Уже в речи дошкольников нами зафиксированы случаи, когда дети осознанно производят новые слова, стараясь исправить существующие, по их мнению, языковые неправомерности. В подобных случаях окказионализмы выступают в качестве реакции на речь взрослых и употребляются в ответных высказываниях на соответствующие реплики-стимулы: А: *Мама/а кто такой водолаз?* – Б: *Это/сыночка/человек/который ныряет под воду/например/ищет жемчуг или поднимает со дна моря затонувшие сокровища*// – А: *Тогда он должен называться подволаз*//

(4 г.); А: *Правильно лепмени!* – Б: *Кто тебе такое сказал?* – А: *Никто!* // *Просто бабушка сама их лепила/ значит/ лепмени!* // А у нас они из магазина// *Значит/ пельмени!* (5 л.); *Это потому/ что осень и грустно/ поэтому/ грустника!* (о бруснике) (5 л.). Подобного рода языковая игра достаточно активно продолжается и в дальнейшем, характеризуя речь школьников: *Если у нас подмышки/ то у мышей должны быть подчеловечки!* (10 л. 5 м.) и т. д. В данном случае обнаруживается как реэтимологизация, так и создание тропической пары (человек – мышь) и игра фантазии, ведущая к своеобразному олицетворению мыши: она якобы имеет руки и подмышки. Здесь можно обнаружить и такой универсальный признак троповости, как тенденция к «перевёртыванию», когда второй элемент становится зеркальным отражением первого. Все подобные примеры можно охарактеризовать как образно-тропические.

В речи взрослых данные приёмы становятся более изощрёнными. Примером тому является создание контаминированных окказионализмов на основе реэтимологизации одного из элементов узуального слова: *Кофе в пригляду. Посмотрел и... не напился. Пойду варить, воплоКОФЕть Всем доброго утра и ароматного кофе!* В данном примере своеобразному «преобразованию» подвергается глагол *воплотить*, где слог *ти* ассоциируется у говорящего с английским словом *tea* – русск. *чай*. Далее происходит замещение реэтимологизированного элемента на тематически релевантный компонент *кофе*.

Следует отметить, что в речи обоих возрастных групп реэтимологизации могут подвергаться также и имена собственные. Реэтимологизированные онимы выступают в качестве образных и экспрессивных единиц и служат средством характеристики: *Мидия Лихайловна* (от *Лидия Михайловна*), *Павел Обезьянович* (от *Емельянович*), *Мухайлович* (от *Михайлович*, т. к. умеет ловить мух) и др. (из речи детей); *Гнидовна* (от *Кронидовна*), *Падлыч* (от *Павлович*), *Деньгисович* (от *Денисович*) и др. (из речи взрослых).

Рассматривая окказиональное словотворчество в аспекте текстообразования, следует отметить, что довольно часто окказионализмы выступают в качестве ответной реакции на реплику-стимул собеседника, которая содержит мотивирующую основу: А: *Зачем ты ставишь портфель на скамейку?* – Б: *А что нельзя?* – Б: *Нельзя!* // А: *Почему?* – Б: *Потому что это место для сидения!* // А: *Не для сидения!* – Б: *А для чего?* – А: *Для портфеления!* (≈ 7 л.) и др. (из речи детей); *Посмотри на себя! Ты/ старый пень!* – Б: *А ты/ что/ молодая? Ты тогда пниха!*; А: *Какой я рыбачок!* – Б: *А рыбачих там случайно нет?* А: *Я сейчас угадаю!* – Б: *Угадывальщик мне!*; А: *Я тогда из дома уйду!* – Б: *Уходи/ уходник!* (из речи взрослых).

Универсальность тенденций игрового словообразования прослеживается также в производстве окказионализмов по образцу конкретного, ранее упомянутого узуального слова с целью его переименования или уточнения: А: *Мама/ а как эта штука называется?* – Б: *Толкушка!* // А: *Значит/ ты пюре толкаешь!* – Б: *Нет/ я его мну!* // А: *Значит/ это не толкушка/ а мнушка!* (4 г. 6 м.). А: *Мама нам купальники купила!* – Б: *Это у тебя купальник/ а у нас – трусальники!* (5 л.) (о плавках); *Ты что/ слабонервная?* – Б: *Я силенонервная!* (8 л. 5 м.) и др. (из речи детей); А: *Глухомань/ а не ребёнок!* – Б: *А ты тогда кто?* – А: *А я умномань!* // и др. (из речи взрослых). Употребление того или иного окказионального слова в речи детей может также обуславливаться и стремлением к рифмовке: *Носик-курносик/ ножки-курножки/ ушки-курушки!* (5 л. 8 м.). Сюда можно отнести и так называемые «обзыватьки»: *Лёня-Гудоня* (5 л.), *Максим-Плаксим* (5 л.), *Ксюша-Длинноша* (5 л.), *Никитос-Нос-Картос* (9 л. 10 м.).

Ближе к школьному возрасту отмечаются случаи создания детьми окказиональных рядов и гнёзд с явной установкой на языковую игру и комизм: *Это мой котожираф!* // *А это мой мышекот!* (6 л. 2 м.); А: *Я яблокоежка!* – Б: *Яблокоежка?* – А: *Да!* // *Яблокоежка и мясоежка!* // *Яблокомясоежка!* (6 л. 3 м.); *Уходяшка уходяшний!* // *Уходюнчик/ ты не хочешь быть приходюнчиком приходюшным!* (8 л.) (обращаясь к коту); *Ничего себе! Подозрюха так уподозрился!* // *Кто тебя так уподозрючил!* (8 л.) (играя с игрушечным зайцем); *Кот сам балдеет/ а со мной не делится своим балдейством!* // *Молодец/ балдейка/ балдей!* (8 л. 6 м.) и др. Подобные гнёзда и ряды, включающие окказиональные дериваты разных словообразовательных типов, характеризуют также и словотворчество взрослых: *А я домоубиралка/ пылевытиралка и суповарилка!*; *Надо срочно идти сушиться, шампаниться и вискиться...* (*сушиться* – т. е. есть суши) и др.

В речи обоих возрастных категорий нами зафиксированы случаи коллективного словотворчества, которое имеет выраженный характер языковой игры. Ср. из детской речи: А: *Масло/ в маслёнке/ а сахар/ в сахарнице!* // Б: *Маслёнка/ нет такого!* // А: *Есть!* // Б: *Тогда чай / в чайнке/ вода/ в водёнке/ мороженое/ морожёнке!* // А: *А голова/ в головёнке!* (5 л.; 11 л. 9 м.). Ср. из речи взрослых: А: *Я куплю себе четвёртый и буду айфониться!* // Б: *Айфонщику/ успокойтесь уже/ а то все перейфонитесь!* // и др. Согласно нашим наблюдениям, подобное явление наиболее

ярко проявляется в сфере Интернет-коммуникации, когда разными участниками общения поддерживается языковая игра, в которой они соревнуются в оригинальности выражения мысли (см. статью «Коллективное окказиональное словотворчество в современном Интернет-пространстве») [6].

Выводы

Таким образом, игровое словообразование является неотъемлемой частью коммуникативной деятельности детей и взрослых. Продуцируемые коммуникантами обеих возрастных категорий окказионализмы характеризуются ярко выраженной экспрессивностью, сочетающейся с эмоциональностью, оценочностью и образностью. В целом, можно заключить, что окказиональное словотворчество с установкой на определённый стилистический эффект как в речи детей, так и в речи взрослых осуществляется в рамках одних и тех же направлений, что даёт основание говорить об универсальности тенденций игрового словообразования (ср.: окказиональные агенты как средство характеристики, включая ретимологизированные онимы, употребление префиксов и префиксоидов для выражения положительной либо отрицательной оценки, обыгрывание внутренней формы слова, словотворчество по образцу конкретного слова, образование окказиональных рядов и гнезд, окказиональное сотворчество и др.). Тем не менее, при наличии общих тенденций окказиональное словотворчество взрослых характеризуется большим многообразием, что проявляется в расширении инвентаря словообразовательных формантов, развитии ими дополнительных коннотаций, обогащении производящей базы окказионализмов (например, за счет фразеологических единиц), совмещении нескольких приёмов окказиональной деривации и др. Все это свидетельствует о системности процессов окказионального словообразования и их тенденции к поступательному развитию и усложнению по мере развития и становления языковой личности.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / М. Н. Кожина (отв. ред.) [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 696 с.
2. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Яз. слав. культуры, 2002. – 552 с.
3. Лыков, А. Г. Современная русская лексикология: (русское окказиональное слово) : учеб. пособие для филол. фак. ун-тов / А. Г. Лыков. – М. : Высш. шк., 1976. – 119 с.
4. Равуцкі, А. І. Лексічны аказіяналізм як від тропа / А. І. Равуцкі // Надзённыя праблемы лексікалогіі і анамастыкі славянскіх моў : зб. навук. арт. / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Мазыр. дзярж. пед. ун-т ; адк. рэд. А. У. Солахаў, В. В. Шур. – Мазыр, 2006. – С. 75–77.
5. Шахнарович, А. М. К проблеме понимания метафоры / А. М. Шахнарович, Н. М. Юрьева // Метафора в языке и тексте / [В. Г. Гак и др.] ; отв. ред. В. Н. Телия ; АН СССР, Ин-т языкознания. – М., 1988. – С. 108–118.
6. Ковалевич, И. О. Коллективное окказиональное словотворчество в современном Интернет-пространстве / И. О. Ковалевич // Язык как зеркало эпохи: К 100-летию революции в России : сб. науч. ст. / Гом. гос. ун-т ; редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.]. – Гомель, 2017. – С. 81–84.

Поступила в редакцию 02.03.2018

E-mail: irina_kovalevich@list.ru

Irina Kovalevich

A WORD FORMATION GAME IN CHILDREN'S AND ADULTS' COLLOQUIAL SPEECH

The article is a study of the peculiarities of a word formation game in children's and adults' speech. On the material of a number of nonce word groups the tendencies of word formation processes are investigated in the speech of the two age categories; common and specific mechanisms of occasional derivation aimed at a particular stylistic effect are revealed.

Keywords: a language game, a nonce word, expression, emotionality, imagery, a trope.

І. С. Крыштоп

Кандыдат філалагічных навук, загадчык кафедры прафесійнай іншамоўнай падрыхтоўкі,
УА «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт», г. Баранавічы, Рэспубліка Беларусь

**РАСЛІННЫЯ І АНІМАЛІСТЫЧНЫЯ ВОБРАЗЫ Ў ПАЭЗІІ
КАНСТАНЦЫІ БУЙЛО І ЭДНЫ МІЛЕЙ**

Артыкул прысвечаны вывучэнню агульнага і адметнага ў выкарыстанні прыродных і міфалагічных вобразаў і матываў у мастацкім свеце К. Буйло і Э. Мілей 1910–1920-х гг. Вызначаецца, што прадстаўніцы беларускай і амерыканскай літаратуры разам з апісаннем мясцін, добра вядомых ім з дзяцінства, пры дапамозе яркіх персаніфікаваных вобразаў дрэў, кветак, птушак ствараюць адцягнены ад пэўнага геаграфічнага становішча прыродныя замалёўкі.

Ключавыя словы: беларуская літаратура, амерыканская літаратура, паэзія, параўнальны аналіз, анімалістычныя і раслінныя вобразы, прыродныя матывы.

Уводзіны

Творчае станаўленне Канстанцыі Буйло (1893–1986) і Эдны Мілей (Edna Millay, 1882–1950) супала з тым часам, калі ў і беларускай, і амерыканскай літаратурах выявілася цікавасць да «рубэжнасці» грамадскай свядомасці, праблем станаўлення асобы і яе самавызначэння. Прычынай акцэнтавання дадзеных праблем называюць крызіс, што ўзнік на мяжы XIX–XX стст. у выніку злому звыклых традыцый і каштоўнасных арыенціраў. Гэта стала грунтам і для трансфармацыі ўяўленняў пра стасункі навакольнага (прыроднага) свету і чалавека.

Беларускай паэтэсе давялося жыць у складаных грамадска-палітычных умовах, аднак яна заўсёды пісала толькі пра тое, што шчыра любіла ці, наадварот, не прымала. «Тварыць і кахаць» – назва верша, якая адлюстроўвае пафас творчасці К. Буйло: узнёсласць маладосці, жыццесцвярджэнне, аптымізм. Існуе шэраг прац вядомых літаратуразнаўцаў і крытыкаў (І. Багдановіч, А. Бельскага, А. Луцкевіча, А. Лойкі, Л. Тарасюк, А. Марціновіча, Д. Чаркасавай), у якіх вызначаюцца асноўныя напрамкі творчасці беларускага лірыка і факты яе біяграфіі.

Зборнікі Э. Мілей – прадстаўніцы амерыканскай літаратуры пачатку 1920-х гг. асабліва віталі тых, хто не быў прыхільнікам эксперыментальнай паэзіі. І ўсё ж водгукі не заўсёды былі станоўчымі: яе вінавацілі ў вялікай колькасці «Я-паэзіі», у сыходзе ад рэальных падзей у фантастычны свет. Яшчэ пры жыцці творчасць амерыканскай пісьменніцы стала аб'ектам цікавасці літаратуразнаўцаў і крытыкаў. Ф. Дэл (F. Dell), М. Коўлі (M. Cowley), А. Тэйт (A. Tate) і іншыя пісалі анатацыі і рэцэнзіі на асобныя творы Э. Мілей, што друкаваліся ў часопісах або прымалі ўдзел у літаратурных конкурсах. Перш за ўсё адзначаліся свежасць паэтычнага пачуцця, непасрэднасць успрымання прыроды і адметная музыкальнасць пераважна традыцыйнага па форме верша амерыканскай паэтэсы.

Вершы Э. Мілей і К. Буйло – ілюстрацыя працэсу як духоўнага, так і прасторавага асваення жыцця, таму прыродныя вобразы і дэталі становяцца асабліва значнымі для характарыстыкі мастацкага свету абедзвюх паэтак. Аднак, «адкрываючы прыроду», кожны пісьменнік выяўляе сваю культуру, яе самабытнасць, у той жа час «гэтае адкрыццё для кожнай нацыі робіцца справай усеўрапейскай, сусветнай» [1, с. 8]. Больш таго, духоўнасць чалавека – гэта апасродкаваная крыніца духоўнасці прыроды. Гэта значыць, што вывучэнне вобразаў прыроды ў творах пісьменнікаў розных літаратур аднаго перыяду дае магчымасць вызначыць агульнае і ўнікальнае як у іх сацыяльна-філасофскім мысленні, так і ў выкарыстанні імі пэўных мастацкіх стратэгий. У сувязі са сказаным несумненную навуковую цікавасць уяўляе параўнальнае даследаванне прыродных вобразаў ў мастацкім свеце К. Буйло і Э. Мілей, якое дае магчымасць больш дакладна акрэсліць светапоглядныя і эстэтычныя пазіцыі аўтараў.

Матэрыял і метады даследавання

Адбор матэрыялу для аналізу ажыццяўляўся ў адпаведнасці з мэтай артыкула. Разглядаюцца зборнік «Курганная кветка» (1914) К. Буйло і яе вершы, упершыню выданыя ў газеце «Наша ніва» (1909–1915), Санкт-Пецярбургскім літаратурным альманаху «Маладая

Беларусь» і пазней апублікаваныя ў зборніках «Выбраныя творы» (1981), «Коціцца рэха» (1993), «Пялёсткі курганнай кветкі» (2007). Паэзія Э. Мілей пададзена зборнікамі «Адраджэнне і іншыя вершы» («Renaissance and Other Poems», 1917), «Ягады з кустоў чартапалоху» («A Few Figs from Thistles», 1920), «Другі красавік» («Second April», 1921), «Пляцельшчыца струн арфы і іншыя вершы» («Harp-Weaver and Other Poems», 1923), «Вершы» («Poems» (1923)), а таксама творами, якія напісаны на пачатку XX ст., але надрукаваны пазней у «Зборніку лірыкі» («Collected Lyrics», 1943). Названыя зборнікі адносяцца да ранняга перыяду творчасці абадзвюх паэтаў. Пры вывучэнні лірыкі Э. Мілей і К. Буйло выкарыстаны параўнальна-тыпалагічны, біяграфічны, культурна-гістарычны, герменеўтычны метады і матыўны аналіз тэксту.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

І Э. Мілей, і К. Буйло ўзнаўляюць у сваёй лірыцы адзнакі мясцін, добра знаёмых і блізкіх ім з дзяцінства. Так, чытаючы вершы амерыканскага аўтара, можна знайсці апісанні краявідаў, тыповых для Новай Англіі – рэгіёна на паўночным усходзе ЗША, малой радзімы паэтаў: марскі («Eel-grass», «Low Tide», «Inland»), горны («Song of the Second April», «Renaissance»), лясны («Wood Road»). У лірыцы беларускай паэтэсы сустракаюцца практычна ўсе элементы-складнікі нацыянальнага краявіду ад мікра- да макравобразаў: колас, травінка, хвоя, лес, сонца, зоркі, поле, ніва. Будучы сталым чалавекам, К. Буйло не раз згадвала месцы, якія назаўжды пакінулі глыбокі след у яе душы і паэзіі: *«Але ніколі ні на хвіліну я не забывала родны край... Яшчэ не ўзыходзіла сонца, і мне было трошкі страшна бегчы адной па высокім насыпе, на якім лягла дарога ў лес. Абапал насыпу стаялі дрэвы. Злева цягнулася балота...»* [2, с. 304–305].

Значнымі ў мастацкай карціне свету Э. Мілей і К. Буйло з’яўляюцца анімалістычныя і раслінныя матывы, якія ў іх творах становяцца невычэрпнай і эстэтычна плённай крыніцай пейзажнай антрапамарфізацыі. Больш таго, пагодзімся з думкай М. Эпштэйна, які сцвярджае, што раслінныя матывы асабліва ярка ілюструюць *«нацыянальную своеасаблівасць паэзіі, якая, услед за фальклорам, багатая на вобразы дрэў і кветак, надае ім абагульнена-персаніфікаванае, часам сімвалічнае значэнне. Што да вобразаў жывёл, то праз іх найболей бачна гісторыя маральна-эстэтычных і псіхалагічных стасункаў чалавека са светам прыроды»* [3].

У паэзіі амерыканскага і беларускага аўтараў выкарыстоўваюцца як абагульненыя намінацыі (сад, лес, кветкі, пустазелле, дрэва), так і назвы пэўных раслін (К. Буйло: пралеска, рута, дубок, хвоя, бэз і г. д.; Э. Мілей: шчаўе, стакротка, мята і г. д.). У цэлым пераважаюць кветкавыя матывы, што звычайна ўвасабляюць жаночую стыхію і з’яўляюцца сімваламі хараства.

У творах К. Буйло згадваюцца пэўныя кветкі (ружа, пралеска), аднак дамінуюць вянкi, якія можна плесці і, згодна традыцыі продкаў, выкарыстоўваць у якасці абярэгу: *«З маёй руты сплялі ёй прыгожы вянок»; «А Галіна вяночкі сплятае»* [4, сс. 16, 46]. Адзначым, што вяночак з’яўляецца важным чыннікам беларускай традыцыйнай вясельнай цырымоніі, купалля і дажынак, таму *«вобраз вянка (і матыў яго вырабу) – ці не самы частотны»* [5, с. 378] не толькі ў песенным фальклоры, але і ў літаратурных творах.

У напісаным па матывах першага зборніка, але не ўключаным у яго вершы «Курганная кветка» К. Буйло дае арыгінальную інтэрпрэтацыю вобраза-сімвала кветкі, якая, на думку паэтаў, зацвітае не столькі ў вызначаны час, колькі пры ўмове належнага догляду: *«А ты ... ціха, асцярожна / Палі кветку ў смерці садзе... / Акрапі жывой вадою / Веры ў ічасце і надзеі»* [4, с. 51]. Цэнтральны вобраз верша – «мая кветка» («сэрца-кветка») [4, с. 51] – утрымлівае мноства імпліцытных сэнсаў: смерць, боль, пакута, самаахвярнасць, адкрыццё, росквіт, пераўтварэнне, надзея, хараства. Твор, з аднаго боку, фіксуе ёмістасць вобраза кветкі ў беларускай культуры, з другога – матыў ажыўлення кветкі «паведамляе» пра перспектывы гістарычнага развіцця краіны і адлюстроўвае ідэю дасягнення немагчымага, цесна злучаную ў неарамантычнай эстэтыцы з падменай глыбокага аналізу рэчаіснасці стварэннем «зумоўнага», «сінтэтычнага» [6, с. 196] свету: *«І мо зробіш, што высока / Яна ўзнімецца угору / І засвеціць бляскам зораў <...> Бо не плаччай ёй радзіца, / Ценем смерці не ўзрастаці, / А жывой красой ірдзіца, / К сонцу, ічасцю заклікаці»* [7, с. 58–59].

Паказальна, што лейтматыў верша К. Буйло «Курганная кветка» карэлюе з праблематыкай яе драматычнага твора «Кветка папараці», таксама заснаванага на адметным у беларускай нацыянальнай культуры вобразе, папулярнасць якога звязана з купальскім народным павер’ем. У. І. Коваль тлумачыць яго наступным чынам: *«Чалавек, якому паічасціць здабыць чароўную кветку, зразумее мову птушак і звяроў»* [8, с. 24]. *«Сарваць яе можа толькі адважны і сумленны чалавек»* [9, с. 387], – удакладняе навуковы кансультант энцыклапедыі «Этнаграфія Беларусі»

А. С. Ліс. Паэтэса разглядае кветку як увасабленне шчасця і веры ў змены-«дзівы», чысціні і свабоды духу. Расліна рэпрэзентуе багаці духоўнага развіцця і выступае ў якасці актыўнай стваральнай сілы: «*А над галавою / Цвет-шчасце зарю / Святлістай, ірдістай гарыць. <...> А прыйдзе часіна – / Устанеш – твой прыйдзе чарод; <...> Разбіты аковы. <...> Свободна ўзятае ...<...> Хто? <...> Дух! <...> Ды чый? <...> Чалавека! <...> Якога? <...> Адвеку / Што лямку няволі цягнуў» [4, сс. 54–57]. Такім чынам, курганная кветка К. Буйло не толькі адлюстроўвае ўласныя пачуцці паэтэсы, але і робіцца сімвалам роднага краю.*

Асобна адзначым, што ў вершы «Курганная кветка» раслінны вобраз «насычаецца» вызначальным для беларускай культуры вобразам плачкі, значэнне якога раскрываецца ў народных паданнях пра дзівосную кабету: яна з'яўляецца ў розных канцах краіны, заўсёды засмучоная і журботная. Таксама агульнавядомым стаў вобраз незвычайна прыгожай, у белай, як снег, вопратцы, Плачкі, створаны папярэднікам паэтэсы Я. Баршчэўскім. «*У алегарычным вобразе Плачкі няцяжка пазнаць Беларусь <...> воблік мае шмат рэальных рыс», – тлумачыць В. Каваленка [10, с. 86].*

Дэталёвыя апісанні кветак у вершах Э. Мілей «Пустазелле» («Weeds»), «Пасля паўдня на ўзгорку» («Afternoon on a Hill»), «Блакітны сцяг на балоце» («The Blue Flag in the Bog») сведчаць, што амерыканскі аўтар аддае перавагу дзікарослым, якія, перадусім, увасабляюць свабоду і першароднае характава: «*Oh, grey hill, / Where the grazing herd / Licks the purple blossom, / Crops the spiky weed! / Oh, stony pasture, / Where the tall mullein / Stands up so sturdy / On its little seed!*; «*All my heart became a tear, / All my soul became a tower, / Never loved I anything / As I loved that tall blue flower!*» [11].

У сувязі з прыведзенай цытатай звернемся да колеравай сімволікі. Як адзначае руская даследчыца І. Васільева, блакітны колер – «*знак высокага характава і адкрыцця <...> што прарастаюць праз светабудову. У многіх міфалагічных сістэмах блакітная ружа з'яўляецца знакам немагчымага. <...> гэты сімвал мары, вечнага пошуку, найвышэйшай мэты, што скіроўвае герояў у падарожжы» [12, сс. 53, 105]. Блакітная сцяг-кветка, што прарастае ў балоце, – цэнтральны вобраз верша Э. Мілей «Блакітны сцяг у балоце» («The Blue-Flag in the Bog»), мастацкую прастору якога складаюць апазіцыі аб'ектаў і суб'ектаў свету зямнога і боскага. Раслінны вобраз Э. Мілей набывае пэўнае падабенства з блакітнай кветкай Наваліса і сцвярджае высокую імавернасць дасягнення немагчымага ў зямным жыцці: «*In some moist and Heavenly place / We will set it out to grow» [11]. Варта адзначыць, што ў творчасці К. Буйло блакітны колер таксама пададзены ў прыроднай выяве свету: «блакіт паднебнай далі» [4, с. 15] – сімвал ідэальнай прасторы – сцвярджае ідэю як нацыянальнай, так і індывідуальнай свабоды. Як слушна заўважае беларускі мовазнаўца Ю. М. Бабіч, з блакітам звязана «*своеасаблівая квінтэсэнцыя нацыянальнай колеравабразнасці. <...> Бо тут колер і неба, і азёр, і раслін – тое, што і з'яўляецца асноўным аб'ектам апісання» [13, с. 40] айчынных пісьменнікаў.***

Істотна, што ў творах абедзвюх паэтак вобраз кветкі, злучаны з ідэяй прыроднага кругавароту (цыклічнасці), мае прамое дачыненне да катэгорый жыцця і смерці. Таму аўтары акцэнтуюць не толькі характава раслін, але і працэс іх завядання:

*...The flowers of the dead;
The red anemone that with no sound
Moves in the wind, and from another wound
That sprang, the heavy sweet blue hyacinth,
That blossoms underground,
And swallow poppies, will be dear to her.*

E. Millay «Ode to Silence» [11]

*Сярод лому, на бур'яне
Мая кветка красавала.
Калыхаў яе не ветрык,
Палівала не вадзіца,
А гарачых слёз расіца,
А уздыхі з глыбі нетры.*

.....
*А ты ...ціха, асцярожна
Палі кветку ў смерці садзе...*

К. Буйло «Курганная кветка» [4, с. 51]

Беларуская паэтэса звяртаецца да характэрных для нацыянальнага краявіду вобразаў дрэў: хвой, елкі, ліпы, бэзу і г. д. У межах яе творчасці дрэвы, з аднаго боку, захоўваюць экзістэнцыйную сутнасць міфапаэтычных вобразаў, з другога – робяцца важнымі сугестыўнымі знакамі роднай зямлі нароўні з небам, сонцам, зямлёй, гарамі, ветрам. Напрыклад, у вершы К. Буйло «Хвоя» дрэва выступае як носьбіт ідэі настойлівага прарастання, жыццяздольнай цягліваасці, гатоўнасці не толькі да ўсіх нягод гадавога прыроднага цыклу, але і чалавечага свету: «*Стайць хвоя ў полі, / Думае панура: / Што тады з ёй будзе, / Як спануе бора?» [14, с. 15]. Беларуская паэтэса таксама*

добра ўсведамляла здольнасць дрэва заўсёды адраджацца да новага квітнеючага жыцця, г. зн. з'яўляцца пэўным маральным узорам для чалавека. Такім чынам, узнікае матыў «навучання» ў дрэў: («Ціхім гоманам гордых вяршынь, <...> Лес адвечную казку казаў. <...> Байў лес пра мінулы ўжо век, / Ён гісторыю пёў старыны, Што было таму сотні гадоў, / Аб жыцці-быцці нашых дзядоў...») («Ціхім гоманам гордых вяршынь») [4, с. 28].

У Э. Мілей дрэва найперш асацыіруецца з дзіўнай прастай, выступае ўвасабленнем спрадвечных заканамернасцяў быцця, на якія чалавек паспявае забыцца пад уплывам «раздробленых формаў свайго прыватнага побыту» [15, с. 178]. Таксама ў амерыканскага аўтара дрэвы – гэта ярка выяўленыя індывідуальнасці, што ўвасабляюць або ствараюць пэўны эмацыянальны стан: «*Healthy tree, with trunk and root – / Ivory bowls that bear no fruit...*» [11].

Адметнае месца ў мастацкім свеце К. Буйло займае шматзначны, трывала звязаны ў нацыянальнай культуры з народна-фальклорнай традыцыйнай вобраз-сімвал птушкі. Высакародныя птушкі (салавей, арол, галубка) у творах беларускага лірыка становяцца сімваламі волі, свабоды выбару, жыцця, душы чалавека, выступаюць у якасці медыятараў паміж зямным светам, слаўным мінулым і марай пра шчаслівую будучыню. У вершы «Каб я мела...» лірычная геранія выказвае жаданне ўвасобіцца ў салаўя (матыў метамарфозы). Птушка, якую найперш шануюць за дзіўна прыгожы спеў, у вершы беларускага аўтара суадносіцца з ідэяй абуджэння нацыянальнай самасвядомасці. У вершы «Да працы» арніталагічны матыў таксама выкарыстоўваецца аўтарам для адлюстравання ідэі свабоды: «*Мы – вольныя арлы, Радзімы нашай дзеці, / Хто мае права нас нявечыць, зневажаць?*» [7, с. 16]. У вершы «Лебядзіная песня» матыў вернасці птушак сцвярджае каштоўнасць адданасці ў чалавечым жыцці.

У адрозненне ад твораў беларускай паэтэсы, у вершы Э. Мілей «Дзікія лебедзі» («*Wild Swans*») асновай для параўнання чалавека і высакародных птушак служыць не традыцыйна ўласцівыя ім паводзіны, а стан волі, які даступны менавіта *дзікай* птушцы (выкарыстанне слова «дзікі» ў загалюўку верша пазначае яго асноўную ідэю). Аднак амерыканскі лірык, як і беларускі, прыпадабняе душу да вобраза птушкі: «*My anguished spirit, like a bird / Beating against my lips I heard...*» [16]. Такім чынам, матыў птушкі ў творчасці і К. Буйло, і Э. Мілей рэалізуе ідэю ўнутранай і знешняй свабоды, неабходнай для дасягнення гармоніі і ідэалу.

Звяртае ўвагу і ўдалая спроба беларускай паэтэсы спалучыць «крылаты» вобраз з прыёмам паралелізму ў вершы «Матыль»: пачуцці і перажыванні лірычнай гераніі асацыіруюцца найперш з далікатнай істотай. Назіраючы за матыльком, маладая жанчына параўноўвае з ім сваю душу і разважае пра неспрактываванасць абедзвюх сутнасцей у спробе дасягнуць вышынь у жыцці: «*Глядзела, як матыль наўздзіў залатакрылы, / Парваўшыся з зямлі, ўгару хацеў ўзляцець <...> Так ты ляціш усё, мой бедны дух, з надзеяй <...> Йшчэ дзень твой не настаў?..*» [4, с. 37].

Вывады

Пошук сэнсу жыцця, маральнасці і гармоніі абумовіў зварот Э. Мілей да прыроды як іх асноўнага сховішча. Прыродныя аб'екты ў яе творах набываюць «дзіўныя» ўласцівасці: яны здольныя пераўтвараць чалавека і далучаць яго да анталагічнай гармоніі. У мастацкім свеце К. Буйло адметнае месца займаюць трывала звязаныя ў нацыянальнай культуры з фальклорнай традыцыйнай вобразы-сімвалы птушкі, ветру, неба, кветкі, месяца і іншыя. У творах прадстаўніцы беларускай літаратуры яны становяцца сімваламі вольнага жыцця, свабоды выбару, душы чалавека, выступаюць медыятарамі паміж зямным светам, слаўным мінулым і марай пра шчаслівую будучыню.

У творчасці Э. Мілей анімалістычныя, раслінныя і міфалагічныя вобразы робяцца крыніцай натхнення і крытэрыем маральнасці толькі тады, калі чалавек выяўляе здольнасць іх зразумець і асэнсаваць. К. Буйло, наадварот, разглядае прыроднае асяроддзе як неаспрэчны маральна-эстэтычны ідэал, які далучае асобу да анталагічнай гармоніі.

СПІС АСНОЎНЫХ КРЫНІЦ

1. Шайтанов, И. О. Мыслящая муза: «открытие природы» в поэзии XVIII века / И. О. Шайтанов. – М. : Прометей, 1989. – 259 с.
2. Буйло, К. Выбранные творы : у 2 т. / К. Буйло. – Мінск : Маст. літ., 1981. – Т. 2 : Вершы, успаміны. – 334 с.
3. Эпштейн, М. Природа, мир, тайник вселенной...: система пейзажных образов в русской поэзии [Электронный ресурс] / М. Эпштейн. – М. : Высшая школа, 1990. – Режим доступа: http://www.nvz.kuzbass.net/dworecki/other/e/3/om_kp.htm/. – Дата доступа: 12.01.2010.

4. Буйло, К. Коціцца рэха / К. Буйло ; уклад. і прадам. Д. Чаркасавай. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1993. – 287 с.
5. Буйло, К. Пялёсткі курганнай кветкі : вершы / К. Буйло ; укл. і прадам. В. Шніпа. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2007. – 95 с.
6. Криштоп, И. С. Пейзажная лирика в творчестве Э. Миллей и К. Буйло / И. С. Криштоп // Актуальные проблемы компаративистики : сб. материалов / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; под общ. ред. Е. Г. Кивака [и др.]. – Брест, 2010. – С. 176–179.
7. Millay, E. Second April [Electronic resource] / E. Millay. – 1921. – Mode of access: <https://ebooks.adelaide.edu.au/m/millay/edna/second/index.html>. – Date of access: 15.12.2014.
8. Швед, І. А. Беларускае традыцыйнае вяселле / І. А. Швед // Нарысы гісторыі культуры Беларусі : у 4 т. / А. І. Лакотка [і інш.] ; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск : Беларуская навука, 2016. – Т. 3 : Культура сяла XIV – пачатку XX стагоддзя. Кн. 2 : духоўная культура. – С. 345–441.
9. Васильева, О. А. Раннее творчество А. С. Грина: художественная модель мира, становление романтического героя : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02 / О. А. Васильева. – Симферополь, 2006. – 200 л.
10. Буйло, К. Выбраныя творы : у 2 т. / К. Буйло. – Мінск : Маст. літ., 1981. – Т. 1 : Вершы, паэма. – 302 с.
11. Коваль, У. І. Чым адгукнецца слова: фразеалогія ў павер'ях, абрадах і звычаях / У. І. Коваль. – Мінск : Народная асвета, 1994. – 48 с.
12. Ліс, А. С. Папараць-кветка / А. С. Ліс // Этнаграфія Беларусі : энцыкл. (Беларус. Сав. Энцыкл.) ; рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭВ, 1989. – С. 387–388.
13. Каваленка, В. А. Міфа-паэтычныя матывы ў беларускай літаратуры / В. А. Каваленка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1981. – 320 с.
14. Васильева, И. В. Феномен неоромантизма в художественной культуре России XX века : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / И. В. Васильева. – М., 2011. – 190 л.
15. Бабіч, Ю. “Блакiт нябёс, блакiт азёр, блакiт iльну...” : блакiтны колер i яго адценнi ў творах беларускiх piсьменнiкаў / Ю. Бабiч // Роднае слова. – 2009. – № 7. – С. 40–42.
16. Millay, E. Renaissance and Other Poems [Electronic resource] / E. Millay. – 1917. – Mode of access: <https://ebooks.adelaide.edu.au/m/millay/edna/renaissance/index.html>. – Date of access: 15.12.2014.

Паступіў у рэдакцыю 22.05.2018

E-mail: inessa_top@mail.ru

Inesa Kryshptop

PLANT AND ANIMAL IMAGES IN KANSTANTSIYA BUYLO'S AND EDNA MILLAY'S POETRY

The article identifies common and nationally specific features as well as the authors' peculiarities when present nature imagery in K. Buylo's and E. Millay's poetry of the 1910–20s. It is determined that the representatives of the Belarusian and American literatures both create the descriptions of places which are well known to them from childhood and abstract landscapes. More attention is paid to the images of trees, flowers and birds which are able to attach a man either to the ontological harmony or become the symbols of free will and freedom of choice.

Keywords: Belarusian literature, American literature, poetry, comparative approach, animal and plant imagery, nature motives.

Н. М. Налётава

Аспірант кафедры літаратуры,

УА «Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава», г. Віцебск, Рэспубліка Беларусь
Навуковы кіраўнік: Бароўка Ванда Юльянаўна, доктар філалагічных навук, прафесар**МАСТАЦКАЯ ІНТЭРПРЭТАЦЫЯ АСОБЫ І ДЗЕЙНАСЦІ К. М. МІЦКЕВІЧА
Ў ПРОЗЕ С. Х. АЛЕКСАНДРОВІЧА**

У артыкуле аналізуецца мастацкая інтэрпрэтацыя асобы і дзейнасці К. М. Міцкевіча ў беларускай прозе ХХ ст. (на матэрыяле аповесцей «На шырокі прастор», «Крыжавыя дарогі» С. Х. Александровіча). Выказваецца думка, што зварот пісьменніка да ўзнаўлення вядомай беларускай асобы дэтэрмінаваўся яе важнай роляй у развіцці нацыянальнай культуры.

Ключавыя словы: мастацкая інтэрпрэтацыя, беларуская культура, дзеяч культуры, творчая індывідуальнасць, К. М. Міцкевіч, С. Х. Александровіч, беларуская проза, аповесць.

Уводзіны

Значнае месца ў беларускіх праявітых творах ХХ ст. займае мастацкая інтэрпрэтацыя дзейнасці вядомых пісьменнікаў і публіцыстаў, якія адыгралі надзвычайную ролю ў развіцці і папулярнасці нацыянальнай культуры. Варта прыгадаць, да прыкладу, творы пра *Кастуся Каліноўскага* («Сярэбраны яздок» С. Яновіча, «Кастусь Каліноўскі» А. Якімовіча, «Каласы пад сярпом тваім» У. Караткевіча, «Восень пасярод вясны» А. Мальдзіса, «Літоўскі воўк» А. Наварыча), *Францішка Багушэвіча* («Пры апазнанні – затрымаць» В. Хомчанкі), *Алаізу Пашкевіч* («Крыж міласэрнасці» В. Коўтун, «Стану песняй...», «На струнах буры» і «На полымі любові» Л. Арабей), *Максіма Багдановіча* («Загадка Багдановіча» М. Стральцова), *Цішку Гартнага* («Пасля нябыту» і «Без эпітафіі» Э. Ялугіна), *Янку Купалу* («Ой, рана на Івана» З. Бандарынай, «Незабыўныя дарогі» і «Дарогі песняра» В. Віткі, «Як агонь, як вада...» А. Лойкі), *Якуба Коласа* («Колас раскавае пра сябе» і «Песні з леснічоўкі» М. Лужаніна; «На шырокі прастор», «Крыжавыя дарогі» С. Александровіча), *Міхася Стральцова* («Гарэла свечачка» В. Карамазова), *Васіля Супруна* («Васілёк за калючым дротам» А. Лойкі), *Уладзіміра Дамашэвіча* («Просты і шчыры» А. Лойкі), *Самсона Пярловіча* («Паэзія супрацьстаяння» А. Лойкі), *Уладзіміра Караткевіча* («Наш Караткевіч» Я. Брыля, «З сястрой і Уладзімірам Караткевічам на Рагачоўшчыне» М. Купрэва, «Уладзімір Караткевіч» В. Макарэвіча, «Жыцце і ўзнясенне Уладзіміра Караткевіча» А. Мальдзіса, «Уладзімір Караткевіч, або Паэма Гарсія Лойкі» А. Лойкі) і інш. Бясспрэчна, мастацкае адлюстраванне вышэйназваных дзеячаў культуры ў беларускай прозе ХХ ст. мела за мэту акцэнтаваць ідэю, што выдатныя творцы – гэта сведчанне высокага духоўнага і інтэлектуальнага багацця нашага народа.

Вобразы знакавых беларускіх культурных дзеячаў (асветнікаў, кнігадрукароў, публіцыстаў, пісьменнікаў, жывапісцаў) прыцягваюць увагу такіх айчынных літаратуразнаўцаў, як І. М. Запрудскі, В. Ю. Бароўка, В. І. Локун, Т. А. Фіцнер, І. І. Дамарад, А. М. Дарагакупец, В. К. Шынкярэнка, І. Ф. Штэйнер і інш. Але да гэтага часу няма літаратуразнаўчага даследавання, у якім бы былі:

1) акрэслены прыярытэты, прыёмы і сродкі мастацкай інтэрпрэтацыі дзеячаў культуры ў беларускай прозе ХХ ст.;

2) вылучаны тыпалагічныя і індывідуальна-аўтарскія мадэлі мастацкай рэпрэзентацыі дзеячаў культуры ў беларускай прозе.

Сказанае вышэй пераконвае ў тым, што ў айчынным літаратуразнаўстве з'яўляецца актуальным даследаванне мастацкіх вобразаў знакамітых беларускіх дзеячаў, у прыватнасці, пісьменнікаў і публіцыстаў у рэчышчы нацыянальнай культуры дзеля выяўлення аксіялагічных прыярытэтаў мастакоў слова і асэнсавання эстэтычнай адметнасці беларускай прозы адзначанага перыяду.

Мэта дадзенага даследавання – выявіць асаблівасці мастацкай інтэрпрэтацыі асобы і дзейнасці класіка беларускай літаратуры К. М. Міцкевіча (1882–1956) у прозе С. Х. Александровіча.

Матэрыял і метады даследавання

Матэрыялам для нашага даследавання абраны аповесці «На шырокі прастор», «Крыжавыя дарогі» С. Х. Александровіча. Асноўнымі для навуковага аналізу сталі прыёмы канкрэтна-гістарычнага і дэскрыптыўнага метадаў.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Адной з самых яркіх постацей айчыннай гісторыі XX ст. з'яўляецца заснавальнік навейшай беларускай літаратуры, перакладчык, народны паэт БССР (1926), акадэмік і віцэ-прэзідэнт АН БССР, актыўны грамадскі і культурны дзеяч К. М. Міцкевіч.

У аповесцях «На шырокі прастор», «Крыжавыя дарогі» С. Х. Александровічам засяроджваецца ўвага на складаным жыццёвым і творчым шляху будучага класіка беларускай літаратуры.

У аповесці «На шырокі прастор» С. Х. Александровіч падрабязна апісвае дзяцінства і юнацтва будучага класіка беларускай літаратуры і спрабуе выявіць вытокі яго таленту. Так, ён рэпрэзентуе будучага пісьменніка адораным хлопчыкам, на светапогляд гарманічнае развіццё і творчую дзейнасць якога аказалі значны ўплыў сацыякультурная атмасфера і прырода Наднямоння, таму шмат увагі ў аповесці адводзіць паказу маладога Костуся на ўлонні прыроды, апісанню яго стасункаў з дзядзькам Антосем – паэтычнай і шматграннай асобай.

У дзяцінстве К. М. Міцкевіч падаецца чулівай, летуценнай, назіральнай, разважлівай, цікаўнай, працавітай, шчырай і сумленнай асобай, якая імкнулася спазнаць знешні свет у адзіноце: «... хлопчыку здавалася, ён разумее, пра што спяваюць жаваранкі» [1, с. 10]; «Ён за свой кароткі век прывык да цішыні і адзіноты» [1, с. 91]; «Водгулле песні адбівалася ў дзіцячым сэрцы, будзіла няясныя парыванні і мары» [1, с. 56]; «Тут ... цішыня, спакой і адзінота. Ніхто не перашкаджае ні думаць, ні марыць. Навокал сцяною стаіць зялёнае жыта, уверсе сіняе-сіняе без канца і краю неба. Косцік любіў легчы на спіну, узірацца ў нябесны блакіт і думаць, думаць. Плывуць вунь у вышыні рэдзенькія белыя воблачкі. Чаму яны плывуць? Хто іх падганяе?» [1, сс. 8–9]; «Косцік любіць прыслухоўвацца да ляснага шуму і птушыных спеваў, любіць марыць у адзіноце. Тады неяк лёгка і раздольна думаецца. Разумееш стогн лесу, песню жаваранка» [1, с. 79]; «Проста хлопцу трэба пабыць аднаму, яму хочацца сабрацца з думкамі» [1, с. 175].

Акрамя таго, у юнацтве будучы пісьменнік быў «увішным» [1, с. 10], «шустрым і непаседлівым» [1, с. 11], «кемлівым» [1, с. 108], «башкавітым» [1, с. 117], «здольным і моцным духам» [1, с. 132], эрудыраваным, прагным да ведаў («чытаў многа» [1, с. 99], «не мог расстацца з кнігаю» [1, с. 151]) і з «крытычным недаверам» [1, с. 214] ставіўся да сваёй літаратурнай творчасці.

Цікавымі падаюцца развагі юнага К. М. Міцкевіча аб развіцці літаратурнай творчасці і стане роднай мовы: «Але ўсе кажуць, што на той мове, на якой гавораць простыя сяляне, верша не напішаеш. Няўжо сапраўды гэта так? Людзі на гэтай мове гавораць, казкі складаюць, песні спяваюць, а чаму ж вершы нельга напісаць?» [1, с. 80]; «А мо сапраўды наша гаворка самая горшая на свеце?» [1, с. 100]. Нягледзячы на афіцыйную палітыку русіфікацыі, якая праводзілася ў навучальных установах і друку, а таксама кансерватыўны, традыцыйны погляд на беларускую мову як на «хамскую» [1, с. 248], семінарыст Міцкевіч пераканаўся ў годнасці роднай мовы, якая не саступае іншым, і зрабіў стаўку на яе пры стварэнні ўласных твораў: «Не, не такая ўжо благая наша мова!» [1, с. 100]. С. Х. Александровіч прытрымліваецца гістарычнай дакладнасці, калі адзначае, што немалаважную ролю ў гэтым адыграў і выкладчык рускай літаратуры ў Нясвіжскай настаўніцкай семінарыі Ф. А. Кудрынскі, які цікавіўся этнаграфіяй Беларусі і першым адзначыў высокі ўзровень вершаў К. Міцкевіча на роднай мове.

С. Х. Александровіч не прытрымліваецца гістарычнай дакладнасці, адзначаючы, што падчас паступлення ў Нясвіжскую настаўніцкую семінарыю будучы класік беларускай літаратуры кіраваўся гуманістычнай мэтай – «несці святло ў цёмную вёску непісьменнаму селяніну» [1, с. 106], «абуджаць свядомасць селяніна, катурхаць яго думкі» [1, с. 164], г. зн., што наўмысна перабольшвае значэнне яго выбару. Гэта супярэчыць выказванню самога К. М. Міцкевіча: «Я не мог у той час, калі ішоў у навук, кіравацца ідэямі служэння народу. У настаўніцкую семінарыю рыхтаваўся таму, што гэта семінарыя была найбольш блізкай мне тэрыторыяльна, гэта была амаль адзіная дарога для навукі... Магчыма, што ў мяне і былі няясныя мары працаваць для народа» [2, с. 178].

Пісьменнік адзначае, што з дзяцінства К. М. Міцкевіч назіраў пагардлівыя адносіны да сялянскага саслоўя вышэйшых слаёў грамадства, да беларускага этнасу, але, нягледзячы на гэта, ён здолеў захаваць веру ў абуджэнне самасвядомасці народа і выхавання ў яго пачуцця ўласнай нацыянальнай годнасці. «А ці патрабуюць дзяржаўныя інтарэсы, каб селянін атрымаў зямлю і асвету? Забываюць усе гэтыя міністры, што пачаўся дваццаты век, што народ рана ці позна скажа сваё слова. Так вечна быць не можа, народ абудзіцца, і мы, настаўнікі, павінны яму ў гэтым дапамагчы» [1, с. 176], – сцвярджае ён. Пачуццё незадаволенасці К. М. Міцкевіча існуючымі парадкамі і сацыяльнай няроўнасцю, нянавісць да прыгнятальнікаў узмацніліся пасля знаёмства з кнігай «Кабзар» вядомага ўкраінскага паэта Тараса Шаўчэнкі.

Такім чынам, К. М. Міцкевіч падаецца ў аповесці «На шырокі прастор» «бунтаўшчыком» [1, с. 258], «забастоўшчыкам» [1, с. 258], актыўнай і дзейнай у грамадска-палітычным плане асобай з настойлівым характарам, якая разумее неабходнасць рэвалюцыйных пераўтварэнняў і на якую значны ўплыў аказала нелегальная ўсходнеславянская літаратура: «Гэта было для яго адкрыццём новага свету. Нібы ён хадзіў дагэтуль упоцёмку, а цяпер, нарэшце, прабілася святло, і ён выкіраваўся на сцезку, асветленую сонцам <...> Цвярозы чалавечы розум падказваў, а жыццёвыя абставіны прымушалі крытычна глядзець на правы грамадскага ладу <...> З гэтых кніг вынікала, што цар і ўся царская хеўра – гэта крывасмокі, якія п'яўкамі ўпіліся ў жывое народнае цела. Рабочыя і сяляне – вось хто творцы ўсіх багаццяў на зямлі...» [1, с. 202]. С. Александровіч заўважае, што знаёмства з нелегальнай літаратурай і ўдзел у сходках істотна змянілі самога К. М. Міцкевіча і што гэта паўплывала на ідэйную скіраванасць і тэматыку яго паэзіі: «Ён насталеў <...> Ва ўсёй яго паставе адчувалася энергія, бадзёрасць і стрыманая радасць» [1, с. 210]; «... малады паэт сам адчуваў і разумеў, што лепш, больш ярка і праўдзіва яму ўдалося сказаць пра сялянскую нядолю па-беларуску. Жыццёвая праўда, жыццёвыя назіранні, боль сэрца і глыбокае спачуванне мужыку надавалі вершам адпаведную эмацыянальную афарбоўку» [1, с. 216].

Абвостранае пачуццё справядлівасці і сумленне не дазволілі «народнаму настаўніку» [1, с. 221] К. М. Міцкевічу застацца на нейтральнай паласе ў кастрычніку 1905 г., у перыяд агульнага грамадскага абуджэння, калі Расійская імперыя перажывала небывалы палітычны і рэвалюцыйны ўздым, таму ён не адмаўляе сялянам вёскі Пінкавічы ў напісанні петыцыі да мясцовага магната Сігізмунда Скірмунта з мэтай вырашэння аграрнага пытання. «З трывогай у сэрцы чакаў далейшага разгортвання падзей і Кастусь. Ён ведаў, што ад далейшага развіцця падзей у краіне залежыць поспех справы, за якую ён узяўся» [1, с. 220]. Гэты ўчынак выклікаў незадаволенасць мясцовай улады, і ў выніку настаўніка перавялі ў Верхменскае народнае вучылішча Ігуменскага павета. У апошнім звароце да пінкавіцкіх вучняў ён заклікаў маладое пакаленне «вучыцца дабівацца праўды, без якой цяжка жыць на свеце» [1, с. 226]. Трэба зазначыць, што настаўнік К. М. Міцкевіч лічыў мэтазгодным навучыць сваіх выхаванцаў разбірацца ў грамадска-палітычным жыцці краіны.

Але і на новым месцы працы, нягледзячы на папярэджанні з боку ўлад, ён не страчвае цікавасці да актуальных грамадска-палітычных праблем і агульнага кірунку развіцця Расійскай імперыі, з трывогай сочыць за інфармацыяй у перыядыцы: «...яму здавалася, што яшчэ не ўсё страчана, што барацьба за зямлю і волю, праўду і народнае шчасце вяснона разгарыцца з новай сілай» [1, с. 226]. Але, як паказала гісторыя, маніфест Мікалая II ад 17 кастрычніка 1905 г. не прынёс жаданых свабод (у тым ліку і свабоды друку), краіну ахапіла рэакцыя.

Як праўдзіва паказана ў аповесці, К. М. Міцкевіч палымна адстойваў права выпускаць кнігі на беларускай мове, актыўна ўжываць яе ў тагачасных навучальных установах, што пацвярджаюць яго артыкул «Беларуская мова ў казённых школах» і «Другое чытанне для дзяцей беларусаў». Апісваючы гісторыю стварэння гэтай чытанкі, С. Х. Александровіч падае будучага класіка айчыннай літаратуры тонкім псіхалагам, які ведае, як мацней уздзейнічаць на дзяцей.

Падчас працы ў Верхмені К. М. Міцкевіч апісваецца пісьменнікам самотнай, пакутлівай асобай, якая не мае магчымасці абмеркаваць актуальныя грамадска-палітычныя падзеі, згадка пра якія, па-сутнасці, была пад забаронай. Як сцвярджае С. Александровіч, у такой сітуацыі царская ўлада выкарыстоўвала для сваёй прапаганды (скажонай інтэрпрэтацыі маніфеста ад 17 кастрычніка 1905 г.) беларускую мову. Гэта зноў падштурхнула маладога паэта да творчай актыўнасці, які бачыў сваю місію ў праўдзівым адлюстраванні рэчаіснасці і абуджэнні самасвядомасці народа: «Думалася, што цяпер на шырокі прастор выльецца хваля народнага гневу, пачнецца барацьба за зямлю і волю з новай сілай» [1, с. 229].

Са зместу твора вынікае, што К. М. Міцкевіч з годнасцю прыняў звестку аб сваім звальненні за арганізацыю нелегальнага настаўніцкага з'езда ў Мікалаеўшчыне 9–10 ліпеня 1906 г. Ён маральна пакутуе, адчуваючы сябе вінаватым перад членамі сям'і, бо не можа ім аказаць матэрыяльнай дапамогі.

Пісьменнік падрабязна апісвае душэўныя пакуты К. М. Міцкевіча ў ранні перыяд знаходжання ў астросе: «Але надышоў такі дзень, што не толькі расказваць, але і слухаць нічога не хацелася, ляжаць – не ляжалася, думаць – не думалася, прапаў сон, – усё вярэдзіла душу, хоць рукі на сябе налажы <...> На сэрцы яго стала горка, крыўдна і балюча, аж набеглі слёзы» [1, сс. 289–290]. Турэмнае зняволенне не зламала псіхікі мужага і аптымістычнага пісьменніка-гуманіста. Нават у такіх складаных абставінах К. М. Міцкевіч не губляў цікавасці да культурнага жыцця краіны, напрыклад, чытаў «Нашу ніву», падтрымліваў сувязь з такімі айчыннымі дзеячамі культуры, як Цішка Гартны, Карусь Каганец («таленавітая, энергічная і працавітая натура з моцнай сілай волі» [1, с. 307]), Ядвігін Ш.

Душэўныя пакуты з прычыны нявыкананых абавязкаў перад сям'ёй бацькі працягнуліся і пасля вызвалення К. М. Міцкевіча, калі той сутыкнуўся з шэрагам праблем: адсутнасць працоўнага месца і падтрымкі з боку былых сяброў, якія баяліся трапіць пад падазрэнне ў палітычнай ненадзейнасці і інш.

З 1912 г. К. М. Міцкевіча звязваюць сяброўскія адносіны з І. Д. Луцэвічам, «паэтам з Божай ласкі, талентам незвычайным» [1, с. 297] з «прыроджаным шляхецтвам ва ўсім» [1, с. 307]), «дасканалым заўзятым артыстам і сейбітам на ніве беларускай мастацкай пісьменнасці» [3, с. 184], «лепшым паэтам» [3, с. 303], працу якога на ніве культурнага адраджэння ён высока цаніў. Як слушна заўважае М. А. Тычына, гэтыя дзеячы культуры «ўзялі на сябе цяжкую місію – абудзіць народ ад векавечнага сну, спрыяць станаўленню беларускай дзяржаўнасці, стварыць літаратурную мову, быць выразнікам народных пачуццяў і дум» [2, с. 176]. Як адзначае С. Х. Александровіч, сяброўству гэтых двух волатаў беларускай культуры не перашкаджалі нават пэўныя разыходжанні ў ацэнцы розных грамадскіх і літаратурных падзей.

Гуманізм Якуба Коласа яскрава выявіўся ў асуджэнні Першай сусветнай вайны, што нанесла вялікія страты беларускаму народу. Акрамя таго, як сумленны чалавек, К. М. Міцкевіч адчуваў асабістую адказнасць і віну перад роднымі ўдзельнікаў ваенных падзей.

Як заўважае С. Х. Александровіч, пісьменнік з энтузіязмам успрыняў Кастрычніцкую рэвалюцыю, бо спадзяваўся на справядлівае вырашэнне нацыянальнай праблемы, у прыватнасці, спадзяваўся на падтрымку беларускай мовы большавіцкай уладай. Так, у аповесці «Крыжавыя дарогі» заўважаецца: «Канстанцін Міхайлавіч быў глыбока перакананы, што Савецкая ўлада і ў гэтай галіне навядзе лад і справядлівасць» [3, с. 31]; «Беларускі народ доўга жыў у цяжкім ярме няволі, цяпер, пры Савецкай уладзе, упершыню выходзіць на шырокія прасторы нацыянальнага жыцця» [3, с. 184].

Апынуўшыся на Куршчыне, Якуб Колас адчуваў сябе самотна і няўтульна, часта не мог знайсці натхнення і быў незадаволены створаным, не мог цалкам аддавацца любімай працы, успамінаў дарагу яго сэрцу радзіму з яе краявідамі, марыў вярнуцца туды: «Эх, каб хутчэй дахаты, на Беларусь! Тады ажыў бы, гэта пэўна! Як ірвецца туды збалелая душа і прагнае сэрца» [3, с. 59]; «Думкі вярнуцца ў родны кут, на Беларусь, неяк асабліва вярэдзілі душу... Гэта было як нейкае насланне» [3, с. 98]; «Ужо даўно здавалася, што жыццё пойдзе сваёй прызвычайнай каляінай толькі тады, калі ён са сваёй сям'ёй вернецца на родныя палаткі» [3, с. 108]. Прыехаўшы ў Беларусь, ён марыў ажыццявіць задуманае і адразу ж заняцца творчай дзейнасцю.

Акрамя таго, класік нацыянальнай літаратуры раскрываецца ў аповесці «Крыжавыя дарогі» як просты ў адносінах з людзьмі чалавек, шчыры, патрабавальны ў педагагічнай дзейнасці, гаспадарлівы, працавіты і практычны чалавек, які ведае сапраўдную цану зямлі.

Як адзначае С. Х. Александровіч, у маі 1921 г. пісьменнік быў прыхільна сустрэты ў вольнай Беларусі і абяцаў далей клапаціцца на ніве нацыянальнай культуры, верна служыць свайму народу. Аўтарскія заўвагі тыпу «працавалася добра, без прынуку, з ахвотай» [3, с. 186], «нісцалася з добрым настроем і радасцю» [3, с. 188], «працаваў, як заўсёды, многа і старанна» [3, с. 207] і інш. ацэньваюць плённы перыяд літаратурнай творчасці Якуба Коласа пасля пераезду ў Мінск у маі 1921 г. Сапраўды, у гэты час, нягледзячы на нападкі маладнякоўскіх і вульгарна-сацыялагічных крытыкаў, ён завяршае пачатыя раней паэмы «Новая зямля», «Сымон-музыка», друкуе вершы, казкі, апавяданні.

Аналізуючы ў аповесці «Крыжавыя дарогі» літаратурную творчасць К. М. Міцкевіча, С. Х. Александровіч заўважае, што Якуб Колас ствараў з задавальненнем, «проста, шчыра» [3, с. 188], «ад душы, шчыра, без фальшу, без аглядак на тое, што нешта скажа, ці даспадобы будзе каму» [3, с. 127]. Самаадданасць і працавітасць К. М. Міцкевіча выявіліся і ў перакладчыцкай дзейнасці: «Кляпаць абы-як, каб толькі ішло хутчэй, ён не ўмеў і не мог» [3, с. 274].

З тэксту аповесцей «На шырокі прастор», «Крыжавыя дарогі» вынікае, што ў К. М. Міцкевіча ўзнікла задума напісаць гістарычны твор пра паўстанне 1774 г. у Крычаўскім старостве, але яго актыўная перакладчыцкая дзейнасць і адсутнасць вольнага часу не дазволілі ажыццявіць задуманае. Такім чынам, у аповесці «Крыжавыя дарогі» пісьменнік падаецца і самакрытычнай асобай, здольнай рацыянальна тлумачыць і аб'ектыўна ацэньваць свае ўчынкi: «Вядома, сам вінаваты, што не змог узяць сябе ў рукі, распарадзіцца сваім вольным днём і вечарам» [3, с. 272].

У аповесці «Крыжавыя дарогі» паведамляецца, што сталы К. М. Міцкевіч быў актыўным навуковым, грамадска-культурным дзеячам, які падтрымліваў сувязь з вядомымі асобамі першай

паловы XX ст.: М. Зарэцкім, З. Бядулем, Я. Маўрам, А. Дударам, А. Талстым, Б. Пастарнакам, П. Тычынам, М. Лыньковым, Г. Табідзэ, К. Чорным, М. Горкім, С. Гарадзецкім і інш. Напрыклад, ён прымаў удзел у вечарах беларускай культуры, Сусветным кангрэсе пісьменнікаў у абарону культуры (1935 г.) і інш. мерапрыемствах. Разам з Я. Купалам, З. Бядулем, Я. Маўрам, М. Паслядовічам і інш. беларускімі пісьменнікамі ў 1939 г. ён наладзіў сувязі з такімі заходнебеларускімі пісьменнікамі, як М. Танк, П. Пестрак, М. Машара.

Як праўдзіва паказана ў аповесці «Крыжавыя дарогі», пісьменнік балюча ўспрымаў падзел Беларусі на Заходнюю і Усходнюю, немагчымасць наведаць родныя мясціны, якія апынуліся ў складзе Польшчы, таму агульнавядомы падзеі 1939 г. лічыў гістарычнай справядлівасцю. Нягледзячы на выпрабаванні і асабістую трагедыю (не вярнуўся з фронту сын Юрка, загінуў лепшы сябра і паплечнік Я. Купала, памерла жонка) у пасляваенны перыяд К. М. Міцкевіч актыўна займаўся культурнай дзейнасцю, шмат увагі надаваў справам развіцця беларускай літаратуры. Напрыклад, знаёміўся з творами маладых пісьменнікаў, клапаціўся аб стане і ўзбагачэнні беларускай мовы, працаваў над паэмамі «Рыбакова хата», «На шляхах волі» і апошняй часткай трылогіі «На ростанях».

Вывады

Такім чынам, у прааналізаванай намі мастацкай прозе (аповесцях «На шырокі прастор», «Крыжавыя дарогі») С. Х. Александровіча класік беларускай літаратуры рэпрэзентуецца прыхільнікам рэвалюцыйных пераўтварэнняў, беларускага адраджэння і сацыялізму, інтэлектуалам, дзіцячым псіхолагам, вопытным і працавітым педагогам, таленавітым метадыстам, актыўным грамадска-палітычным дзеячам, аўтарытэтным пісьменнікам, арыгінальным перакладчыкам, мовазнаўцам, гуманістам, носьбітам лепшых рысаў нацыянальнага характару. Уплыў часу на трактоўку асобы Якуба Коласа выявіўся ў тлумачэнні С. Х. Александровічам грамадзянскай пазіцыі і грамадскай актыўнасці пісьменніка.

СПІС АСНОЎНЫХ КРЫНІЦ

1. Александровіч, С. Х. На шырокі прастор: аповесць пра Якуба Коласа : для ст. школ. узросту / С. Х. Александровіч. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1979. – 352 с.
2. Тычына, М. А. Якуб Колас / М. А. Тычына // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. / НАН Беларусі, Ін-т літаратуры імя Я. Купалы ; нав. рэд. І. Я. Навуменка, В. А. Каваленка. – 2-е выд. – Мінск : Беларуская навука, 1999. – Т. 1 : 1901–1920. – С. 176–236.
3. Александровіч, С. Х. Крыжавыя дарогі: аповесць пра Якуба Коласа / С. Х. Александровіч. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1985. – 333 с.

Паступіў у рэдакцыю 27.06.2018

E-mail: nalyotova.nathalie@mail.ru

Natallia Naliotava

ARTISTIC INTERPRETATION OF PERSONALITY AND WORK OF K. M. MITSKEVICH IN S. H. ALEXANDROVICH'S PROSE

The article examines an artistic interpretation of personality and work of K. M. Mitskevich revealed in the Belarusian prose of the XX century (on the example of such novels as “A wide scope”, “Thorny road” by S. H. Alexandrovich). It is suggested that the appeal of the writer was recreated as a well-known Belarusian identity due to its important role in the development of national culture.

Keywords: artistic interpretation of Belarusian culture, activist culture, creative individuality, K. M. Mitskevich, S. H. Alexandrovich, Belarusian prose, a story.

Т. И. Скоробогатая

Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры романо-германской филологии, УО «Гродненский государственный университет им. Я. Купалы», г. Гродно, Республика Беларусь

ПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ С ПОЛУПРЕФИКСОМ AB- И ИХ НЕОДНОСЛОВНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ

В данной статье представлена деривационная семантика производных глаголов с полупрефиксом *ab-*. Установлено, что в немецком языке есть лексические единицы, способные выступить в деривационной функции, о чем свидетельствует их регулярность и соответствие по семантике словообразовательному аффиксу. Нами описываются деривационные значения и средства их выражения в составе номинативных рядов.

Ключевые слова: глагол, полупрефикс, номинативный ряд, словообразовательное значение, деривационное сочетание, немецкий язык.

Введение

Малочисленная система глагольных префиксов в немецком языке компенсируется полупрефиксами и первыми компонентами сложных слов. Полупрефиксальные производные лексемы занимают промежуточное положение между сложными и префиксальными глаголами, отличаются от морфологических префиксальных глаголов видом связи – всегда отделяемые [1, с. 102–104], [2, с. 261–262], что позволяет отличать их от приставок.

В исследованиях по германистике отсутствует единство в понимании *полуаффиксов*. В данной статье мы придерживаемся мнения авторов грамматики Дудена [3, с. 414] и к *полупрефиксам* относим элементы, соотносимые с предлогами современного немецкого языка и наречием *wieder*: *ab-, an-, nach-, auf-, aus-, ein-, vor-, zu-, bei-, mit-, durch-, über-, unter-, hinter-, um-, wider-*. В грамматике Дудена *полуаффиксы (аффиксоиды)* определяются как продуктивные элементы словообразования, занимающие промежуточную позицию между самостоятельными частями речи и словообразовательными формантами. Что касается особенностей их семантических функций, то они во многом сходны с префиксами, хотя и не потеряли связи с соответствующими предлогами [4, с. 317]. Однако некоторые ученые называют данные элементы в составе глагола префиксами [5, с. 8], [6]. В. М. Павлов отмечает, что глаголы с данными компонентами необходимо квалифицировать как производные, а не сложные, так как данные компоненты в основном вносят в семантику глагола абстрактный характер значений [7, с. 243].

В немецком языке полупрефиксы классифицируются по признаку отделяемости / неотделяемости. *Ab-, an-, auf-, aus-, bei-, ein-, mit-, nach-, vor-, zu-* и являются всегда ударными и отделяемыми. Полупрефиксы с колеблющимся ударением *durch-, über-, unter-, um-, wieder-, hinter-* могут быть отделяемыми и неотделяемыми в зависимости от ударения. Полупрефиксы играют значительную роль в обогащении глаголами словарного состава немецкого языка. Благодаря разнообразию своей семантики и многочисленности, они обеспечивают возможность создания глаголов с различными оттенками значений и в настоящее время являются продуктивными деривационными средствами.

В морфемной структуре исследуемых немецких глаголов выделяются следующие полупрефиксы: *ab-, an-, auf-, aus-, durch-, ein-, zu-, vor-, um-, bei-, über-, unter-, nach-, hinter-, zwischen-, mit-, gegen-* с различными значениями. Полупрефиксы обладают различной степенью продуктивности: *ab-* – 13,8 %, *an-* – 9,2 %, *auf-* – 13 %, *aus-* – 13,8 %, *durch-* – 10,4 %, *in-* – 10,6 %, *zu-* – 7 %, *vor-* – 3,9 %, *um-* – 7,5 %, *bei-* – 0,5 %, *über-* – 3,4 %, *unter-* – 2,6 %, *nach-* – 1,7 %, *hinter-* – 0,2 %, *zwischen-* – 0,2 %, *mit-* – 0,7 %, *gegen-* – 0,5 %, *entgegen-* – 1 %. Наибольшее количество производных зафиксировано с полупрефиксами *ab-* и *aus-*. Производные с полупрефиксами *gegen-, zwischen-, entgegen-* среди исследуемых глаголов встречаются в единичных случаях.

Полупрефиксальные производные рассматриваются нами в составе номинативных рядов. Для номинативного ряда характерным является общий денотат, представленный различными по структуре единицами, но характеризующихся «тождеством корня» [8, с. 116]. Так номинативный

ряд глагола может включать в себя производный глагол, деривационное словосочетание, устойчивое словосочетание, лексически конкретизированное словосочетание в деривационной функции [9, с. 53]. Рассмотрение производных глаголов в составе номинативных рядов позволяет определить аналитические конструкции, которые могут компенсировать словообразовательную недостаточность и заполнять словообразовательные лакуны.

Результаты исследования и их обсуждение

Нами установлено, что в состав номинативных рядов могут входить словосочетания коммуникативно-эквивалентные глагольным производным с полупрефиксом *ab-*.

Компоненты номинативного ряда (производные глаголы и эквивалентные им словосочетания) как языковые единицы реализуют свою семантику в тексте.

Значение 'устранение, изъятие, отделение' представлено как однословными производными с полупрефиксом *ab-*, так и их аналитическими соответствиями, в составе которых можно выделить регулярно употребляемую лексему (*abtrennen* 'отделять') в деривационной функции: *abscheren, mit der Schere abtrennen* 'остригать, срезать'; *absägen, mit einer Säge abtrennen* 'отпиливать, пилить'.

Diana Herold schert dem Schaf die Wolle ab 'Диана Герольд срезает шерсть с овцы' (Bild, 29.07.2004) [10].

Das Studium hat er geschmissen, als er für ein Experiment mit der Schere einem Frosch den Kopf abtrennen sollte 'Он бросил учебу, когда ему пришлось отрезать голову лягушки для эксперимента' (Der Tagesspiegel, 10.12.2004) [10].

Zwei Opfern sägte er den Kopf ab 'Двум жертвам он отпилил голову' (Bild, 13.03.2000) [10].

Mit einer Säge trennte die Geliebte dem Opfer den Kopf ab 'Возлюбленная отпилила жертве голову' (Bild, 05.02.2002) [10].

В большинстве случаев деривационные словосочетания конкретизируют, уточняют частное словообразовательное значение, имплицитно представляемое аффиксом, а то и вовсе не эксплицируемое посредством аффикса. Так, с помощью деривационной лексики *abtrennen* 'отделять' возможно заполнение внутриязыковой лакуны: *Ø, mit einer Axt abtrennen* 'отрубить (топором)'.

Anschließend trennte sich der Angreifer mit einer Axt seine Hand ab 'Затем нападающий отрубил себе руку топором' (Bild, 28.06.2005) [10].

Среди глаголов с полупрефиксом *ab-* широко распространены глаголы со словообразовательной семантикой 'уничтожение, лишение жизни, гибели' (*abwürgen* 'душить, задушить', *abstechen* 'закалывать', *abprügeln* разг. 'отколотить, отлупить').

К регулярным компонентам в деривационной функции с данным значением относятся глагол *töten* 'убивать; умерщвлять' и предложная группа *zu Tode* 'до смерти, насмерть', выражающие в коммуникативно эквивалентных глаголам словосочетаниях значение 'уничтожение, лишение жизни, гибели'. Например:

1) *abstechen, mit Messerstichen töten* 'закалывать'

Die Hauptperson zieht ein langes Messer und sticht ihn ab 'Главный герой достает длинный нож и закалывает его' (Die Zeit, 11.09.2006, Nr. 37) [10].

Er gestand, im Streit seine Freundin (43) mit 50 Messerstichen getötet zu haben 'Он признавался, что убил в ссоре свою подругу (43) 50 ударами ножа' (Bild, 16.10.2003) [10].

2) *abschießen, durch einen Schuss töten* 'застрелить, отстрелить (дичь)'

Bonn – Noch nie haben deutsche Jäger so viele Rehe abgeschossen wie im Jagdjahr 2002/2003 'Бонн – Немецкие охотники никогда еще не отстреляли так много косуль, как в охотничьем году 2002/2003' (Bild, 10.12.2003) [10].

Danach habe er versucht, sich selbst durch einen Schuss ins Herz zu töten 'Затем он пытался застрелить себя в сердце' (Die Welt, 13.12.2003) [10].

Als der Verkäufer das Geld dafür forderte, prügelte ihn der Obdachlose zu Tode 'Когда продавец потребовал за это денег, бездомный до смерти отколотил его' (Die Zeit, 27.08.2010 (online)) [10].

Полупрефиксальный глагол *abschießen* является многозначным. В одном из его значений ('результат действия') компонентами номинативного ряда являются устойчивые словосочетания в деривационной функции: *abschießen, einen Schuß abfeuern, einen Schuß abgeben* 'выстрелить, сбить выстрелом'.

*Was soll das heißen, dass Sie Moers besser **abschießen** können?* ‘Что это значит, что вы можете стрелять в Мёрса лучше?’ (Friedländer, Hugo: Der Klub der Harmlosen. In: ders., Interessante Kriminal-Prozesse, Berlin: Directmedia Publ. 2001 [1912], S. 2650) [10].

*Darüber hinaus befinden wir uns in einer Situation, in der wir verlieren könnten, ohne **einen Schuß abgefeuert zu haben*** ‘Более того, мы находимся в ситуации, когда мы могли бы проиграть, не выстрелив’ (Archiv der Gegenwart, 2001 [1950]) [10].

*Wenn sie aber versuchte, näher heranzukommen, flüchteten die Tiere, ehe sie noch **einen Schuß abgeben** konnte* ‘Но когда она попыталась приблизиться, животные убежали, прежде чем она смогла выстрелить еще раз’ (Ewers, Hanns Heinz: Alraune, München: Herbig 1973 [1911], S. 339) [10].

Среди глаголов с полупрефиксом *ab-* широко распространены глаголы со словообразовательной семантикой ‘результат действия’ (*abeggen* ‘пробороновать’, *abtasten* ‘ощупывать, прощупывать’) и значением ‘совершение действия с особой интенсивностью’ (*abküssen* ‘расцеловать, зацеловать, покрыть поцелуями’, *abklopfen* ‘1) выстукивать (напр. больного), 2) разг. обходить, стучаться вовсе двери’). Данные значения могут быть представлены только синтетическим способом, так как отсутствуют деривационные лексемы, способные замещать словообразовательный аффикс.

*Anfangs fühlte ich mich geschmeichelt, wenn Emma mich innig umarmte und **abküsst*** ‘Сначала мне льстило, когда Эмма крепко меня обнимала и целовала’ (Der Tagesspiegel, 09.10.2004) [10].

Vorsichtig tastet er sein linkes Bein ab, von oben nach unten ‘Осторожно он прощупывает левую ногу, сверху вниз’ (Bild, 13.02.2002) [10].

Значение ‘прекращение, завершение действия или процесса’ также характерно для полупрефикса *ab-* (*blühen* ‘цвести’ – *abblühen* ‘отцвести’, *leben* ‘жить’ – *ableben* ‘высок. умереть, скончаться’). Однако анализ лексикографических источников показал, что данное значение в большинстве случаев представлено в немецком языке с помощью деривационной лексики *aufhören* ‘прекратить’: *отбарабанить* – *aufhören zu trommeln*, *отбродить* – *aufhören zu gären*, *отгладить, кончить гладить* – *aufhören zu bügeln*.

Номинативные ряды с семантикой ‘прекращение, завершение действия или процесса’ могут быть и полными, т. е. включать в свой состав как однословные, так и многословные номинации: *blühen* ‘цвести’ – *abblühen* ‘отцвести’, *aufhören zu blühen* ‘отцвести’, *singen* ‘петь’ – *absingen* ‘отпеть, кончить петь’, *aufhören zu singen* ‘отпеть, кончить петь’.

Коммуникативными эквивалентами производных глаголов с полупрефиксом *ab-* могут быть и лексически конкретизированные словосочетания, употребляемые в деривационной функции и располагающиеся на периферии деривационной системы. Так, например: *absehen* ‘процеживать, цедить’ – *durch ein Sieb gießen* ‘процеживать, цедить’.

*Fünf Minuten stehen lassen und **absehen*** ‘Оставить на пять минут и процедить’ (Berliner Zeitung, 27.10.2005) [10].

*10 Min. kochen lassen, dann **durch ein Sieb gießen*** ‘Варить 10 минут, потом процедить’ (Berliner Zeitung, 03.12.2005) [10].

Для отглагольных производных с полупрефиксом *ab-* характерны также следующие лексико-словообразовательные значения: ‘значение удаления откуда-либо или нахождения в отдалении от чего-либо’ (*abschleppen* ‘оттаскивать’, *abfliegen* ‘улетать, взлетать’), ‘значение заимствования чего-либо, подражания по образцу’ (*abstricken* ‘связать по образцу’, *abzeichnen* ‘срисовывать, счерчивать’), ‘значение отмены чего-либо, отказа от чего-либо’ (*absagen* ‘отказать, отменить’, *abtelefonieren* ‘отказаться по телефону’), ‘значение придания чего-либо, снабжения чем-либо’ (*abschmecken* ‘приправлять специями’, *abrühren* ‘заправлять, замешивать’) [11, с. 36–37]. Данные значения представлены неполными номинативными рядами, так как словообразовательная семантика не может выражаться лексемами в деривационной функции.

Как показало исследование, коммуникативная эквивалентность деривационного сочетания производному глаголу с полупрефиксом *ab-* при выражении значения ‘удаление откуда-либо’ обнаруживается только в тех случаях, когда глагол обладает синкретизмом значений: ‘начинательность’ и значение ‘удаление откуда-либо’. Например, производящий глагол *fliegen* ‘летать’ имеет в своей парадигме производный с полупрефиксом *ab-* *abfliegen* ‘взлетать’, для которого имеется коммуникативно-эквивалентное деривационное словосочетание *den Flug beginnen* ‘начать полёт’, т. е. значение начинательности может быть эксплицировано путем аналитической конструкции с деривационной лексемой *beginnen* ‘начать’.

Выводы

Таким образом, производные глаголы с полупрефиксом **ab-** являются составляющими как полных, так и неполных номинативных рядов. Аналитические составляющие номинативного ряда (деривационные словосочетания, устойчивые словосочетания и лексически конкретизированные словосочетания в деривационной функции), наряду с однословными лексемами, довольно часто представляют различные деривационные значения глагола в тексте. В сравнении с однословными лексемами они, во-первых, способны конкретизировать производное значение, эксплицируя те или иные частные лексико-словообразовательные семы, и, во-вторых, в целом ряде случаев являются одним из средств выражения словообразовательных значений, нереализованных посредством аффиксов.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Eichinger, L. M. Deutsche Wortbildung: eine Einführung / L. M. Eichinger. – Tübingen : Narr, 2000. – 269 S.
2. Olsen, S. Partikelverben im deutsch-englischen Vergleich / S. Olsen // Deutsch – typologisch / hrsg. von E. Lang, G. Zifonun. – Berlin ; New York, 1996. – S. 261–288.
3. Duden. Das Standardwerk zur deutschen Sprache : in 12 Bd. / hrsg. von der Dudenred. – 6., neu bearb. Aufl. – Mannheim [etc.] : Dudenverl., 1998. – Bd. 4 : Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / bearb. von P. Eisenberg. – 912 S.
4. Степанова, М. Д. Словообразование современного немецкого языка / М. Д. Степанова ; под ред. Т. В. Строевой. – 2-е изд., испр. – М. : КомКнига : URSS, 2007. – 374 с.
5. Константинова, Н. А. Немецкое глагольное словообразование в диахронии: на примере префиксальных эмотивных глаголов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. А. Константинова ; Барнаул. гос. пед. ун-т. – Барнаул, 2004. – 18 с.
6. Fleischer, W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, I. Barz. – Tübingen : Niemeyer, 1992. – 376 S.
7. Павлов, В. М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования / В. М. Павлов ; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания ; отв. ред. В. Г. Адмони. – Л. : Наука, 1985. – 299 с.
8. Никитевич, В. М. Основы номинативной деривации / В. М. Никитевич. – Минск : Выш. шк., 1985. – 157 с.
9. Никитевич, А. В. Русский глагол в составе номинативных рядов / А. В. Никитевич. – Гродно : Гродн. гос. ун-т, 2004. – 347 с.
10. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS) [Electronic resource] / Berlin-Brandenburgische Akad. der Wissenschaften. – Mode of access: <http://www.dwds.de>. – Date of access: 18.05.2018.
11. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / А. Н. Зуев [и др.] ; под рук. М. Д. Степановой. – 2-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 2000. – 536 с.

Поступила в редакцию 27.06.2018

E-mail: tansko@mail.ru

Tatyana Skorobogataya

**DERIVATIVE VERBS IN GERMAN WITH THE SEMIPREFIX AB-
AND THEIR MULTIWORD CONFORMITIES**

The derivational semantics of the derivative verbs with the semi-prefix *ab-* is presented in this article. It is established that in the German language there are lexical units that may perform the derivational function which can be proved by their regular occurrence and the same meaning as the word-formation affixes. We describe the derivational meanings and means of their expression as a part of the nominative sets.

Keywords: verb, semi-prefix, nominative set, word-formation meaning, derivative collocations, the German language.

А. Г. Суколен

Аспирант кафедры русского, общего и славянского языкознания,
УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины», г. Гомель, Республика Беларусь
Научный руководитель: Коваль Владимир Иванович, доктор филологических наук, профессор

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНОЧНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ 'ТРУСЛИВЫЙ' (НА МАТЕРИАЛЕ ЗООНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье на материале зоонимической лексики рассматриваются особенности вербализации оценочной характеристики 'трусливый' в русском и китайском языках в силу того, что зооморфизмы отражают социальный опыт носителей соответствующих культур и системно употребляются в каждом из сопоставляемых языков. В статье анализируется семантическая структура зооморфизмов русского и китайского языков, способы ее представления, а также объясняются переносные значения зооморфизмов с учетом национально-культурных особенностей осмысления внеязыковой действительности русскими и китайцами.

Ключевые слова: зооним, зооморфизм, семантическая структура, сема, гиперсема, гипосема, оценочная характеристика, сравнение, фразеологизм.

Введение

Лексические метафоры, относящиеся к логической модели «животное → человек», включают в себя четкие и постоянные оценочные характеристики. В большинстве случаев они вполне очевидны для носителей определенного языка и культуры, но иногда истоки происхождения переносных значений скрыты, так как относятся к архаичному сознанию носителей той или иной культуры. «Чем диффузнее и дескриптивнее значение слова, тем легче оно метафоризируется. Спонтанное зарождение смыслов в естественном языке часто происходит внутри интуитивных представлений. Смысловые нюансы извлекаются из мутной среды» [1, с. 348]. В связи со сказанным важной представляется мысль о существовании трех взаимосвязанных «уровней» значений зоонимов: «Первое значение может быть условно названо "обыденным" – это именование того или иного животного, второе – "мифологическим", оно находит отражение в традиционной народной культуре, в фольклорных текстах. На основании этих двух "уровней" формируется стереотипное значение или стереотипный образ, который и актуализируется при использовании зоонима для зооморфной характеристики человека» [2, с. 152].

Объектом данного исследования является зоонимическая лексика русского и китайского языков, используемая для характеристики внутренних качеств человека. Предмет исследования – национально обусловленный коннотативный компонент семантики зоонимов, используемых для выражения оценочной характеристики 'трусливый' в сопоставляемых языках.

Результаты исследования и их обсуждение

Оценочная характеристика 'трусливый' в русском языке передается синонимичными лексемами *трусливый* 'легко поддающийся чувству страха, не способный бороться с ним' [3, с. 420] и *боязливый* 'склонный к боязни, робкий, несмелый' [4, с. 110]. В китайском языке соответствиями для русских лексем *трусливый* и *боязливый* являются слова 胆小的 *dǎnxiǎode* и 怯懦的 *qiènuòde* [5, с. 1092]. Внутренняя форма лексемы 胆小的 *dǎnxiǎode* 'трусливый, нерешительный, слабовольный; тот, кому не достает храбрости' [6, с. 262] выявляется с учетом двух компонентов: 1) 胆 *dǎn* 'жёлчный пузырь;местилище храбрости; мера смелости (мужества, отваги)' и 2) 小 *xiǎo* 'маленький, мелкий, небольшой'. Слово 怯懦的 *qiènuòde* 'трусливый, робкий, слабовольный' определяется посредством отсылки к лексеме 胆小 *dǎnxiǎo* [6, с. 1053]. Первичный признак, положенный в основу семантики слова 怯懦的 *qiènuòde* представлен компонентами 怯 *qiè* 'трусливый, малодушный' и 懦 *nuò* 'слабый; изнеженный; робкий, боязливый'.

Важно при этом учитывать, что отношение к трусости в русской и в китайской культурах неодинаковое. О негативной оценке качества 'трусливый' свидетельствует множество русских пословиц: *Кто назад бежит, тот честью не дорожит; Трус погибает, храбрый побеждает; Смелому уважение, трусу презрение; Паникер да трус – хуже нет обуз* и др. Китайцы к трусости

относятся иначе: «Китайцы страдают от избытка древней мудрости, которая проявляется в лукавстве, бесстрашии, миролюбии, что часто граничит с трусостью. Однако все умные люди трусливы, потому что умный человек хочет сберечь свою шкуру» [7, с. 85].

Рассмотрим семантическую структуру русских лексем *трусливый* / *боязливый* и китайских номинаций 胆小的 dǎnxiǎode и 怯懦的 qiènuòde. Ядерный компонент семантики приведенных лексем составляют семы 'подающийся страху', 'склонный к боязни', 'несмелый'. Околоядерная зона представлена семами 'слабовольный', 'малодушный', 'слабый'. Перечисленные семы на основе ассоциаций могут потенциально реализовывать такие семы, как 'изнеженный', 'застенчивый', 'беспринципный', 'завистливый', 'подлый', 'склонный к предательству' и др. Русские и китайские зоонимы, в околоядерной зоне лексического значения которых обнаруживаются перечисленные семы, участвуют в формировании оценочной характеристики 'трусливый'.

В сознании носителей русского языка модель «животное → трусливый человек» в некоторых случаях реализуется за счет представлений о том, что боязливый человек имеет обыкновение спасаться бегством. Таким образом, поведение трусливого человека в потенциально опасной ситуации сравнивается с поведением поспешно убегающего животного: *разбежаться / разбежаться (рассыпаться / рассыпаться) как зайцы* 'о разбежавшихся враспынную, в разные стороны трусливых людях' [8, с. 213]; *бегать (бежать, убежать, удирать, лететь, нестись, мчаться) как заяц (зайцем)* 'о быстро, панически, в большом страхе убегающем человеке' [8, с. 213]; *разбежаться / разбежаться как мыши* 'о внезапно, быстро и панически разбежавшихся (от страха) в разные стороны людях'; *убежать / убежать (смыться / смываться) как крысенок* 'о трусливо, панически убежавшем откуда-либо ребенке' [8, с. 314]; *разбежаться / разбежаться (расползаться / расплзтись) как клопы [по своим щелям]* 'о людях, трусливо укрывающихся от чего-либо в укромных, безопасных местах' [8, с. 260]; *разбежаться / разбежаться (расползаться / расплзтись) как тараканы [по своим щелям]* 'о людях, трусливо отсиживающихся где-либо в безопасном и удобном месте в случае опасности' [8, с. 674]; *разбежаться / разбежаться как ягнята* 'о быстро, враспынную разбегающихся (от страха, испуга) детях' [8, с. 773] и др.

Для вербализации оценочной характеристики 'трусливый' как в русском, так и в китайском языках используются зоонимы *крыса* 'вредный грызун, внешним видом напоминающий мышь, но гораздо больших размеров, преимущественно с серой шерстью и длинным чешуйчатым хвостом' [9, с. 141] и 鼠 shǔ 'общепринятое название млекопитающих животных семейства грызунов, которым обозначаются разные виды животных, имеющих небольшую длину тела, хвост, лапы бурого либо черного цвета, высокоразвитые резцы, обладающих большой плодовитостью; крысы часто воруют продовольствие, зерновые, уничтожают продукты, способны передавать такие заболевания, как чума' [6, с. 1213]. Эмоционально-оценочная сема 'трусливый', занимающая позицию семантического ядра зооморфизма *крыса*, определяет негативную, неодобрительную и в некоторых случаях – презрительную коннотацию данного слова: *Трусливая крыса! – Трусливая крыса!* – презрительно повторил кто-то чуть не над самым ухом и смачно харкнул (Д. Глуховский. Метро); *Для всех людей прыгнул сюда Михаська, чтоб знали они: Саватей – это трусливая крыса и нечего его бояться* (А. Лиханов. Чистые камушки). Для оценочной характеристики человека, демонстрирующего злобное, трусливое и коварно осторожное поведение, в русском языке используется сравнительный оборот *вести себя как крыса* [8, с. 313]: *Трамт ведет себя как крыса. У него нет смелости* (А. Пономарёв. Чужой среди своих: почему Трампа в США сравнили с крысой).

Зооморфизм *крыса* в значении 'тот, кто бросает общее дело в трудный, опасный момент', закрепился, прежде всего, в крылатом выражении *Бегут, как крысы с тонущего корабля*, впервые употребленном английским драматургом У. Шекспиром в пьесе «Буря» (1611) [10]. Сравн.: *И перед Гордеевым стыдно, не выдержали первых же трудностей, трусили, разбежались, как крысы с корабля* (А. Маринина. Мужские игры). Данное выражение связано с поверьем о том, что корабельные крысы, предчувствуя кораблекрушение, заранее покидают судно. На самом же деле крысы покидали корабль в том случае, если его борта рассыхались и давали течь или повреждались механически. В трюме (основном месте обитания корабельных крыс) скапливалась вода, изгоняющая вредных грызунов.

Китайские лексемы и фразеологизмы, имеющие в своем составе гнездовой иероглиф 鼠 shǔ, активно участвуют в вербализации оценочной характеристики 'трусливый'. Внутренняя форма лексемы 鼠胆 shǔdǎn 'трусливый' определяется компонентами 鼠 shǔ 'крыса' и 胆 dǎn 'желчный пузырь'. В древнекитайских медицинских трактатах, зафиксировавших взгляды врачебной науки на строение человеческого организма, отмечается: «Сердце есть властелин всего тела, в сердце

находится средоточие всех чувств и удовольствий. Душа человека находится в печени; печень состоит из семи долей и служит пребыванием правосудия. Желчный пузырь есть вместилище храбрости, доброго или злого характера» [11, с. 4–5]. Слово-мотиватор 胆 dǎn (= жёлчный пузырь) в данном случае не участвует в формировании оценочности, указывая лишь на этот орган как вместилище храбрости. Негативную коннотацию лексема получает за счет гипосемы ‘мелкий’, являющейся частью предметно-понятийного макрокомпонента значения зоонима 鼠 shǔ (= крыса). Сравним: 大胆 dàdǎn (= большой желчный пузырь) ‘смелый’ и 小胆 xiǎodǎn (= маленький желчный пузырь) ‘трусливый’. Кроме того, в китайском языке существует фразеологизм 胆小如鼠 dǎnxiǎo rúshǔ (= трусливый как крыса) ‘быть трусливым, всего бояться’ [12, с. 448]. Поскольку крыса относится к мелким грызунам, имеющим небольшие внутренние органы, она, возможно, стала символизировать трусость. Например: «我不是老鼠胆, 用不着吓唬!» (= Я не трус (букв. **не желчный пузырь крысы**), не нужно пугать!) \当代\文学\大陆作家\李英儒 野火春风斗古城.txt. Свидетельством того, что зооним 鼠 shǔ (= крыса) ассоциируется с трусливым человеком, служит и фразеологизм 首鼠两端 shǒushǔ liǎngduān (= крыса смотрит по сторонам) в значении ‘проявлять нерешительность, колебаться, быть чрезмерно осторожным’ [12, с. 367]. Поведение крысы, которая, выходя из норы, долго оглядывается во все стороны, люди восприняли как свидетельство нерешительности и пугливости грызуна, в то время как данное поведение является следствием особенностей строения зрительного аппарата: «Зрение у крыс плохое и имеет небольшой угол обзора (всего 16 градусов), что вынуждает животных постоянно вертеть головой» [13]. Вероятно, сема ‘нерешительный’, находясь в периферийной зоне семантической структуры зоонима 鼠 shǔ (= крыса), занимала позицию одного из ядерных компонентов, что и порождало образно-ассоциативные связи между чрезмерно осторожным человеком и крысой. Например, 别首鼠两端的, 快做出决定吧! (= Не нужно быть чрезмерно осторожным (букв. **крысой смотреть по сторонам**), быстро принимай решение!).

В отличие от китайцев, носители русского языка вместилищем храбрости считают душу и сердце: *Так вспыхивает сердце храброго, между тем как сердце труса холодеет.* (А. А. Бестужев-Марлинский. Вадимов); *Если позволите мне сказать мысль мою, я полагаю истинную неустрашимость в душе, а не в сердце. У кого она в душе, у того, без всякого сомнения, и храброе сердце.* (Д. И. Фонвизин. Недоросль). В русском языке устойчивые словосочетания *заячья душа* и *заячья натура* употребляются для характеристики робкого, трусливого человека [14, с. 290]: *Перепуганный всем случившимся, Митя упрямо твердил, что он ничего о хлебе не знает, ничего не видел и не слышал. – Трус, заячья душа! – обозвала его Таня* (А. И. Мусатов. Большая весна); *– Вот, – говорит дядя Бодряй, – вишь робкая, заячья душа* (Н. П. Вагнер. Сказки Кота-Мурлыки).

В стихотворении Э. Асадова «Трусиха» использован фразеологизм с зооморфным компонентом – *воробыная душа* – для характеристики смелого поступка внешне хрупкой и робкой девушки: *Где без слов по набережной хмурой / Шли, чуть слышно гравием шурия, / Парень со спортивную фигурой / И девчонка – слабая натура, / «Трус» и «воробыная душа».* Если зооним *воробей* ‘маленькая птичка с коричневато-серым оперением, живущая обычно близ жилых строений’ [4, с. 212] в составе словосочетания *воробыная душа* реализует в ядерном компоненте значения сему ‘маленький’ (сравн. кит. 小胆 xiǎodǎn (= маленький желчный пузырь) ‘трусливый’), то зооним *заяц* в устойчивом оценочном словосочетании *заячья душа*, кроме семы ‘маленький’, также реализует сему ‘дрожащий’, ‘трясущийся’.

Одним из характерных признаков поведения человека, испытывающего страх, является дрожание конечностей, подбородка и губ. Поэтому слово *трус* имеет также отвлеченную семантику ‘трепет, страх и дрожь’ [15, с. 449]; ‘трепет, страх’: *Это он с трусу-то не разобрал* [16, с. 1055]. Биологической особенностью зайца является напряжение мышц в готовности использовать бег, которое внешне напоминает дрожь (сравн. *трус* ‘кролик’ [3, с. 419], бел. *трус* ‘небольшой домашний грызун семейства заячьих’, рус. *кролик* [17, с. 307]). Именно поэтому о дрожащем от страха человеке носители русского языка с неодобрением говорят *дрожит (трясется) как заяц* [8, с. 214]; *труслив (трусливый) как заяц* ‘о трусливом, робком, очень опасливом человеке’ [8, с. 215]. Например: *Он был труслив, как заяц, и боялся решительно всего* (С. М. Степняк-Кравчинский. Подпольная Россия); *Успокойся, ну что ты пугливая, как заяц...* (М. Дяченко, С. Дяченко. Магам можно все); *Неужели вы так мелки, что как трусливый заяц хрустите тайком капустой своего страха и у вас нет смелости гордо и открыто отстаивать свою страсть или любовь?* (А. Слаповский. Жизнь Лагарпова).

Как в русском, так и в китайском языках для вербализации оценочной характеристики 'трусливый' используется зооним *курица* = 鸡 jī. Носители русского языка для характеристики трусливого человека употребляют пренебрежительное сравнение *труслив (трусливый) как курица* 'о шумливо боязливым, опасливым и несамостоятельным из-за чрезмерной осторожности человеке' [8, с. 328]: *Кроме того, удрученный падучей болезнью, Смердяков был «труслив как курица»* (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы). В текстах художественной литературы также встречаем фразеологизм *мокрая курица* в значении 'о жалком, беспомощном человеке' [18, с. 344]: *На баке, этом матросском клубе, где даются меткие оценки офицерам, находили, что он далеко не орел, каким был Степан Степаныч, а мокрая курица, выказавшая трусость во время штурма, прихватившего корвет по выходе из Сингапура* (К. М. Станюкович. Куцый); *И если Суворову лестно было доказать перед нарядной приемной, что он не мокрая курица, а орел, он оценит и ту безоглядную храбрость, которую он, царский сын, собирается проявить* (О. Д. Форш. Михайловский замок). Как видим, в приведенных предложениях фразеологизму *мокрая курица*, обозначающему трусливого, малодушного человека, противопоставлен зооморфизм *орел*, что подкрепляет негативную оценку фразеологизма в целом, так как орел является символом смелости и отваги.

Носители китайского языка используют зооморфизм *草鸡 cǎojī* (= курица) в значении 'о слабом и трусливом человеке': *现在是最关键的时候,谁也不许当草鸡。尽快把我们的销售额搞上去。* (= В этот критический момент никто не должен спасовать (букв. *стать курицей*). Мы увеличим наши продажи как можно быстрее) [19, с. 28]. Кроме того, в китайском языке употребляется лексема *鸡胆子 jīdǎnzi* 'трус' [12, с. 347], внутренняя форма которой представлена компонентами *鸡 jī* (= курица) и *胆子 dǎnzi* (= желчный пузырь): *凤毛鸡胆 fèng máo jī dǎn* (= перо феникса и желчный пузырь курицы) 'о внешне мужественном, но в действительности трусливом человеке'.

И в русской, и в китайской культурных традициях трусость воспринимается как слабость, которая порицается, поэтому зачастую боязливые люди пытаются скрыть это качество своего характера. Китайское выражение *羊质虎皮 yángzhìhǔpí* (= баранье естество в шкуре тигра) употребляется в значении 'форма не соответствует содержанию; внешне страшен, а внутри слаб' [12, с. 877]. Сравн. рус.: *Типа «Мы – свободные львы, а ты – трусливый баран!»* (П. Миньших. Я знаю, что такое заводить!). Как видим, в китайском выражении антитеза «трусость / храбрость» реализуется посредством зооморфизмов *羊 yáng* (= баран) / *虎 hǔ* (= тигр), а в русском языке – посредством зооморфизмов *баран / лев*. Таким образом, в обоих языках зооморфизм *баран / 羊 yáng* в рассматриваемом лексико-семантическом варианте в позиции ядерного компонента значения реализует семы 'малодушный', 'слабый', 'трусливый'.

При характеристике слабого и трусливого человека в китайском языке используется зооним *虎 hǔ* (= тигр) в составе словосочетания *纸老虎 zhǐ lǎo hǔ* (= бумажный тигр) 'с виду мужественный, но отступающий при опасности' [20, с. 190]: *在同形形色色的违法犯罪分子进行斗争的时候,我们应该看到,尽管犯罪分子在行凶作恶时,手段残忍,气焰嚣张,但终究是作贼心虚,在正义面前,他们都是“纸老虎”。* (= В борьбе против всех видов преступников мы должны видеть, что хотя преступники жестоки и высокомерны, когда они совершают зло, но в конечном счете вора выдает трусость перед лицом истинной справедливости, все они трусы (букв. *бумажные тигры*). \当代报刊人民日报1993年人民日报8月份.txt. Бумага, как известно, – легко рвущийся, тонкий и непрочный материал. Данные характеристики воплощают иллюзию мужества, накладываясь на семантику 'храбрый, бесстрашный человек', которая реализуется зоонимом *老虎 lǎo hǔ* (= тигр). Сравн. рус. *бумажный тигр* 'о том, кто представляет мнимую угрозу, опасность' [14, с. 103]: *Что касается арабов, по-моему, это бумажный тигр. Арабы могут пока что пугать нас взрывами, но не обогнать нас в развитии* (Г. С. Померанц. История России в свете теории цивилизаций).

Носители русского языка для обозначения трусливого человека используют устойчивые словосочетания с компонентом-зоонимом *овца*: *Отец труслив, как овца, и при словах «Бутырка», «ограбление ювелирного магазина» его инфаркт хватит* (Э. Володарский. Дневник самоубийцы); *Вы не можете потерпеть и ведете себя словно трусливые овцы* (И. Бояшов. Путь Мури). В ядерном компоненте лексического значения характеризующего зооморфизма *овца* 'о робком, безответном человеке' [14, с. 696] наряду с семами 'малодушный', 'слабый' также реализуются семы 'робкий', 'безответный', составляющие окооядерную зону лексемы *трусливый*: Сравн.: *Молодец – на овцу, а на молодца – сам овца*.

В китайском языке в вербализации рассматриваемой оценочной характеристики участвует также зооним 鱼 yú (= рыба). Зооморфизм 鱼性 yúxìng, внутреннюю форму которого составляют компоненты 鱼 yú (= рыба) и 性 xìng (= натура), используется в значении 'о трусости, о стремлении избегать трудностей' [20, с. 927]: 当时, 我们用大兵团对付这些鲨鱼性、麻雀式的匪股已显得不中用了 (= В то время мы использовали корпус, чтобы справиться с этими трусами (букв. *акулами с натурой рыбы*), трусливыми (букв. *типа воробьев*) разбойниками. Но такой метод стал недейственным). \当代\文学\大陆作家\曲波 林海雪原.txt. Слово-мотиватор 性 xìng (= натура) в данном случае участвует в формировании оценочности, указывая, возможно, на способность рыб погружаться на глубину в стремлении не попасться хищникам или человеку, следуя инстинкту самосохранения. Позицию ядра лексического значения зооморфизма 鱼性 yúxìng (= натура рыбы) занимают семы 'прячущийся', 'пережидающий', сравн. рус.: как тараканы за печкой 'о людях, трусливо отсиживающихся где-либо в безопасном и удобном месте в случае опасности' [8, с. 674]. Идентичные семы реализует китайский зооним 乌龟 wūguī (= черепаха) в составе сленгового выражения 缩头乌龟 suōtóu wūguī (= черепаха в панцире) 'о трусливом человеке': 那个子是个缩头乌龟, 没有点儿男子汉气。(= Он трус (букв. *черепаха в панцире*), а не мужчина) [19, с. 198].

В текстах русской художественной литературы для порицания трусливого человека довольно активно используются эмоционально-оценочные словосочетания, содержащие компоненты-зоонимы *собака (пес, щенок)* и *свинья*: Ты лжешь, **трусливый пес!** Отвечай, сколько тебе было уплачено? (Роберт Штильмарк. Наследник из Калькутты); Вы – **трусливые собаки!** Поверните назад, бейте монголов! (В. Ян. Чингиз-хан); Но есть **трусливый раб, пес, готовый все стерпеть и вилять хвостом** (Э. Радзинский. Наш Декамерон); Доли секунды хватает, чтобы оголтелые подонки превратились в **трусливых щенков** (А. Лукьянов. Палка); Он бросил меня ночью у закрытой дачи и уехал с женой. **Трусливый ссук!** Кобель! (Д. Каралис. Записки ретро-разведчика); Лицо Лютова вдруг вспыхнуло красными пятнами, он хлопнул шапкой об пол и завыл: – **Эт-та безумная, трусливая свинья!** К-кочегар... *людьми шурует, а?* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина) и др. В русском языке слова *собака* и *свинья* регулярно используются как ругательства, которые выражают крайнюю степень негодования говорящего. Для того чтобы окружающим было понятно, какое качество конкретно вызывало раздражение говорящего, авторы использовали лексему *трусливый* в каждом из контекстов. Очевидно, что русские зооморфизмы *собака (пес, щенок)* и *свинья* связаны с оценочной характеристикой 'трусливый' опосредованно, так как в своей семантической структуре не имеют сем, напрямую пересекающихся с семами, составляющими лексическое значение слова *трусливый*.

Выводы

Таким образом, представленный материал позволяет сделать вывод о том, что в сознании носителей русского и китайского языков модель «животное → трусливый человек» является весьма продуктивной. В сопоставляемых языках в вербализации оценочной характеристики 'трусливый' участвуют следующие лексемы: *крыса / 鼠胆 shǔdǎn* (= желчный пузырь крысы); *курица / 草鸡 cǎojī* (= курица), *鸡胆子 jīdǎnzi* (= желчный пузырь курицы); *баран, овца / 羊质 yángzhì* (= баранье естество). Для вербализации оценочной характеристики 'трусливый' в русском языке в составе сравнительных оборотов используется зооним *заяц*, а в китайском – *乌龟 wūguī* (= черепаха). Менее активны в реализации этой оценочной характеристики зоонимы *воробей* и *鱼 yú* (= рыба) в русском и китайском языках соответственно.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
2. Залесова, Н. М. Особенности функционирования зоонимов в английских и китайских анималистических сказках / Н. М. Залесова, К. С. Парунова // Вестник Амурского государственного университета. Сер. гум. наук. – 2010. – № 50. – С. 152–157.
3. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1985–1988. – Т. IV : С – Я. – 1988. – 800 с.
4. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1985–1988. – Т. I : А – Й. – 1985. – 696 с.

5. 现代俄汉双解词典 / 李朋义. – 北京: 外语教学与研究出版社, 2006. – 1304 页. (Современный русско-китайский словарь / Ли Пэньи. – Пекин : Преподавание иностранных языков, 2006. – 1304 с.)
6. 现代汉语规范词典 / 李行健主编. – 北京: 外语教学与研究出版社, 语文出版社, 2004.1 (2009.4 重印). – 1792 页. (Словарь современных норм китайского языка / под ред. Ли Синьцзяна. – Пекин : Преподавание иностранных языков, язык и литература, 2009. – 1792 с.)
7. Линь, Юйтан Китайцы: моя страна и мой народ / Юйтан Линь ; пер. с китайского и предисл. Н. А. Спешнева. – М. : Вост. лит., 2010. – 335 с.
8. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 800 с.
9. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стер. – М. : Русский язык, 1985–1988. – Т. II : К–О. – 1986. – 736 с.
10. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/134/%D0%91%D0%B5%D0%B3%D1%83%D1%82. – Дата доступа: 20.10.2016.
11. Корсаков, В. В. Пять лет в Пекине / В. В. Корсаков. – СПб. : Типография СПб. т-ва печати и издат. дела «Труд», 1902. – 186 с.
12. Большой китайско-русский словарь : в 4 т. / под ред. проф. И. М. Ошанина. – М. : Наука, 1983. – Т. 2. – 1100 с.
13. Бердникова, А. А. Крыса как модельный объект в биологии и экспериментальной медицине / А. А. Бердникова, С. В. Авдеев, Д. Х. Сабиров, Е. В. Горемыкина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.scienceforum.ru/2017/pdf/32200.pdf>. – Дата доступа: 31.08.2018.
14. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.
15. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – 2-е изд., «исправленное и значительно умноженное по рукописи автора». – СПб.–М. : «Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа», 1882. – Т. 4 : Р–V. – 704 с.
16. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. В. И. Чернышева. – М. : Изд-во Академии Наук СССР, 1963. – Т. 15 : Т–Тятя. – 1286 с.
17. Школьны тлумачальны слоўнік з рускамоўнымі адпаведнікамі / В. У. Верціхоўская, М. І. Верціхоўская. – Мінск : УніверсалПрэс, 2006. – 384 с.
18. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.
19. Словарь современного китайского сленга / Ли Шуцзюань, Янь Лиган. – М. : Sinolingua : Восточная книга, 2009. – 256 с.
20. Большой китайско-русский словарь : в 4 т. / под ред. проф. И. М. Ошанина. – М. : Наука, 1984. – Т. 4. – 1062 с.

Поступила в редакцию 21.09.2018

E-mail: ashukajlova@mail.ru

Alina Sukolen

‘COWARDLY’ AS ESTIMATED CHARACTERISTICS
AND THE WAYS OF HOW THIS CHARACTERISTICS IS REVEALED IN LANGUAGE
(ON THE MATERIAL OF THE ZOONYM LEXIS IN RUSSIAN AND CHINESE)

The article deals with ‘cowardly’ as the characteristics for evaluation which is revealed in Russian and Chinese. Much attention is paid to peculiarities of its verbalization found in the zoonym lexis of both languages. It is stated that zoonyms reflect social experience of the nations and other cultural peculiarities. Zoonyms are used systematically in the languages, especially when typical features of these languages are compared. The author pays much attention to semantic structure of zoonyms when deals with Russian and Chinese. The ways of reflection and idiomatic meaning of the zoonyms are treated by the author with great attention and with due regard to cultural peculiarities and non-linguistic factors.

Keywords: zoonym, zoomorphism, semantic structure, sema, hypersema, hyposema, estimated response, comparison, idiom.

Е. И. Тимошенко

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания, УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», г. Гомель, Республика Беларусь

**ТИПОЛОГИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ
В ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ГНЕЗДАХ СО ЗНАЧЕНИЕМ СОЗИДАНИЯ
(на материале русского языка)**

*В статье на материале русского языка рассматриваются направления семантической эволюции в этимолого-семантическом поле со значением созидания, включающем этимологические гнезда с корнями *prav-, *zhd-, *stroj-. Регулярными типами переносных значений являются значения положительной оценки, упорядочения, благоустройства, говорения, убеждения, назидания, заботы.*

Ключевые слова: этимологическое гнездо, этимолого-семантическое поле, семантическая эволюция, созидание, благоустройство, положительная оценка, говорение, забота.

Введение

Системное исследование словарного состава языка находит выражение в выделении различного рода полей, объединяющих лексические единицы по их семантической, формальной или формально-семантической близости. Объединение слов, входящих в этимологические гнезда, сформировавшиеся на основе синонимичных генетических корней. В. Г. Гак предложил назвать этимолого-семантическим полем. «Основная задача при анализе этимолого-семантического поля состоит в выявлении путей семантической и структурной деривации слов с общим етимомом» [1, с. 693]. Данный подход позволяет выявить типологию структурно-семантической организации гнезд, в частности, проследить в их составе закономерные семантические связи, обусловленные сходством или тождеством исконного значения корней. Целью статьи является определение совокупности основных моделей формирования переносных значений в этимологических гнездах с исходными корнями, выражающими идею создания, сотворения.

Вторичные значения в семантической структуре слова чаще всего оказываются абстрактными. Основой переноса во многих случаях служат представления о признаках, явлениях и процессах, имеющих место во внешнем, «физическом» мире, поскольку именно он задает нормы и правила существования людей. Общеизвестным в языкознании стало описание языковой модели мира с опорой на понятие бинарных оппозиций, выявленных В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым, среди которых одну из важнейших представляет оппозиция «жизнь – смерть» [2, с. 63–64]. Жизнь – это не только движение, но и созидание, которое мыслится в первую очередь как созидание материальное. Базовый характер идеи созидания в жизни человека подтверждается и специальными исследованиями «качественного» состава лексики русского и других славянских языков. Так, предпринятое группой лингвистов Воронежского университета изучение лексических систем славянских языков с целью выявления их семантических доминант привело к выводу о том, что ключевыми понятиями славянских словарных систем являются понятия 'дело, труд, работа', понятие движения (значения 'ход, идти') и понятие упорядочения мира (значения 'ряд, очередь'). Таким образом, «синтетическая доминанта» лексических систем славянских языков определяется как «динамика, направленная на упорядочение мира» [3, с. 61].

Результаты исследования и их обсуждение

Наблюдения над языковым материалом показывают, что ряд славянских корней, связанных с отражением идеи создания, творения, метонимически развивает семантику положительной оценки. Подобный переход характерен для производных следующих этимологических гнезд.

Этимологическое гнездо с корнем *prav-. Праславянский глагол *praviti этимологи возводят к прилагательному *pravъ [4, т. 9, с. 326] < *prō-vos, которое, в свою очередь, производно от *prō-, имеющего следующие продолжения в индоевропейских языках: лат. *probus* 'добрый, честный, порядочный', др.-инд. *prabhūz* 'выдающийся (по силе и изобилию), превосходящий', англос. *fram* 'сильный, деятельный, смелый', др.-исл. *framr* 'стоящий впереди, стремящийся вперед' [5, т. III, с. 352].

В современном русском языке этимологическое гнездо с указанным корнем представлено целым рядом самостоятельных словообразовательных гнезд, исходные слова которых отражают понятия благоустройства, правильности, справедливости, истинности и содержат большое количество производных, в семантике которых представлены семы положительной оценки, относящейся к характеристике как конкретных предметов и абстрактных понятий, так и человека. К словообразовательным гнездам, продолжающим данный праславянский корень в современном русском языке, относятся гнезда с вершинами *править* 1 'управлять, руководить', *править* 2 'исправлять, приводить в порядок', *правда*, *праведный*, *правёж* ('насильственное взыскание долга (в Московской Руси)'), *правило* и другими [6, т. I, с. 806–809]. Происхождение деривата **pravьda* имеет в этимологической литературе два объяснения: в соответствии с первым, которого придерживается большинство лингвистов, **pravьda* производно от прилагательного **pravь*; второе, принадлежащее О. Н. Трубачеву, состоит в возведении слова к глаголу **praviti* и признании словообразовательной связи суффикса **-ьda* с глаголами на **-iti* (аналогично объясняется **krivьda* – как производное от *kriviti*) [4, т. 10, с. 14–15].

Прежде всего обратимся к семантике слов, выступающих в качестве вершин самостоятельных словообразовательных гнезд на современном языковом срезе. Существительное *правда* в ряде своих значений отражает не только абстрактное понятие истины, соответствия действительности, но и идею упорядочения жизнедеятельности людей; в древнерусском языке оно, кроме того, служило обозначением добродетели, нравственных достоинств человека. Сравн.: совр. рус. *правда* 'то, что исполнено истины, правдивость'; 'правильность суждений или поступков, работа'; 'справедливость, порядок, основанный на справедливости' [7, т. III, с. 351]; др.-рус. *правьда* 'постановление, правило' (*Которыи Роусинь или Латинескыи противу сею правды мълвить, того почьсти за лихуи моужь*. – Смоленская грамота 1229 г.); 'честность' (*Извьстимса и гъце, ако на семь пути ни тлжи имгъти, никоторого же извьта ... , но во правду сиу путь сходити и с противными са бити*. – Ипатьевская летопись); 'добродетель, добрые дела, праведность' (*Ии пришьдь онь, обличить мира о гръсь и о правьдь*. – Остромирово евангелие) [8, т. II, ч. 2, с. 1355–1360].

Существительное *правило*, выступающее на современном языковом срезе как исходное слово самостоятельного словообразовательного гнезда, исторически образовано от омонима *править* 1 'управлять' и несет в себе идею упорядочения, нормирования, отражения закономерностей, имеющих место в какой-либо области жизнедеятельности человека. *Правило*, образованное по той же словообразовательной модели с тем же орудийным суффиксом (производное гнезда *править* 2 'исправлять, приводить в порядок'), имеет значения, также связанные с понятием упорядочения, благоустройства: совр. рус. 'линейка для проверки правильности каменной кладки', 'длинное весло, длинная жердь, служащие для управления (лодкой, плотом, санями и т.п.)' и др.; др.-рус. 'руль, кормило', 'брусок на ткацком станке для подъема ниток', 'скрепа, связь' [8, т. II, ч. 2, с. 1343].

Приведем значения других рефлексов рассматриваемого корня, известных в основном русским диалектам. Прилагательное *справный* имеет в своей семантической структуре целый ряд оценочных значений, положительно характеризующих физические, психические, деловые и нравственные качества человека, его материальное состояние, а также свойства предметов и явлений: 1) 'не имеющий повреждений, исправный. // Годный к употреблению (о продуктах)'; 2) 'откормленный, тучный, здоровый (о скоте)'; 3) 'здоровый, крепкий, упитанный (о человеке). // В меру полный, не худой. // Полный, упитанный. // Хорошо сложенный, видный, красивый. // Психически здоровый, нормальный'; 4) 'доботно, аккуратно одетый. // Модно, богато одетый'; 5) 'обеспеченный, ненуждающийся, зажиточный. // Обеспеченный всем необходимым. // Богатый (о хозяйстве, деревне, доме и т. п.)'; 6) 'исполнительный, быстрый в работе, трудолюбивый, правильно ведущий дела, хозяйство. // Серьезный, толковый, дельный'; 7) 'не имеющий недостатков в характере, положительный'; 8) 'правильный, справедливый'. В семантике прилагательного обнаруживается энантиосемия ('считающийся только с собственными интересами, эгоистичный' (*Какой ты, дед, справный! Гости ко мне пришли, неча к себе звать*. Орл.) [9, вып. 40, с. 258–260], – явление, достаточно характерное для слов с оценочными значениями. В русском литературном языке прилагательное употребляется как просторечное в значениях, совпадающих с первым и пятым значениями диалектного слова [7, т. IV, с. 232]. Производящий глагол *справить* в просторечии имеет значения 'сделать, выполнить (какую-л. работу, дело)'; 'привести в порядок, в исправное состояние'. Сравн. также значения глаголов *править*, *правиться*, *справлять/справить*, приводимые в диалектных словарях: *править* 'исполнять или совершать, соблюдая должное' (*Править службу цареву; Править посольство*) [10, т. III, с. 378], *справлять/справить* 'записывать, укреплять за кем

именно, утверждать письменно законное право владения'; русск. диал. *правиться* 1 в одном из значений – 'торговаться' (т. е. договариваться, приходит к согласию), *правиться* 2 'лечиться' [9, вып. 31, с. 58]; существительного *справа* 'расправа, тяжба, суд' [10, т. IV, с. 298] (неоднозначность коннотаций последнего значения связана, скорее, с влиянием внешних обстоятельств, нежели с логикой развития семантики).

Белорусское *спраўны* также обнаруживает целый ряд значений положительной оценки, относящейся к характеристике предметов и лиц: 1) 'які не мае пашкоджанняў, прыгодны для выкарыстання'; 2) 'які знаходзіцца ў добрым стане; добры'; 3) 'старанны, добрасумленны'; 4) 'удалы, здаровы, прыгожы (пра чалавека). // Спрытны, абаротлівы, энергічны' [11, т. 5, с. 277].

Такой же широкий спектр значений положительной оценки свойствен и русским диалектным прилагательным *зправный* и *зправский*: *зправный* – 1) 'зажиточный, живущий в достатке'; 2) 'запасливый'; 3) 'крепкого сложения, упитанный (о человеке)'; 4) 'хорошего качества, прочный, исправный'; *зправский* – кроме значений, совпадающих с первым и четвертым значениями прилагательного *зправный*, имеет также значение 'верный, заслуживающий доверия (о человеке)' (*Он человек зправский – дает слово, так не обманет*) [9, вып. 10, с. 353]. В литературном языке прилагательное употребляется как стилистически сниженное (разговорное) также в значении положительной оценки внутренних качеств человека: 'обладающий всеми свойствами, присущими той или иной категории лиц; подлинный, настоящий' (*Зправский охотник*) [7, т. I, с. 560].

Прилагательное *правильный* в говорах бассейна реки Оби употребляется в значении 'о последнем ряде бревен в срубе дома' (*Окладные бревна – первый ряд, последний – правильный*), т. е. имеется в виду завершающий, придающий законченность всей постройке фрагмент [12, с. 119]. Белорусское диалектное существительное *павіцца* зафиксировано в значении 'наилепши гатунак саломы, кулявая саломы' (*Павіцца – гэ сама найлепша саломы*) [13, с. 81].

Еще одним направлением семантической эволюции корня является формирование речевого значения. Так, глагол *править* в севернобелорусских говорах имеет значение 'гаварыць, расказаць, апавядаць' (*Коля мне правіў: канбай [камбайн] з Краснага прышоў, на пяць рублей далі і абмалаціў жыта ў Вірадова*) [14, с. 141]; в словаре В. И. Даля для глагола *правиться* зафиксировано значение 'клясться, божиться, заклинаться'.

Этимологическое гнездо с корнем *zbd-. Одним из древних корней, выразивших значение созидания и не сохранившихся в русском языке в свободном виде, является корень *zbd-*. В современном русском языке в качестве исторического корня его можно проследить в ряде слов, выступающих в качестве исходных слов самостоятельных словообразовательных гнезд – *создать, создавать, здание, назидательный*, и их производных. Рефлексы корня в славянских, балтийских и других индоевропейских языках позволяют этимологам реконструировать его первичную семантику в виде 'формовать, лепить', 'строить', т. е. отнести к корням, выражающим идею созидания (сравн.: лит. *žiesti* 'формовать, лепить', лтш. *ziest* 'обмазывать глиной', др.-прусск. *seydis* 'стена', гот. *deigan* 'месить, мять') [5, т. II, с. 89].

Древнерусский глагол *здати* (*здати*, *здати*) употреблялся в значениях 'создавать', 'строить', 'основать' [8, т. I, ч. 2, с. 1010]. Производное от него отглагольное существительное *здание* (*здание, здание, здание*) имело значения 'творение, создание', 'тварь', 'здание, строение', 'построение', 'назидание'. Обращает на себя внимание модально-оценочный характер последнего значения: если применить к объяснению значения метод семантического развертывания [15, с. 99], позволяющий восстановить в семантике слова имплицитные семы, можно сказать, что назидание (наставление, поучение) делается с благой целью – предупредить ошибки, научить, как должно поступать или вести себя, как устроить правильный порядок дел. Одновременно следует отметить, что рассматриваемое значение относится к категории значений речевой деятельности, т. е. наблюдается параллелизм с одним из направлений семантической эволюции в гнезде с корнем *pravъ. Синонимичным *здати* был древнерусский глагол *назидати*, имевший значения 'строить, возводить и наблюдать за строительством, возведением; воздвигать, создавать'; 'производить, создавать'; 'воссоздавать, восстанавливать, создавать заново' (*Назидати очи* 'возвращать зрение'); 'наставлять, приводить к добродетели' (последнее значение является более поздним, фиксируется в тексте 17 в.) [16, вып. 10, с. 93]. В Словаре русского языка XVIII в. приводится еще одно переносное, положительно окрашенное, сформировавшееся метонимически значение – 'заботиться о чем-л.' [17]. Исторически производное и подвергшееся опрощению в связи с утратой производящего глагола современное русское прилагательное *назидательный* имеет значение 'поучительный', т. е. такой,

который должен обеспечить понимание того, как следует поступать, такой, который способен служить положительным примером.

Исторически производным от глагола является и белорусское прилагательное *здажны*. На современном синхронном срезе слово не членимо и непроизводно и имеет следующие значения: 1) 'здольны на што-н., схільны да чаго-н.; умелы' (*Здажны да навукі*); 2) 'зручны, прыгодны да чаго-н.' [11, т. 2, с. 460]. Русским диалектам также известно прилагательное *сдатный* в значении 'способный, даровитый' (*Внук мой сдатный до науки*) [9, вып. 37, с. 54].

Этимологическое гнездо с корнем *stroj-. Еще одним гнездом, этимологическая семантика которого для праславянского языкового среза может быть реконструирована как семантика созидания, устройства, является гнездо с корнем *stroj-. Сравн. значения лексических продолжений корня в славянских языках: укр. *строїти* 'наряжать, устраивать', болг. *строю* 'строю', словен. *stróžiti* 'улаживать, дубить, колотить', чеш. *strojiti* 'готовить, строить', польск. *stroić* 'приготавливать, сооружать' [5, т. III, с. 780]. В производных рассматриваемого корня регулярно выражаются значения положительной оценки, относящейся к характеристике разнообразных предметов и явлений. Например, древнерусское прилагательное *строинны*, семантический объем которого был гораздо шире того, который слово имеет в современном литературном языке, выражало следующие значения: 'полезный', 'удобный, пригодный' (в этом случае наблюдается прямая аналогия с формированием производного значения у прилагательного *здажный*), 'благоразумный', 'благоприятный, попутный' (о ветре), 'близкий, преданный', 'статный' [8, т. III, ч. 1, с. 552]. Приведем значения прилагательного из других славянских языков и диалектов: укр. *стриїний* 'хорошо одетый, нарядный' [18, т. IV, с. 216], рус. диал. *стройный* 'высокий, хорошо сложенный (о человеке)'; 'ловкий, мастер на все руки'; *стройная земля* 'плодородная земля' (энантиосемичное 'упрямый (о человеке)') [9, вып. 42, с. 20].

Показательно, что древнерусское наречие *строино*, среди прочих, имело значение 'наставительно', что представляет еще одну аналогию с направлением семантической эволюции в составе гнезда с корнем *zъd- (*Не бо яко учитель отъчески и строино заповѣдаю, но всею простотою бѣседую съ тобою, твоєю любви и моа отвѣзуюци уста*. Кир. Тур.) [8, т. III, ч. 1, с. 551].

Выводы

Таким образом, можно говорить о ряде направлений семантической эволюции в семантико-этимологическом поле 'созидание': направление, связанное с выражением значения положительной оценки самых разнообразных качеств и свойств предметов, явлений и человека ('положительный', 'годный к употреблению', 'находящийся в хорошем состоянии', 'благоразумный', 'здоровый', 'нормальный психически', 'соразмерный, стройный, красивый', 'зажиточный', 'умелый, способный', 'удобный'); направление, связанное с понятием 'приводить в порядок, благоустроить, узаконивать'; направление, отражающее понятия речи, говорения, а также подтверждения, уверения; направление, связанное с идеей назидания, заботы. Положительные оценочные коннотации, в той или иной степени свойственные всем выявленным переносным значениям, обусловлены базовым для лексико-семантических систем славянских языков характером лексического значения исходных корней, рефлексы которых формируют рассматриваемое этимолого-семантическое поле.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гак, В. Г. Этимолого-семантические поля в лексике / В. Г. Гак // Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Школа «Языки русской культуры». – С. 691–701.
2. Иванов, В. В. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период) / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. – М. : Наука, 1965. – 251 с.
3. Кретов, А. А. Проблема количественной лексикологии славянских языков / А. А. Кретов, И. А. Меркулова, В. Т. Титов // Вопросы языкознания. – 2011. – № 1. – С. 52–65.
4. *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*. – Мінск : Навука і тэхніка : Беларуская навука, 1978–2010. – Т. 1–13.
5. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева ; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – 2-е изд., стереотипное. – М. : Прогресс, 1986–1987.
6. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Русский язык, 1985. – 2 т.

7. Словарь русского языка : в 4 т. / ред. А. П. Евгеньева. – М. : Русский язык, 1981–1984. – 4 т.
8. Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка / И. И. Срезневский. – М. : Книга, 1989. – Т. 1–3.
9. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. – Вып. 1–45. – М.–Л. : Наука ; СПб. : Наука, 1965. – 2012.
10. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1981–1982.
11. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад рэд. Кандрата Крапівы. – Мінск : Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1977–1984. – 5 т.
12. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби (Дополнение) / под ред. О. И. Блиновой, В. В. Палагиной. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1975. – 290 с.
13. Клімчук, Ф. Д. 3 лексікі Выганаўскага Палесся (вёска Горталь Івацэвіцкага раёна) / Ф. Д. Клімчук, І. Я. Яшкін // Народнае слова / пад рэд. А. Я. Баханькова. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – С. 76–91.
14. Лявончык, Н. М. Жменька матчыных слоў / Н. М. Лявончык // Народнае слова / пад рэд. А. Я. Баханькова. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – С. 136–143.
15. Васильев, Л. М. Современная лингвистическая семантика : учеб. пособие / Л. М. Васильев. – Изд. 2-е, доп. – М. : Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2009. – 192 с.
16. Словарь русского языка XI–XVIII вв. – М. ; СПб. : Наука : Нестор-История, 1975–2015. – Вып. 1–30.
17. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 13 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/14/sld26009.htm>. – Дата доступа: 26.01.2018.
18. Гринченко, Б. Д. Словарь украинского языка : в 4 т. / Б. Д. Гринченко. – Киев : Вид-во Академії наук Української РСР, 1959. – 4 т.

Поступила в редакцию 02.02.2018

E-mail: elena_skorina@tut.by

Elena Timoshenko

TYPOLOGY OF SEMANTIC CONNECTIONS IN ETYMOLOGICAL NESTS
WITH THE MEANING OF CREATION (BY THE MATERIAL OF THE RUSSIAN LANGUAGE)

The article is devoted for the direction of semantic evolution in etymological-semantic field with the value of creation, including etymological nests with roots *prav-, *zhd-, *stroj-. Regular types of figurative values are the following ones: the value of positive appreciation, the value of streamlining, the value of improvement, the value of speaking and the value of edification and care.

Keywords: etymological nest, etymological-semantic field, semantic evolution, creation, improvement, positive appraisal, speaking, care.

А. В. Шаколо

Магистр педагогических наук, преподаватель кафедры мировых языков, аспирант кафедры германской филологии, УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова», г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель: Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор

СКАЗОЧНЫЕ ОНИМЫ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ»

В статье рассматриваются онимы, которые являются репрезентантами концептуальной оппозиции «свой – чужой» дискурса волшебных сказок. Имеет место параллельное исследование обеих групп онимов, отражающих разницу в восприятии нашими предками дома и леса, своего и чужого пространства, представления об опасном и надежном локусах. Определяются предпосылки изучения того или иного онима в рамках одной из групп, а также его значение в общем контексте дискурсивной оппозиции.

Ключевые слова: восточнославянские и немецкие сказки, концепт, бинарные оппозиции, свой, чужой, дом, лес, онимы.

Введение

Ключевая концептуальная оппозиция сказочного дискурса «свой – чужой» находит выражение в целом ряде концептов, так или иначе связанных с ее первоначальной установкой. Приведенное противопоставление отражается в текстах волшебных сказок. Важно очертить специфику содержания и структуры данной оппозиции, чтобы в дальнейшем определиться с онимидами, задействованными в ее репрезентации.

Результаты исследования и их обсуждение

Диаметрально противоположные начала представляют семантическое ядро противопоставления своего чужому. Не преувеличением будет сказать, что оппозиции «свой – чужой» столько же лет, сколько и человечеству. Данная архетипическая оппозиция является своеобразным двигателем жизни на Земле, она же обладает множеством самых разных интерпретаций. Общее наполнение компонента «свой»: «все близкое, родное, безопасное, теплое, светлое» – реализуется параллельно с аналогичной конкретизацией «чужого»: «все далекое, непонятное, необъяснимое, диковинное, холодное, темное». Большая степень детализации проявляется в следующих вариантах: «родной – чужой», «знакомый – неизвестный», «привычный, устоявшийся – новый, неясный».

Равно как и в других подобных случаях, периферийная часть оппозиции «свой – чужой» в дискурсе волшебных сказок представляет собой частные бинарные оппозиции («родной край» – «чужбина», «родня» – «чужаки», «друзья, близкие люди» – «враги, незнакомцы», «близость» – «даль», «сытость» – «голод», «отдых, спокойствие» – «поиск», «статика, неизменность» – «динамика, переменчивость»). В некоторых случаях имеют место концепты, не формирующие оппозиции: «очаг», «печь», «путь, тропа», «перепутье» и др.

Вместе с тем в сказочном дискурсе следует выделить два основных компонента оппозиции «свой – чужой», которыми, несомненно, являются «дом» и «лес». В отличие от общеязыковой оппозиции, в качестве второго элемента предусматривающей более логичные антонимы («дом» – «двор, улица»; ср. «дома – на улице, во дворе»), дискурс волшебных сказок в большинстве случаев оставляет приоритетным именно концепт «лес». Обыденное представление, а также ряд неутешительных тенденций в плане образа жизни человека XXI-ого века в качестве неизведанного, лишенного комфорта пространства может рассматривать в том числе и улицу, однако для наших мудрых предков таковым, как правило, представлялся лес.

Инициация происходила именно там, что имеет глубокие исторические корни. Подтверждение тому находим у В. Я. Проппа: «Связь обряда посвящения с лесом настолько прочна и постоянна, что она верна и в обратном порядке. Всякое попадание героя в лес вызывает вопрос о связи данного сюжета с циклом явлений посвящения» [1, с. 40]. Следовательно, противопоставление

дома лесу в сказочном дискурсе как выражение его знаковой оппозиции неоспоримо по причине наличия для того существенных предпосылок.

Важной, на наш взгляд, составляющей репрезентации оппозиции «дом – лес» (неотъемлемого компонента архетипического противостояния «своего» и «чужого» в сказках) являются онимы, обозначающие тех или иных персонажей волшебных сказок. В славянском фольклоре и суевериях неоднократно встречаются упоминания о домовых, с одной стороны, и леших – с другой. Так, А. Е. Богданович в своем труде «Пережитки древнего мирозерцания у белорусов» (1895) относил профессию лесничего к роду деятельности, связанному с магическими знаниями, что объяснялось «связью с лесным пространством и, соответственно, с мифологическим хозяином данного локуса – лесовиком» [2, с. 54]. Лес восточнославянских сказок – «место встречи» *Бабы Яги, Соловья-Разбойника, Коцея Бессмертного, Лиха Одноглазого* и других его обитателей, знакомых каждому из нас с детства.

Баба Яга есть прообраз *Мокоши*, о чем в период христианизации Руси, разумеется, не принято было вспоминать, учитывая при этом, что она, – «с одной стороны, может соотноситься с Богиней судьбы – *Мокошью* (та отвечала за прядение и в ее ведении были судьбы живущих), с другой, – вершительница судеб главных героев и глава рода по женской линии, проводившая обряд инициации...» [3, с. 30]. Отсюда и опасность, и в то же время неоднозначность данного образа, имеющего место в виде не менее кровожадных ведьм и в западноевропейском фольклоре (ср. «Гензель и Гретель»), записанная братьями Гримм).

Образ *Коцея*, на первый взгляд, столь же неутешителен: большинство сказочных интриг и перипетий восходят именно к нему, а способность обездвигивать человека сближает данный персонаж с *Карачуном*, похищение прекраснейших девиц, которые затем томятся в чертогах злодея, – с античным *Аидом* и его узницами (Персефона, Эвридика). Тем не менее большинство сказочных сюжетов именно Коцея представляют в качестве главного, финального «жреца» обряда инициации: «Оказываясь в „нездешнем“ царстве, герой недолго остается незамеченным. В первую очередь Баба-Яга чует по запаху присутствие героя... За ней следуют змей и Кощей, которые также по запаху узнают о прибытии незваного гостя» [4, с. 116].

Венчают галерею онимов, связанных с компонентом «лес», *Лихо Одноглазое* и *Соловей-Разбойник*. У истоков первого – циклоп, знакомый современному читателю еще по «Одиссее» Гомера; ср. также с персонажем как русских, так и немецких волшебных сказок – *Одноглазкой*: «братья Гримм сравнивали *Одноглазку* по своему зрительному качеству с *Полифемом* и *Одином*» [3, с. 11]. Со вторым связано не только множество сказочных текстов, но и древнерусских былин: *Соловей-Разбойник*, встречающийся как в сказках, так и в былинах в неприглядном виде есть «анаграмма языческого славянского бога богатства *Велеса* (Волоса)» [3, с. 40]. Во всех случаях путника не ждет ничего хорошего после встречи с подобными обитателями волшебного леса: спасение само по себе будет уже значительным достижением. Опасность, жестокость, а иногда и явная свирепость вышеперечисленных персонажей говорит о негативной окраске онимов, входящих в концепт «лес». Неоднозначность их роли, вместе с тем, обусловлена дохристианским периодом в Европе, когда необъяснимые явления толковались вмешательством надприродных сил, которые в мифологическом сознании древних предков воплощались в добрых и злых божествах.

При рассмотрении онимов, связанных с концептом «дом» в дискурсе волшебных сказок, следует выделить также таких героев, как *Колобок, Сивка-бурка, Иван-коровий сын, Золушка, Ганс* и пр.

Образ *Колобка*, согласно полной версии сказки, символизирует Луну со всеми ее фазами: «сказка космогоническая, речь в ней идет о лунном затмении (“луна, проглотившая огрызок *Колобка*” – это солнце, “поглотившее луну”)» [3, с. 3]. Признавая справедливость данного толкования, добавим также, что подобный персонаж сам по себе универсален в силу того, что мог бы восприниматься и как солярный знак, не будь в тексте сказки *Лисы*, выполняющей ключевую функцию в условиях данного сюжета. Исходя из этого, вне зависимости от множества сторонних вариантов интерпретации, неизменным остается факт «домашнего» происхождения данного героя, который впоследствии оказался в иной, чужой для него среде, будучи, в конечном счете, не в силах ей что-либо противопоставить. Его можно соотнести и с урожаем: не потому ли столь несчастны в итоге дед с бабой, что потеряли результат своего труда на земле?.. (Что, впрочем, не противоречит версии о фазах Луны: для богатого урожая земледельцы с давних времен должны были знать и принимать во внимание лунный календарь.)

Образ *Сивки-бурки* связан непосредственно с домом следующим образом: главный герой, как мы помним, все свои проблемы решает обращением к данному животному, – судя по всему, тотемному на момент появления этого сюжета. Связь с родным домом, предками помогает персонажу одерживать победы одну за другой и продвигаться по «карьерной» лестнице благодаря верному другу, которого он вызывает с помощью своеобразного заговора. В то же время данный конь символизирует смену времен года, способен предсказывать будущее, напоминает дракона, а также восходит к мифу о Фазтоне, причем, «если Сивка-Бурка – это солнце, то по отношению к земле (т. е. траве) оно действительно располагается высоко», следовательно, текст заговора небезоснователен [3, с. 35].

Иван-коровий сын (другой вариант – Иван Быкович) относится к персонажам, согласно тексту рожденным от животного (ср. легенда о Ромуле и Реме, миф о Парисе и пр., – с той лишь разницей, что там речь идет о вскармливании либо воспитании детей среди животных, на лоне природы и т. д.): «пошли добрые молодцы: один назывался Иван-царевич, другой Иван-девкин сын, третий Буря-богатырь, или Иван-коровий сын» [5, с. 217]. Сила его поистине богатырская, а удача сопутствует герою и вне стен родного дома. Культ коровы как священного домашнего животного берет начало в Древнем Египте, затем – в Древней Индии (ср., например, зооморфные богини Древнего Египта, равно как и сказка «Крошечка-Хаврошечка») и, судя по всему, находит логическое продолжение в данном персонаже дискурса восточнославянских сказок, который в хорошем плане выделяется на фоне своих единокровных братьев. Из трех добрых молодцев, несмотря на их явное либо скрытое недовольство, именно этот герой становится сильнейшим, мудрейшим и старшим во всех смыслах.

В сказочных текстах, записанных братьями Гримм, внимание на себя обращает такой положительный женский персонаж, как *Золушка*, известная еще по одноименной сказке Ш. Перро. Этимология ее имени вполне ясна (причем в русской и немецкой культурах в равной степени; ср. «Aschenputtel» от немецкого «Asche» – «прах, зола»); отличают эту девушку скромность, трудолюбие, бескорыстие и доброта. Отсутствие традиционного имени в пользу онама на основе внешней характеристики («всегда в золе») подчеркивает самозабвенность труда героини и в определенной степени имеет библейские, а также дохристианские корни. Общеизвестно, что прах в Священном Писании символизирует бренность бытия, в то же время хрестоматийны верования об очищающей силе огня (ср. печь в русских сказках, трупосожжение у древних славян, а также легенды о птице-фениксе). Угнетаемая злыми сводными сестрами и мачехой в отцовском доме, благодаря доброй волшебнице (оценившей ее трудолюбие) девушка становится настоящей принцессой на королевском балу, т. е. в свете.

Не менее примечателен и образ *Ганса*. Данный оним в некотором роде соизмерим в немецких сказочных текстах с русским Иваном (ср. также Hans Narg – глупец Ганс в одной из сказок [6]): не всегда блестящий умом с позиции рационализма и расчетливости, но добродушный, смелый молодой человек, готовый на самопожертвование и подвиги во имя возвышенных идеалов, использующий свою «особую стратегию, предполагающую отсутствие практического ума» [7, с. 199]. В то же время Ганса за его характер трикстера и пассивного персонажа можно сравнить с *Емелей*, который, несмотря на свою нерадивость, побеждает зло и благодаря щуке обретает свое счастье, выходя победителем из сложных жизненных ситуаций. Как правило, душевная чистота сказочных персонажей «дарит» им переезд в новый дом: дворец, замок, прекрасный терем, полцарства и т. д. Таким образом, сказочные онимы, связанные с концептом «дом», носят исключительно положительный характер и воплощают важность своего, родного, защищенного пространства в сказочных текстах.

Выводы

Следовательно, приходим к выводу: концептуальная оппозиция «свой – чужой» в сказочном дискурсе находит выражение среди прочего в онимах, восходящих к концептам «дом» и «лес». При этом следует принимать во внимание, что, если первая группа имеет, как правило, неизменно положительные характеристики, вторая выделяется определенного рода нюансами, наличие которых связано с существованием данных онимов на пересечении языческой и христианской культур.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп ; научная редакция, текстологический комментарий И. В. Пешкова. – М. : Лабиринт, 2000. – 336 с.

2. Бабіч, А. Ю. Традыцыі культуры лесакарыстання беларусаў у XX – пачатку XXI стагоддзя: гістарыяграфія праблемы / А. Ю. Бабіч // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки. Исторические науки. – 2011. – № 9. – С. 54–62.

3. Пименова, М. В. Русская сказка : учеб. пособие / М. В. Пименова. – Киев : Издательский дом Дмитрия Бурого, 2012. – 68 с.

4. Рошияну, Н. Традиционные формулы сказки / Н. Рошияну. – М. : Наука, 1974. – 216 с.

5. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3 т. / Издание подготовили Л. Г. Барг и Н. В. Новиков. – М. : Наука, 1984–1985. – Т. 1. – 1984. – 512 с.

6. Kinder und Hausmärchen der Brüder Grimm // Märchen und Erzählungen aus aller Welt [Elektronische Ressource]. – 2008. – Zugangsregime: http://www.maerchen-sammlung.de/Grimms-Maerchen_15/. – Zugangsdatum: 27.01.2018.

7. Брилева, И. С. Русское культурное пространство : Лингвокультурологический словарь / И. С. Брилева [и др.]. – М. : Гнозис, 2004. – Вып. первый. – 318 с.

Поступила в редакцию 28.03.2018

E-mail: aleksasch-94@yandex.by

Aliaksandr Shakola

FAIRY-TALE ONYMS IN REPRESENTATION OF THE CONCEPTUAL FRIEND-OR-FOE OPPOSITION

Onyms which represent conceptual opposition “friend – foe” of the discourse of magic fairy tales are considered in this article. The parallel research of both groups of onyms which reflect a difference in perception by our ancestors of the house and the forest, personal and strange space, ideas of dangerous and reliable places takes place. Prerequisites of studying of this or that onym within one of groups as well as its value in the general context of discourse opposition are defined.

Keywords: East Slavic and German fairy tales, concept, binary oppositions, friend, foe, house, forest, onyms.

А. М. Якушава

Кандыдат філалагічных навук, навуковы супрацоўнік аддзела лексікалогіі і лексікаграфіі,
ДНУ «Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі», г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

**ЛЕКСІКА-ГРАМАТЫЧНАЯ СПАЛУЧАЛЬНАСЦЬ ЗАЙМЕННІКАЎ
У ТВОРАХ МАСТАЦКАЙ ЛІТАРАТУРЫ (НА ПРЫКЛАДЗЕ ТВОРАЎ І. ШАМЯКІНА)**

У артыкуле разглядаецца лексіка-граматычная характарыстыка словаспалучэнняў з займеннікамі ў кантэксце мастацкай літаратуры на прыкладзе твораў І. Шамякіна, а менавіта шырокай семантычных магчымасці такіх словаспалучэнняў, іх адметныя лексіка-граматычныя значэнні, шматлікія склонавыя формы. Аналізуюцца ўсе разрады займеннікаў у спалучэнні з рознымі часцінамі мовы. Прасочваюцца стылістычныя і мастацка-эмацыянальныя асаблівасці канструкцый з займеннікамі, вызначаюцца іх функцыі як сродку мастацкай выразнасці.

Ключавыя словы: займеннікі, спалучэнні, значэнне, спалучальныя канструкцыі.

Уводзіны

Адным з выразных сродкаў мастацкай мовы за кошт свайго спецыфічнага лексічнага значэння і вялікай разнастайнасці граматычных прымет сярод самастойных часцін мовы з'яўляецца займеннік. Абагулены па сваім значэнні, ён у кожным выпадку канкрэтызуе свой змест у кантэксце ў залежнасці ад зместу гаворкі. У розных кантэкстах той самы займеннік можа ўказваць на розныя прыметы, прадметы або іх колькасць. Таму і ўжываюцца яны часта – замяняюць назоўнікі, прыметнікі, лічэбнікі, дапамагаюць пазбегнуць паўтору тых самых слоў і адначасова могуць з'яўляцца сродкам сувязі частак сказа ці сказаў у тэксце.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Шырокая спалучальнасцю і разнастайнасцю граматычных прымет у мастацкай мове вылучаюцца асабовыя займеннікі. Так, па заўвазе І. Б. Голуб, “у мастацкай мове яны пануюць: выкарыстоўваюцца ў 7 разоў часцей, чым у афіцыйна-дзелавых паперах, і ў 3,5 разы часцей, чым у навуковай літаратуры” [1, с. 273]. Часцей за ўсё асабовыя займеннікі спалучаюцца з дзеясловамі. У шэрагу выпадкаў такая спалучальнасць у мастацкай мове канкрэтызуецца параўнальнымі або паясняльнымі зваротамі: *напаўняўся ёй, як кубак маладым віном* [2, с. 72]; *увайшла яна (сіла) у наша жыццё, як конь* [2, с. 282]; *любая крытыка ад яго – што гарох да сценкі* [3, с. 52]; *уваблялася для яе – у двух сынах, у працы, у ішчасці людзей* [2, с. 292]. Каб падкрэсліць блізкасць паміж суразмоўцамі, маўленчую экспрэсію, выкарыстоўваюцца спалучэнні асабовых займеннікаў *ты, вы* з назоўнікамі: *ты сам турак, чалавек ты мой дарагі, гаўнюк ты, падла ты ванючая, гад ты паўзучы, сучы ты сын, ты мой зайчык, слаўная ты мая дзяўчынка, сонейка ты маё ненагляднае, зяртаецца так проста, па-сяброўску – на “ты”, гаўнюкі вы*. Займеннікі *ты, вы*, уступаючы ў сувязь са словамі, якія маюць эмацыянальную афарбоўку, у мастацкім тэксце ўтвараюць спалучэнні, якія характарызуюцца насычанай экспрэсіўнасцю, разнастайнасцю сэнсавых і эмацыянальных адценняў, падкрэсліваюць настойлівасць, часцей за ўсё з'яўляюцца паказчыкамі адмоўнай рэакцыі і адмоўных эмоцый: *Гаўнюкі вы, а не партызаны! Бабы! Саплякі!* [4, с. 89], *Гаўнюк ты, а не камісар! Размазня! Падпявала!* [4, с. 154], *Сучы ты [падпалкоўнік] сын! – ... – Гад ты паўзучы! ... Падла ты ванючая, а не афіцэр!* [5, с. 311]. Значна радзей такія спалучэнні з займеннікам *ты* дэманструюць станоўчыя эмоцыі: *Ты мой зайчык! Ты мой слаўны!* [5, с. 57], *Дачушка ты мая мілая, сонейка ты маё ненагляднае!* [3, с. 77]. Займеннік *вы* ў словаспалучэннях валодае шырокімі магчымасцямі для абагульненняў і абстрагавання ў адрозненні ад займенніка *ты*. Агульным у значэнні гэтых займеннікаў з'яўляецца іх аднесенасць да суб'екта.

Кожны займеннік мае свае адметныя лексіка-граматычныя значэнні, адпаведныя сінтаксічныя функцыі ў спалучэнні і сказе. Так, займеннікі *яна, яно*, што ўжываюцца часцей за ўсё ў спалучэнні з дзеясловамі і ўтвараюць з імі або з іншай часцінай мовы граматычную аснову сказа, у большасці выпадкаў падкрэсліваюць значнасць прадмета, аб якім ідзе гутарка. Спачатку называецца прадмет або асоба, а пасля ўжываецца займеннік. Так І. Шамякін дае тлумачэнне шчасця для маці: *Але ішчасце расло, поўнілася сіламі, квітнела. Яно ўваблялася для яе – у двух*

сынах, у працы, у ічсасці людзей, якія акружалі яе, з якімі яна [маці] працавала [2, с. 292], або раскрывае самы патаемны сэнс юнацкага захаплення: *Але гэта было першае юнацкае захапленне, а вядома, што яно заўсёды самае прыгожэе* [3, с. 175] ці значэнне сілы: *Вялікая гэта сіла і цвёрда ўвайшла яна ў наша жыццё, як конь, напрыклад, ці трактар...* [2, с. 282], або ўказвае на сэнс іншых рэчаў: *А вось калі аддае г..., то гэта і ёсць яно ў самым брыдкім выглядзе* [4, с. 202].

Змест займенніка *ён, яна* падрабязна раскрываецца толькі ў спалучэнні з іншымі часцінамі мовы і толькі ў шырокім кантэксте за кошт ужывання разгорнутых апісанняў. У моўнай практыцы І. Шамякіна сустракаюцца шматлікія склонавыя формы займеннікаў 3-й асобы мужчынскага і жаночага роду і іх паўторы, што падкрэслівае і ўзмацняе эмацыянальнасць кантэксту: *Ён [Налётаў] напаўняўся ёй [Маргарытай], як кубак маладым віном, і пеніўся ад захаплення, слухаючы яе звонкі голас, яе вясёлы смех* [2, с. 72]. *Ігар смяяўся, яго развесяліла, што Матрона ўрэшце дабралася і да энкавэдыста, скаблянула і яго, раней яна больші праязджалася па ім, маладым, зрэдку даставалася Аляксею Іванавічу, культурна паводзіла сябе толькі з хворымі начальнікам штаба, да яго звярталася, як сялянка да настаўніка, паважліва: Навум Барысавіч* [4, с. 131]. *Гэтыя словы яе [Маргарыты] балюча ўдарылі па кволых струнах яго [Налётава] сэрца ...* [2, с. 85]. *Слухала цётку, углыблялася ў яе страх, разумела яго, а думала пра Стася* [4, с. 97]. Займеннікі 3-й асобы адзіночнага ліку валодаюць шырокімі семантычнымі магчымасцямі, часта перадаюць асабістыя перажыванні герояў, іх складаны псіхалагічны стан, напружанасць становішча; маюць указальнае значэнне і ў прэпазіцыйным становішчы найбольш значна вылучаюць прадмет выказвання.

Назоўны склон займенніка *мы* ў мастацкай мове мае прыкметную колькасную перавагу, утвараючы з іншымі часцінамі мовы граматычную аснову сказа. Аднак нярэдка гэты займеннік ужываецца ампліфікавана, што ўносіць у кантэкст прастату і надае яснасць выказванню: *Аляксея пасля доўга ўспамінаў гэтую завучку; мы былі паэтамі, хоць пісалі прозу: жаночая прыгажосць нас зачароўвала* [3, с. 250]. У мастацкім тэксце для больш яркай дэманстрацыі эмацыянальнасці і экспрэсіўнасці спалучэнні займенніка *мы* ва ўскосных склонах могуць замяняцца частковымі сінанімічнымі спалучэннямі з прыналежным займеннікам *наш*, які змяшчае ў сабе асабово-ўказальнае значэнне: *Напэўна ніхто, ніколі, ніякія псіхолагі не змогуць растлумачыць такія павароты ў нашай жаночай псіхіцы* [5, с. 44].

Прыналежныя займеннікі суадносяцца з асабовымі і паказваюць на прыналежнасць прадмета пэўнай асобе: *мой, наш* – 1-й: *Не крычы, мая збалелая душа!* [4, с. 228], *Расплата прыйшла не адразу – тыдні праз два пасля гэтага апошняга нашага спаткання* [5, с. 61], *твой, ваш* – 2-й: *Так баліць ваша душа?* [4, с. 255], *свой* – усім тром асобам: *Лес той, хоць не ўражаў пушчанскай веліччу, аднак меў сваю прыгажосць* [3, с. 236]. Гэтыя займеннікі дапасуюцца да назоўніка, з якім звязаны, у родзе, ліку і склоне. “Па багаці экспрэсіўных фарбаў на першым месцы знаходзяцца асабовыя і прыналежныя займеннікі, якія, на думку лінгвістаў, надаюць мове адценне шчырасці і задумлівасці” [6, с. 136].

Указальныя займеннікі ў мастацкім тэксце спалучаюцца з назоўнікам, з якім звязаны ў родзе, ліку і склоне. Так, займеннік *гэты* ў спалучэнні з назоўнікам паказвае на пэўны прадмет, які знаходзіцца зусім блізка, або на вядомы прадмет: *Траніў я на гэты сход выпадкова* [3, с. 167]. *А словы, якія вывучыла Марыся, пазнаючы гэты пагань свет, старыя, як і свет ...* [4, с. 357]. ... *людзі адзетыя хто ў што, асабліва ў гэты пераходны асенні час, – і ў плашчах, і ў кашухах* [4, с. 92]. У творах мастацкай літаратуры распаўсюджанай з’яўляецца поўная форма займенніка жаночага роду *гэтая*: *Родная ўсмешка гэтая кранула маці да слёз* [2, с. 291]. *“А вы таварышы, пастарайцеся астудзіць гэтую гарачую галаву, кіўнуў ён [Арэф’еў] на дзверы”* [5, с. 303]. *Толькі б перажыць гэтую страшную зіму, якая няўмольна набліжаецца і ўжо пагнала людзей з горада ў сяло* [4, с. 187]. Займеннік *той* у спалучэнні з назоўнікам паказвае на аддалены прадмет ці прадмет, пра які ўжо гаварылася: *Прывык, сволач, страляць па кожным, хто яму не падабаецца, каго можна адаслаць на той свет беспакarana* [4, с. 107]. *І раптам зноў пачуў, як ударыў у сэрца той ранішні смутак, нядобры* [4, с. 127]. Займеннікі *такі, гэтак* у словазлучэннях паказваюць на якасць прадмета, якая мае ўдакладняльнае, выдзяляльнае значэнне: *“А тут, дзеці, пахаваны ляснік, які амаль паўвека вяртаваў народны лес, пасадзіў гэтыя дрэвы і вырасіў сыноў, такіх жа моцных і непакісных, як дубы”* [3, с. 135]. *А сам просты такі чалавек, з кожным умее пагутарыць, пажартаваць* [3, с. 85]. *Такі хлопец! Золата!* [5, с. 45]. *Вочы яго [Аляксандра Дзямідавіча] як бы выпраменьвалі цяпло і ласкава, хараша гэтак грэлі мяне* [5, с. 53].

Асноўнае значэнне азначальных займеннікаў *сам* (*сама, само, самі*) паказваць на асобу ці прадмет, якія ўтвараюць дзеянне самастойна, без чыёй-небудзь дапамогі ці ўдзелу: *Вочы зліпаліся, галава сама валілася на падушыку* [3, с. 289]. ... і *сама першая* адарвалася ад яго [Мікалая] ... [5, с. 12]. У спалучэнні з назоўнікамі ці асабовымі займеннікамі указвае на асобу ці прадмет, ужо вядомыя: *На дварэ гуляла ранняя завіруха, злосная, як сама вайна* ... [4, с. 1]. Азначальны займеннік *самы* валодае выдзяляльна-ўзмацняльным значэннем, якое ў спалучэнні з назоўнікамі паказвае на крайнюю мяжу распаўсюджвання дзеяння, з'явы або праяўлення якасці ў прасторы ці часе: *Было цяжка, крыўдна і прыкра, да агідлівасці прыкра, нібы яны плюнулі яму [Ружэ] у самую душу* [2, с. 322]. *Яна [блясна] ляціць на самую сярэдзіну, а вада такая празрыстая, што відаць, як з усіх бакоў да прынады кідаюцца ішчунакі* [3, с. 46]. Найбольш распаўсюджанымі ў мастацкай мове з'яўляюцца спалучэнні займенніка *самы* з атрыбутыўнымі кампанентамі як формы найвышэйшай ступені параўнання якасных прыметнікаў: *Самы шчаслівы і самы гарачы быў гэты кастрычніцкі дзень* [2, с. 263]. *Самыя мазолістыя, шурпатыя, а ўсё роўна – самыя мяккія* [3, с. 77].

Азначальныя займеннікі *усё* (*уся, усё, усе*) у мастацкім тэксце ў асноўным спалучаюцца з назоўнікамі, такія словазлучэнні маюць значэнне зборнасці, абагуленасці і паказваюць на поўны ахоп дзеяннем усяго прадмета ці асобы: *Разруха, голад, буржуазія з усіх бакоў лезе, як саранча* ... [3, с. 201]. *А з паветра, празрыстага, сонечнага, улівалася ва ўсе поры цела нябачная бадзёрасць* [4, с. 104]. *Я [Міхаліна] павярнулася, падарыла яму ўсю цеплыню вачэй сваіх* ... [5, с. 58].

У мастацкай мове часам сустракаюцца спалучальныя канструкцыі назоўніка з азначальнымі займеннікамі *усялякі*, які выдзяляе прадмет з групы: *У яго [Стася] надзвычайная здольнасць – на ўсялякі выпадак усё запамінаць: людзей, дарогі, сцежкі, дрэвы* [4, с. 98]. *Дзед глянуў паверх акуляр, здавалася, без усялякай цікавасці* [4, с. 114].

Спалучэнне ў мастацкім тэксце азначальных займеннікаў *кожны* (*кожная, кожнае, кожныя*) з назоўнікамі абумоўліваецца іх значэннем выдзяляльнасці: *Я [Маргарыта] магу кожны дзень прыносіць вам кнігі* [2, с. 69]. *Я [Налётаў] клічу цябе кожны вечар і кожнае ранне* [2, с. 74]. *Я [Галіна] кожны дзень, кожную хвіліну ўспамінаю яе [маці]* [5, с. 21]. У той час як спалучальныя канструкцыі (азначальны займеннік *іншы* + назоўнік) паказвае на адрозненне якасці або ўласцівасці прадмета: ... *заняткі гэтыя самыя па аграноміі дапамаглі нам на зямлю іншымі вачамі глянуць* [2, с. 283]. *Але я чуў і пачуў іншы голас, мужчынскі* ... [2, с. 88]. ... *упершыню ўбачыў вайну з іншага боку – як больш шырокае народнае гора* [5, с. 167].

Адносныя займеннікі ў мастацкай мове ўжываюцца для сувязі частак у складаназалежным сказе, дзе паказваюць адносіны даданай часткі да галоўнай і з'яўляюцца злучальнымі словамі незалежна ад таго, з якімі часціцамі мовы спалучаюцца: *Яна [Вольга Пятроўна] успомніла ўнучку, яе словы, што ішлі ад ічырага дзіцячага сэрца* [3, с. 26]. Таму і ў структуры даданых частак адносныя займеннікі могуць выступаць як у якасці галоўных, так і даданых членаў сказа. Такія займеннікі часта выкарыстоўваюцца ў даданых сказах і ў якасці параўнальных зваротаў, каб надаць мастацкай мове большую эмацыянальнасць і выразнасць: *Едзеш – што па моры плывеш* ... [3, с. 54]. *Пясок на дарозе – што гарачы прысак* ... [3, с. 54]. *“У цябе, Віка, характар – што разарэты воск”* [3, с. 141]. *Любая крытыка ад яго [Рамана Пятровіча] – што гарох да сценкі* ... [3, с. 52].

Адноўныя займеннікі ўжываюцца ў спалучэнні з назоўнікамі, і такія спалучальныя канструкцыі абазначаюць адмаўленне і паказваюць на адсутнасць каго- або чаго-небудзь: *Але Рачыцкі хітруга: пры жонках – Вользе і Веры – рабіўся сапраўдным джэнтльменам – ніякіх лінгвістычных вольнасцей* ... [4, с. 225]. Адноўныя займеннікі ўжываюцца ў адмоўных сказах, у якіх пры дзеяслове-выказніку звычайна ёсць часціца *не* ці словы *няма, нельга*: *Зараз ніякая сіла не разлучыць нас* [2, с. 75]. ... *ён штодзень праходзіў гэтыя чатырнаццаць кіламетраў і, як помню, не прапусціў ніводнага дня* ... [3, с. 175].

Граматычная спалучальнасць няпэўных займеннікаў залежыць ад таго, на што яны няпэўна паказваюць (такія канструкцыі ў мастацкім кантэксце значэнне поўнасцю не раскрываюць і не канкрэтызуюць). Калі на асобу і прадмет, то яны звычайна ўтвараюць граматычную аснову сказа: *Лісце шумела пад нагамі, і Наташы часам здавалася, што нехта ішчэца за дрэвамі* [2, с. 209]. Калі няпэўна паказваюць на прымету і прыналежнасць прадмета або на асобу ці прадмет, якія трэба выдзельніць з групы іншых, то ў такой спалучальнай канструкцыі, акрамя назоўніка, прысутнічае і прыметнік: *Расказаў яму [Міколу] пра Мінск, пра надпольшчыкаў, часткова сказаў праўду пра сваю дзейнасць, некаторыя герайчныя ўчынкі сачыніў, каб узяць сваю ролю* [4,

с. 120]. *Уначы Ярохін прачнуўся ад нейкага дзіўнага шуму* [2, с. 179]. *Ад гэтага пылу іх [людзей] чорнае цела набыло нейкі брудна-попелавы колер* [2, с. 216]. *Нейкі нядобры халадок штурхнуў у сэрца* [4, с. 178]. У параўнанні з іншымі разрадамі няпэўныя займеннікі валодаюць большай экспрэсіўнасцю. Словаспалучальныя канструкцыі з такімі займеннікамі “аддаляюць” прадметы і падзеі, пра якія ідзе гаворка” [6, с. 136].

Часта займеннікі ў мастацкім тэксце паўтараюцца, што робіць выказванне больш эмацыянальным: *Ён нападўняўся ёй, як кубак маладым віном, і пеніўся ад захаплення, слухаючы яе звонкі голас, яе вясёлы смех* [2, с. 72]. *Нападўна нішто, ніколі, ніякія псіхолагі не змогуць растлумачыць такія павароты ў нашай жаночай псіхіцы* [5, с. 44]. ... *праваліліся ў небяспечную глыбіню яе вочы, яе любячы вочы, у якіх незвычайна адбываўся ўвесь свет, усе пачуцці яе* [4, с. 108]. *Але я не жадаю, каб вы зараз, у вашым стане, з вашымі вельмі дзіўнымі поглядамі ўплывалі на вучняў* [5, с. 69].

Вывады

У мастацкай мове прадстаўлена шырокае ўжыванне займеннікаў у спалучэнні з рознымі часцінамі мовы, але асабліва прыкметную колькасную перавагу мае спалучальнасць з назоўнікамі і дзеясловамі. Займеннікі валодаюць шырокімі семантычнымі магчымасцямі, таму і спалучальныя канструкцыі з гэтымі часцінамі мовы ўзмацняюць сэнсавую нагрузку мастацкага кантэксту і надаюць яму пэўнае эмацыянальнае адценне незалежна ад свайго месцазнаходжання ў сказе. Займеннікі, часта замяняючы назоўнікі, прыметнікі і лічэбнікі, утвараюць спалучэнні, якія характарызуюцца насычанай экспрэсіўнасцю, разнастайнасцю сэнсавых і эмацыянальных адценняў, адметнымі лексіка-грамматычнымі значэннямі, адпаведнымі сінтаксічнымі функцыямі ў спалучэнні і сказе. Змест займеннікаў падрабязна раскрываецца толькі ў спалучэнні з іншымі часцінамі мовы і толькі ў шырокім кантэксце за кошт ужывання разгорнутых апісанняў. Шматлікія склонавыя формы займеннікаў і іх паўторы падкрэсліваюць і ўзмацняюць эмацыянальнасць кантэксту.

СПІС АСНОЎНЫХ КРЫНІЦ

1. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – Изд. 11-е. – М. : Айрис-пресс, 2010. – 448 с.
2. Шамякін, І. П. Збор твораў : у 23 т. / І. П. Шамякін. – Мінск : Маст. літ., 2010. – Т. 1 : Апавяданні, 1944–1951. – 478 с.
3. Шамякін, І. П. Збор твораў : у 23 т. / І. П. Шамякін. – Мінск : Маст. літ., 2010. – Т. 2 : Апавяданні, 1953–2003. – 511 с.
4. Шамякін, І. П. Збор твораў : у 23 т. / І. П. Шамякін. – Мінск : Маст. літ., 2011. – Т. 5 : Апавесці, 1988–1993. – 622 с.
5. Шамякін, І. П. Збор твораў : у 23 т. / І. П. Шамякін. – Мінск : Маст. літ., 2011. – Т. 3 : Апавесці, 1945–1970. – 399 с.
6. Любичева, Е. В. Посредством Слова творю я Мир ... : пособие по рус. яз. для учителей-словесников / Е. В. Любичева, Н. Г. Ольховик. – СПб. : Издательство ДНК, 2002. – Кн. 3 : Диалог с художественным текстом. 5–11 классы. – 288 с.

Паступіў у рэдакцыю 27.03.2018

E-mail: 66avrorab6@rambler.ru

Alena Yakushava

LEXICAL AND GRAMMATICAL COMPATIBILITY OF PRONOUNS IN FICTION (ON THE EXAMPLE OF I. SHAMYAKIN'S WORKS)

The article deals with the lexical and grammatical characteristics of phrases where pronouns are contained as exemplified in the works of I. Shamyakin. The author investigates namely wide semantic possibility of such phrases, their distinctive lexical grammatical meanings, various case forms. All the categories of pronouns which are used with other parts of speech are also analyzed. Stylistic, artistic and emotional characteristics of structural peculiarities of pronouns are traced, their function as the means of artistic expression are defined.

Keywords: pronouns, combinations, value, connecting structures.

РЭЦЭНЗІІ

УДК 94(100):(47+57)+(510). «1949/1960»

Дружба навеки: Очерки истории сотрудничества Советского Союза и Китайской Народной Республики (1949–1960 гг.) / отв. ред. И. В. Турицын. – М. : НИИ ИЭП, 2018. – 250 с.

Современный Китай представляет собой одну из наиболее динамично развивающихся стран мира. Китайская экономика, базирующаяся на достижениях реального сектора, достигла удивительных высот. Как следствие – высок и политический авторитет КНР на международной арене. Закономерно, что Республика Беларусь продолжает укреплять связи с Китайской Народной Республикой, работая по всем направлениям межгосударственного взаимодействия, включая экономическое, политическое и культурное сотрудничество. Традиции этих отношений, несомненно, имеют корни в нашем советском прошлом, от реальных достижений и лучших традиций которого наше общество никогда не отказывалось. Во второй половине 40-х – 50-е гг. XX в. Китай, хоть и не сразу, оказался в положении прилежного ученика по отношению к СССР. Советские специалисты, техническая и организационная помощь со стороны СССР обеспечили успешный перенос положительного (но не только!) опыта социалистического строительства в это, тогда еще во многом традиционное, общество Дальнего Востока. Данному периоду в советско-китайских отношениях посвящена недавно вышедшая в издательстве НИИ истории, экономики и права (г. Москва) рецензируемая коллективная монография, в написании которой приняло участие тринадцать авторов из России, Беларуси, Китая и Германии.

Рецензируемая работа состоит из вступления («От редактора»), предисловия, трех глав и заключительной части, включающей сведения об авторах и оглавление книги. Во вступлении, написанном профессором И.В.Турицыным, сообщается, что данное издание является результатом сотрудничества НИИ истории, экономики и права с Китайско-Российским центром изучения исторического наследия Хэбэйского педагогического университета, а также указывается, что книга подготовлена в преддверии 70-летия провозглашения Китайской Народной Республики.

Предисловие написано профессором Дай Цзяньбином. Автор постарался представить позицию китайских коммунистов, КНР в целом по вопросу о международном сотрудничестве на современном этапе. Ссылаясь на документы КПК, приводя важные цитаты из выступлений Си Цзиньпина, китайский ученый обосновывает важность научного изучения опыта плодотворного сотрудничества Советского Союза и Китая в период послевоенного пятнадцатилетия.

Первая глава носит название «СССР и Китай: идеология, политика, безопасность» и посвящена различным аспектам участия СССР в обеспечении благоприятного международного фона для становления КНР. Здесь же рассматриваются обстоятельства сотрудничества советских и китайских коммунистов по выработке идейно-политического курса КНР. Разбираются противоречия, существовавшие в отношениях между Мао и Сталиным, Мао и Хрущевым, влияние этих отношений на внешнеполитический курс коммунистического Китая. Отдельно изучаются вопросы приграничного взаимодействия двух стран, в 50-е годы XX в. имевшего все шансы стать бесконфликтным на длительный период.

Вторая глава называется «Экономическое и научно-техническое сотрудничество СССР и КНР». В ней рассматриваются различные аспекты индустриализации Китая и участие в этом процессе советских специалистов и хозяйствующих субъектов. Делается обоснованный вывод о принципиальном стремлении советского руководства избежать негативных последствий механического переноса опыта индустриализации СССР на китайскую почву и поэтапном принятии руководством КПК данных проектов, хотя и не без сопротивления левацких элементов в среде китайских коммунистов. Подробно разбирается финансовое обеспечение социалистических

преобразований в КНР. При этом анализируется связь между соответствующей помощью (в виде кредитов и прямых инвестиций) со стороны СССР и политикой Сталина в направлении придания рублю статуса альтернативной резервной валюты, которая в перспективе смогла бы составить реальную конкуренцию американскому доллару и британскому фунту. Приводимые в монографии в подтверждение данной гипотезы документальные данные представляются вполне убедительными. Также во второй главе исследуется советско-китайское сотрудничество в сфере здравоохранения. Собранные и проанализированные документальные источники позволили авторам сделать вывод о немеркантильном характере советского участия в становлении системы массового здравоохранения Китая.

Третья глава – «Советско-китайское сотрудничество в сфере культуры». Глава, написанная довольно большим коллективом авторов, носит разноплановый характер, включая части как историософского, культурологического и искусствоведческого содержания, так и представляющие собой анализ конкретных фактов советско-китайского сотрудничества в данной сфере. В главе довольно подробно раскрыто всемерное содействие советских работников культуры, мастеров искусств знакомству китайского общества с лучшими образцами и традициями советской и классической русской литературы, изобразительного и драматического искусства народов СССР. Показаны те проблемы, с которыми приходилось сталкиваться в процессе культурного взаимодействия: необразованность основной массы китайского населения данного периода, не всегда позитивное влияние традиционных форм местной культурной жизни и негативный фактор влияния колониального варианта западной культуры. На твердой документальной основе показано стремление советского руководства добиться максимального соответствия возникавшей «социалистической по форме, национальной по содержанию» новой китайской культуры вековым чаяниям народных масс и вместе с тем – лучшим образцам мировой культуры. Закономерным, с учетом всех реально сложившихся в 1950-е гг. обстоятельств, было то, что особое внимание советских специалистов уделялось оказанию помощи в развитии китайского кинематографа.

Таким образом, рецензируемая монография представляет собой достаточно разноплановое исследование, позволяющее увидеть широкую панораму советско-китайского сотрудничества в означенный период. В целом, опыт подготовки данного издания можно признать позитивным и многообещающим. Однако представляется необходимым высказать некоторые замечания и пожелания авторам. Во-первых, на наш взгляд, монография лишь выиграла бы, если бы вводная часть содержала историографический обзор. Во-вторых, отсутствие заключения осложняет понимание общего посыла авторов. Последние, кстати, придерживаются не всегда схожих взглядов, что также требует соответствующих разъяснений, которые логичнее было бы поместить опять-таки во вводную часть. Также в качестве пожелания хотелось бы высказать предположение, что справочный аппарат мог бы быть более полным и, во всяком случае, включать список литературы по теме. Однако высказанные соображения нисколько не умаляют результатов проделанной работы. Монография найдет своего читателя не только в кругу специалистов, но и в целом среди читающей публики, равнодушной к перспективам сотрудничества нашей страны с КНР, среди всех интересующихся предысторией нынешних белорусско-китайских отношений.

Н. Н. Мезга,
декан исторического факультета
УО «Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины»,
доктор исторических наук

УДК 808.26–313.1(043.3)

В. Р. СлівецАспірант кафедры беларускай і рускай філалогіі,
УА “Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна”**ГРУНТОЎНА ПРА БЕЛАРУСКУЮ АНАМАСТЫКУ***“Беларускія ўласныя імёны: беларуская антрапанімія і тапанімія : дапаможнік для магістрантаў, якія навучаюцца па спецыяльнасці 1-21 80 11 “Мовазнаўства”. – Мазыр : Выснова, 2018. – 355 с.*

Вядомы лінгвіст, доктар філалагічных навук, прафесар В. В. Шур амаль 50 гадоў сваёй навуковай і працоўнай дзейнасці прысвяціў даследаванню анамастычных адзінак у соцыуме і ў творах мастацкай літаратуры. Значнае месца ў шырокім коле яго навуковых інтарэсаў займаюць актуальныя ў наш час лінгвістычнае краязнаўства і літаратурная анамастыка. Даследаванню анамастычнай лексікі беларускай мовы, асаблівасцям функцыянавання гэтых моўных адзінак у грамадстве і ў тэкстах мастацкіх твораў беларускіх пісьменнікаў прысвечаны яго манаграфіі “З гісторыі ўласных імёнаў” (Мінск, 1993), “Беларускія ўласныя імёны: беларуская антрапаніміка і тапаніміка” (Мінск, 1998), “Анамастычная лексіка ў беларускай мастацкай літаратуры” (Мінск, 2002), “Онім у мастацкім тэксце” (Мінск, 2006), “Уласныя імёны ў часе і прасторы” (Мінск, 2008), “Уласныя імёны ў мастацкім тэксце” (Мазыр, 2010), “Слова ў мастацкім кантэксце” (Мазыр, 2013. – у суаўтарстве), “Уласнае імя ў соцыуме і ў мастацкім тэксце” (Мінск, 2015). Ён таксама аўтар і суаўтар шэрагу вучэбных дапаможнікаў для школ і ВУНУ. У 2018 годзе апублікавана яго чарговая кніга – **“Беларускія ўласныя імёны: беларуская антрапанімія і тапанімія”**.

Яна складаецца з трох раздзелаў, назвы якіх гавораць самі за сябе: “*Ля вытокаў нашых імёнаў*”, “*З гісторыі беларускіх прозвішчаў*”, “*З гісторыі беларускіх тапонімаў*”. У першым раздзеле апавядаецца пра гісторыю ўласных імёнаў, пачынаючы з часоў язычніцтва і да нашых дзён. Тэарэтычны матэрыял багата ілюстраваны прыкладамі, якія падкрэсліваюць унікальнасць і самабытнасць беларускага нацыянальнага іменніка, і падмацаваны статыстычнымі дадзенымі, якія адлюстроўваюць характар і частотнасць ужывання ўласных імёнаў на пэўным гістарычным адрэзку часу ці ў канкрэтнай мясцовасці. Аўтар засяроджвае ўвагу на існаванні варыянтнасці ва ўжыванні ўласных імёнаў у розных рэгіёнах Беларусі, што стала вынікам узаемадзеяння рэлігійных ідэалогій (каталіцкай, праваслаўнай, язычніцкай), фанетычнай і марфалагічнай трансфармацыі разнастайных паводле паходжання імёнаў (скіфскія, грэчаскія, рымскія, скандынаўскія), уплывам грамадска-палітычных фактараў і інш.

Другі раздзел прысвечаны аналізу вытокаў, паходжання, працэсу фарміравання нашых нацыянальна адметных прозвішчаў, спосабаў і мадзяў утварэння, іх лексічнага складу, межаў бытавання, асаблівасцей ўзаемаўплыву беларускіх і замежных прозвішчаў. Грунтоўна разгледжана і сістэма мянушак у айчынным анамастыконе, ад якіх утворана вялікая колькасць сучасных прозвішчаў.

Значнае месца адводзіцца разгляду адметнасцей функцыянавання ўласных назваў (імёнаў, прозвішчаў, мянушак) у літаратуры на прыкладах з твораў выдатных майстроў беларускага мастацкага слова (В. Дунін-Марцінкевіч, Я. Колас, І. Мележ, І. Навуменка). З шэрагу онімаў літаратурных персанажаў асобна аўтар вылучае гаваркія імёны, якія адрозніваюцца асаблівай характарыстычнасцю і экспрэсіўнасцю. Як іх разнавіднасць аналізуюцца і сістэматызуюцца мянушкі ў кантэксце вывучэння творчай спадчыны Я. Коласа. Не абыходзіць увагаю аўтар гісторыю ўтварэння і паходжання псеўданімаў, раскрываючы некаторыя “тэямніцы” іх узнікнення.

У трэцім раздзеле манаграфіі даследуюцца ўтварэнне, этымалогія і функцыянальнае ўжыванне тапонімаў на розных гістарычных этапах, змены ў беларускай тапанімічнай сістэме і вынікі гэтых пераўтварэнняў. Неабходна падкрэсліць грунтоўны падыход аўтара ў падачы гіпотэз паходжання некаторых айконімаў. Разглядаюцца адразу некалькі этымалагічных версій, прыводзяцца народныя тлумачэнні (легенды, паданні), меркаванні аўтарытэтных навукоўцаў і свае ўласныя погляды (айконімы *Масква, Мазыр, Гомель, Магілёў, Мінск* і інш.). Засяроджваецца ўвага на ўзаемадзеянні беларускай анамастычнай сістэмы з лексікай іншых этнасаў (мазуры, яцвягі, балты, прусы, татары і інш.), што таксама адлюстравалася ў тапаніміцы. Аналіз тапанімічных назваў дае ўяўленне аб працэсе засялення тэрыторыі сучаснай Беларусі, прыродна-геаграфічных умовах існавання, сацыяльна-эканамічных стасунках з іншымі народамі. Пра многае “распавядаюць” тыпы пасяленняў (вёскі, хутары, пасёлкі, фальваркі, мястэчкі, засценкі, слабоды, аколіцы, двары) і іх назвы.

Вучэбны дапаможнік адрасаваны магістрантам. Аднак навукова-папулярны характар гэтай кнігі, удалае спалучэнне дакладных энцыклапедычных звестак з цікавымі, займальнымі фактамі значна пашырае кола яе чытачоў. Нельга не адзначыць і вялікі выхаваўчы патэнцыял дапаможніка, які, безумоўна, будзе карысны ўсім тым, хто не толькі цікавіцца беларускай анамастыкай, але і імкнецца пашырыць свае веды ў галіне гісторыі, культуры Беларусі, хто неабякава да сваёй малой радзімы, і заклапочаны захаваннем нацыянальных традыцый і культурных набыткаў, як і аўтар гэтай кнігі. Сімвалічна, што дапаможнік выйшаў менавіта ў 2018 годзе, які аб’яўлены ўрадам Рэспублікі Беларусь Годам малой радзімы.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Статьи объёмом 14 000–25 000 печатных знаков, включая пробелы между словами, знаки препинания, цифры и др., на русском (белорусском) языке в одном экземпляре направляются простым (заказным) письмом по адресу: ул. Студенческая, 28, 114, 247777, Мозырь, Гомельская обл.

Текст должен быть набран на компьютерной технике в текстовом редакторе (Word 97, 2000, 2003, 2007, 2010 for Windows); шрифт Times New Roman, 10pt; одинарный межстрочный интервал; абзацный отступ 1,27 см; подписи к фотоснимкам, графикам, рисункам, диаграммам набирать шрифтом Times New Roman, поля – левое, правое, нижнее, верхнее – по 30 мм. Номера страниц внизу по центру.

2. В левом верхнем углу размещается индекс УДК.

3. Далее через 1 интервал по центру помещаются инициалы и фамилия автора (авторов), далее прилагаются сведения об авторе (авторах) на русском (белорусском) и английском языках:

- фамилия, имя, отчество полностью;
- учёная степень и звание;
- место работы (полное название организации);
- подразделение организации (кафедра);
- должность;
- почтовый адрес для переписки, номера рабочего и домашнего телефонов, e-mail каждого автора;
- для аспирантов – сведения о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание).

4. Далее через 1 интервал по центру заглавными буквами без переносов и отрыва предлога от существительного печатается название статьи на русском (белорусском) и английском языках, которое должно быть кратким, определять область проведённого исследования и соответствовать содержанию.

5. Ниже через 1 интервал печатается аннотация (рекомендуемый объём 500 печатных знаков) на русском (белорусском) и английском языках, которая должна излагать содержание статьи; ключевые слова и словосочетания на русском (белорусском) и английском языках.

Далее с абзацного отступа печатается текст статьи со следующей структурой, обозначенной в тексте: *введение; результаты исследования и их обсуждение; чётко сформулированные выводы*. Дополнительно в структуру статьи после введения могут быть включены *цель и методы исследования*.

6. Термины, основные понятия, языковой материал для анализа или в качестве примеров печатаются **жирным шрифтом** или *курсивом*.

7. В специальной и терминологической лексике, а также в именах собственных точность передачи букв *ё* и *е* обязательна.

8. В конце статьи дается перечень принятых в статье обозначений и сокращений (при их наличии).

9. Ссылки на литературные источники нумеруются согласно порядку цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок записываются внутри квадратных скобок (например: [1], [2], [3, с. 14], [5, с. 10–12]).

10. Список цитированных источников располагается в конце текста под заголовком «СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ»/«СПІС АСНОЎНЫХ КРЫЊІЦ» и оформляется в соответствии с правилами оформления библиографического списка диссертационного исследования по ГОСТ 7.1–2003.

11. Распечатанный вариант статьи подписывается автором (авторами) и руководителем научного исследования на каждой странице.

12. К статье прилагаются:

- а) рекомендация кафедры, научной лаборатории или учреждения (выписка из протокола заседания);
- б) заверенная печатью рецензия независимого (внешнего) специалиста в данной области, имеющего учёную степень;
- в) электронный вариант статьи;
- г) договор о передаче исключительного права в двух экземплярах (см. на сайте УО МГПУ имени И.П. Шамякина: www.mspu.by);

д) сопроводительное письмо от ректора или проректора по научной работе вуза или научно-исследовательского учреждения (для иностранных граждан).

Материалы иностранных граждан – работников вузов или научно-исследовательских учреждений – принимаются при наличии заключённых договоров о международном сотрудничестве.

Редакционная коллегия журнала проводит независимую экспертизу, что является одним из основных условий опубликования поступающих рукописей. Основными критериями при оценке являются новизна, актуальность и информативность материала. В случае отклонения статьи редакция сообщает автору о решении редколлегии, рукопись автору не возвращается. Решение о доработке статьи не означает, что она принята к печати. После доработки датой поступления рукописи считается день предоставления в редакцию исправленного варианта.

Редакция оставляет за собой право отклонить статью без объяснения причин, если значительная часть ее содержания не соответствует профилю журнала.

Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов или докторантов в год завершения их обучения или соискателей перед защитой.

Просим авторов учесть положение ВАК о недопустимости предлагать редакции ранее опубликованные статьи или работы, принятые к печати другими изданиями, а также материалы, не подлежащие к опубликованию в открытой печати, в соответствии с действующими законодательными актами Республики Беларусь.

За опубликование научных статей плата не взимается.

В «Правилах» возможны изменения, с которыми можно ознакомиться на сайте вуза.

Редколегія

E-mail vesnik.mgpu@mail.ru
www.mspu.by
Тел. 8(0236)32-46-29

ВЕСНІК МДПУ імя І.П.ШАМЯКІНА